

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ФИЛИАЛ

Р.А. Данакари

ЭТНИЧЕСКОЕ БЫТИЕ
(опыт социально-философского
и политического исследования)

Волгоград 2015

УДК 101.1:316
ББК 87.6
Д 17

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф. **А.В. Рязанов**,
Поволжский институт управления РАНХиГС;
д-р филос. наук, проф. **О.В. Ивановская**,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет;
д-р полит. наук, проф. **В.А. Колесников**, Волгоградский филиал РАНХиГС

Данакари, Р.А.

Д 17 Этническое бытие (опыт социально-философского и политического исследования): монография / Р.А. Данакари; Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. – 348 с.

ISBN 978-5-7786-0558-9

Книга доктора философских наук, профессора кафедры философии и социологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы» представляет собой социально-философское и политическое исследование этнического бытия как важнейшего фактора современной глобализации и общественной динамики. Опираясь на огромный теоретический и эмпирический материал, автор с помощью основных парадигм, различных принципов и подходов проводит философский и методологический анализ феномена этничности, раскрывает субстанциональные, метафизические, онтологические, социальные и антропологические основания природы и сущности этноса и этногенеза, показывает разнонаправленность социальной истории и этнической эволюции человечества.

В монографии выдвинута целостная концепция этнического бытия, обоснована актуальность формирования нового раздела философии – философской этнологии, а также специальной ее части – этнической онтологии. Утверждается важность и значимость исследования «жизненного мира» человека этнического, его предназначения и смысла жизни, специфики идентичности, актуальность формирования этнической антропологии.

В центре внимания работы современные реалии и перспективы развития российской цивилизации, социально-философские и правовые аспекты бытия ее народов, специфика жизнедеятельности этнических меньшинств, в том числе и такого малого этноса, как удины, проживающего на исторической Родине – в Азербайджане, странах СНГ и мира, а также и на юге России.

Книга предназначена для философов, преподавателей социально-гуманитарных наук, работников государственных служб и муниципального управления, а также читателей, интересующихся проблемами глобализации мира и динамикой социума, взаимодействием культур и цивилизаций, вопросами бытия наций, этносов и этнических меньшинств.

УДК 101.1:316
ББК 87.6

ISBN 978-5-7786-0558-9

© Данакари Р.А., 2015
© Волгоградский филиал
ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. ФИЛОСОФИЯ БЫТИЯ И ТРАДИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ОНТОЛОГИИ	14
1.1. Категория «бытие» в классической философии: специфика постижения реальности	15
1.2. Онтологическая проблема в неклассической и постмодернистской философии	24
1.3. Особенности понимания бытия в русской философии	36
Глава II. СОЦИАЛЬНОЕ БЫТИЕ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	50
2.1. Диалектика бытия и философский смысл социального бытия	50
2.2. Бытие человека в мире: онтологические и антропологические основания этнической идентичности	64
Глава III. ФИЛОСОФИЯ ЭТНИЧЕСКОГО БЫТИЯ	80
3.1. Природа, сущность и специфика этнического бытия	80
3.2. Этническое бытие и диалектика транзитивного общества	98
3.3. Нация как феномен надэтнического бытия и реалии современного мира	117
Глава IV. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО БЫТИЯ	138
4.1. Категория «этническое бытие»: методология исследования и принципы анализа	138
4.2. Философская этнология: парадигмы исследования и концептуальные подходы	156

Глава V. СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЕ БЫТИЕ И СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ.....	167
5.1. Социальное бытие этносов и проблемы глобальной экологии.....	167
5.2. Этнос в условиях современных трансформаций и конфликтов	183
5.3. Глобализация и интернационализация: специфика современного бытия	199
Глава VI. РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ КАК ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И КУЛЬТУР, НАРОДОВ И ЯЗЫКОВ	215
6.1. История этнического бытия России: социально-философская и политическая рефлексия.....	215
6.2. Российская цивилизация как суперэтническая целостность	229
6.3. Строительство социального государства в России – ключевой ресурс гармонизации межэтнических отношений	241
Глава VII. ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА КАК СУБЪЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	256
7.1. Этнические меньшинства в системе политико-правового пространства современности.....	256
7.2. Этническая группа удины: история и бытие в современном мире	272
7.3. Феномен «удины»: трансформация социокультурного бытия и этнической идентичности.....	296
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	314
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	324

ВВЕДЕНИЕ

В современную эпоху, особенно в последней четверти XX века и первые десятилетия нового столетия, в числе наиболее актуальных глобальных проблем для мирового сообщества оказались вопросы единства и многообразия цивилизаций и культур, взаимодействия наций и этносов, ксенофобии и национализма, ассимиляции и аккультурации. Сегодня для жизни и практической деятельности народов судьбоносными становятся проблемы социального развития и этнического бытия, сохранения исторического и культурного наследия, традиций, менталитета и идентичности. Продолжающиеся вот уже несколько десятилетий системные трансформации обществ, межэтнические конфликты и гражданские войны в разных регионах мира радикально изменили политическую карту планеты. Они заставили ученых настойчиво искать ответы на новые вызовы современности, особенно этничности, пересмотреть многие положения концепций классической модернизации, теорию и политику «плавильного котла» и мультикультурализма, отказаться от практики «естественного угасания этничности». За последние полвека утратили свою значимость и ушли в небытие большинство известных политических концепций нации, парадигм этничности и социальных теорий этноса, идеологические доктрины решения национального вопроса.

Непрерывное развитие производительных сил, ускорение исторической и социальной динамики, радикальные и качественные изменения повседневности все более актуализируют необходимость социально-философского и политического исследования этнического бытия народов. Неравновесная и непрерывно изменяющаяся современная социально-этническая реальность требует глубокого научного анализа и объективной оценки. Очевидно, что без серьезных и настойчивых исследований, глубокого постижения истории человечества и процессов непрерывных изменений социума невозможен выбор стратегий и альтернатив общественного развития, выявление способов и средств вывода социальной системы из состояния кризиса, обеспечение стабильности и определение перспектив будущего.

В современную эпоху господствующее положение в области исследования проблем этноса и этничности, нации и национализма по-прежнему занимают исторические и социально-политические науки. Однако все более актуальной становится необходимость глубинного, универсального, философского постижения этноса как многомерной и уникальной целостности, выявления единства и многообразия, осо-

бенностей и направлений общественной и этнической эволюции. Проблема исследования этнического бытия актуальна в связи с превращением этносов в реальные субъекты современной политики и социально-исторической динамики. Недостаточная разработанность концепций, во многом неадекватность знаний об этих субъектах, их сущности, факторах формирования и закономерностях развития лишает общество возможности научной организации, современных методов управления всеми сложными и динамичными социально-политическими процессами, происходящими в социуме.

Проблемы этносов и наций и в теоретической мысли, и в социально-политической практике уже давно вышли в разряд самых злободневных и актуальных, требуют к себе более пристального внимания. Несмотря на радикальные трансформации социальных систем, появление этнологии, введение в научный оборот социологии, политологии и культурологии, новых этнологических понятий, корреляции большинства этнических концепций, кардинальных изменений не произошло. Многие проблемы, с которыми сталкиваются социально-гуманитарные науки, связаны: во-первых, со стремлением найти быстрые ответы и оперативные решения на сложные и животрепещущие проблемы современности; во-вторых, с желанием уйти от философского постижения природы этноса и сущности наций и отказаться рассматривать вопросы национально-этнических отношений в рамках проблемного поля философской методологии. Однако все попытки рассматривать вопросы этнической идентичности и гражданской нации, ксенофобии и национализма вне философского пространства, определить их смысл, роль и место только с помощью чисто односторонних социологических, политологических и психологических категорий и понятий не могут быть результативными.

Сложные и неоднозначные процессы взаимодействия культур и цивилизации, наций и народов свидетельствуют о необходимости определения природы и сущности этносов как специфических систем, уникальных природно-биологических, социально-культурных и духовно-нравственных целостностей. Теоретические и эмпирические исследования, проведенные за последние десятилетия представителями социально-гуманитарных наук: социологами, политологами, психологами, культурологами и этнологами, свидетельствуют о том, что этносы одновременно представляют себя как реально функционирующие объективные сущности, так и теоретические конструкции, инструментальные модели. Однако выявление их системных оснований, онтологической специфики и субстанциональной природы воз-

можно только в рамках универсальной науки – философской этнологии. Важно в сложившейся ситуации использовать результаты всех социально-политических наук, а также опираться на все значимое из классического наследия, особенно советской эпохи, а не только на постмодернистскую методологию и кризисные современные реалии. Неудовлетворенность существующими теориями нации и парадигмами этничности связана в значительной степени с разрушением общенаучной и философской картин мира, которые, в свою очередь, детерминированы глобальными социально-историческими и политическими трансформациями.

Человечество живет в эпоху нового «осевого времени», радикальных перемен, когда продолжают трансформироваться не только социальные системы, но коренным изменениям подвергаются идеологические императивы и духовные ценности. Соответственно, требуют глубокого постижения и переосмысления базисные категории и понятия социальной и политической философии. Насущной необходимостью стало не просто введение в теоретический и методологический арсенал философской науки категории «этническое бытие», но и дальнейшая ее разработка и развитие. Социально-философское исследование этнического бытия способствовало выявлению значимости этнической системы как важнейшей и неразрывной компоненты общества, его специфической и уникальной целостности. Анализ всей социальной системы и ее значимых сфер с помощью категории «этническое бытие» показывает непрерывность и нелинейность ее развития и актуальность продолжения исследований проблем социально-этнической эволюции.

Исследование субстанциональных основ современного общества, его статики и динамики, стратификации и мобильности, раскрытие онтологической сущности человечества невозможно без дальнейшего изучения философии этногенеза и онтологии этноса, философского исследования феномена этничности, постижения «жизненного мира» человека этнического, его мировоззренческих основ, цели и смысла жизни.

Сегодня в российской и западной общественно-гуманитарной науке существует огромное количество теорий и парадигм, с разных позиций раскрывающих генезис, сущность, специфику функционирования и будущее этносов. Большинство концепций политизированы, во многом полярный характер носят основные подходы, в них абсолютизированы различия, основные признаки этноса. Наступила пора осуществить синтез, на качественно новом уровне интегрировать рас-

сма­три­вае­мые уче­ны­ми от­дель­ные при­род­ные, био­ло­гиче­ские, со­ци­аль­ные, по­ли­ти­че­ские, пси­хо­ло­гиче­ские осо­бен­но­сти бы­тия эт­но­са как уни­каль­ной и спе­ци­фиче­ской це­лост­но­сти. Раз­ра­бо­тан­ные за по­след­нее вре­мя в фи­ло­со­фских на­уках под­хо­ды, в том чис­ле и на ос­но­ве со­ци­аль­но-фи­ло­со­фских и по­ли­ти­ко-фи­ло­со­фских ме­то­дов и прин­ци­пов ис­сле­до­ва­ния, поз­во­ля­ют рас­сма­три­вать су­щ­ность эт­но­са и эт­но­ге­не­за, фе­но­мен эт­ни­че­сти как от­но­си­тель­но са­мо­до­сто­ят­ель­ную и са­мо­раз­ви­ва­ю­щую­ся си­сте­му, мно­го­мер­ную це­лост­ность со сво­ими спе­ци­фиче­скими за­ко­на­ми и за­ко­но­мер­но­стя­ми раз­ви­тия.

Уже дав­но на­зре­ла не­об­хо­ди­мость вве­де­ния в про­стран­ство фи­ло­со­фии от­дель­ной на­уки об эт­но­сах – фи­ло­со­фской эт­но­ло­гии, опре­де­ле­ния ее на­уч­но­го ста­ту­са и па­ра­диг­маль­но­го про­стран­ства ис­сле­до­ва­ния. Фи­ло­со­фскую эт­но­ло­гию сле­ду­ет рас­сма­три­вать как уни­вер­саль­ную на­уку об эт­но­сах и эт­ни­че­сти как уни­каль­ной си­сте­ме, при­знать их зна­чи­мую роль и осо­бое ме­сто в не­рав­но­вес­ных и не­пре­рыв­но транс­фор­ми­ру­ю­щих­ся со­ци­аль­ных си­сте­мах, со­вре­мен­ной ди­на­ми­ке и стра­ти­фи­ка­ции об­ще­ства. Та­ким об­ра­зом, в чис­ле важ­ней­ших за­дач фи­ло­со­фской эт­но­ло­гии: во-пер­вых, опре­де­ле­ние зна­чи­мо­сти, роли и ме­ста эт­но­сов не толь­ко в ис­то­рии че­ло­веч­е­ства, но и но­вой «встре­че» ци­ви­ли­за­ций и куль­тур; во-вто­рых, при­зна­ние их важ­ней­ши­ми субъ­ек­та­ми гло­баль­но­го эво­лю­ции, со­вре­мен­но­го об­ще­ствен­но­го раз­ви­тия.

На наш вз­гляд, наи­бо­лее ак­ту­аль­ной ста­но­вится за­да­ча по ис­сле­до­ва­нию и вве­де­нию в про­бле­мное про­стран­ство фи­ло­со­фской эт­но­ло­гии сле­ду­ю­щих раз­де­лов и опре­де­ле­ния их на­уч­но­го ста­ту­са:

- Эт­ни­че­ской он­то­ло­гии – на­уки о фи­ло­со­фском ис­сле­до­ва­нии эт­ни­че­ско­го бы­тия, пости­же­нии су­щ­ности и при­ро­ды эт­но­са. Вве­де­ние ка­те­го­рии «эт­ни­че­ское бы­тие» и пости­же­ние его су­щ­ности по­мо­жет в ре­зуль­та­те фи­ло­со­фской и об­ще­те­о­ретиче­ской ре­фле­ксии вы­явить не толь­ко суб­стан­ци­ональ­ные ос­но­ва­ния, при­ро­ду эт­но­са и эт­но­ге­не­за, но и ме­та­физиче­скую фе­но­мена эт­ни­че­сти. Од­но­вре­мен­но по­я­вится воз­мож­ность рас­крыть спе­ци­фиче­ский «жиз­нен­ный мир» эт­но­са, его де­я­тель­ность в рам­ках уни­каль­но­го эт­ни­че­ско­го про­стран­ства и эт­ни­че­ско­го вре­ме­ни, опре­де­лить ос­нов­ные под­хо­ды ин­те­граль­ной кон­цеп­цию эт­ни­че­ско­го бы­тия.

- Эт­ни­че­ской ан­тро­по­ло­гии – на­уки о че­ло­ве­ке эт­ни­че­ском, его ме­сте в си­сте­ме ан­тро­по­со­цио­ге­не­за, про­ис­хо­жде­нии и спе­ци­фике, смы­сле жи­зни и пред­наз­на­че­нии, судь­бе и пер­спек­ти­вах;

- Эт­ни­че­ской ак­си­о­ло­гии – на­уки о цен­но­стях и куль­тур­ных осо­бен­но­стях эт­но­сов, их иден­тич­но­сти и мен­таль­ных свой­ствах, раз­ли­чиях в по­ве­де­нии и спе­ци­фиче­ских ха­рак­те­ри­сти­ках.

Действительно, целостное философское постижение этничности, формирование универсальной концепции этнического бытия в непрерывно изменяющихся условиях современности стало назревшей потребностью. Глобальные трансформационные изменения настоятельно диктуют: во-первых, определить роль и место этничности в универсальной истории, в метаэволюционном и макросоциальном процессах; во-вторых, рассмотреть проблему единства, специфики и разновекторности социального и этнического развития; в-третьих, дать принципиально новую характеристику этносу как новому субъекту на политической и социальной карте мира.

Важно подчеркнуть, что использование фундаментальной философской категории «бытие» может в значительной степени постижению этноса как особой субстанциональной сущности, имеющей специфические онтологические основания в объективной реальности. Одновременно социально-философское и политико-философское исследование категории «этническое бытие» позволяет рассматривать этнос как особую трансцендентальную, метафизическую реальность, матрицу, «воображаемый конструкт», т.е. признать определенную плодотворность и ценность его анализа с позиций конструктивизма, инструментализма и релятивизма, а также определить место этносов в реальном политическом процессе.

Философская наука об этническом бытии – этническая онтология, открывает большие возможности для формирования синтетической концепции, в которой одновременно значимыми признаются как теории этноса и различные концепции этногенеза, так и многочисленные западные парадигмы этничности. Комплекс проблем, рассматриваемых в рамках философской этнологии, особенно в этнической онтологии, настолько обширен и неисчерпаем, что, безусловно, требует значительной и непрерывной теоретической рефлексии и эвристической деятельности.

В ходе работы над книгой автор опирался на труды известных российских и зарубежных ученых. Как известно, в нашей стране исследование проблем этноса и нации имеет богатую историческую традицию, всегда отличалось особой дискуссионностью и неординарностью подходов. В результате появились уникальные, имеющие значительное своеобразие, противоположные теории и концепции этноса. Прежде всего, следует отметить социальную «теорию этноса» патриарха советской этнографии Ю.В. Бромлея и природно-биосферную, пассионарную концепцию этногенеза Л.Н. Гумилева.

Высоким эвристическим потенциалом обладают работы: Р.Г. Абдулатипова, В.А. Авксентьева, В.П. Алексеева, С.А. Арутюнова, Ю.В. Арутюняна, В.Н. Бабакова, Ю.М. Бородая, Б.Е. Винера, А.Ф. Дашдамирова, М.С. Джунусова, А.И. Доронченкова, Л.М. Дробижевой, А.Я. Зарипова, В.А. Здравомыслова, В.Н. Иванова, С.Г. Кагияна, С.Т. Калтахчяна, В.И. Козлова, М.В. Крюкова, М.И. Куличенко, А.И. Кузнецова, С.В. Лурье, В.А. Печенева, П.М. Рогачева, М.Н. Росенко, С.Е. Рыбакова, М.Н. Руткевича, Рязанова А.В., И.А. Савченко, М.А. Свердлина, Н.Н. Седовой, А.А. Сусоколова, В.Ю. Сухачева, В.Э. Тадевоясяна, В.А. Тишкова, С.А. Токарева, Н.Н. Чебоксарова, С.В. Чешко и др.

Общие проблемы истории и теории этноса и нации, различные их аспекты представлены в трудах сторонников марксизма: Э. Ренана, О. Бауэра, К. Каутского. Значительное влияние на современную теорию национальных отношений и социальную практику оказали работы В.И. Ленина и И.В. Сталина. В XX веке исследования этничности, специфики этнического и социального развития стали актуальными и в западных общественно-гуманитарных науках. Они связаны с именами: Б. Андерсона, П. Бурдьё, Ф. Барта, П. Ван ден Берге, К. Вердери, В. Вундта, Э. Геллнера, К. Гирца, А. Кардинера, Д. Лейка, Р. Липшуца, М. Мид, Д. Ротшильда, Э. Смита, Э. Хобсбаума и др.

Значительный интерес представляет анализ онтологической проблематики в трудах: Н. Гартмана, С. Кьеркегора, Д. Лукача, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Х. Ортеги-и-Гассета, Э. Фромма, К. Ясперса, в философии постмодернизма Ж. Делеза, Ж. Деррида, М. Фуко и др.

Важными и актуальными являются идеи русских философов конца XIX – первой половины XX вв.: В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина и др.

Предметное поле исследования потребовало обращения к проблемам исторической и социальной динамики общества. Появилась необходимость в изучении генезиса человека и общества, специфики современных социальных трансформаций, декомпозиции социальных структур, процессов маргинализации социума, проблем глобализации, цивилизации и культуры, вопросов модерна и постмодерна. В этой связи особую значимость приобрели публикации известных зарубежных и российских философов и социологов: Д. Белла, П. Бергера, И. Валлерстайна, М. Вебера, Э. Гидденса, Ю.В. Давыдова, В.И. Добренкова, Э. Дюркгейма, Т.И. Заславской, В.Л. Иноземцева, Н.И. Лапина, Н. Лумана, Р. Мертона, Г.В. Осипова, А.С. Панарина, Т. Парсонса, П.А. Сорокина, А. Тойнби, А. Тоффлера, В.Г. Федотовой,

Э. Фромма, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, А.Н. Чумакова, В.Н. Шевченко, Б.Г. Юдина, В.А. Ядова, Ю.В. Яковца.

Исследования волгоградских ученых сыграли важную роль при формировании автором интегральной концепции этнического бытия. Работы в области социальной философии, философской антропологии, философии этноса и религии, философии культуры и этноконфессионального хозяйства, гражданского патриотизма и политической культуры, написанные А.И. Бардаковым, О.В. Ивановской, Г.П. Кибасовой, В.А. Колесниковым, С.Э. Крапивенским, Н.В. Омельченко, А.И. Пигалевым, А.С. Разиным, Н. Н. Седовой, А.Л. Стризое. Они стали началом нового прорыва в философском, политическом, социально-гуманитарном исследовании актуальных проблем современного общества. В них достаточно убедительно показана значимость влияния этничности на все сферы социального бытия, жизни человека, его судьбу. Опираясь на эти знания, удалось выявить, что в условиях современных общественных трансформаций этничность вышла на авансцену политического и социокультурного развития, а человек этнический стал субъектом нового этапа всемирно-исторического процесса.

Анализ онтологических оснований этнической системы взаимодействий показал, что по своей сущности этногенез занимает промежуточное положение между антропогенезом и социогенезом как направлениями общественного развития. В результате исследования определена уникальность этнического времени, дана характеристика последовательности качественных изменений внутреннего мира, порядка существования этноса. Был сделан вывод о том, что каждому временному отрезку истории этноса соответствует свой особый порядок существования, поскольку идет усложнение собственной внутренней структуры этноса по законам самоорганизации сложных систем. Этнос был рассмотрен через пространственный и временной континуум, как открытая система, находящаяся в непрерывном развитии и взаимодействии. Рассматривая проблему бытия этноса в пространстве, была признана особенность, «самость» порядка существования этноса, его неразрывная связь с биосферой, и с социальной средой.

Использование системного и компаративистского методов со своими принципами анализа способствовали объективному пониманию этноса как сложного и уникального феномена, однозначно не вписывающегося ни в формационную, ни в цивилизационную методологию, требующего более универсального подхода. Непрерывно изменяющаяся объективная реальность, общественная и политическая практика показали поверхностность, ограниченность и неадек-

ватность многих концепций этноса, сформированных на основе отдельных и односторонних принципов социально-гуманитарных наук.

Социально-философский анализ этнического бытия с необходимостью требует обращения к онтологическим, пространственным и временным основаниям этноса, к системе его базисных координат и переменных. Категория «этническое бытие» отражает цель, метафизический и трансцендентальный смысл существования этноса, внутренний порядок и последовательность количественных и качественных изменений. Следовательно, анализ этнического бытия как особого феномена и специфической целостности актуализирует необходимость постижения этнического пространства и этнического времени, усложняющейся внутренней структуры этноса как сложной самоорганизующейся системы.

В современную эпоху, несмотря на огромное количество работ по проблеме этноса и этничности, аналитике их социальных, культурных и психологических характеристик, многообразии и поливариантности интерпретаций, ощущается определенная неудовлетворенность существующей терминологией, категориальным и понятийным аппаратом, недостаточность методологических разработок. Все это не позволяет глубоко и адекватно анализировать как феномены этничности, так и все более усложняющуюся социально-политическую реальность и этнические особенности жизни общества и человека. Однако, несмотря на все сложности, накопленные теоретические знания и эмпирические материалы, пока не удалось выйти на более высокий уровень обобщений и абстрагирования, провести глубокие социально-философские и политико-философские исследования по данной проблеме. Нам представляется, что в этой связи существуют достаточные основания для того, чтобы признать значимость особой формы – этнического бытия и возможность его актуальной интерпретации как универсальной формы существования этноса.

Естественно, что определить субстанциональную природу и сущность этнического бытия невозможно без использования всего арсенала философской методологии. Они касаются в первую очередь оснований, универсальных принципов и закономерностей функционирования этнического бытия и его составляющих: этнического пространства и этнического времени. Насколько этническое бытие представляет собой относительно самостоятельную и самодовлеющую систему в универсальной истории и в процессе развития общества? Как и каким образом этносы и нации, занимая специфическое положение в системе перманентных и неизбежных глобальных трансфор-

маций, влияют на всю сущность общества и его структуру? Какова природа этнической идентичности и меняется ли она в ходе социального развития? Насколько система этнического бытия целостна или фрагментарна, рациональна или иррациональна, постоянна или прерывна в своем непрерывном становлении? Эти и другие проблемы оказались в центре нашего исследования, они актуальны как при осмыслении специфики современных форм и методов глобализации, динамики информационной цивилизации, так и при постижении стратегий российской модернизации, строительстве социального государства и путей дальнейшего развития полиэтничного и поликонфессионального общества. Авторская работа – это поиск ответов на злободневные и всегда современные вопросы философии этнического и социально-политического бытия человечества.

Глава I

ФИЛОСОФИЯ БЫТИЯ И ТРАДИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ОНТОЛОГИИ



Социально-философское и политическое исследование современной цивилизации и культуры, глобальных проблем человечества, изучение специфики трансформации общественных систем, разработку теоретических и методологических принципов категории «этническое бытие», определение ее основных положений и выявление значимых характеристик невозможно осуществить без философского постижения самой сложной и глубинной по своей сущности категории «бытие». Так, по мнению А.Л. Доброхотова, изучение истории категории бытия позволяет раскрыть смысл фундаментальных философских вопросов, постичь социокультурную специфику эпох, определить проблемы, сущность и особенности переломных моментов цивилизации, судьбы и позиции философов¹.

В настоящей главе основное внимание уделяется выявлению субстанциональной сущности категории «бытие», изучению онтологической проблемы в классической и неклассической философии. Важное место в работе заняла русская философия, особенно исследование традиций и смысла бытия в трудах религиозных мыслителей конца XIX века и первой половины прошлого столетия.

В результате удалось провести философский анализ проблемы бытия человека в мире природы и общества, определить проблемное пространство социального и этнического бытия, методологию и основные парадигмы, принципы и подходы исследования. В ходе историко-аналитической реконструкции категории «бытие» были выявлены основные направления и специфика современной глобализации, раскрыты философские основания категории «этническое бытие», универсальные тенденции и основные закономерности этногенеза и этничности, определены проблемы социокультурной интеграции и межэтнического взаимодействия.

¹ Доброхотов А.Л. Категория «бытие» в классической западноевропейской философии. – М.: Изд-во Московского университета, 1986. – С. 3.

1.1. Категория «бытие» в классической философии: специфика постижения реальности

Бытие Вселенной и космоса, бытие человека в мире и бытие мира в человека всегда представляло загадку, тайну для человеческого общества, всех людей, стало вечной, философской проблемой. Как известно, понятие «бытие» как категория философии появилось в учениях Древнего мира и Античности. Однако впервые в бытии древнегреческий мудрец Парменид усмотрел искомую точку пересечения параллельных рядов: объективное существование вещей и рода вещей и существование мысли и рода мыслей самих по себе. Проблема состояла в том, чтобы определить: может ли мысль независимо от опыта открыть объективную и общезначимую истину. Это была точка совпадения мышления и бытия. Таким образом, впервые была найдена мысль, которая заключала в себе объективность.

Философия Парменида стала решающим шагом от возможности к действительности понятия бытия, которая находит ту идею, которая объединяет в себе и онтологическое содержание, и необходимость логической формы. Отсюда вывод о том, что каждая сущность обнаруживает в себе необходимость своего существования, бытие абсолютно, не может быть раздроблено ни временем, ни пространством, ни изменением.

В античную эпоху формируется новый образ мира, появляется способ мышления, независимый в своих основаниях от эмпирической действительности, возникает специфичность философского знания. Идея вечности и неизменности бытия оставалась своего рода аксиомой во многих учениях. Наиболее цельно она звучит в философских построениях Эмпедокла, Анаксагора, Демокрита. Правда, универсальность, исключительность и цельность бытия человека, специфика его сущности и существования особо отмечается только в трудах античных софистов.

Общее связано с понятием, а единичное – с существованием, значит, логос не обладает универсальностью бытия и не может быть всеобщей мерой бытия, тем более что логос двузначен (Гераклит), а бытие однозначно (Парменид). Отсюда вывод Протагора: мера сущего – человек. Смещение акцента с космоса на человеческую реальность как место обнаружения бытия свидетельствует о наступлении нового периода в философии.

Диалектика Сократа занимает важное место в античной онтологии. Его заслуга в том, что он открыл ту реальность, которая называется человеческим бытием. Настоящее знание способствует познанию

истины. Сократ обнаружил, что на определенном уровне человеческого сознания его содержание перестает быть субъективным образом и становится объективным понятием, а следовательно, человек имеет необходимую связь с бытием, самой реальностью.

Непреложность бытия самосознания, открытая Сократом, приводит к цепи важных следствий. Бытие самосознания освобождает нас от подчиненности эмпирическому содержанию, потому что это содержание никогда полностью не совпадает с понятием. Сократ не превращает мир в абстрактную идеальность. Он выдвигает тезис о тождестве знания и добра, глубинное значение которого мы определяем как онтологическое. Особенность его позиции в том, что мерой является не сам человек, а то, единственным носителем чего он является. Не человек создает меру, а мера – человека.

На наш взгляд, именно онтологии Сократа и Парменида, дополняя друг друга, заложили основу исследования человеческого бытия, связав его с космической гармонией. Ф.Х. Кессиди правомерно сопоставляет единое бытие Парменида и единую добродетель Сократа¹. Логика едина, но различны способы раскрытия онтологической реальности. Эти две концепции теоретически выражают разные культурные эпохи. Однако они сходны в том, что открывают особый вид реальности, не являющийся ни космосом, ни человеком, но относящийся к ним как действительность к видимости.

Эпоха Античности поставила перед философией сложную проблему, когда пришла к выводу о том, что бытие не совместимо ни с миром явлений, ни с человеческим существованием. В своей онтологии ее стремится решить Платон, когда обосновывает необходимую связь бытия с инобытием, а следовательно, с миром явлений и с человеческим мышлением. В диалоге «Софист» он пишет о противостоянии двух концепций понимания бытия².

Платон признал бытие самостоятельной и высшей по отношению к чувственному миру реальностью. Для решения антиномии предшествующей философии он предпринял принципиально новое толкование бытия. Чтобы объяснить многообразие мира, Платон и само бытие понимает плюралистически. Чтобы сохранить принцип единства бытия, он конструирует диалектику высших родов сущего, бытие особого «сообщества». Сверхсущее – основа того, что в бытии проявляется как свобода и личность, как разграничение эссенциально-

¹ Кессиди Ф.Х. Сократ. – М., 1976. – С. 152.

² Платон. Соч.: в 3 т. – М., 1970. – Т. 2. – С. 364–365.

го и экзистенциального, как предел теоретического¹. Платону удалось преодолеть кризис философии, восстановить понимание бытия как источника любой положительной реальности. Для него бытие тождественно разуму, бытие есть жизнь, движение, душа. Будучи истиной, красотой и соразмерностью, оно низводит в мир благо, индивидуальность и свободу.

В философской системе Аристотеля онтология занимает особое место. Она превосходит все античные образцы и отличается глубиной анализа проблемы бытия. Значительные трудности в понимании учения о бытии связаны с представлением о множественности возможных миров. Признавая материальное существование мира, Аристотель справедливо отмечает, что удвоение мира Платоном усложняет его познание. Он избегает умножать миры без основания, предпочитает естественный язык с его полисемией, сохраняет верность единой, многозначной и подвижной действительности².

В учении Аристотеля мировая динамика объясняется взаимодействием противоположностей, в которых происходит разделение мира на несколько уровней с собственными онтологическими законами. Аристотель предпочитает сохранять самотождественность категорий, отражающих неизменный смысл универсума, но подвижным становится их значение на разных онтологических уровнях. Он рассматривает бытие как сущее, сводит его к проблемам сущности. В своей «Метафизике» Аристотель вопрошает: что значит «быть»? В его концепции действительностью бытия оказывается сущность, действительностью сущности – ум. Если для человека быть – значит мыслить о чем-то принадлежащем его существованию, но не тождественным ему, то для первосущности быть и мыслить – одно и то же.

Вклад Аристотеля в греческую онтологию наглядно заметен по его прямой полемике с предшественниками. Бытие в действительности должно быть и первичнее и содержательнее возможности, потому оно оказывается бытием чего-то, а не просто бытием. Поэтому в системе Аристотеля бытие трактуется как действительность, соединяющая в одной точке пределы многих рядов: реальности, пространства и времени (вечное присутствие), теории и практики (деятельностное созерцание), движения и покоя (неподвижный перводвигатель). В этике Аристотель утверждает, что высшее блаженство для существа – просто быть. Основой всей его физики является стремление быть. Высшая цель познания – просто видеть бытие.

¹ Губин В.Д. Онтология. Проблема бытия в современной европейской философии. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – С. 25.

² Васильева Т.В. Афинская школа философии. – М., 1985. – С. 146.

Античная философия после Аристотеля характеризуется падением уровня онтологических исследований. Эллинистические школы стоицизма, скептицизма, эпикуреизма были гораздо ближе к своим современникам, решали новые задачи в соответствии с изменившейся эпохой, ставили общественные и антропологические проблемы. Поэтому онтология в старом смысле оказывалась не просто не востребованной, а лишней.

Античное понимание бытия стало нормой для классического мышления в философии и одновременно точкой отсчета для классических форм онтологии. Понятие, которое является как бы формой философской идеи, было для античных философов еще и содержательным источником знания, и аксиоматической основой науки. Бытие всегда присутствует, из небытия ничего не происходит – эти и подобные им тезисы были практически инвариантом философских концепций. Мир, созданный из «ничто», противостоял этой интуиции как аксиома другой культуры. Однако логически не было никакой абсолютной границы между философскими объяснениями этих аксиом. С одной стороны, ощущения неизбытности и самодостаточности мира, а с другой – хрупкой зависимости мира от создавшей и поддерживающей его ежесекундно воли различались не только эмоциональной окраской, но и теоретической предрасположенностью.

В философии Средневековья проблема бытия занимает одно из важнейших мест. Его анализ был необходим для осмысления основ и сущности сотворенного мира, обоснования онтологических доказательств бытия Бога, выяснения соотношения универсалий и конкретных вещей, осознания взаимодействия веры и разума в познании мира. Теология активно использовала античное наследие онтологии для осуществления своих теоретических задач, а также понимания роли и места человека в мире «как образа и подобия Бога». Проблема бытия в условиях религиозной философии развивается в принципиально ином контексте и наделяется новыми важными функциями.

Процесс налаживания контакта между христианской теологией и античной философией был достаточно сложным и трудным. Это вполне относится и к попыткам заимствовать онтологию для построения христианского учения о бытии. Основным материалом, естественно, был неоплатонизм. Например, Августин стремится совершенно однозначно отождествить Бога и бытие, с одной стороны, а с другой – приравнять Бога к единому, что смешивает онтологические характеристики всех уровней бытия. Бог как бытие представляет единую сущность трех ипостасей, единое и бытие совпадает в Абсолюте. В то

же время в рамках тринитарных построений Августина бытие занимает место Бога-отца.

В религиозной онтологии Фомы Аквинского историческим важным стало его нововведение о различении сущности и существования. Вслед за Аристотелем он считает высшей реальностью действительность, чистый акт, т.е. Бога, сущность которого в том, чтобы существовать. Во всех остальных вещах тварного мира сущность и существование не совпадают¹. Однако эссенциализм метафизики Фомы Аквинского оказался бессильным объяснить принципиальные вопросы соотношения индивидуального и абсолютного бытия. Выяснилось, что экзистенция как граница сущности, т.е. идеальности, и в субъективном, и в объективном смысле позволяет обосновать как непосредственную связь с абсолютным, так и свободу индивидуума от природной каузальности. По мнению А.И. Неклесса, разница в конечном счете заключалась в появлении личности, осознающей себя образом и подобием Творца, творящего из ничего нечто. Личности, освобожденной от ярма дурной бесконечности, ранжированного и предопределенного бытия².

Философия Возрождения была важным переходным явлением в процессе рождения новой онтологии. Опираясь на Платона, Николай Кузанский подчеркивал, что абсолютное бытие, с одной стороны, превосходит человеческое познание, но с другой, – непосредственно очевидно. Не будучи постижимым само оно позволяет постигать все остальное. Бог как абсолютный максимум находится за пределами знания, но знание руководствуется именно этим запредельным. В определенном аспекте бытие открыто человеческому разуму. Понятия самодостовверного бытия он выводит из понятия Бога как абсолютного единства. «Не может быть другого субстанционального или сущностного начала, будь то формального или материального, кроме самой по себе возможности»³. Он отчетливо представляет собой необходимость диалектических отношений бытия и небытия, абсолютного и конечного бытия. Однако его Бог выше борьбы противоположностей, а следовательно, и выше бытия. Понятие бытия позволяет решить сложную для его системы проблему соотношения Бога и мира. Философ раскрывает антиномичность созданного мира, его неспособность обрести устойчивый онтологический характер. Через опосредование творения Бог становится противоположностью ничто. Оказалось, что в макси-

¹ См.: Губин В.Д. Указ. соч. – С. 26.

² Неклесса А.И. Кризис мировидения // Полис. – 2013. – № 3. – С. 12.

³ Кузанский Н. Соч. в двух томах. – М., 1979–1980. – Т. 2. – С. 430.

муме быть, создавать и творить – одно и то же. Следовательно, Бог есть все.

Философия Нового времени отказывается от идеи абсолютного бытия. Представители рационалистического и эмпирического направлений с противоположных позиций пришли к идее построения такой концепции бытия, которая обосновывала бы знание и науку, не превращая природу в абстрактный идеализированный универсум. Понятие «бытия» играло существенную роль в обоих направлениях, но рассматривалось в контексте проблемы субстанции и проблемы абсолютного знания.

Основатель рационалистической концепции бытия Декарт, находит субстанциональную основу мысли о бытии в чистом акте самосознания. Для Декарта бытие становится как источником метода, так и целью мышления. Ему удалось построить учение о независимых субстанциях идеальности и протяженности, сформировать новое понимание бытия. Еще раньше Ф. Бэкон постулировал противоположный метод: бытие нельзя ухватить в абстрактном понятии. Однако от Бэкона до Беркли, через Гоббса и Локка проходит линия, которая завершается в концепции Юма, провозгласившего: общее никогда не может быть тождественным бытию, мыслить – значит, не быть, а быть – значит быть единичным фактическим существованием.

При всей противоположности мы видим парадоксальное сближение эмпирических и рационалистических тенденций состоящее в выявлении необходимой связи бытия как такового и индивидуальности как таковой. Принцип универсального сомнения, по Декарту, теряет свою силу в той точке, которая является пределом отхода мысли от объективного содержания к собственной субъективности. Именно здесь происходит превращение чистой мысли в бытие: *cogito ergo sum*. Называя бесконечное бытие субстанцией, Декарт отождествляет бесконечное бытие и Бога, подчеркивает, что нельзя называть Бога и сотворенные вещи субстанцией в одном и том же смысле. Некоторые реальности называются субстанциями лишь потому, что они нуждаются для своего бытия только в Боге, тогда как самим бытием является лишь Бог¹.

Эмпирическое направление философии Нового времени, несмотря на противоположные рационализму исходные посылки, во многом пришло к аналогичным результатам. В философии Локка такие классические темы метафизики, как очевидность «Я» и доказа-

¹ См.: Декарт Р. Избранные произведения. – М., 1950. – С. 448–449.

тельство существования абсолютного бытия на основе наличия ограниченного бытия лишь в некоторых деталях отличаются от рационалистической традиции¹.

Таким образом, несмотря на различие теоретических позиций, онтология в начале XVIII имеет известный инвариант. Если в классической метафизике максимальное обобщение мирового многообразия обозначалось понятием бытия как такового, в Новое время оно приобрело характер замкнутого в своих границах слоя универсума, который сосуществовал с другими слоями, был равноправным с ними элементом синтеза, а то и зависимым, вторичным феноменом. Бытие часто приобретало характер иррациональной силы, диктующей идеальным формам свое содержание.

Значительный вклад в исследование категории «бытие» внесли представители немецкой классической философии, особенно И. Кант и Г. Гегель. По справедливому замечанию А.Л. Доброхотова, она по интенсивности работы с категорией бытия и по глубине ее переосмысления сопоставима лишь с эпохой Платона и Аристотеля².

В философии И. Канта категория бытия была поставлена в связь со способностью познания и способностью суждения. Бытие не фигурирует ни в числе идеальных задач разума, ни среди целей рассудка, ни в аналитике красоты. Однако значение «бытия» для философии Канта видно уже из того, что все типы априорности субстанциональны, что показывает связь кантовской проблематики с традиционной онтологией. Он преследует цель пересмотреть отношение мышления и бытия. Критикуя старую метафизику, предлагает понимать бытие и существование так, чтобы не нарушались границы эмпирической реальности. Быть, утверждает трансцендентальная философия, значит действительно или потенциально присутствовать в опыте. Существование – это опытная данность, и как таковая оно принципиально не совпадает с мышлением. Следовательно, метафизика, начиная с известного уровня, имеет дело не с бытием самим по себе, а со своими априорными структурами. Кант последовательно отказывается искать единый источник у чувственности и рассудка, природы и свободы, у категорий.

В философской системе Гегеля категория «бытие» занимает особое место. Бытие составляет первый раздел «Логики» и, соответственно, тезис триады. Бытие подчиняется законам развития триад, а как категория сохраняется во всех уровнях развития идей. Философ

¹ Локк Дж. Указ. соч. – Т. 1. – С. 599.

² Доброхотов А.Л. Указ. соч. – С. 177.

понимает, что его «Логика» не совпадает с классическим понятием онтологии. С одной стороны, он иногда обозначает ее именно как онтологию, с другой – отождествляет онтологию с догматической метафизикой¹. Гегель отмечает, что и бытию, и мышлению присущи одни и те же определения, но мы не должны брать тождество бытия и мышления конкретно. Бытие есть именно то, что совершенно абстрактно, и этим оно отличается от конкретного. Поэтому его онтология, в отличие от традиционной, имеет дело с тождеством бытия и мышления в начале и конце системы. Для того чтобы утвердить тезис о тождестве, необходимо пройти путь конкретизации, в процессе которого бытие и мышление полностью не совпадают.

Обоснование тождества бытия и мышления позволило Гегелю дать описание абсолютной идеи, в которой бытие, наконец, находит свою истину как единства теоретического и практического. Такое единство формируется пока только в рамках «Логики». Движение вовне, выход из «Логики», в новое измерение также осуществляется с помощью категории бытия. «Идея, обладающая бытием, есть природа», – пишет философ. В том, что идея стала обладать бытием, сказалось ее недостаточное соответствие абсолютному: быть для нее – значит выйти из себя, что и порождает природу. Но поскольку идея уже находится в своей абсолютной истине, выход в природу является ее свободным решением, она «отпускает» себя в качестве природного инобытия.

Признавая значение концепции бытия Гегеля, отметим прежде всего ее оригинальные черты. Ему впервые удалось последовательно реализовать тезис: «истина есть процесс». Категория бытия, которая в истории философии всегда была символом устойчивости и неизменности, почти превратилась в главный двигатель эволюции универсума. Философ описал качественно новый тип движения. Это историческое движение, каждый момент которого индивидуален и необходим для целого. Смысл универсума, или его абсолютное бытие, оказывается не результатом истории, а самой историей. Исторический метод позволил Гегелю сформировать учение о восхождении от абстрактного к конкретному, в свете которого понятие бытия приобрело смысл не состояния, а закономерного и вечного движения, ближайшим аналогом которого является жизнь.

Диалектический метод Гегеля носит универсальный характер. Он позволил решить ряд старых антиномий, обусловленных понима-

¹ См.: Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – М., 1974, – Т. 1. – С. 140.

нием бытия как статичной субстанции, абстрактной всеобщности, безличной каузальности или натуралистической объективности. Анализируя философское наследие Гегеля, следует признать, что оно осталось в рамках традиций классической онтологии. По мнению Н.В. Мотрошиловой, его диалектика сознательно вбирает в себя все классические установки, чтобы оправдать и оживить их¹.

Кардинальный поворот в исследовании проблемы бытия происходит в марксистской философии. В своем учении К. Маркс и Ф. Энгельс, критически и творчески переработав основные идеи предшествующего материализма, отождествили бытие с природой или материей. Материя как объективная реальность в рамках основного вопроса философии была противопоставлена сознанию и признана основой единства мира. Для них важными стали принципы материализма французских философов эпохи Просвещения, утверждавших, что нет и ничего не может быть вне природы, объемлющей собою все сущее. Особенно высоко они ценили Л. Фейербаха, критиковавшего Гегеля за превращения бытия в абстрактный дух, а также поставившего на место природы бытие, а не место человека – мышление.

В марксистской философии с материалистических и диалектических позиций были переработаны основные принципы классической онтологии. В ней ведущее место занимает идея единства и развития мира, которая заключает в себе как постоянство, так и изменение, как бытие, так и становление. Она пошла по пути взаимосвязи, связывания бытия с человеческим действием, построения учения о бытии человека, о сферах бытия, о социальном бытии. Несмотря на отличие от классических вариантов онтологии, марксизм одновременно развил некоторые тенденции самой классической онтологии. Прежде всего идею о том, что человек, при всей неотделимости мыслей, чувств, действий индивида от его собственного бытия, способен не только «вопросать» о бытии как таковом, но и давать ответы на свои вопросы, доступные проверке самыми разными способами.

Важнейшей заслугой марксизма стало введение в философию понятия «общественное бытие». Бытие людей стало рассматриваться как объективный процесс их существования и деятельности, обусловленный уровнем развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений. В отличие от предшествующего материализма, который признавал объективное существование лишь вещественных образований, марксизм включил в сферу бытия эконо-

¹ См.: Мотрошилова Н. В. Путь Гегеля к «Науке логики». – М., 1984. – С.58.

мические отношения людей, которые действительно составляют стержень общественного бытия, обуславливают его структуру. В «Немецкой идеологии» утверждается: «Бытие людей есть реальный процесс их жизни. – А также, – Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием»¹.

Подводя итоги и размышляя о деятельности человека в условиях повседневности, особенно при занятии наукой, философией, отметим, что, несмотря на всю свою субъективность, он накапливает объективные знания о мире и самом себе. С помощью категории «бытие» человек строит «объективные онтологии», индивидуальную картину мира. Конечно, с разной степенью сознательности, глубины постижения проблемы, разработанности, позволяющей ему познавать мир, открывать его законы и овладевать ими. Рассматривая субъективное, человеческое бытие-в-мире, отметим, что оно также обладает определенной самостоятельной и объективной сущностью, является независимой от индивида реакцией на неразрывно меняющуюся и «ускользающую» реальность.

1.2. Онтологическая проблема в неклассической и постмодернистской философии

Рассматривая проблему бытия в западной философии индустриальной эпохи и постмодерна, отметим, что многие ее школы и направления включали в себя разные, прямо противоречащие друг другу тенденции. Их отличие от классики и представлений академического философствования состояло в критике методов и установок прежней философии и желании найти вне разума лежащую действительность. Для них критика категории «бытие» заключалась в выдвигании новых реальностей. Так, в свою философию Шопенгауэр включил бессознательную космическую волю, которая была не только началом, но и единственной силой, имеющей субстанциональный характер. Представитель другой концепции Фейербах в своей антропологии превращает человека в единственное действительное бытие. Однако и в его учении иррационализм присутствует и проявляется при попытках найти обоснование социальности и индивидуальности.

В европейской философии, начиная с Нового времени, проблема бытия оказалась неразрывно связанной лишь с человеком. Все философские учения с разных позиций указывали на трансформацию мировоззренческих установок и специфику понимания бытия. На-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3. – С. 25.

пример, философия жизни стала утверждать, что бытие – это жизнь и потребности ее возрастания. Философская антропология стала рассматривать бытие как способность человека выходить за свои собственные пределы и тем обосновывать все сущее. Сторонники эмпириокритицизма единственную бытийную реальность видели в человеческих ощущениях. Философы-экзистенциалисты объявили, что человек и только он один есть подлинное и предельное бытие. Для них вопрос о бытии – это вопрос о его смысле, который всегда задает сам человек. Марксизм, отождествляя бытие с природой, признал, что оно есть объективный мир, данный человеку в его предметно-практической деятельности. Аксиология объявила ценности предельным основанием мира.

В современную эпоху критика объективного бытия, существования Абсолюта, Бога стала сопровождаться переоценкой времени. Человек перестал думать о вечности, придавать высокий смысл жизни, стремится удовлетворить только свои земные, человеческие потребности и страсти. Время человеческого бытия выпадает из вечности, спрессовывается в настоящем «здесь» и «сейчас». Оно не в состоянии вместить в себя всю полноту мыслей и чувств человека, связанных с переживанием вечности. Человек, ограничивая себя набором сиюминутных материальных потребностей, наслаждений и удовольствий, одновременно воспринимает свое «я» как нечто исключительное и абсолютное. В итоге индустриальная эпоха прервала связь с традиционной культурой и ее духовно-нравственными ценностями. Она признала прежние традиции патриархальными и консервативными, полностью отказалась от них, стала продуцировать совершенно иное мировоззрение.

В результате онтологический нигилизм, задав своеобразный вектор движению европейской истории, привел не только к приоритету примитивного материализма в теоретической мысли, но и к его господству в практической жизни человека. Материальные потребности стали ведущими, доминирующими в жизни целых социальных групп, большинства людей. На историческую арену вышли новые субъекты общественного развития, началась открытая и осознанная борьба классов, в основе которой лежал материальный интерес. Человеческая деятельность, его активность были ориентированы на утилитарную пользу, получение прибыли, достижение успеха, естественно, любой ценой.

Словом, изменившееся социальное бытие трансформировало прежнее мировоззрение. Теперь оно строится на уверенности челове-

ка в своей автономии, на убеждении, что он самостоятельно формирует свое сознание и духовность. Человек отказался от традиционного понимания бытия как высшей и запредельной реальности. Ему оказались ненужными ранее культивировавшиеся и воспринимающиеся как само собой разумеющиеся трансцендентные акты, т.е. умение выходить за пределы чувственного опыта и делать предметом рассмотрения бытие, которое не совпадает с конечным, эмпирическим миром. Ослабление стремлений к трансцендентному, возвышенному, должному привели к усилению роли бессознательного: инстинктов, воли, интуиции, различных импульсов, влечений. В индустриальную эпоху человек попытался автономно из себя сотворить нормы, условия, осмыслить себя как личность, найти собственный смысл жизни, определить цели существования. Ему показалось, что только с помощью собственного труда и индивидуальных духовных усилий он может обеспечить свое бытие в мире, реализовать себя.

Философские учения модернизма выразили дух эпохи, отразили на своем языке ту реальность, которая сложилась в современном западном мире. Одновременно трансформация произошла и с самой философией, которую перестали интересовать метафизические проблемы бытия. Отодвинув онтологию на периферию внимания, многие философы занялись вопросами гносеологии, этики, природы, прав и свобод человека. Как известно, М. Хайдеггер связывал судьбу западного мира с проблемой бытия, рожденного интуицией Парменида¹. Античное понимание бытия как бытия сущностного, неизменного, неподвижного еще с древности определило тенденции духовного развития Европы. Проблема субстанции, поиск предельных оснований существования мира и человека, был характерной чертой всей западноевропейской философии на протяжении нескольких тысячелетий. Античная традиция наделяла субстанцию свойством быть объективной реальностью, т.е. быть независимой от человека, его познания и сознания.

Правда, с эпохи Нового времени началась новая трансформация античной идеи объективного бытия, оно стало субъективным, но поиски субстанции, ведущей опоры для человеческого существования продолжились. В Новейшее время, особенно в XX веке, произошло дальнейшее углубление этого процесса. В современную эпоху, в непрерывно меняющихся условиях повседневности, даже Бог стал зависеть от априорной внутренней установки человека на поиски абсолютного, вечного.

¹ См.: Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М., 1992. – С. 80.

Однако, как нам представляется, философия никогда полностью не отказывалась от античной традиции. Философия «обезбоживания» была закамуфлирована верой в могущество человеческого разума, который занял место античного Логоса или христианского Бога. Человеческому разуму были приписаны свойства целеполагания и системности. Теперь он стал обладать способностью постигать истину, упорядочивать хаос эмпирического бытия, устанавливать причинно-следственную необходимость в связях и отношениях между вещами и явлениями. Разум диктовал свои законы и принципы, детерминировал единство «я» и мира. Разумностью обладали все: природа, история, общество, человек. В силу своей разумности люди признали высшую ценность общих интересов и необходимость самопожертвования во имя великой исторической цели. Торжество рационализма, доверие к разуму и вера в идеалы Просвещения не вызывали никакого сомнения у подавляющего большинства философов.

Однако трагические события первой половины XX века усугубили кризис классической рационалистической философии, привели к полному разрыву с исторической традицией. В наиболее яркой форме испанский философ Ортега-и-Гассет эту идею выразил следующим образом: «Наше ученичество у греков кончилось: греки не классики, они просто архаичны – архаичны и, конечно же ... всегда прекрасны. Этим они особенно интересны для нас. Они перестают быть нашими педагогами и становятся нашими друзьями. Давайте станем беседовать с ними, расходиться с ними в самом основном»¹. Таким образом, субстанциональность как норма философствования стала терять все свои позиции. Во-первых, произошел отказ от античного понимания бытия как чего-то сущностного, неизменного, неподвижного, субстанционального. Во-вторых, разуму было отказано в признании в качестве опоры человеческого существования.

В центре интеллектуального пространства в этот период оказались идеи критиков рационализма, основателей неклассической философии. Наиболее востребованными стали труды С. Кьеркегора и Ф. Ницше, теперь они стали нашими современниками, а их идеи очень популярными и почитаемыми. Общество объявило их выдающимися мыслителями и продемонстрировало свою готовность принять критику разума, абсурдность мира и всей человеческой жизни. Отказавшись от идеи бытия даже в субъективной форме, люди разуверились в разуме как опоре мироздания и порядка. Мировые войны,

¹ Ортега-и-Гассет. Что такое философия? – М., 1991. – С. 146.

социальные революции и общественные потрясения, угроза ядерной катастрофы и нарастание глобальных проблем, утрата людьми способности устроить разумно свою жизнь, по законам справедливости, равенства и братства, привели к всеобщему разочарованию в возможностях Разума быть опорой, гарантом мира и порядка на Земле.

За последние полвека произошла радикальная трансформация прежнего индустриального социума, разрушение основ его социально-классовой структуры. Начался переход к постиндустриальной рыночной экономике, соответственно, изменились повседневность, реальная политика и социальная сфера, культура, особенно мировоззрение людей, их установки и духовные и нравственные ориентиры. Кардинальные изменения произошли в философии и социально-гуманитарном знании. Если раньше классическая мысль не впускала в исследовательское пространство философии проблемы иррационального, бессознательного, инстинкты, влечения, то в современную эпоху в неклассической и постнеклассической философии господствующее положение заняли проблемы абсурдности бытия и безумия человека, невроза и секса. Конечно, нельзя возлагать на философию всю меру ответственности. Выступив против разума, она выразила кризисное состояние общества и человека, показала бессмысленность и безопорность современного существования.

Действительно, в XX веке были созданы оригинальные и развернутые концепции бытия, в которых отражалось своеобразие понимания мира, общества и человека. Западные философы: М. Хайдеггер, Э. Гуссерль, Н. Гартман, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс предложили различные варианты экзистенциалистской, феноменологической и герменевтической онтологии. Они показали тот радикальный поворот, который произошел в западном обществе, в системе его ценностей. Пересмотр приоритетов прежней философии был связан с тем, что представители классической онтологии, отталкиваясь от самостоятельного бытия всего сущего и от него двигаясь к пониманию человека, ставили его в полную зависимость от мира. Возражения раздавались с разных позиций: «философия вещей» превращала человека в вещь, а господство «философии идей» – в познавательную машину. В противовес классической онтологии и гносеологии представители новых философских учений и направлений считали необходимым поставить человека, являющегося особым бытием, в центр философии. Однако главным в антропологической философии становится не учение о разуме, как у Канта, а онтология, вернее сознание, духовное, взятое в неразрывном единстве с человеческим бытием.

Таким образом, в «новой онтологии» исследование начинается не с Sein, бытия вообще, не от мира как бытия к бытию человека, как это было в классической онтологии. Избирается обратный путь – от человеческого Dasein к миру, как он видится человеку и «выстраивается» вокруг него. Такой подход представляется философам XX века предпочтительным не только с реалистической позиции, но и с точки зрения гуманизма. В центре оказывается человек, его активность, возможности свободы, открываемые самим его бытием.

По Хайдеггеру, первоосновой как экзистенциалистской, так и феноменологической онтологии является Dasein – феномен сознания, рассматриваемый как особое человеческое бытие. Оно представляет собой единственное бытие, которое способно «вопросать» о самом себе и бытии вообще. Такое бытие – экзистенция является фундаментом всякой онтологии¹. Человеческое бытие специфично и уникально. Только человек способен мыслить и понимать, задаваться вопросом об универсальном бытии, месте в мире, цели и смысле жизни. В данной ситуации различно понимание «экзистенции» между Хайдеггером и Сартром. Для Сартра, сформировавшего свою концепцию бытия, особое значение имеет индивидуальный выбор и ответственность человека, его поиск собственного «Я», ставящего в связь с экзистенцией и мир в целом². У Хайдеггера акцент все же перенесен на бытие. Для «вопросающего» человека бытие раскрывается, «светится» через все, что люди познают и делают. Философ пишет о страшной болезни, поразившей человечество, – «забвении бытия», которое сопровождается покорением природы и эксплуатацией ее богатства, превращением людей в средства. Люди «забывают» не только о целостном, независимом бытии природы, но и о высоком предназначении человеческого бытия³.

Для экзистенциалистской онтологии важной является констатация «изначальности» человеческого бытия как бытия-вопросания, бытия-установления, как бытия, которое «есть я сам». Одновременно в свою онтологию экзистенциалист вводит понятие и тему «бытия-в-мире», которое неразрывно связано с бытием мира. Бытие-в-мире раскрывается через неотъемлемое от человека «делание». По Хайдеггеру, бытие-в-мире «светится» через «делание», а «делание» раскрывается через метафизическую категорию «забота», которая понимается как

¹ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. – СПб., 2001. – С. 91–96.

² Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М., 1990. – С. 323.

³ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: Статьи и выступления. Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 198.

обеспокоенность миром, самим бытием¹. Итак, Dasein способно не только вопрошать о бытии, но и заботиться о себе как бытии, заботиться о бытии как таковом. И эти моменты действительно характеризуют бытие человека в мире. Они актуальны в настоящее время, когда забота человека и человечества о бытии, о сохранении бытия Земли, природы, цивилизации и культуры перешли в плоскость глобальных проблем, когда наступила пора активной борьбы с деструктивными тенденциями в человеческой жизни.

Представители экзистенциализма и феноменологии признают объективное существование мира вне и независимо от человека. Однако философия, согласно экзистенциалистам, только тогда стоит на позициях реализма и гуманизма, когда в центре ее исследования находится проблема человека и его бытия. Только исходя из своего бытия, человек придает миру смысл и значение, взаимодействует с ним. Поэтому философия существования выступила с претензией «очеловечить» все категории бытия. В их онтологии, таким образом, переплетаются все основные характеристики бытия, сознания, действия, воли, эмоций, социально-исторические особенности. Поэтому экзистенциальная онтология подверглась справедливой критике за идеализм, субъективизм, значительную натурализацию, психологизацию и мистификацию индивидуальных особенностей человека.

Конечно, бытие человека носит сложный и противоречивый характер, потому что «вопрошая» о бытии как таковом, он всегда смотрит на мир сквозь призму своего бытия, сознания, знания. Такое противоречие в значительной степени становится источником драматизма человеческой жизни. Однако нельзя абсолютизировать индивидуальное бытие человека. Важно подчеркнуть, что, когда люди приходят в мир – «застают» готовыми систему объективно сложившихся общественных отношений и духовно-нравственных ценностей. Они постоянно выясняют объективные свойства мира, его пространственные и временные характеристики, одновременно сопоставляя себя с ним, определяя свое бытие как часть бытия мира. Познание окружающего мира осуществляется не только с помощью сознания и действия, но и по мерке самих вещей. Человек приспосабливается к нему, старается не только изменить природу, но и жить по ее законам. Иначе он не смог бы выжить в мире и «вопрошать» о бытии как таковом.

Следует также признать, что человек при всей неотделимости мыслей, чувств, действий, индивида от его собственного бытия, спо-

¹ Хайдеггер М. Указ соч. – С. 212–219.

собен не только «вопросать» о бытии как таковом, но и давать на свои вопросы ответы, доступные проверке самыми разными способами. Занимаясь своими повседневными делами, накапливая теоретические и эмпирические знания, человек формирует объективные знания о мире и самом себе. С разной степенью сознательности, глубины, разработанности он строит объективную картину мира, «объективные онтологии», помогающие ему познавать мир и овладевать им. Не вызывает сомнений, что человеческое бытие-в-мире обладает самостоятельными объективными структурами, независимыми от индивидов и управляемыми человеком и человечеством.

Несмотря на неоднозначные оценки, западная онтология XX века все-таки сделала значительный шаг в историко-философской традиции. Ее достижением является связь учения о бытии с человеческим действием, построение учения о бытии человека, о сферах бытия, их различии и особенностях. Многие философы, занимающиеся проблемами онтологии, критически относились к натурализации и биологизации сущности человека, подчеркивали опасность отождествления субъективных представлений о реальности с самим миром. Словом, их обеспокоенность и тревоги были вызваны непосредственной «онтологизацией» человеческих состояний и знаний.

Отметим также, что одновременно в «новой онтологии» подтверждается тезис об уникальности и неповторимости человеческого бытия. С помощью онтологических аргументов определяется то незаменимое место, которое занимает каждый индивид в бытии. Однако в значительной степени обращаясь к уникальности и целостности человеческой сущности и показав несводимость его «Я» к телесным и психическим основаниям, она не прояснила многие вопросы. Например, в чем заключается уникальность человеческого «Я» и как именно и благодаря чему он может обрести неповторимую индивидуальность?

В философской онтологии XX века сущность «Я» определяется через соотнесение с какими-либо проявлениями мира вне человека. Однако в отличие от классической философии, противоположность человека и мира воспринимается так, что «не-Я», то есть нечеловеческое, становится символом отчужденного и, безусловно, враждебного мира. Оказывается, что человек живет во враждебном окружении, постоянном страхе перед «не-Я», миром и другими людьми. И все же человек обязан заставить себя жить и творить самого себя. Установки экзистенциалистской онтологии таковы: опасаться всего окружающего, противостоять и бунтовать против мира. Это была реакция философии двадцатого столетия на появление «человека-массы», подавление и усреднение личности, стандартизацию культуры.

Рассматривая категорию «повседневное бытие вместе-с-миром», М. Хайдеггер считает важным ввести понятие «экзистенциал», который обозначается неопределенно-личным местоимением «Man». Категория «Man» имеет абстрактный, внеисторический смысл. В сущности, она обозначает повседневное, человеческое совместное бытие с другими людьми и носит сугубо негативистский характер, потому способствует усреднению, нивелировке человека. Однако его концепция «Man» носит ограниченный характер, она не замечает всю сложную и противоречивую динамику человеческих отношений. Только взаимодействуя с другими людьми, человек учится и учит, познает и развивается, обнаруживает как универсальные антропологические характеристики, так и индивидуальные, уникальные черты своей личности, своего бытия, борется за высокие идеалы. Миру повседневного бытия присуща сложная объективная диалектика взаимоотношений, которую нельзя сводить только к усредненности, стандартам, стереотипам. Не отрицая опасность власти «Man» над людьми, следует глубоко анализировать его влияние на бытие современного общества, культуру и жизнь человека.

Таким образом, современная эпоха раскритиковала все прежние основания бытия мира и существования человека. Человечество вновь, как и во времена Парменида, испытывает шок открывающегося сиротства, неприкаянности, неукорененности ни в чем. На смену «онтологическому нигилизму» пришло отрицание разума и разумности всего человеческого бытия. В нашей стране все это проявилось в развале СССР, параде «суверенитетов», демонтаже всей социальной системы и отказе от прежних духовно-нравственных ценностей.

Современное общество характеризуется нарастающим ужасом абсурдности бытия, мира, осознанием бессмысленности, алогичности, неразумности жизни как таковой. Наиболее ярко дух эпохи выразил испанский философ Х. Ортега-и-Гассет: «Я объявляю шах и мат бытию Платона, Аристотеля, Лейбница, Канта, и, разумеется, также и бытию Декарта»¹. Отказавшись от разума, оно сформировало эпоху тотального плюрализма, для которого отсутствует иерархия ценностей и приоритетов. Атомизированное общество, разрушив ценностную вертикаль, уравнило всех индивидов в пространстве и времени своего бытия. История, культура, субъект – все подходит к своему историческому концу, полностью раскрывая свой содержательный потенциал, умирает. Людям, воспитанным на классических образцах интеллекту-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М., 1991. – С. 152.

альной ответственности и гуманизма, трудно согласиться, в частности, с известным утверждением М. Фуко, что «человек изгладится, как лицо, нарисованное на прибрежном песке»¹.

Стремясь уйти от переживания и страха разочарования в огромное разнообразие ценностей, индивиды замыкаются на личном «Я», создают свои правила игры, сами же их произвольно изменяют. Никто не знает, как правильно жить, поэтому предлагается не быть серьезным, получить от жизни только удовольствие и наслаждение. В постмодернистскую эпоху отсутствуют ценности, которые выступили бы в качестве эталонов истинности и меры бытия. Радикальная трансформация современной западной цивилизации привела к изменению мировоззрения, ценностных установок, повлекла за собой не только новую постановку вопроса о бытии, но и пересмотр стиля и правил философствования.

Сформировавшаяся философия постмодернизма отразила глубинные, сущностные изменения в мировоззрении, менталитете современного человека. Она подвергла критике гуманизм классической философии за его излишнюю абстрактность, обращенность к человеку вообще. В центре внимания сингулярная субъективность, которая объясняется особой онтологией – онтологией различий. Различия для них – это предельная и в этом смысле последняя реальность, бессмысленно искать что-то дальше и глубже. «Повсюду первична глубина различия ... – пишет, в частности, Ж. Делез, – различие – за каждой вещью, но за различием ничего нет»². В перспективе это ведет к «делению» человеческого индивида на фрагменты, плоскости, сегменты, к переходу от одного жизненного проекта к другому, доминированию единичного (единичностей) над Единым.

В философии постмодерна тексты потеряли прежнюю классическую строгость, их границы оказались размытыми, а лексика стала художественной. Опираясь на идею бытия как становления, представители данного направления стремились объективировать мысль, находящую в процессе становления. По мнению постмодернистов М. Фуко и Ж. Деррида, с помощью логики невозможно полностью передать естественную природу мысли. Логико-категориальный аппарат классической философии с неизбежностью вносит изменения в содержание мыслей, лишает их первоизданной эмоциональной наполненности, превращает их в «выжимки» из полнокровной мысленной деятельности. Они согласны с тем, что переложение мыслей на язык

¹ Делез Ж. Различение и повторение. – СПб., 1998. – С. 72.

² Там же.

категорий и законов логики облегчает изложение мысли и их понимание другими. Однако постмодернисты для выражения в тексте состояния мысли предлагают иные, отличные от классических, правила интеллектуальной деятельности, категориальный аппарат, язык, стиль говорения. Поэтому для выражения становящейся мысли им пришлось заняться своеобразным поиском новой словесной и категориальной формы.

Постмодернизм отказался от рационализма, построения философской системы, объявил поиск истины ложной, он не признает подчинение мышления заданным формам и законам. Сторонники постмодернизма утверждают, что словесно-языковое выражение мысли всегда случайно, что наиболее адекватной формой выражения становящегося мышления служит внерациональная словесная текучесть. Эти особенности философского текста прямо связаны с изменением отношения к бытию. Как правило, в постмодернистской философии за описываемыми явлениями нельзя обнаружить особой глубинной сущности. На наш взгляд, опора на субстанциональные основания: Абсолют, Бог, Бытие, Истина, Разум служили бы им, во-первых, условием объективного бытия многообразных явлений; во-вторых, гарантировали бы возможность их постижения; в-третьих, как для автора, так и для читателя стали бы смысловым центром, не допустили бы возможность бесконечного множества интерпретаций.

Труды постмодернистов сложны и многозначны, в них отсутствует конкретный смысл, в результате объективность и истинность самого исследования приобретает сомнительный характер. Философ превращается в простого участника непрерывной коммуникации, где информация приобретает многозначность и анонимность, теряя свое первоначальное содержание и смысл. Философия теряет свои границы, когда размываются очертания самого текста, смешиваются «светское» и «сакральное», «прекрасное» и «безобразное». Все «высокое» и «героическое» воспринимается как результат самообмана людей, иерархия ценностей разрушена, а культура, духовность рассматриваются как признаки слабоумия и шизофрении.

В философии постмодернизма человек, полностью потерявший истоки своего бытия, не верит больше никому и ни во что. Он доходит до абсолютной свободы примеривания и смены социальных ролей, до сомнения в том, что за масками-ролями вообще сохраняется некое «Я». По словам Фуко, «идентичность, ... которую мы пытаемся застраховать и спрятать под маской, сама по себе лишь пародия: ее населяет множественность, в ней спорят несметные души; пересекаются

и повелевают друг другом системы ... И в каждой из этих душ история откроет не забытую и всегда готовую возродиться идентичность, но сложную систему элементов, многочисленных в свою очередь, различных, над которыми не властна никакая сила синтеза»¹.

Если в классике человек был гарантом существования идеалов, иерархии ценностей, вертикали «высшее-низшее», то теперь ему рекомендовано не строить никаких иллюзий, а просто воспринимать жизнь такой, какая она есть. Человек стал рассматриваться как существо, не способное познавать и преобразовать бытие. Оказалось, что в этом мире господствуют только низменные интересы: инстинкты, воля, желания, страсти. Здесь каждый считает себя законодателем своих социальных, политических и морально-нравственных устремлений. Постмодернист Ж. Делез даже вводит понятие «конечно-неограниченное», фиксирующее ситуацию, в которой «ограниченное число составных частей дает практически неограниченное количество сочетаний»². Как конечно-неограниченное существо человек есть своеобразный кубик-рубик, изобретательная комбинаторика сил и возможностей, как внутренних, так и привлекаемых из внешней среды.

Одновременно мир еще больше стал рассматриваться как система противоречивых взаимодействий, неустойчивости, дезорганизации. Главной характеристикой природы и общества объявляется неопределенность. Перед нами уже не мера, как в случае традиционной иерархией, а скорее несоразмерность – переливающаяся через край полнота индивидуального самоутверждения. И можно понять в данной связи Делеза, когда он пишет, что «самое малое становится равным самому большому, как только его не отделяют от того, на что оно способно»³. Популярным стал синергетический подход, который исходит из принципа самодвижения материи, возникновения порядка из беспорядка, хаоса. В ситуациях неопределенности в силу вступает вероятность как мера превращения возможности в действительность.

Завершая анализ постмодернистской альтернативы бытия, хотелось бы подчеркнуть, что независимо от нашего к ней отношения, в ней отражаются, пусть и в преувеличенном или искаженном виде, вполне реальные тенденции современного состояния мира, общества и человека. Среди них необходимо указать, прежде всего, на продолжающуюся «атомизацию» индивида, расщепленность и функциональную автономизацию различных сфер социальной жизни: эконо-

¹ Цит. по: Постмодернизм: Энциклопедия. – Мн., 2001. – С. 198–199.

² См.: Делез Ж. Фуко. – М., 1998. – С. 170.

³ Делез Ж. Различие и повторение. – СПб., 1998. – С. 56.

мики, политики, культуры. С бытием, с полнотой жизни человека связывает теперь только резонанс фрагментов, настроенных на одну частоту – частоту игры, порождающую в перспективе виртуальный образ личности.

Однако несмотря на интенции постмодернизма, проблема бытия мира и бытия человека остается актуальной исследовательской задачей для многих направлений современной философии. Нарастание глобальных проблем и новые «вызовы», кризис западной культуры и массовидного типа личности требуют обращения к русской философии, где всегда в центре внимания были вопросы бытия человека и его духовно-нравственной сущности.

На наш взгляд, новое «прочтение», обращение к идеям русских мыслителей позволит с качественно иных позиций рассмотреть онтологические проблемы современности. И что важно, оно позволит дать «ответ» на многие животрепещущие философские проблемы этнического бытия: раскрыть роль наций и этносов в системе непрерывных глобальных трансформаций и межкультурных коммуникаций, происходящих в связи с изменениями и в социальной системе, и в сфере человеческих отношений.

1.3. Особенности понимания бытия в русской философии

Вся русская философия как уникальное явление мировой культуры по-своему обозначила онтологическую проблематику, особенности бытия человека и общества. В философии русского марксизма и в советский период основное внимание было акцентировано на изучении природы и материи. В результате проблема бытия оказалась в центре внимания исключительно русской религиозной философии конца XIX и первой половины XX века, в частности, в учениях В.С. Соловьева, С.Л. Франка, Н.Н. Бердяева. Поэтому обращаем особое внимание на то, что религиозные мыслители России выступили с критикой онтологического нигилизма, рационалистического понимания бытия, связанного с кардинальными изменениями в социальных и культурных условиях Запада и его образа жизни. Важно также признать, почему, как и каким образом им пришлось отвергнуть сведение бытия к формам человеческого познания и существования.

Кризис европейской культуры и цивилизации русские философы связали с тем, что человек, поставив себя на место Бога, потерял опору в мире, стабильность существования и гарантию порядка. Отказ от проблемы бытия, метафизики – это историческое свершение, изменение мироощущения, мирочувствования, мировоззрения, прежней, це-

лостной картины мира. Словом, человек, его жизнь, сознание, потребности стали восприниматься как единственное и подлинное бытие.

В русской религиозной философии достаточно резкой была критика мировоззрения субъективного бытия. Было справедливо указано на то, что человек, перестав ощущать опеку сверхчувственного бытия, обожествив свой род, самого себя, свои потребности, заведет себя в тупик. С самого начала они были против замены веры в Абсолют верой в человека и его неограниченные возможности по переустройству мира, а попытки построить идеальное общество, рай на Земле, признавали утопией.

Представленные выше позиции русских религиозных философов с очевидностью свидетельствуют об их критике и неприятии западной онтологии и изменении в понимании проблемы бытия. Какими же были их аргументы? Каковы главные мотивы и особенности понимания бытия в русской философии?

В религиозной философии отмечается разрыв античного классического рационализма с Абсолютом, вследствие чего началось пристрастие человека к себе самому. По их мнению, идея возвеличивания человека и принижения Абсолюта, как эстафета, передалась от софистов («Человек есть мера всех вещей») и Сократа («Познай самого себя») к Декарту («Познаю, следовательно, существую») и Ницше («Найди в себе себя, будь единственным, ничего, кроме себя, не признавай»). Ослабление идеи существования величественного объективного бытия, Абсолюта сопровождается переоценкой времени: никто уже не думает о вечности.

В результате время человеческого существования рассыпается на взаимно исключающие точки-мгновения: здесь и теперь, там и тогда. Точка-мгновение как временной интервал не в состоянии вместить в себя всю полноту мыслей и чувств человека, связанных с переживанием вечности. Человек ограничивает себя набором сиюминутных потребностей, однако воспринимает себя как нечто исключительное и абсолютное. Он перестает искать высоких смыслов жизни, сводит все к удовлетворению своих земных потребностей. Словом, время человеческого бытия выпадает из вечности, спрессовывается в настоящем «здесь» и «теперь».

Русские философы связывали решение проблемы бытия со спецификой мировоззрения, мироощущения народа, людей определенной культуры. Они справедливо полагали, что философские проблемы и их решения подпитываются духовными запросами эпохи, являются их отражением. Признание западной философией, начиная с эпохи Ново-

го времени, факта первичности, непосредственной данности, самоочевидности сознания, знания, а не бытия, напрямую связывается с мировоззрением, господствующим в европейской культуре, традициями. Поэтому принцип Декарта, поставивший на место безусловно-го бытия реальность «Я», отождествляющий бытие с субъектом познания, воспринимался европейцами как само собой разумеющееся, понятное и бесспорное.

Одним из первых на эти особенности указал в своем творчестве Владимир Сергеевич Соловьев. Являясь одним из тех ярких представителей русской философии второй половины XIX века, в своих философских работах отразил как кризис и обреченность старого мира, так и кризис всей европейской классики, особенно традиций бытия. Все эти проблемы оказались в центре внимания большинства его философских работ: «Кризис западной философии. Против позитивистов», «Философские начала цельного знания», «Чтения о богочеловечестве», «Критика отвлеченных начал», «Оправдание добра», «Три разговора» и других. Благодаря оригинальности и богатому содержанию, его философия актуальна для современного общества, имеет огромную эвристическую и методологическую ценность. Как известно, вокруг Соловьева сложилась самостоятельная русская философская школа, известными представителями которой были: С.Н. Булгаков, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, П.А. Флоренский, Л.П. Карсавин, А.Ф. Лосев.

Философ подверг резкой критике либеральную идеологию и буржуазные порядки в странах Западной Европы, жесткое расслоение общества и стремление высших классов к «вещественному обогащению». Одновременно он выступил против материализма, за признание мира вещественного бытия в различных его видоизменениях только как единственного, за абсолютизацию материальных потребностей людей, игнорирование их духовной жизни¹.

Русский философ создает свою картину мироздания, основанную на идее Бога как надприродного, абсолютного идеального начала. Он рассматривал действительность, жизнь как единый универсальный организм, в котором вместе находятся Бог и человечество, Космос и человеческое бытие, истина, добро и красота. Сущность истины не постигается ни в опыте, ни в разуме, она не дается ни в ощущении, ни в логическом мышлении. Однако Соловьев не отрицает факты ни мир явлений, ни логически развивающиеся понятия. Но и опыт, и разум относятся к области условного бытия, за которым стоит безусловное, абсолютное.

¹ Соловьев В.С. Смысл любви // Сочинения в 2-х т. – М. – С. 541–542.

Одна из ведущих тем творчества Владимира Соловьева – определение смысла и предназначения философии, а также проблема «цельного знания». Он стремится определить место философии в духовной жизни человечества, выяснить ее значение и соотношение философского и религиозного миропониманий. Он отмечает, что западная философия с ее рационализмом, односторонней рассудочностью, приверженностью к отвлеченным началам впала в кризисное состояние. Для преодоления кризиса Соловьев предлагает осуществить «универсальный синтез» философии, науки и религии, создании «свободной теософии». Продолжая концепцию славянофилов о «цельном знании», он писал: «Свободная теософия есть органический синтез теологии, философии и опытной науки, и только такой синтез может заключать в себе цельную истину знания: вне его и наука, и философия, и теология только отдельные части или стороны, оторванные органы знания»¹. Все три составляющие «свободной теософии» должны быть переосмыслены для достижения «полноты знания», нравственного совершенства, «цельности духа». Только такой синтез может дать человечеству «живую душу» вместо разорванности и омертвелости его бытия.

Соловьев рассматривает философию как развивающееся знание, которое органически сочетается с другими сферами познания, и в котором фиксируются различные формы бытия, деятельности человека и общества. Философия, считает Соловьев, призвана освободить человека как от рабского подчинения природе, так и от насилия со стороны духовных сил, открывать ему идеальное царство. Философия, являясь вечным поиском достоверной истины и духовной свободы, делает самого человека человеком, осуществляет собственно человеческое начало в нем.

В философии В. Соловьева «всеединство» как категория онтологии обозначает принцип внутренней формы, совершенное единство множества. Согласно ему, все элементы такого множества тождественны между собой и тождественны целому. «Всеединство» превращается у философа в особое понятие, не допускающее исчерпывающего дискурса. Оно имеет характер интуитивно символического указания на некий специфический способ бытия, который никогда не удастся раскрыть до конца в категориях. Истоки подобного статуса всеединства кроются в том, что его философское продумывание с не-

¹ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания / Сочинения: в 2-х т. – Т. 2. – М., 1988. – С. 179.

обходимостью выходит в сферу коренных проблем онтологии, связанных с апориями единого, бытия и иного.

Философия призвана «содействовать в своей сфере, то есть в сфере познания, перемещению центра человеческого бытия из его данной природы в абсолютный трансцендентный мир, другими словами, внутреннему соединению его с истинно-сущим». Соловьёв строит метафизическую систему, в основе которой лежит «истинна-абсолютно-сущее», которое характеризуется с разных сторон, оно – бытие и «сила бытия» и в то же время оно выше бытия; «абсолютное первоначало точнее должно быть названо сверхсущим или даже сверхмогущим». Оно заключает в себе «всё бытие и все действительности», оставаясь выше этого бытия и этой действительности. «Абсолютное есть ничто и всё: ничто – поскольку оно не есть что-нибудь, и всё – поскольку оно не может быть лишено чего-нибудь». Абсолютное далее характеризуется как «всеединство».

Учение Соловьёва о «всеединстве» начинается с положения о том, что ни одно явление не может существовать и быть познанным вне его отношений к другим явлениям. Любая вещь познаётся в её отношении к целому, которое не просто множество вещей, а всеединство. Всеединство существует во всех своих элементах, является носителем всех мировых свойств. Всеединство есть абсолютное начало всякого бытия. Всеединство как истинно-сущее имеет свою собственную абсолютную действительность, совершенно независимую от реальности вещественного мира и нашего мышления, оно сообщает этому миру его реальность, а нашему мышлению – его идеальное содержание. Всеединство, в конце концов, – это Бог. В то же время Соловьёв говорит об абсолютном как о некоторой «потенции бытия», «первой материи».

Для философского творчества Соловьёва важнейшей является идея Богочеловека, которая неотделима от проблем человека и человечества. Между абсолютными началами, т.е. Космосом, природой и Богом, находится человек как мельчайшая часть мирового целого, представляющая собой таинственный мир огромных и потенциально бесконечных сил. Как и вся русская философия, человека он рассматривал не только как часть мирового целого, но и в качестве представителя рода человеческого. Являясь высшим звеном в эволюции природы, он наделен самосознанием, обладает способностью знать цель космогонического процесса. Более того, человек как со-творец осуществляет в своей жизни высшую целесообразность бытия.

По мнению Соловьева, человек в состоянии утверждать себя отдельно от Бога, вне его, осознавать себя внутри свободным, выше всякого внешнего, от него не зависящего начала, считать себя центром всего. Правда, это неизбежно порождает массу проблем. Прежде человек как духовный центр мироздания был близок к природе, понимал и любил ее и в силу этого мог управлять природой. Теперь, когда человек заявляет о своей самостоятельности и независимости от Бога, он «закрывает» от всего свою душу и оказывается в чуждом, враждебном для себя мире. Отступив от Бога, человек вынужден искать его, чтобы избавиться от этой враждебности.

Постепенное одухотворение человека через внутреннее усвоение и развитие им божественного начала открывает путь к богочеловечеству. Человек становится естественным посредником, связующим звеном между Богом и бытием, между природой божеской и человеческой. Выдвигая идею богочеловечества, Соловьёв обосновывает свободу и активность человека и человечества. Он верит, что свободное раскрытие человеком своих сил и потенциала приведет к осуществлению Царства Божьего, которое нельзя реализовать путем принуждения и насилия, оно возможно только в результате свободного движения. Он особо подчеркивает активное выражение человеческого начала в богочеловечестве, не только рассматривая человека в качестве связующего звена, но и подчеркивая его активность. Осуществление Царства Божьего зависит не только от Бога, но и от людей. Человечество должно не только принимать благодать и истину во Христе, но и осуществлять их в своей собственной и исторической жизни. Человек, безусловно, вечен, и не только в Боге, но и в самом себе, и каждое «Я» обладает своим качеством, отмечает Соловьев. Но человек вечен не как природное явление, а как носитель частицы Бога.

Действительно самостоятельной и содержательной личностью человека делается тогда, когда утверждает себя, выступая как ипостась другого, высшего, Бога. В богочеловечестве коллективно должно произойти такое же соединение божественного и человеческого начал, какое индивидуально произошло в Богочеловеке – Христе, отмечает Соловьев. И человечество как целое, истинное, чистое и полное является высшей и всеобъемлющей формой и живой душой природы и Вселенной. Оно вечно соединено с Богом и соединяет с ним все, что есть. Мир и человечество – духовный организм, главой которого является Бог. Он проявляет себя в человечестве через человека как связующее звено между природным и божественным миром. Такова суть идеи богочеловечества.

С концепцией богочеловечества тесно коррелирует идея «Софии». По мнению Соловьёва, всем существам мира свойственно неопределенное, инстинктивное стремление к всеобщему единству. «София» проявляется как живое духовное существо, обладающее всей полнотой сил и действий. В ней заключена объединяющая сила раздробленного мирового бытия. Главное предназначение человечества заключается в том, чтобы воплотить в себе Софию, т.е. творческую энергию Бога. Воплощая Софию, божественную премудрость, человечество, и через него весь мир, приближается к Богу как к Абсолюту¹.

Отличительной особенностью философии В. Соловьёва является еще то, что решение социальных проблем он непосредственно связывает с вопросами нравственного совершенствования человека и общества. Он подчеркивает значение активности индивидуального и социального объекта в творческом осознании добра и его воплощения во всем. Нравственный смысл человека, считает Соловьёв, состоит в служении чистому, всестороннему добру, ибо только оно ведет к абсолютному совершенству, сочетающему в себе добро, благо и блаженство. Человек вступает на путь служения добру на основе внутренней потребности, сознательного убеждения, свободно раскрывая возможности своих сил.

По мнению философа, кроме божественной помощи процесс совершенствования человека поддерживают природные предпосылки его нравственности. К ним относятся такие первичные атрибуты человеческой природы, такие чувства, как стыд, жалость и благоговение, которые свидетельствуют о стремлении человека к цельности своего бытия. Человек должен максимально способствовать сохранению, росту и торжеству добрых начал в мире с целью все большего сближения самой действительности с идеалом. В этом заключена суть достойной жизни человека, считает Соловьёв.

Как уже отмечали, для Соловьёва личное совершенствование каждого человека зависит не только от его желания и стремления, но и от состояния общественной среды в данный исторический момент, т.е. оно органически едино с совершенствованием общества. Как и большинство русских философов конца XIX века, он стремится найти истинные формы «собирательной», совместной, солидарной жизни людей, определить земные средства для их достижения. Соловьёв, у которого солидарность является решающим фактором в мировом развитии человечества, писал: «Результат природного процесса есть чело-

¹ Соловьёв В.С. Чтения о богочеловечестве / Сочинения: в 2-х т. – Т. 2. – М., 1988. – С. 119.

век в двойном смысле: во-первых, как самое прекрасное, а во-вторых, как самое сознательное природное существо. В этом последнем качестве человек сам становится из результата деятелем мирового процесса и тем совершеннее соответствует его идеальной цели – полному взаимному проникновению и свободной солидарности духовных и материальных, идеальных и реальных, субъективных и объективных факторов и элементов вселенной»¹. Правда, Вселенная сама нуждается в совершенствовании, так как не одухотворена высокими нравственными нормами. Поэтому общество должно не просто жить и развиваться, но должно постоянно совершенствоваться. И это должно проявляться в общественном прогрессе, направленном на достижение идеально совершенной цели. Нравственное совершенствование общества, считает Соловьёв, будет способствовать разрешению социальных противоречий и установлению «христианского мира» и всеобщей справедливости.

Соловьёв отмечает, что общество должно жить естественной и нормальной жизнью, обеспечить свое материальное существование с помощью реальных средств, способствующих его совершенствованию. Цивилизация как форма искусственной жизни общества способствует движению социума вперед и развитию его производительных сил. Однако цель и направление развития цивилизации, смысл общественного прогресса определяет духовная жизнь, т.е. формирование высших идеалов и духовных благ, ради которых вообще стоит жить и действовать.

Несмотря на то, что развитием общества управляют разные центробежные и центростремительные силы, наибольшее значение имеет третья сила, которая понимается как откровение высшего божественного мира. Она примиряет единство высшего начала со свободной множественностью частных форм и элементов, способствует формированию целостного общечеловеческого организма и дает ему внутреннюю жизнь; обеспечивает общественному развитию его безусловное содержание и цель.

Следует отметить, что Соловьёв придает большое значение проблеме взаимоотношения общества и личности, подчеркивая их органическое единство. Каждый человек независимо от своего общественного статуса имеет безусловное право на достойное существование и свободное развитие своих положительных сил. Вслед за Кантом он выдвигает требование, в соответствии с которым личность должна

¹ Соловьёв В. Общий смысл искусства / Сочинения: в 2-х т. – Т. 2. – М., 1988. – С. 397.

быть целью, а не средством для достижения общественного или личного блага. Для него суверенное достоинство человека должно проявляться во всем многообразии жизни людей в мировом процессе восхождения к Истине, Добру, Красоте.

В соответствии с историческим процессом Соловьёв выдвигает нравственное требование и для общества. Он отмечает, что единственной нравственной нормой общества, при соблюдении которой оно может определяться как внутреннее, свободное согласие всех, должен быть принцип достоинства человека или безусловное значение каждого лица. Соловьёв подчеркивает, что степень подчинения отдельного лица обществу должна соответствовать степени подчинения самого общества нравственному добру. Рассматривая проблему смысла жизни, Соловьёв писал: «Внутренними свойствами добра определяется жизненная задача человека; ее нравственный смысл состоит в служении Добру чистому, всестороннему и всеильному»¹. Без выполнения этого требования общественная среда никаких прав на единичного человека иметь не может.

Таким образом, исследование специфики бытия природы, общества и человека в философии В.С. Соловьёва показало его коренное отличие от западной онтологической традиции. Русский философ боролся за гармонию человека с природой, его единство с Богом, Абсолютом. Главным для него было духовное в человеке, он боролся за высшие идеалы личности и общества, творчески синтезируя духовные ценности не только отечественной, но и мировой культуры. Философ разработал учение об эволюции и сущности исторического процесса, рассматривая его сквозь призму совершенствования человека и общества. Соловьёв вывел русскую философскую мысль на общечеловеческие проблемы с идеей абсолютной полноты духовного и земного бытия.

В изменившихся условиях XX века онтологические традиции русской философии, специфику бытия человека продолжил и развил в своих трудах один из известных ее представителей Семен Людвигович Франк. В частности, в работе «Духовные основы общества», характеризуя онтологические основания существования европейского, рыночного типа личности, он писал: «Новый западноевропейский человек ощущает себя именно как индивидуальное мыслящее сознание, а все прочее – лишь как данное для этого сознания или воспринимаемое через его посредство. Он не чувствует себя укоренным в бытии или находящимся в нем и свою собственную жизнь ощущает

¹ Соловьёв В.С. Нравственный смысл жизни в его предварительном понятии / Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва. – СПб., 1903. – Т. 7. – С. 5–20.

не как выражение самого бытия, а как другую инстанцию, которая противостоит бытию, т. е. он чувствует себя, так сказать, разведенным с бытием и может к нему пробиться только окольным путем сознательного познания»¹.

Для русского мировоззрения существование бытия как такового в его трансцендентности является более очевидным и смысложизненным, чем существование моего «Я» и сознания, которым оно обладает. В этом мироощущении неустраимо чувство сопричастности человека и его внутреннего мира чему-то, что превышает способности и возможности конечного бытия людей, неустраимо ощущение того, что «мы в нашем бытии и через него непосредственно связаны с бытием как таковым, существуем в нем и обладаем им совершенно непосредственно – не через познающее сознание, а через первичное переживание»².

По мнению В.Д. Губина, метафизика как усилие постигнуть самые общие и основоположные связи бытия производит на нас впечатление проникновения в глубину, раскрытия таинственного нутра реальности. Во всяком случае, речь идет о познании такого слоя реальности, который непосредственно остается скрытым для нашего познающего взора, о непостижимом или скрытом от нас слое бытия³. Все в мире – сколько бы в нем ни было познано и постигнуто – одновременно остается вечной и непостижимой тайной. И не только в том смысле, что оно есть нечто большее по сравнению с имеющимся знанием, но и в том, гораздо более глубоком и существенном, смысле, что всякая реальность в ее конкретности металогична и потому сверхрациональна, непостижима по своему существу.

В трудах русских мыслителей бытие или реальность рассматриваются как уровни первичного и более глубокого порядка, чем мышление и сознание. Для них всякая попытка определить бытие через объяснение его содержания противоречива. Философия есть как бы ориентирование в беспредельно разлитой атмосфере бытия, осознание самих основ бытия, поэтому она по своему существу онтология, так как вне реальности в широком, всеобъемлющем ее смысле вообще нет ничего. Одновременно философия должна культивировать такое метафизическое сознание, которое за каждым явлением видит бесконечные, недоступные дали и глубины. Для такого сознания мир не

¹ Франк С.Л. Духовные основы общества. – М., 1992. – С. 479.

² Там же. С. 481.

³ Губин В.Д. Онтология. Проблема бытия в современной европейской философии. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – С. 48.

застывает раз и навсегда в данную материальную предметность, а является живым, волнующим, изменяющимся, и в этом смысле прекрасным. Миром, в котором человек может вести осмысленное, достойное своему предназначению существование.

Свое критическое и негативное отношение к западной концепции бытия выразил и другой русский философ XX века Николай Александрович Бердяев. Кризис европейской философии он связал с господством гносеологии, утверждением примата познания над бытием, отождествлением его с научным знанием, рационализацией и логизацией бытия. В результате для философии тайны бытия, таинства жизни оказываются закрытыми. Она превращается в полицейского, следящего за тем, чтобы никто не нарушал открытых ею рациональных форм и методов мышления и познания, чтобы никто не вздумал всерьез говорить о ценности трансцендентного бытия, о его первичности и несомненности. Бердяев с горечью писал: «Но ведь безумие думать, что бытие может зависеть от познания, что оно дано лишь в науках, что вне суждения не может быть и речи о бытии»¹.

По мнению Бердяева, философия должна «вернуться» к бытию, исследованию «тайны» жизни, раскрыть ее во всей полноте и со всеми ее бесконечными возможностями, к живому опыту².

Сущность кризиса современной европейской философии во многом следует объяснять господством гносеологии, стремлением упразднить бытие или соединить его с познающим субъектом. Было утеряно реалистическое чувство бытия и реалистическое отношение к бытию. Как известно, Кант оставил познающего с самим собой, гениально сформулировав его оторванность от бытия, и искал спасения в практическом разуме. Критическая философия Канта радикальным образом отрицает изначальную цель познания – соединение познающего с бытием. В результате познание конструируется вне реального, живого, внутреннего отношения познающего субъекта к познаемому объекту. Как мы знаем, субъект всегда стремился разгадать загадку бытия, проникнуть в тайну объективной реальности, в итоге, однако, философская мысль признала эту цель феноменальной, иллюзорной. Теперь критерий истины стали искать внутри познающего субъекта, в его отношении к себе, а не к бытию.

Таким образом, философия оказалась бессильной решать проблемы реальности, свободы, личности. Ее гносеология отвергает не только реальность отношения к бытию, но и само бытие, лишает че-

¹ Бердяев Н.А. Философия свободы. – М., 1990. – С. 77.

² См.: Там же. С. 106.

ловека изначального сознания свободы, отвергает субстанциональность личности. В философском рационализме отразилась противоречивость, раздробленность человеческого духа. В результате ни природа реальности, ни сущность свободы и смысл бытия личности не могут быть постигнуты рационалистически.

Основную задачу новой онтологии Н. Бердяев видит в восстановлении бытия в его правах и раскрытии путей к бытию. Правда, в «Философии свободы» Бердяев не дает определения бытия. Только путем реконструкции текста можно выяснить сущность бытия. «Бытие у Бердяева – это не какая-то скрытая реальность, не субстанция, не Бог, а особая жизнь, в результате достижения которой складывается специфическое отношение к миру»¹.

Новая философия, полагал Бердяев, может быть лишь воссоединением мышления с живыми корнями бытия, лишь превращением мышления в функцию живого целого. Вся философия Бердяева – это поиск живого слова, которое может выразить живую истину. Он все время ищет слова, в которых бы зазвучала «таинственная реальность», с помощью которых можно было бы приобщиться к бытию, т.е. познать свое истинное назначение и найти путь к жизни, наполненный творческим эросом.

Однако взгляды Бердяева на проблему бытия претерпели значительную эволюцию. Интуитивное постижение бытия в «Опыте эсхатологической метафизики» уступило чистому бытию как абстракции, порождению чистой мысли. Искание бытия было поставлено в зависимость от мышления, и на него легла печать мысли. Жизнь конкретнее и ближе нам, чем бытие. Поэтому «философия онтологическая не есть философия свободы. Свобода не может иметь своего источника в бытии и быть определена бытием, она не может войти в систему онтологического детерминизма. Свобода не терпит ни определяемости бытием, ни определяемости разумом»². Эти строки были написаны под влиянием работ М. Хайдеггера. Таким образом, стала очевидной невозможность с помощью категории бытия ухватить сущность жизни и полноту свободы.

Следует отметить, что русские философы, в том числе С.Л. Франк и Н.А. Бердяев, не признали познание, мышление необходимыми средствами проникновения в бытие. По их мнению, бытие дано лю-

¹ Губин В.Д. Онтология. Проблема бытия в современной европейской философии. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – С. 36.

² Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики / Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. – М., 1995. – С. 215–216.

дям и вне этих интеллектуальных процедур, в актах переживаний, сопровождающих саму причастность к Абсолюту. Только укорененность человека в бытии делает возможным само сознание. Нельзя отождествлять содержание сознания с бытием.

Очевидно, что специфическое отношение русской философии к проблеме бытия имеет истоки в русском религиозном сознании. Православие, в отличие от католицизма и протестантизма, выступает против разделения религиозной жизни на внутреннюю (субъективно-личностную) и внешнюю (объективно-надличностную); оно по-своему рассматривает христианский догмат о спасении. Для русского православия путь к спасению лежит не через внутренний образ мыслей, внутренний настрой на религиозность, на Бога или внешние, полезные дела и действия. Спасти человека может только сам Бог, если тот стремится погрузиться в божественное бытие. Именно бытие в Боге – суть русской религиозности, которая определила философское решение проблемы бытия. Таким образом, религиозный онтологизм стал основанием философского онтологизма.

Следует подчеркнуть, что творчество русских писателей и философов было направлено на поиск глубочайших онтологических, бытийственных истоков человеческой жизни. Для них было чуждо представление об индивидуально-личностной сфере как подлинном бытии. Они подвергли критике западную концепцию человека за разрыв с Абсолютом, гордыню и стремление быть Богом на земле. В результате такая мировоззренческая установка была признана греховной, ведущей в социально-политический и духовно-нравственный тупик. Выход из него русские философы видели в укоренении такого мировоззрения, которое признавало бы изначальность бытия до всяких форм практической и теоретической деятельности человека. Как посреднику, человеку нужно исходить из бытия как изначального данного нашему целостному сознанию, в котором нет деления на субъект и объект, а есть полнота слияния человека и Абсолюта.

Подводя итоги исследования, отметим, что понятие «бытие» как самая универсальная категория философии охватывает миры природы, общества и человека, все бесконечное многообразие форм существования объективной и субъективной реальности. Благодаря такому масштабу, онтология способствует не только социальному самоопределению, но и этническому бытию человека в мире, выбору им жизнеобеспечивающих и смысложизненных стратегий, духовных и нравственных ценностей, фундаментальности и субстанциональности, цельности и ценности. Одновременно бытие, обладая универсально-

стью, отражает все богатство постоянства в становлении, реальный и динамичный мир существования человека, связывая в единое целое: объективное и субъективное, материальное и духовное, социальное и культурное.

Обращение к философским основаниям категории «бытие» как в западной, так и русской философии помогло определить жизненный смысл и корни социального бытия, обозначить основные подходы для дальнейшего исследования природы и сущности этнического бытия, выявить методологические принципы и парадигмальное пространство этнической онтологии.

Глава II

СОЦИАЛЬНОЕ БЫТИЕ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ



Обращение к основным этапам развития философии позволило в значительной степени понять специфику истории и традиции эпох, лаборатории творчества великих философов прошлого и современности, их мысли и идеи, искать «ответы» на «вызовы» нового «осевого времени», все более глобализирующегося XXI века. Естественно, что в поисках истины мыслители всегда старались найти адекватные и наиболее полные ответы на проблемы бытия. Однако ускорение социального бытия, исторической и политической динамики, быстрая смена эпох, ограниченность жизни человека в пространственно-временном континууме и относительность знания часто не позволяют нам обеспечить полноту и объективность постижения мира, интерпретацию философской мысли прошлого, достичь глубины, найти исчерпывающие ответы на насущные проблемы современности и заглянуть в будущее. Поэтому не случайно, что в философии существует такое многообразие мнений и полярность позиций, разногласия в истолковании смысла и содержания бытия и его различных форм.

2.1. Диалектика бытия и философский смысл социального бытия

Философское постижение бытия и диалектики социального бытия предполагает поиск онтологических и субстанциональных оснований существования мира, общества и человека, смысла его жизни, размышлений над ответами на кардинальные вопросы современности, требует высочайшего напряжения интеллектуальных и культурных, духовных и нравственных сил. Действительно, при исследовании бытия мысль достигает высокого предела обобщенности, абстрагирования от единичного, частного, преходящего. Поэтому не случайно, что «бытие» является фундаментальной категорией философии и основанием определения субстанциональной сущности социального бытия.

В историко-философской традиции, начиная от классики и до наших дней, в понятие «бытие» и содержание социального бытия вкладывались различные смыслы. Вокруг «бытия», учения о бытии (онтологии) постоянно велись, ведутся и, наверно, всегда будут вестись острые философские дискуссии. Как известно, размышляя о бытии, мы стараемся охватить мир, природу в целом, включить в него общество и людей, их социальное бытие, сосредотачиваем свое внимание на истории и судьбе человеческой цивилизации, жизнедеятельности и перспективах человека.

Обращаясь к истории и современному состоянию этносов, отметим, что несмотря на различия в понимании универсальных и индивидуальных проблем бытия, каждый из них сталкивается с общими и специфическими вопросами не только существования мира, но и социального бытия. Осуществляя непрерывную рефлексию над глубинными вопросами бытия и глобальными проблемами человечества, каждый из этносов в результате поиска истины, несмотря на плюрализм и полярность мнений, дает почти аналогичные и адекватные ответы на устройство мироздания, социальное бытие и жизнедеятельность человека.

Действительно, с момента появления людей, осознания ими себя в качестве разумных существ, общими оказались представления человека о Вселенной, универсальных процессах. Одновременно разными и часто полярными являлись их знания об окружающем мире и непосредственной среде их обитания, социальном бытии и других людях. Касаясь этнического бытия, отметим, что сообщества людей всегда отличали специфические видения пространства и времени, мифологические и религиозные представления о мире, уникальный характер носили антиномии «мы-они», «свой-чужой», исключительность придавалась собственной жизни и деятельности, культуре и идентичности, ценностям и установкам, традициям и быту.

Однако для всех этносов, несмотря на специфику, вечной и всегда актуальной, а значит, философской, остается проблема бытия человека в мире и бытие мира в человеке. Оказалось, что понятие «бытие» находит ту идею, которая объединяет в себе и онтологическое содержание, и необходимость логической формы. Каждая сущность обнаруживает в себе необходимость своего существования, бытие абсолютно. Несмотря на свою «разорванность» в наших представлениях, бытие не может быть раздроблено ни временем, ни пространством, ни происходящими непрерывными изменениями.

В эпоху становления Античности как уникальной цивилизации,

«гениального детства человечества», происходит смещение акцента с космоса на человеческую реальность как место обнаружения бытия. Переход на более высокую ступень абстракции, непосредственно не связанную с реальностью, помогло античным этносам, особенно эллинам, развивать свой способ мыслительной деятельности, разработать специфическую систему понятий и категорий для постижения окружающей природы и Космоса, создать свою картину реальности, целостный образ мира и человека. Если в восточной традиции человек включен в целостную и неразрывную систему мироздания, то в классический период Античности, несмотря на синкретизм, появляется рационалистический способ мышления, независимый в своих основаниях от эмпирической действительности, именно тогда возникает специфическое, научное и философское знание.

Как отмечали ранее, впервые в диалектике Сократа открывается глубина и многообразие той реальности, которая называется человеческим бытием. Он обнаружил, что на определенном уровне содержание человеческого сознания перестает быть субъективным образом, оно становится объективным понятием. Следовательно, человек имеет необходимую связь с бытием, самой реальностью. Правда, только в эллинистический период, в трудах поздних софистов, проблема бытия человека, специфика его сущности и существования оказывается в центре особого внимания.

Античные онтологии, в частности учения Сократа и Парменида, дополняя друг друга, заложили основу исследования человеческого бытия, связав его с гармонией Космоса. В результате оказалось, что логика едина, однако различны способы раскрытия онтологической реальности, которые теоретически выражают разные эпохи, культуры и традиции народов.

Как известно, проблема бытия приобрела аналитическую универсальность и специфику только в философской системе Аристотеля. Для него бытие являлось связующим звеном между сущностями и вещами чувственного мира. Заметим, что поздний период Античности характеризуется падением уровня онтологических исследований. В эпоху кризиса классической философии школы стоицизма, скептицизма, эпикуреизма стали гораздо ближе к своим современникам, решали новые задачи в соответствии с изменившейся эпохой, ставили общественные и антропологические проблемы.

В средневековой философии античная онтология используется для построения христианского учения о бытии. Происходит отождествление бога и бытия, Единое становится равным богу, что смешива-

ет онтологические характеристики всей уровней бытия. Августин разрабатывает христианскую концепцию всемирной истории, которая приобретает линейный характер и включает общественное и человеческое бытие. Всемирная история приобретает динамику; человечество должно искупить свою вину за грехопадение и обрести в будущем свое «спасение».

Философия Возрождения была важным переходным явлением в процессе рождения новой онтологии. Опираясь на Платона, Николай Кузанский подчеркивал, что абсолютное бытие, с одной стороны, превосходит человеческое познание, но с другой, – непосредственно очевидно. Не будучи постижимым, Бог как абсолютный максимум находится за пределами знания, но знание руководствуется именно этим запредельным. В определенном аспекте бытие открыто человеческому разуму. Он отчетливо представляет собой необходимость диалектических отношений бытия и небытия, абсолютного и конечного бытия. Однако его бог выше борьбы противоположностей, а следовательно, и выше бытия. Понятие бытия позволяет решить сложную для его системы проблему соотношения бога, мира и человека, его смысла и предназначения.

Отказавшись от абсолютного бытия, философы Нового времени, как сторонники рационализма, так и эмпиризма, с разных позиций пришли к идее построения такой концепции бытия, которая обосновывала бы знание и науку, не превращая природу в абстрактный идеализированный универсум. Понятие бытия играло существенную роль в обоих направлениях, но рассматривалось в контексте проблемы субстанции и проблемы абсолютного знания. От Бэкона до Беркли, через Гоббса и Локка проходит линия, которая завершается в концепции Юма, провозгласившего: общее никогда не может быть тождественным бытию, мыслить – значит, не быть, а быть – значит быть единичным фактическим существованием. При всем многообразии и различиях мы видим парадоксальное сближение эмпирических и рационалистических тенденций, состоящее в выявлении необходимой связи бытия как такового и индивидуальности как таковой. Принцип универсального сомнения, по Декарту, теряет свою силу в той точке, которая является пределом отхода мысли от объективного содержания к собственной субъективности. Именно здесь происходит превращение чистой мысли в бытие: *cogito ergo sum*. Таким образом, несмотря на различие теоретических позиций, онтология в начале XVIII века имеет известный инвариант. Если в классической метафизике максимальное обобщение мирового многообразия обозначалось понятием бытия

как такового, в Новое время оно приобрело характер замкнутого в своих границах слоя универсума, который сосуществовал с другими слоями, был равноправным с ними элементом синтеза, а то и зависимым, вторичным феноменом. Бытие часто приобретало характер иррациональной силы, диктующей идеальным формам свое содержание.

Труды представителей немецкой классической философии по глубине переосмысления бытия можно сравнить с эпохой Античности. В философии И. Канта категория бытия была поставлена в связь со способностью познания и способностью суждения. Критикуя старую метафизику, он предлагает понимать бытие и существование так, чтобы не нарушались границы эмпирической реальности. Быть, утверждает трансцендентальная философия, значит действительно или потенциально присутствовать в опыте. Существование – это опытная данность, и как таковое оно принципиально не совпадает с мышлением. В философской системе Гегеля бытие подчиняется законам развития триад, а как категория сохраняется во всех уровнях развития идей. Обоснование тождества бытия и мышления позволило Гегелю дать описание абсолютной идеи, в которой бытие наконец находит свою истину как единство теоретического и практического. Ему впервые удалось последовательно реализовать тезис: «истина есть процесс». Категория бытия, которая в истории философии всегда была символом устойчивости и неизменности, почти превратилась в главный двигатель эволюции универсума. Философ описал качественно новый тип движения. Это историческое движение, каждый момент которого индивидуален и необходим для целого. Смысл универсума, или его абсолютное бытие, оказывается не результатом истории, а самой историей. Исторический метод позволил Гегелю сформировать учение о восхождении от абстрактного к конкретному, в свете которого понятие бытия приобрело смысл не состояния, а закономерного и вечного движения, ближайшим аналогом которого является жизнь. В этой связи следует признать универсальный характер диалектического метода Гегеля.

В марксистской философии, в учении ее основоположников, К. Маркса и Ф. Энгельса, происходит кардинальная переработка античной и новоевропейской онтологии; в ней бытие отождествляется с природой или материей. В рамках основного вопроса философии материя рассматривается как объективная реальность и основа единства мира, противопоставляется сознанию. В ней ведущее место занимает идея единства и развития мира, которая заключает в себе как постоянство, так и изменение, как бытие, так и становление. Она пошла по

пути взаимосвязи, связывания бытия с человеческим действием, построения учения о бытии человека, о сферах бытия, о социальном бытии. Заслугой марксизма, прежде всего, является идея о том, что человек, при всей неотделимости мыслей, чувств, действий индивида от его собственного бытия, способен не только «вопросать» о бытии как таковом, но и давать ответы на самые сложные вопросы, что они доступны проверке с помощью разных способов.

Значительным вкладом марксизма, в том числе и советской философии, стало введение понятия «общественное бытие». Бытие людей стало рассматриваться как объективный процесс их существования и деятельности, обусловленный уровнем развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений. В центре внимания оказалась сфера бытия, связанная с системой экономических отношений людей, которая действительно часто играет решающую роль, составляет фундамент общественного бытия, обуславливает его структуру. Бытие людей стало рассматриваться как реальный процесс их жизни, а сознание – как осознанное бытие¹.

В повседневном бытии, жизнедеятельности, при занятии наукой, философией, культурой, религией люди накапливают объективные знания об окружающем мире и самом себе. Они всегда с разной степенью сознательности, глубины постижения проблемы, разработанности строят свои картины мира, «объективные онтологии», помогающие им познавать мир и овладевать его законами.

Однако и сегодня проблема бытия мира и бытия человека остается актуальной исследовательской задачей для многих направлений современной философии. Нарастание глобальных проблем, радикальные изменения, происходящие в социуме, намного усилили внимание к вопросам бытия человека. Отсюда не случайно то, что значительный исследовательский характер приобрели проблемы философского постижения социального и этнического бытия. Они актуализированы в связи с глобальными трансформациями и изменениями во всей системе социальных и человеческих отношений.

Действительно, обращение к богатому и неоднозначному историко-философскому наследию онтологической традиции, различным ее школам и направлениям позволяет выявить важнейшие аспекты проблемы бытия мира, общества и человека. Однако вся совокупность его понимания, взятая как вместе, так и в отдельности, показывает неисчерпаемость и открытость проблемы исследования бытия. Ос-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3. – С. 25.

военное накопленного огромного опыта изучения проблемы бытия в философии позволило нам очертить общетеоретические основания, поразмыслить над особой ролью и специфическим содержанием как социального бытия, так и категории «этническое бытие».

В чем смысл современной проблемы этнического бытия? Опираясь на мысль о бытии как исходной установке для систематических размышлений и общих выводов, через проблему социального бытия, мы стремимся, прежде всего, выявить природу и сущность, смысл этнического бытия, раскрыть онтологические корни и метафизические основания этничности в жизни человека и человечества.

Рассматривая универсальные проблемы бытия, отметим, что вся жизнь и деятельность человека, несмотря на все перипетии, опирается на простые и понятные предпосылки, которые он чаще всего принимает как обычные истины. Самым первым, очевидным и одновременно всеобщим является естественное убеждение человека в том, что мир существует. Люди рассчитывают и на то, что при всей динамике, круговоротах и качественных преобразованиях, совершающихся в природе и обществе, мир сохранится как относительно стабильное целое, пребывает, являет себя во многих измерениях.

Как свидетельствует опыт, проблема бытия возникает тогда, когда такого рода естественные и универсальные предпосылки становятся предметом сомнений и раздумий. Весь мир, окружающие людей природа и социум постоянно «вопрошают», они задают человеку и человечеству трудные и сложные вопросы, заставляют задумываться не только над драматическими и трагическими событиями, но и проблемами повседневного бытия. В условиях физических и социальных катаклизмов, «смутного времени» кризисным становится и «жизненный мир» людей. Они остро реагируют на деформацию существующей повседневности, разрушение гуманитарных связей и обычных коммуникаций, распад кажущихся ранее прочными и незыблемых реалий и ценностей бытия.

Сегодня размышления о бытии касаются не просто вопросов происхождения мира, вечности или конечности Вселенной, природы, но и прошлого, настоящего и будущего человечества, смысла жизни и предназначения человека. Конечно, утверждение о существовании мира, природы, общества опирается на повседневное бытие, реальные события и конкретные факты человеческой жизни. Все это, естественно, никак не согласуется с нашими идеями о вечности мира, бесконечности пространства и времени, которые не вытекают из непосредственных наблюдений, из конкретного опыта людей. Напротив,

жизнь в условиях всегда ограниченной части Земли и конечности человека наводит на мысль о преходящем мире, о существовании его границ в пространстве и времени. Поэтому не случайно, что для людей непростой задачей становится постижение сложных процессов социума и политики, воспитания и образования, превращения индивида в личность. Они требуют освоения научного и философского мировоззрения, осознания бесконечности мира и понимания преходящего характера его существования.

Не секрет, что свою мысль о бытии мира и его бесконечности человек часто связывает с собственным бытием, быстротечностью и хрупкостью жизни. Она заставляет его задумываться и тревожиться, осознавать конечность и пространственно-временную ограниченность своего же существования. Одновременно свое преходящее существование человек понимает, когда задумывается над вечностью Космоса, природы, когда связывает себя с жизнью великих людей, делами прошлых поколений. Именно размышляя о бытии, человек становится на позиции философа, стремящегося в своей мысли охватить Вселенную, соединить бесчисленные миры, времена, жизнь и судьбы многих человеческих поколений.

Таким образом, смысл проблемы в противоречивом единстве непреходящего бытия природы как целого и преходящего характера социального и этнического бытия, человеческого существования. Внутренняя логика проблемы бытия ведет нас от вопроса о существовании реального мира к вопросу о непреходящем (или преходящем) существовании мира как бесконечного (или ограниченного) целого. Значит, мир, с одной стороны, неоднороден именно в своем существовании: в целом он непреходящ, но отдельные его предметы и состояния преходящи. Бытие мира как целого неотделимо от бытия в мире всего, что существует. Однако между бытием мира и бытием в мире отдельных вещей, состояний, живых существ, человека, имеются качественные различия. С другой стороны, мир как раз в своем существовании образует неразрывное единство, универсальную целостность.

Универсальная целостность мира актуализирует проблему бытия, связывает его с вопросом о единстве мира. Мир существует объективно, как непреходящее единство вне и независимо от воли и сознания человека. Люди постоянно преобразовывают окружающий мир и, благодаря своей деятельности, связывают преходящее с непреходящим, вечным и бесконечным, тем самым они раскрывают объективные отношения единства в многообразии. Кроме того, им приходится постоянно «встраивать» в единый, целостный мир конкретные факты

и явления, созданные им отдельные вещи и предметы, общественные отношения и социальные группы, системы и целостности.

Человек своей повседневной жизни, в практической деятельности, склонен к поиску своего единства с природой, обществом, другими людьми. В то же время ему достаточно очевидны существенные различия между материальным и духовным, социальным и этническим бытием. Одновременно он стремится найти и обрести общее между различными проявлениями окружающего мира, потому что в нем самом в неразрывном единстве слито телесное и духовное, природное и общественное. В результате именно в философии появилось общее для всех понимание мира как единства многообразного. Единство природного мира и общественного бытия, материального и духовного, биологического и этнического, духовного и нравственного с необходимостью родилось в человеческой практике, а затем стало и проблемой культуры. Еще с древности философы пришли к выводу о том, что предметы природы и идеальные продукты, человеческие мысли и идеи, физическое и социальное, различные индивиды едины, сходны прежде в том, что они наличествуют, существуют, причем не только в их различиях, но и в рамках совокупного, единого бытия мира.

Философское открытие проблемы бытия стало основой для постижения сущности мира, анализа его единства во всех его ипостасях, поиска необходимых предпосылок, без чего невозможно раскрыть целостность мира. Постановка проблемы бытия способствовала дальнейшему движению мысли от исследования предпосылок единства мира в его существовании, бытии, к постижению и раскрытию всех оттенков и аспектов его единства. Оказалось, что природа, человек, мысли, идеи, общество равно существуют, различаясь по формам своего существования. Прежде всего, благодаря своему существованию, наличию, они образуют целостное единство бесконечного, непреходящего мира.

Следуя внутренней логике движения мысли о бытии, природа воспринимается как вечная, бесконечная и универсальная целостность, развивающаяся по своим собственным объективным законам. Одновременно с эпохи первобытности человек рассматривал себя как неразрывную часть природы, понял свою физическую и биологическую сущность, этническую и иную специфику, идентичность. Однако, несмотря на отличную от природы историю и многообразие жизнедеятельности, развитие человека и общества в основном осуществляется по тем же всеобщим законам и закономерностям единого мира. Таким образом, мир един и объективен, функционирует по внутрен-

ней и объективной логике своего существования и развития, предпослан сознанию человека, действию конкретных индивидов и всех поколений людей.

Философский смысл проблемы бытия в том, что человек на практике исходит из реальной предпосылки, факта наличия мира. Словом, мир как таковой, в различии и единстве своих основных целостностей, является реальностью для сознания и действия каждого человека, каждого поколения. Совокупная реальность включает: во-первых, бесконечное, необозримое множество освоенных и еще неосвоенных человечеством вещей и предметов, явлений и процессов природы; во-вторых, общественную жизнь, отношения людей, их идеалы, принципы и идеи, организации и учреждения; в-третьих, индивидов в процессе непосредственной деятельности, объективной повседневности.

Одновременно человеку приходится считаться с реальностью как с совокупной целостностью, единым, обладающим собственной логикой существования и развития бытием. И даже тогда, когда люди вынашивают планы радикальных изменений общества, настоятельно требуется понять, каковы объективно возможные рамки преобразования, тенденции развития реальности. Правда, в истории, деятельности известных личностей часто были случаи, когда ими волюнтаристски и субъективистски игнорировалась внутренняя логика существования и развития реальности, то есть бытийная логика. Реальность нередко наказывает людей, мстит за то, что с нею не считаются в достаточной мере или, вообще, игнорируют. Опыт последних десятилетий XX века, перестройки в СССР и рыночных реформ в России убедительно свидетельствует об этом. Сегодня важно учитывать все эти факторы, когда в стране начали реализовываться различные концепции и стратегии, особенно стратегия модернизации и инновационного развития.

Рассматривая проблемы социального бытия, отметим, что жизнь и деятельность каждого человека, представителя любого этноса, как в природе, так и в социуме, является реальностью для него самого и для других людей. Говоря философским языком, они составляют особый «жизненный мир», специфическое бытие, в том числе и этническое. Все человечество, социальные и этнические группы, окружающие нас люди, отдельные индивиды являются реальностью. Поэтому каждый из нас должен относиться к своему телу и духу, генетическим задаткам, предрасположениям, привычкам, навыкам, желаниям, склонностям, надеждам, идеям, мыслям, к своему прошлому, настоящему и будущему, к взаимосвязи с другими людьми и обществом как к особой реаль-

ности, независимой целостности. Как известно, происходит непрерывный процесс постижения мира, сознание все время стремится постичь как свою, так и субъективную реальность другого. Поэтому важно, чтобы сознание человека, поскольку оно является также и самосознанием, было включено в индивидуальное бытие, уловило через него общие черты, «жизненный мир» других людей.

Подчеркнем, что не только природное, но и духовное, идеальное осваивается на практике и осмысливается в философии как наличное, данное, результат, имеющий специфический характер и представляющий качественно иную реальность. Сегодня с духовными процессами и их результатами человеку приходится считаться не меньше, чем с предметными, вещными реалиями жизни. Следовательно, включение духовного, идеального в совокупную реальность бытия является значимым фактором человеческой жизни. Таким образом, все существующее в мире: материальное и духовное, социальное и этническое, культурное и нравственное – является важнейшей проблемой бытия. Словом, все они являются действительностью, бытийствуют в мире, имеют свою внутреннюю логику существования и развития. Бытие реально предзадано сознанию, действию отдельных индивидов и поколений людей.

Философия, исследуя проблему бытия, опирается на социальную практику и теоретическое познание, духовную и нравственную деятельность человека. Она осмысливается с помощью категории бытия, а также опирается на тесно связанные с нею такие понятия, как сущность и существование, сущее и субстанция, становление и развитие, реальность и мера. Связь между категориями философии является достаточно сложной и противоречивой с выражающими их словами нашего языка. С одной стороны, языковая практика тысячелетий накапливает содержания и смыслы соответствующих слов, которые помогают уяснить значение философских категорий, а с другой, всегда необходимо иметь в виду, что выраженные словами обыденного языка философские категории имеют особые, самой философией устанавливаемое значения. Для понимания философской категории бытия важно принять в расчет: во-первых, ее совершенное, универсальное содержание и специфическую сущность; а во-вторых, связь с повседневной языковой практикой.

От предложений языка перейдем к философской категории «бытие». Еще древние мудрецы, рассуждая о философских категориях и стремясь привести их в систему, справедливо полагали, что введение каждой категории требует объективного обоснования. Действи-

тельно, она не только нужна, но и необходима философии, поскольку выражает особое содержание, которое не ухватывается другими категориями. Правда, из этого не следует, что для выявления смысла данной категории нельзя пользоваться другими категориями или общими понятиями. Более того, в силу диалектической природы категорий каждая из них часто определяется через другую.

Обратим внимание еще на один момент. На наш взгляд, несостоятельны возражения тех, кто выступает против использования в философии категории «бытие», считая, что она фиксирует только всеобщие связи мира, а не конкретные признаки вещей. Предлагается даже отказаться от нее, так как само бытие первоначально определяется через понятие «существование», наличия чего-либо. По их мнению, категория «бытие» не дает ничего нового по сравнению с категорией существования. Отметим, что философская категория бытия не только включает в себя указание на существование, но и фиксирует более сложное и комплексное содержание, выявляет смысловые оттенки понятия бытия.

Анализируя проблему бытия, для философа важно стоять на объективных позициях, отталкиваться от факта материальности и единства мира, всего того, что в нем существует. Для нее начальным постулатом становится не только сам этот факт, но и его смысл, объективное полагание вещи, собственные определения существующих предметов.

Возражая критикам, отметим, что философия как наука фиксирует не только объективное существование мира и многообразие предметов, вещей, явлений, но и людей, их мыслей, идей, концепций. Она включает более сложные, всеобщие, универсальные связи и взаимодействия, системные целостности, особенности и отдельные свойства. Все связи, характеристики фиксируются с помощью категории «бытие», применение которой только начинается. Использование категории бытия включает понимание и признание двух важнейших и взаимосвязанных смыслов: во-первых, «полагание вещей», мира в целом, с внутренними объективно присущими им свойствами, что является исходным моментом философского категориального анализа. В практике человека и человечества ему соответствует начальная и уже глубоко содержательная стадия любого дела, когда установление факта существования тех предметов и состояний, на которые деятельность направлена, соединяется с отношением к ним как к самостоятельным и объективным целостностям. Во-вторых, «бытие» с помощью философских категорий: существование и сущность, сущность и

субстанция – стремится наиболее полно и глубоко ухватить, осмыслить как всеобщие, так и специфические проблемы бытия.

Заметим, что все эти понятия как бы суммируются, объединяются «под эгидой» обобщающей категории бытия. Как универсальная философская категория «бытие» позволяет объединить, а затем и удерживать в поле анализа уже взятые в их единстве и взаимосвязи доказанные философией утверждения относительно мира и его всеобщих связей. В нем представлено множество диалектически взаимосвязанных категорий. В частности, приводятся в связь бытие, ничто и становление, наличное бытие, реальность, нечто и иное, конечное и бесконечное, одно и многое, величина, число и другие категории. Главные из них: качество (определенность), количество (величина), мера. Все они одновременно и расшифровываются через категорию бытия, и сами расшифровывают ее смысл. Каждая из этих категориальных групп и каждая из входящих в нее категорий высвечивает взаимосвязанные аспекты проблемы бытия. Как отмечали, специфика категории бытия состоит в том, что она позволяет анализировать процессы, относящиеся как к миру природы, общества, человечества, так и свойственные отдельным предметам, вещам, различным сферам, человеку.

С помощью категории бытия они теоретически обобщаются, в единство приводятся утверждения. Она позволяет интегрировать основные идеи, вычлененные в процессе последовательного осмысления вопроса о существовании мира. Они касаются объективности и «данности» мира, его существования как беспредельной и непреходящей целостности, где природное и духовное, индивиды и общество существуют в различных формах и составляют его единство. В силу объективной логики существования и развития мир в различии форм своего существования образует совокупную реальность, действительность, которая предзадана сознанию и действию конкретных индивидов и поколений людей.

Философская категория бытия, следовательно, заключает в себе достаточно сложное комплексное содержание и системные смыслы. Наша мысль, благодаря философской категории бытия, сознательно переносится за пределы возможного, на высокий уровень абстрагирования. В итоге, происходит процесс отвлечения от предметов, состояний с их конкретными признаками и свойствами. Сначала мы отвлекаемся от различий между природой и человеком, телом человека и его духом, индивидами и обществом, а затем осуществляем поиск общего, универсального, предельной, всеобщей мировой связи. Все

результаты поисков фиксируются с помощью философской категории «бытие» и примыкающих к ней понятий.

Опора на диалектико-материалистическую методологию позволяет с научных позиций рассматривать категорию бытия, раскрыть ее содержание и специфику, показать особую роль в философии, избежать значительных ошибок и различных упущений. Хотелось бы отметить, что философия выступает против представлений бытия по аналогии с непосредственным существованием предметов или мыслей. Следует также избегать представления бытия в виде предметных сфер или «сферы сфер». Ошибочной является и понимание бытия как чистой мысли, идеи, помещенной где-то в особом мире, отдельно от мира реального. Такая позиция характерна прошлой историко-философской традиции, она часто повторяется и сегодня. В качестве примера можно вспомнить учение Парменида. Одним из первых в европейской мысли он ввел философское понятие бытия и стал употреблять в его общем, абстрактном значении. В результате, правда, появилось тождество между ними, когда сама категория была слита с предметно-образным изображением бытия.

Понимание бытия как такового через его предметные изображения, уподобления давно устарело, но не оставлено в далеком прошлом. И сегодня часть философов и представителей социально-гуманитарных наук нередко рассматривают те общие связи, которые фиксируются с помощью категории бытия, как особые «предметы» или предметные сферы. Такой подход можно было бы назвать «натурализацией» бытия. Отметим, что существует и противоположный подход, основателем которого был Платон. И в настоящее время сторонники идеалистической философии отрывают всеобщие связи мира от самого мира, превращают бытие в небесную идею, ведущую «самостоятельную» жизнь. Следует вспомнить об объективности позиции Аристотеля, который, в отличие от своего учителя Платона, выступил против превращения этой абстрактной категории в некое «специальное бытие». Сущность для него оказалась неразрывно связанной с бытием, неизменно воплощала его.

Подводя итоги, отметим, что без восхождения к предельной обобщенности анализа нет философского размышления, в особенности, в учении о бытии. Оно помогает развивать особые способности человеческого ума, выявлять и изучать объективные связи и отношения, предельно общие как для самой действительности в целом, так и для ее частей. Отсылку от отдельного конечного бытия к бытию как таковому, взятому в его совершенно абстрактной всеобщности, следу-

ет рассматривать как самое первое теоретическое и даже практическое требование. На наш взгляд, сегодня при анализе проблем бытия в целом, предельно общих связей между всем существующим в мире, наиболее актуальный характер приобретает постижение различных форм социального бытия, окружающей нас реальности, особенно бытия человека в современном мире.

2.2. Бытие человека в мире: онтологические и антропологические основания этнической идентичности

Следуя философской традиции, отметим, что мир представляет собой всеобщее единство, включающее в себя необозримое множество существующих в их конкретности и целостности вещей, процессов, состояний, организмов, структур, систем, человеческих индивидов. Однако всеобщие связи бытия проявляются лишь через связи между единичными сущими. Признание уникальности и единичности каждого сущего особенно важно для философского учения о человеке. Из осознанной уникальности бытия каждого человека прямо вытекает важнейшее правило философской и этнической антропологии. Оно заключается в признании за каждым не только всех прав и свобод человека, но и уважении его неповторимой сущности, этнической и культурной идентичности.

Однако, несмотря на уникальность человеческого бытия, практика и познание настоятельно требуют признания уникальности всех сообществ людей, особенно этнических и конфессиональных групп, существующих в обществе, чтобы единичное обобщалось, объединялось, интегрировалось в более обширные целостности. Улавливая определенное сходство условий, способов существования единичных сущих, философия объединяет их в различные группы, которым присуща общность формы бытия. Различение и объединение того, что существует, под углом зрения принадлежности к специфической форме бытия, в том числе и этнической, является отправной точкой обычной, повседневной жизни людей.

Известно, что воздействие общества на тело и дух человека, мысли и чувства людей, деятельность по интеграции людей в единую целостность требует не менее значительных культурных усилий, чем работа по преобразованию природы, обработке вещей, предметов. В этой связи человеку важно не просто различать сущее и бытие, но и связать их. М. Хайдеггер подчеркивал, что классическая онтология как учение о бытии сосредоточивала в основном внимание на проблеме сущего. По его мнению, в этом проявилось «забвение бытия», за-

ключалась особенность метафизики и мироощущение европейского человечества, обусловившая трагичность его судьбы¹.

Мартин Хайдеггер требовал осуществить поворот к новой онтологии, от «только сущего» к «самому бытию». Человечество всегда склонно проявлять интерес к личным проблемам и решению непосредственных задач, к конкретному сущему. Большинство людей глубоко не задумываются над сложными проблемами повседневного бытия, не беспокоятся о последствиях своих поступков. Часто им безразлично, как их действия скажутся на состоянии общества, судьбе человечества, культуры и цивилизации. Перефразируя Хайдеггера, следует признать, что наступило время «озаботиться» не просто бытием, а философским осмыслением социального и этнического бытия общества и человека.

Проблема философского исследования этнического бытия важна для жизни и деятельности людей, хотя осмысливается и обсуждается она часто в рамках повседневности и практической плоскости. Принципиальная важность такой работы заключается в том, что различные политические, социальные, культурные, экономические, этнические особенности бытия как целостности мира равно существуют, что придает всем им характер реальности, создает предпосылку единства мира. Эти реальности при всех различиях выступают как диалектические, потому что содержат всеобщие связи и взаимодействия, заключают в себе единство и многообразие бытия.

Таким образом, универсальный характер бытия включает: во-первых, бытие вещей и процессов, то есть делится на бытие природы как целого и бытие вещей и процессов, произведенных человеком; во-вторых, бытие человека в мире вещей и специфически человеческое бытие; в-третьих, бытие духовного или идеального, которое разделяется на индивидуализированное духовное и объективированное внеиндивидуальное духовное; в-четвертых, бытие социального, которое делится на индивидуальное бытие, то есть бытие отдельного человека в обществе и в процессе истории, и бытие общества.

Сегодня в условиях господства религиозных и мифологических представлений, виртуальных и паранаучных течений хотелось бы заострить внимание на происхождении и сущности, содержании и соотношении между материальным и духовным, «первой» и «второй» природой, которые вызывают достаточно много споров в обществе, науке и философии. Как известно, исторически первой предпосылкой,

¹ См. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

основой человеческой деятельности являются вещи, процессы, состояния природы, которые возникли естественным образом, существовали до человека, существуют вне и независимо от сознания и действия людей («первая природа»). В результате последующего воздействия человека на природу на Земле возник новый и огромный «искусственный» мир вещей, процессов, состояний, произведенных человечеством («вторая природа»).

Следует согласиться с И. Кантом, который писал, что «... нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимость принимать лишь на веру существование вещей вне нас ... и невозможность противопоставить какое бы то ни было удовлетворительное доказательство этого существования, если бы кто-нибудь вздумал подвергнуть его сомнению»¹. Однако успехи естественных и общественно-гуманитарных наук, возникновение и развитие философии марксизма, критическая переработка последним всего предшествующего научного знания, формирование материалистической диалектики, позволили доказать безграничность и бесконечность мира, объективное и реальное существование природы, вечное движение, изменение и развитие всего сущего.

Как известно, человек при осмыслении проблем Космоса, природы сталкивается с серьезной проблемой, потому что, опираясь только на свое сознание и действие, рациональное и иррациональное, он сам говорит и мыслит об их объективности и реальности мира, его конечности и бесконечности, пределах и безграничности. Материалистическая философия не отмахивается от существующего своеобразного парадокса, когда утверждает, что Вселенная, окружающая природа существовали до появления человека, что они сохраняют независимость своего бытия. Выводы о существовании и формах бытия природы сделаны людьми на основании множества фактов, данных наук, теоретического и практического опыта, результатов общечеловеческого развития и социальной эволюции обществ, конкретной жизнедеятельности сотен миллиардов людей, живших на Земле. Опыт истории и повседневная практика придали мысли о существовании природы, до и независимо от человека, фактическую и реальную очевидность. Это не только факты общечеловеческого бытия и индивидуальной жизни, но и обоснованные выводы естествознания, науки и философии на протяжении многих тысячелетий.

Признание объективности бытия первой природы означает ко-

¹ Кант И. Соч.: В 6-и т. – Т. 3. – С. 101.

ренное и постоянное отличие природы, ее вещей, процессов, состояний как особой формы бытия. Однако важно не забывать о бытийственных различиях как между природой в целом, так и ее отдельными сущими. Природа в целом бесконечна в пространстве и времени, ее уникальная особенность не присуща отдельным вещам, процессам, состояниям; говоря философским языком, их небытие сменяется их же бытием. Они вступают в процесс развития, изменения, становления, их бытие выступает как сохраняющееся и исчезающее. Такие мыслители, как Гераклит и Гегель ярко раскрыли диалектику бытия преходящих вещей. Действительно, бытие природы имеет своей особенностью диалектику преходящего и непреходящего бытия отдельных сущих в непреходящем бытии природного мира как целого.

Благодаря своему бытию – объективности и бесконечности, первая природа является реальностью особого типа. Человек, его телесное и духовное появились и развивались благодаря природе. Сама Земля, непреходящая природа, миллиарды лет существовала без человека. После происхождения человека, возникновения языка, абстрактного мышления, развития разума, несмотря на все более усиливающееся воздействие людей на природу, огромная безграничная часть мира бытийствует как реальность, полностью независимая от человека и человечества.

Сегодня, как никогда, по-прежнему можно смело утверждать, что в универсуме природы человек с его сознанием представляют собой только одно из поздних звеньев в бесконечной цепи единого бытия. Для природы существовать, «быть», вовсе не значит быть воспринимаемой человеком. Ему достаточно сложно охватить не только восприятием, но даже всем своим воображением и мыслительной деятельностью огромные пространства Вселенной, весь универсум.

Действительно, безграничный и вечный мир природы превосходит время существования, возможности познания человека. Однако в философии и культуре всегда подчеркивалась мысль о единстве человека как конечного существа с бесконечным миром, его способности понять и преобразовывать природу. Сама природа объективна, реальна, первична также и в том смысле, что без нее невозможна жизнь и деятельность человека. Без нее не могут появиться предметы и процессы, произведенные человеком. «Вторая природа» строго зависит от первой – от природы как таковой, от ее вещей, процессов, закономерностей, существующих до, вне и независимо от человека.

В философии понятие «окружающий мир» включает большинство окружающих нас вещей и предметов как целостностей, произведе-

денных людьми, правда, часто оставаясь недифференцированным. Более того, окружающий мир нередко отождествляется с первой природой, что не всегда правомерно. По типу, форме своего бытия «вторая природа» сходна с первой, из которой она рождается, но в пределах предметно-вещественного бытия она обладает важными особенностями.

Следует помнить, что существует качественное отличие «второй природы» от первой. В философском смысле, с одной стороны, воплощенный в ней материал первой природы есть объективная и первичная реальность, развивающаяся по законам, независимым от человека и человечества, а с другой – в предметах «второй природы» воплощены или «опредмечены» труд и знания человека. Как известно, для дальнейшего использования и преобразования предметных результатов человеческого труда нужно «распредметить» эти знания. В своей деятельности люди часто акцентируют внимание на роли духовных, идеальных элементов в процессе труда, предметной деятельности человека. Поэтому не случайно, что огромная и существенная роль отводится таким компонентам человеческой деятельности, как целеполагание, идеальные модели и проекты, планы действий и образы изготавливаемых предметов, которые затем воплощаются в жизни.

Смысл бытия предметов и процессов «второй природы» состоит в том, что они представляют собой нерасторжимое единство природного материала, опредмеченного духовного (идеального) знания, опредмеченной деятельности конкретных индивидов и социального предназначения, функций данных предметов. Будучи созданными в качестве такой особой единой реальности, эти предметы заданы, объективно предпосланы последующим актам человеческого труда, познания, творчества.

Природный материал, объективные природные процессы составляют, таким образом, то первичное и реальное в предметах «второй природы», с чем в человеческой деятельности нельзя не считаться, с чем требуется жестко соотносить свои цели, планы, проекты, замыслы, критерии. Природе человека присуще непрерывное стремление видоизменять модели, преобразовывать проекты и способы изготовления предметов. Правда, во всех случаях относительно постоянной первоосновой будут свойства предметов как объективно данные, непрерывно и все глубже осваиваемые людьми. Однако не следует забывать, что существует специфика бытия предметов «второй природы» и ее целостности, которая состоит в том, что это качественная новая комплексная природно-духовно-социальная реальность.

Чрезвычайно многообразный и единый мир «второй природы» включает простейшие орудия труда и сложнейшие машины и технологии, средства транспорта и коммуникаций, здания и сооружения, школы и музеи, театры и многое другое. Словом, она включает в себя пространство человеческой цивилизации и культуры, все созданные людьми богатства, системы и комплексы, начиная с эпохи первобытности и до современности.

Отличие бытия предметно-вещного мира культуры от бытия природных вещей – это не только отличие естественного, созданного и произведенного, от искусственного. Главное отличие в том, что бытие «второй природы» по самому своему существу есть как социально-историческое, материализованное, так и цивилизационное, культурное и специфическое этническое бытие. Вещи и предметы «второй природы», живя естественной жизнью, одновременно обладают особым качеством, занимают важное место в бытии человеческой культуры и цивилизации.

Принципиально важным аспектом, связанным с относительным различием первой и «второй» природы, является их принадлежность к единой форме бытия и к единству мира как целого. Долгое время люди не осознавали достаточно четко, что между первой и «второй» природой возможны не только отношения взаимосвязи, согласованности, но и конфликтного противостояния. В XX веке появились глобальные проблемы человечества, конфликты в области экологии, демографии, культуры, этничности и др. Сегодня требуются качественно новые подходы при регулировании отношений между ними, в принципе относящихся к одной – вещной, предметной форме бытия и к единому, целостному бытию мира.

Бытие человечества в целом и отдельного человека в частности специфично и уникально. Для философии, ее учения о бытии важно понять, как именно человек существует. Он непосредственно существует как живой, конкретный индивид, причем первичной предпосылкой его существования является жизнь его тела.

Отметим, что в бытии есть общие и для человека, и для любой преходящей вещи природы стороны существования. В этом смысле оправдан подход естествознания, согласно которому человек предстает как бы телом среди тел, вещью среди вещей. Только сущность человека не следует сводить к жизни и проявлениям его тела. Наличие тела делает человека конечным, преходящим существом. Даже возможное в будущем увеличение длительности жизни людей не отменит законов существования человеческого тела как тела природы. К бы-

тию человеческого тела относится все, вся диалектика бытия – небытие, возникновение, становление и гибель преходящих тел природы. Относится к телу человека и то, что оно, погибнув, не исчезает из бесконечной и непреходящей природы, а переходит в другие ее состояния. Таким образом, проблема человеческого бытия включена в широкий вопрос об эволюции природы и генезисе, возникновении самого человека (антропогенезе), который был также и генезисом специфической для вида *Homo sapiens*, человека разумного, формы существования.

Человек существует как тело в мире вещей. Из того обстоятельства вытекает ряд следствий, которые люди в своей жизни вынуждены учитывать как на сознательном, так и бессознательном, инстинктивном уровне. Тело человека «помещено» в мир неживой и живой природы. В человеческом бытии, несмотря на всю специфику, в том числе и включая особенности культуры, этнического развития, ментальности, традиций и быта, первична предпосылка существования тела и необходимость удовлетворения его жизненных, фундаментальных потребностей. Само существование происходит в соответствии с законами жизни, циклами развития и гибели организмов, с циклами природы.

Отсюда вытекают важные следствия относительно прав каждого отдельного человеческого существа. Исходное право связано как раз с сохранением жизни, самосохранением индивидов и выживанием человечества. Правда, уже в древности потребности человека, его тела приняли иной характер, они преобразовались в особые, а не только природные притязания. Из факта существования человека как живого тела, природного организма, вытекает его подвластность всем законам жизни, в том числе и законам наследственности, отменить которые или пренебречь которыми пока люди не в состоянии. Это лишний раз показывает, как осторожно и ответственно надо обращаться с природным, биологическим, этническим и иным «измерениями» человеческого бытия. Даже сама биология человека – целый мир, относительно самостоятельный и целостный, специфический в его бытии, в то же время вписанный в целостность природы. Нарушение человеком любого баланса своего организма влечет за собой опасные и разрушительные для него последствия.

В философии подчеркивается неразрывная связь между материальным и духовным, телом человека и его мыслями, характером, поведением, волей, страстями, переживаниями. В зависимости от своих предпочтений и позиции ученые называли их «душой» или «психи-

кой». Философия всегда уделяла особое внимание проблеме человеческой телесности и психическому миру индивида. Марксистская философия выявила ограниченность как механистического материализма, сводившего тело человека к телу природы, так и идеализма и религии, мистики и спиритуализма, критически и презрительно относящихся к «бренному» телу. В неклассической философии, особенно в творчестве Ф. Ницше и С. Кьеркегора, начинается формирование нового подхода к человеку. В частности, Ф. Ницше писал: «Человеческое тело, в котором снова оживает и воплощается как самое отдаленное, так и ближайшее прошлое всего органического развития, через которое как бы бесшумно протекает огромный поток, далеко разливаясь за его пределы, – это тело есть идея более поразительная, чем старая «душа»¹.

Действительно, в существовании человеческого тела, в его бытии имеется огромное количество загадок, тайн, противоречий, которые связаны как с зависимостью от природы, так и с относительной свободой от окружающего мира, между непосредственным «физиологизмом» и способностью проявлять высшие порывы своего духа.

Бытие отдельного человека составляет диалектическое единство тела и духа. Функционирование тела тесно связано с работой мозга и нервной системы, а через них – с духовной жизнью и психикой индивида. Человек для самого себя является в единстве и первой, и «второй» природой. Мысли и эмоции – важнейшая сторона целостного бытия человеческого индивида. В новоевропейской философии человека нередко определяли как «мыслящую вещь». Это имеет свои оправдания на уровне первых предпосылок анализа человеческого бытия. Действительно, человек непосредственно существует как отдельная вещь, которая мыслит. Наверное, Р. Декарт был прав, когда рассматривал человека как «мыслящую вещь». Он, по собственным его словам, «не отрицал, что для того чтобы мыслить, надо существовать...»². Когда же Декарт утверждал: «Я мыслю, следовательно, я существую» («*cogito ergo sum*»), то он уже переводил спор о бытии человека в другую плоскость. Благодаря мышлению, понимаемому философом в широком смысле, человек способен размышлять о самом факте своего существования, становится мыслящей личностью³.

В философии специфика человеческого бытия заключается не только в единстве тела и духа. Для нее важно признание существова-

¹ Ницше Ф. Воля к власти. – Киев, 1994. – С. 306.

² Декарт Р. Избранные произведения. – М., 1950. – С. 430.

³ Там же. С. 430.

ния человека как мыслящей и чувствующей вещи в мире природы, побудившей людей к производству и общению. Между фактом существования человека как природного живого тела с естественными потребностями и возникновением производства и общения людей имеется диалектическая взаимосвязь. Неоспоримым является факт существования тесного единства между бытием человека в качестве природного тела и социальным бытием.

Специфика человеческого бытия еще и в том, что существуя непосредственно как природное тело, человек подчиняется законам существования и развития конечных, преходящих тел. Однако следует признать, что законы развития и потребности тела не полностью, не однозначно воздействуют на бытие человека. Особенность человеческого существования состоит в возникновении специфической, уникальной для живой природы, «нежесткой» и неуниверсальной обусловленности бытия человека со стороны его тела. Нежесткость проявляется в таких, например, фактах, как способность человека регулировать, контролировать свои фундаментальные потребности, удовлетворяя их в пределах и формах, определяемых обществом, историей, собственной волей и самосознанием индивида. В свою очередь, неуниверсальность состоит в том, что многие действия человека определяются своего рода эгоизмом телесных потребностей, часто регулируются социальными, этническими, духовными и нравственными мотивами. Существование человека, несмотря на его разумность, наличие духовных и нравственных императивов, носит природно-телесный характер, специфика которого состоит в соединении, пересечении, взаимодействии трех относительно разных измерений бытия.

Таким образом, существует несколько измерений человеческого бытия. Во-первых, реально существует отдельный человек как мыслящее и чувствующее тело, вещь. Во-вторых, он живет как индивидуальная особь, принадлежащая к виду *Homo sapiens* и взятая на данном витке его развития, эволюции мира. В-третьих, он позиционирует себя как социально-историческое существо. Взятые в единстве все три измерения составляют исходные характеристики бытия человека.

Несмотря на преходящий характер бытия индивида, жизнь его связана с жизнью человеческого рода. Сегодня для всех индивидов, живущих на Земле, существует место на едином гигантском «генеалогическом древе» человечества, формирование которого началось с животных предков, первых человеческих существ и продолжается в современную эпоху. Известно, что каждый человек, живущий ныне на Земле, является представителем какого-то определенного рода. Через

необозримое количество предков и поколений он восходит к первым представителям рода *Homo sapiens*, которые начали осваивать различные регионы Земли, создали свою культуру и определенный тип цивилизации. Каждая общность людей, живущая ныне на планете, является уникальной во всех смыслах, в том числе и в проявлениях этничности. В бытийном смысле человечество представляет собой общность, в которую входят все индивиды, когда-либо существовавшие на Земле, настоящие и будущие поколения людей. Все они включены в историю человеческого бытия и составляют непрерывную цепь бытия природы, эволюции мира. Как и все поколения, каждое из них составляет звено и одновременно единство исторического процесса, социального и этнического бытия человечества.

Человеческое бытие как реальность объективно по отношению к сознанию отдельных индивидов и поколению людей. Как отмечали, люди существуют до, вне и независимо от сознания каждого отдельного человека. Однако бытие людей отнюдь не абсолютно независимо от сознания. Оно является комплексным и уникальным единством природного мира, вещественного и духовного, индивидуального и родового, личного и общественного. Каждый из нас является реальностью для самого себя. Мы существуем, а вместе с нами реально существует и наше сознание. В целостном единстве бытия важным и актуальным является вопрос о месте и значении бытия человека. Во многих философских концепциях человек и бытие человеческого рода рассматриваются как песчинка в безграничной Вселенной или «краткий» эпизод в бесконечном мире.

Однако люди не просто существуют в мире, они преобразуют мир и самих себя, способны познавать собственное бытие и бытие как таковое, испытывать тревогу за «судьбу бытия». В способности человека «озаботиться» бытием некоторые философы видят главное его определение. Например, М. Хайдеггер писал: «Ясно, что человек – нечто сущее. Как таковое он, подобно камню, дереву или орлу, принадлежит целому бытия. Здесь «принадлежит» все еще значит: «встроен в бытие». Но отличие человека покоится на том, что он как мыслящее существо открыт бытию, поставлен перед ним, пребывает отнесенным к бытию и так ему соответствует. Человек, собственно, есть отношение соответствия, и только оно. Только значит здесь совсем не ограниченность, но избыток. В человеке правит принадлежность к бытию, и эта принадлежность прилежна и послушна бытию, ибо предана ему»¹.

¹ Хайдеггер М. Тожество и различие. – С. 17–18.

Сегодня перед человеком и человечеством стоит особая миссия – осознать свою противоречивую роль в единой системе бытия и исполнять свою миссию с величайшей ответственностью. Она касается ответственности каждого человека за себя, бытие человеческого рода и всей человеческой цивилизации, судьбы планеты Земля. Сегодня, несмотря на кризисы и абсурдность постмодернистского бытия, по-прежнему особые надежды возлагаются на разумность и интеллектуальное величие человека, осмысление им духовно-нравственных смыслов и ценности жизни как специфического бытия людей.

Как известно, духовное, охватывая процессы сознания и бессознательного, составляет единство многообразного. Оно включает знания, воплощающиеся, материализующиеся в формах естественных языков и искусственных знаковых и символических систем. К духовным продуктам и процессам принадлежат принципы гуманизма и человеческого общения, критерии нравственности, права, научного и художественного творчества. Имея в виду различия в форме бытия, духовное можно разделить: во-первых, на духовное, которое неотделимо от конкретной жизнедеятельности индивидов, то есть на индивидуализированное духовное, включающее сознание индивида; во-вторых, духовное, которое существует, объективируется, понимается как внеиндивидуальное, объективированное духовное. В результате осуществляется рефлексия, когда сознание работает, а человек с его помощью размышляет о нем, рефлектирует на него. Сознание действительно и непосредственно существует, бытийствует как порожденный деятельностью мозга невидимый и необратимый поток чрезвычайно быстро меняющихся побуждений, впечатлений, чувств, переживаний, мыслей, как совокупность идей, убеждений, ценностей, установок, стереотипов. Несмотря на кажущуюся хаотичность, ученые признают существование в потоке сознания определенного порядка, связанности, единства, устойчивости и всеобщности структур.

Специфика существования сознания заключается в исключительной подвижности его процессов, а также в том, что их непосредственное бытие скрыто от любого внешнего наблюдения. Люди пока не научились восстанавливать, реконструировать поток сознания в индивидуальной полноте и неповторимости его бытия. Из потока сознания «извлекаются» и фиксируются лишь отдельные его элементы, фрагменты, феномены, которые предстают как чисто субъективные впечатления или как объективно значимые результаты. Правда, в процессе исторического развития люди все же учатся наблюдать за тем, что происходит с их сознанием, сообщать об этом и обсуждать мысли,

чувства, состояния своего сознания с другими людьми. На этом держится человеческое общение и в немалой степени зиждется культура, ведь она часто повернута именно к внутреннему опыту человека, основанному на умениях людей.

Специфика индивидуализированных форм бытия духовного заключается в том, что конкретные процессы сознания возникают и умирают вместе с рождением и смертью отдельных людей, что не означает исчезновение всех результатов деятельности сознания. Сохраняются результаты, преобразованные во вторую, внеиндивидуальную духовную форму, а также переданные непосредственно другим людям в процессе общения. Как известно, именно психология как наука исследует «микромир», бытие духовного в его индивидуализированных формах.

При всех проблемах и дискуссиях сегодня как никогда актуально признание того, что существование сознания неотделимо от существования человека и его тела, оно зависит от деятельности мозга и нервной системы индивида. Сложность и диалектика бытия индивидуализированных форм духовного состоят в том, что сознание и все его проявления, неотделимые от природно-биологических процессов, к ним принципиально несводимы.

Время сознания, «локализуясь» в физическом времени мира, обладает специфическими особенностями. Человеческая мысль способна мгновенно, превышая все предельные физические скорости, преодолевать пространства и времена. С помощью памяти человеческое сознание способно «помещать» в настоящее также и прошлое, а с помощью воображения и рассуждения – мыслить и тревожиться о будущем. Однако в человеческом сознании всегда существует только его настоящее: прошлое сознание уже кануло в поток переживаний и частично исчезло необратимо. Некоторые же прошлые переживания в трансформированном виде хранятся в человеческой психике. Время от времени прошлое сознания актуализируется, снова делается его настоящим.

Сознание человека – одновременно и его самосознание, то есть осознание человеком своего тела, своих мыслей и чувств, своего положения в обществе, отношения к другим людям. Процессы самосознания могут быть выделены индивидом в потоке собственного сознания. Однако самосознание не существует отдельно от целостного потока сознания как совершенно обособленное от него. Самосознание является своеобразным центром нашего сознания. Человеческое «Я» и самосознание действительно неразрывны. Самосознание «работает»

почти всегда, ведь любой акт сознания, в том числе и направленный на внешние предметы, невозможен без спонтанно синтезирующих наш опыт механизмов самосознания.

Индивидуализированное духовное включает не только целенаправленные и спонтанные, смутные или ясные процессы сознания, но и бессознательные акты и действия, которые не просто существуют, но и являются важной стороной психической жизнедеятельности индивидов, их духовной целостности. Как же существует бессознательное, в чем особенности его бытия? Первый уровень бытия бессознательно включает неосознанный психический контроль человека за жизнью своего тела, координацию функций, удовлетворение его потребностей, который осуществляется автоматически. Бессознательны некоторые желания и побуждения, сны, патологические душевные состояния, разные фобии, паранойя. Второй уровень бессознательного – это процессы и состояния, сходные с сознанием человека в период бодрствования, но до поры до времени остающиеся неосознанными, хотя в принципе они могут перемещаться в поле сознания. По существу, на этом уровне фиксируется рождение мысли, образа в недрах бессознательного и последующее осознание их. К нему относятся и переживания, которые «вытеснены» из сознания во имя его защиты от слишком большого объема информации, от болезненных, тревожных впечатлений. Третий уровень бессознательного находит проявление в некоторых процессах художественной, научной, философской и иной интуиции, в вызревающих в душе человека высших побуждениях духа. В этих процессах бессознательное тесно переплетено с сознанием, с творческой энергией чувств и разума человека.

Проблема существования бессознательного состоит в том, что нам являются лишь отдельные фрагменты бессознательного, причем уже в виде как-то схваченных, уловленных сознанием психических процессов. Наблюдения за тем, как всплывают из его глубин или погружаются в него эти фрагменты, а также косвенные наблюдения психологов, психиатров, философов, писателей, например, за процессами творчества, сновидениями, психическими патологиями, позволяют говорить о его существовании, анализировать и обоснованно судить о бессознательном.

Философия, специально анализируя индивидуализированное духовное как особое бытие, одновременно рассматривает его в связи с бытием человека и бытием мира в целом. Известные философы Нового времени и современности: Р. Декарт, И. Кант, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр – подчеркивали значимость индивидуализированного

духовного и его своеобразный приоритет перед другими формами человеческого существования. Одним словом, существование индивидуализированного духовного, единство сознания и бессознательного является важнейшим интегральным составляющим, без которого невозможно человеческое бытие, его диалектическое развитие.

Бытие индивидуального сознания, в том числе и бессознательного, лишь относительно самостоятельная форма бытия. Индивидуализированное духовное не оторвано от эволюции бытия как целого. Оно не существует отдельно, обособленно, во многих отношениях зависит от совокупной жизнедеятельности индивидуального человеческого существа. У сознания индивида нет какого-то особого «места бытия», помимо тела определенного человека, его психики, духовного склада его целостной личности. И что особенно важно, индивидуализированное духовное «локализовано» в общественном человеке и по своей сущности является особой разновидностью духовного, обусловленного также бытием общества и развитием истории. Вот почему индивидуализированное и внеиндивидуальное духовное так тесно переплетены, способны «переливаться» друг в друга. Результаты деятельности сознания и вообще духовной деятельности конкретного человека могут отделяться от него самого, как бы выходить «вовне». И тогда возникает духовное второго типа – объективированное внеиндивидуальное духовное.

Как известно, индивидуализированное духовное существует в виде сугубо индивидуальных, неповторимых процессов сознания и бессознательного, материализованных и локализованных в процессах и проявлениях работы мозга, центральной нервной системы, всего организма. Однако имеются такие формы материализации духовного, которые рождаются в лоне человеческой культуры и принадлежат к внеиндивидуальным формам ее бытия. Наиболее универсальны естественные и искусственные знаковые, символические формы существования, воплощения духовного.

Язык человека выступает одним из ярких примеров единства индивидуализированного и объективированного духовного. Связь языка и сознания, языка и мысли несомненна. Язык – это форма, через которую выходят вовне, объективируются отдельные результаты, процессы работы сознания. Вместе с тем буквы (звуки), слова, предложения, тексты, структуры, правила, богатые варианты развитого языка выступают и как реальность, также обособленная от сознания отдельных индивидов, поколений людей. Им эта реальность дана как особый мир, запечатленный в «памяти» человеческой культуры, в памяти человечества.

Языковая память культуры, человечества – сложное единство актуальной памяти многих конкретных людей, говорящих и пишущих на данном языке, и объективно существующих памятников. Только благодаря тому и другому обогащается, изменяется, хранится, а значит, живет, существует язык как целое.

Действительно, на примере языка можно видеть, что объективированные формы возникают и «работают» в рамках индивидуализированных форм. Прежде всего, в сознании, в недрах бессознательного, в виде так называемого коллективного бессознательного, которое наиболее характерны массовой психологии, особенно этническим процессам. В свою очередь, на примере идей можно видеть, как они «работают» в мире человеческого бытия. По мере развития человека и человечества они преобразуются, приобретая качественно новый характер. Изменение реальности ведет к отбору и накоплению, формированию новых идей и ценностей, которые в совокупности образуют духовное богатство нашей цивилизации и культуры.

Как объективированное духовное, так и индивидуализированное духовное материализуется. Оба вида духовного материально воплощаются, бытийствуют в словах, звуках, знаках естественного и искусственного языков. Материальными носителями духовного являются предметы и процессы: книги, проекты, холсты, чертежи и формулы, ноты. Отметим, что внешние воплощения идей, мыслей, ценностей как идеальных смыслов различны. В этом отношении невозможны никакие «чистые», свободные от объективированных воплощений, идеи и ценности.

Представления людей об истине, благе, добре, красоте сложились на основе обобщенных представлений, критериев и норм, регулирующих процессы научного, нравственного и художественного творчества. Такие идеи в процессе развития человечества кристаллизуются, формируя духовные сокровища общечеловеческих ценностей. Мир идей обогащается, приобретая все большее значение и относительно самостоятельное бытие. Однако неправомерно делать вывод об абсолютной независимости бытия духовного от бытия мира природного и человеческого. Бытие идей не просто неотделимо от бытия природы и человеческого мира, как таковое оно изначально и непременно включено в целостное бытие.

Специфика объективированного бытия заключается в том, что его элементы и фрагменты (идеи, идеалы, нормы, ценности, различные естественные и искусственные языки) способны сохраняться, совершенствоваться и свободно перемещаться в социальном про-

странстве и историческом времени. Духовная жизнь человечества, духовное богатство цивилизации и культуры, социальная жизнь – это специфическое «место бытия» объективированного духовного, чем и определяется его место в целостном бытии.

Особую роль в этой сфере играют духовно-нравственные принципы, нормы, идеалы, ценности, такие, как красота, справедливость, истина. Они существуют в виде и индивидуализированного, и объективированного духовного. В первом случае речь идет о сложном комплексе побуждений, мотивов, целей, которые определяют духовную структуру личности, во втором случае – о воплощенных в науке, культуре, массовом сознании идеях, идеалах, нормах, ценностях. Как виды духовно-нравственного бытия они играют существенную роль и в развитии личности, и в совершенствовании культуры. Таким образом, смысл проблемы бытия в том, что все бытийные аспекты имеют равное значение, потому что каждый из них высвечивает бытие в целом как неразрывное, нерасторжимое единство, как целостность.

Подводя итоги, отметим, что в переломные эпохи, периоды системных кризисов цивилизации значительно повышается внимание человечества к универсальным и судьбоносным проблемам бытия, усиливается интерес к философским проблемам онтологии, социального и этнического бытия, универсальным вопросам природного и биологического существования человека, поискам его цели и смысла жизни, роли и места в современном мире.

Отсюда, не случайно, что в первые десятилетия XXI века, когда современное общество оказалось в условиях новых «вызовов» глобализирующегося мира, нарастающих неопределенностей и рисков, все более актуальным становится необходимость философского «вопросания» о бытии. Наверное, следует вернуться к мысли Мартина Хайдеггера, высказанной в работе «Бытие и время». В ней он писал, что только человек способен вопрошать о бытии, задавать вопрос о том, в чем состоит специфика бытия человека; в этом смысле ему вверена судьба бытия¹. И отсюда проистекает, быть может, самая главная ответственность и высшая задача человечества.

Перефразируя в духе современности мысль М. Хайдеггера, следует признать, что наступило время «озаботиться» не только универсальными проблемами бытия мира, природы и общества, но и осмыслением общенационального бытия, бытия человека этнического.

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Академический проект, 2010.

Глава III

ФИЛОСОФИЯ ЭТНИЧЕСКОГО БЫТИЯ



Больше столетия в философской и социально-гуманитарной науке проблемы этноса и феномен этничности вызывают ожесточенные дискуссии и споры. На наш взгляд, введение в понятийный аппарат философской науки категории «этническое бытие», несмотря на определенный уровень универсальности и абстрактности, выход за рамки эмпирического опыта и фактологического знания, установок обыденного сознания и практического понимания, будет способствовать поиску и выявлению глубинных оснований феноменов этноса и этничности. Как сложные и противоречивые явления этнос и этничность включают одновременно природные и биологические, социальные и исторические, политические и экономические, культурные и психологические, духовные и нравственные аспекты. Несмотря на многообразие и различие подходов, общепризнанной и единой интегральной концепции этноса пока не существует. Поэтому перед нами стоит актуальная задача – философское исследование генезиса, природы и сущности этноса, различных парадигм и подходов постижения этничности, определение специфики этнического бытия, его роли и места в условиях происходящих социальных трансформаций и системе межэтнического взаимодействия.

3.1. Природа, сущность и специфика этнического бытия

Для отечественной социальной и политической философии, сформировавшейся всего несколько десятилетий назад, но имеющих исторический опыт и богатые традиции, актуальный характер приобретает исследование бытия общества как целостности и этнического бытия как его части в условиях неравновесности и неустойчивой динамики современного социума. Работы выдающихся мыслителей XX века М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра, Д. Лукача, П.А. Сорокина по проблемам онтологии являются классическими в области философского и социогуманитарного знания. Опираясь на труды известного социолога П.А. Сорокина, современный российский философ Ю.М. Рез-

ник разработал свою концепцию социальной онтологии¹. В ней социальное бытие рассматривается в единстве таких подсистем, как общество, культура и личность.

Рассматривая структуру социального взаимодействия, П.А. Сорокин выделил три взаимосвязанных аспекта. Во-первых, личность как субъект взаимодействия; во-вторых, общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами; в-третьих, культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения².

В условиях нарастания неопределенностей в мире и непрерывных трансформаций обществ исследование проблемы этнического бытия, определение соотношения социальной и этнической эволюции приобретают особую значимость. Сложность и новизна исследования заключается в том, что категория «этническое бытие» впервые вводится в логико-понятийный аппарат и рассматривается как самостоятельный объект научного исследования.

Прежде чем приступить к социально-философскому и политическому исследованию этнического бытия, следует рассмотреть природу и сущность этноса, парадигмы этничности. Несмотря на огромный опыт, накопленный наукой по проблеме нации и этноса за несколько столетий, и в настоящее время в российской и зарубежной философской и социально-гуманитарной литературе продолжают серьезные дискуссии. Как известно, в современной науке и в международно-правовых документах применяются понятия «этнос» и/или «нация», «этничность» и «национальность», «этнические меньшинства» и «национальные группы». Многие из этих понятий имеют в своей основе идентичное содержание, означают граждан государства или меньшинство граждан не по сословно-классовым и иным социальным признакам, а по их этнической, национальной принадлежности.

При всех различиях подходов к понятиям «этнос» и «нация» важно признать их объективную онтологическую сущность и необходимость адекватного научного познания. Поэтому важнейшей задачей настоящего исследования является анализ различных концептуальных подходов и постижение природы и содержания данных понятий, выявление их субстанциональных оснований.

¹ Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Социальная онтология: пособие. – М.: Институт востоковедения РАН, 1999. – 514 с.

² Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 212.

Каким образованием является «этнос» – социальным, природно-биологическим или идеально-конструктивистским? Каковы его системные качества, характерные свойства, отличительные признаки? Насколько возможно в рамках современной методологии сформировать целостную концепцию этнического бытия? Действительно, специфика современной социальной трансформации, особенности детерминации развития социально-гуманитарных наук актуализировали исследование этнических общностей. Известно, что любые человеческие общности представляют собой определенное единство природно-биологических и социально-культурных характеристик. Однако несмотря на интегрирование всех признаков этноса, даже по разным основаниям, рассмотрение этничности как качественной целостности, определение ее природы и сущности оказывается достаточно сложной задачей.

Экспурс в историю свидетельствует, что этносы возникли в результате длительного исторического развития человечества и представляют собой специфические природно-биологические и социально-культурные сообщества людей. Они обладают значительной устойчивой связью между своими представителями, имеют реальные, объективные и субъективные признаки, сохраняют внутригрупповое единство и солидарность, выделяются особым образом жизни, культурой, традицией, обычаями. Следовательно, в аспекте философского анализа их неправомерно рассматривать как простую совокупность эмпирически фиксируемых индивидов с определенными количественными параметрами. Их следует характеризовать как специфическую качественную социальную целостность, способную к непрерывному воспроизводству и динамике общественной жизни. Одновременно этносы можно рассматривать и как значимые символические, конструктивистские и инструменталистские модели, сформированные для постижения объективной реальности, которые используют в различных целях политические и социальные группы.

Словом, этническая общность – это преимущественно сложная системная совокупность людей, обладающих общей культурой и языком, осознающих свою принадлежность к данной общности в отличие от людей, принадлежащих к другим подобным общностям (самосознание). Казалось бы, приведенных положений вполне достаточно, чтобы понять специфику как социальной, так и этнической общности. Однако споры и дискуссии продолжаются до сих пор. Связаны они, на наш взгляд, с разными уровнями абстрагирования в рамках специфики предметных подходов.

Действительно, разное понимание природы и сущности этноса в различных науках связано со спецификой отображаемой ими конкретной стороны действительности, что характерно для этнологии, социологии, политологии, психологии, культурологии. Категория «этническое бытие», характеризующаяся высокой степенью абстракции, отображает не отдельные стороны объективной действительности, конкретные проявления жизнедеятельности людей, а всю социально-этническую целостность. Поэтому важно разграничение этнической и социальной общностей как принадлежащих к научным объектам разного уровня абстрактности и конкретности, соответственно, социально-гуманитарных наук и философии. Вне сомнения, что этносы должны изучаться различными науками, и только в синтетическом единстве они способны отобразить все многообразие данных социально-этнических характеристик.

Наиболее универсальным является философский подход, позволяющий вычленив субстанциональные, онтологические, антропологические, духовные и другие основания и характеристики этносов. В предметном поле социально-гуманитарных наук фиксируются в основном конкретные и отдельные связи и отношения. Только в рамках философской методологии появляется возможность для адекватного и наиболее полного отражения всего этнического бытия, исследования пространственных и временных параметров этноса, выявления его значимых характеристик. Однако нередко всеобщее подменяется частным, т.е. на социально-гуманитарные науки пытаются возложить те задачи, решение которых возможно лишь в рамках универсального философского подхода.

Как показывает исследовательский опыт последних десятилетий, недостаточным в современных условиях является также использование понятийного аппарата этнологии и различных ее направлений. Этнологическая терминология не обладает философской глубиной познания, она не универсальна и потому не способна выразить всю полноту таких феноменов, как этнос и нация, рассматривать их как целостности во всем многообразии связей и взаимодействий. Применение методов частных наук, несмотря на значимость изучения ими истории, географии, хозяйства, традиций и быта этносов, не позволяет выявить глубину их сущности, роль и значимость этнической структуры при трансформации всей социальной системы, специфику «жизненного мира» этнофоров, их деятельность и место в функционировании всей системы общественных связей и отношений.

Непосредственно обращаясь к проблеме этноса, отметим, что

уже целое столетие она находится в центре наиболее пристального внимания ученых. Однако до сих пор в философской и общественно-гуманитарной науке не существует общепринятого и достаточно адекватного определения понятия «этнос». Начало изучения проблемы связывается с именем известного ученого С.М. Широкогорова, который еще в 20-е годы XX века, исходя из биологической сущности этносов, попытался найти критерии его определения. Одним из первых он отметил, что «этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освящаемых традицией и отличаемых ею от таковых других групп»¹. В СССР в конце 30-х годов прошлого столетия понятие «этнос» было объявлено категорией западной науки, а важные этнографические исследования стали проводиться исключительно в традициях догматизированной формы марксистско-ленинской методологии.

В нашей стране только со второй половины XX века появились реальные возможности для активного и творческого исследования теоретических проблем этноса. Работы В.И. Козлова, С.А. Токарева, Н.Н. Чебоксарова, М.А. Свердлина, П.М. Рогачева, а особенно Ю.В. Бромляя, позволили наполнить более конкретным содержанием термин «теория этноса», сформированный еще С.М. Широкогоревым. В этнографической литературе развернулись дискуссии о типах этнических общностей и их иерархии. Однако формированию более объективных и научных взглядов на этнос мешал существовавший в советскую эпоху политический и идеологический диктат в развитии философии и общественно-политических наук.

Современные глобальные изменения и социальная трансформация российского общества изменили приоритеты как в обществе, так и в социально-гуманитарном знании. «Этническая революция» и всплеск этничности, произошедшие в конце XX века и продолжающиеся и в первых декадах нового столетия, все более актуализируют интерес сотен миллионов людей к этногенезу и этнической истории, поиску собственных корней и своей идентичности. В нашей стране в переломную эпоху появилась отдельная наука об этносах – этнология. Одновременно этнические проблемы стали изучать социология, политология, психология, культурология. Если раньше предпочтение отдавалось этнографии, а также философии, изучавшей отдельные проблемы этноса, нации и национальных отношений, то сейчас многие

¹ См.: Широкогорев С.М. Этнос. – Шанхай, 1923. – С. 13.

работы политизированы и носят частный характер; их можно проследить в статьях и монографиях по истории, этнологии, социологии, культурологии, психологии, религиоведению и других наук¹.

По-прежнему востребованной является философская методология исследования природы и сущности этноса и этногенеза, необходимость разработки универсальной теории. Не секрет, что главная причина кризиса и застоя – это актуальность применения междисциплинарной методологии, особенно включение в нее формационного подхода, который становится все более востребованным, использование материалистической диалектики, принципов объективности и реального историзма при научном анализе. Мифологизация и идеализация этносов, абсолютизация их признаков и характеристик, увлечение религиозной составляющей, господство западных постмодернистских парадигм нации в нашей социально-гуманитарной науке, многообразие концепций этничности, раскрывающих только определенные стороны этнической реальности и потому не адекватных повседневности, стремление уйти от идеологических ориентаций и мировоззренческих установок также не способствуют продвижению научных исследований. Поэтому, несмотря на огромное количество этносоциологических, этнополитологических, этнопсихологических и культурологических работ, очевидна необходимость в дальнейшей разработке философской концепции этноса, формировании универсальной методологии анализа, новых категорий, методов и принципов системного исследования феномена этничности.

Следует также признать, что анализ современной зарубежной библиографии по проблемам этноса и нации, межкультурных и межкультурных отношений свидетельствует об устойчивом и огромном исследовательском интересе к феномену этничности и нации. За последние полвека в иностранной литературе появилось такое количество концепций, что, казалось, тема исчерпана. Однако этничность, возродившись, как феникс, вновь поставила перед всеми цивилизациями, как западной, так и российской, достаточно серьезные и судьбоносные проблемы бытия.

Глобализация мира и дальнейшая интернационализация хозяйственных связей, массовые неконтролируемые миграции и региональная мобильность, появление многочисленных национальных диаспор и общин, землячеств и анклавов усугубили существующие расовые и этнические противоречия во многих странах, привели к социальным

¹ См.: Ярошук Н.З. К вопросу о национальной форме социального бытия // Вопросы философии. – 2011. – № 1. – С. 65–73.

конфликтам и гражданским войнам. В свою очередь, фиаско политики «правильного котла» в США и кризис концепции «мультикультурализма» в развитых странах Западной Европе, особенно в Германии, Франции и Великобритании, обострили существующие проблемы, актуализировали вопросы совместного социального бытия, интеграции и синтеза, ассимиляции и аккультурации этносов.

Действительно, продолжающаяся глобализация, социальная динамика ставят перед общественно-гуманитарными науками сложные и противоречивые задачи по исследованию сущности этноса, выявлению природы и содержания этничности, аналитике проблем межэтнических коммуникаций. Ученые пока не могут дать четкой дефиниции указанных понятий, определить их этимологию и семантику, смысл и содержание. Естественно, во многом все это связано с непрерывностью изменений и нестабильностью обществ, а также внутренней противоречивостью и уникальностью данных феноменов.

Сложность проблем еще заключается в том, что подавляющее большинство российских и зарубежных авторов, несмотря на неадекватность и спорность многих положений, по-прежнему ведут исследования этничности только на основе личностного, субъективистского выбора концепции, что оказывается решающим во всех дальнейших построениях. Абсолютизация отдельных признаков, увлечение частными положениями и субъективистскими выводами, как поступают представители примордиалистского, конструктивистского и инструменталистского направлений, затушевывают поиск проблемы, не приближают нас к научной истине. Отсюда, не случайно, что научным сообществом до настоящего времени не сформирована общепринятая концепция этноса и феномена этничности.

Важно признать, что основные дискуссии по проблеме этничности, явно или латентно, находятся в плоскости философских интенций. Сегодня, как и раньше, главный акцент в обсуждении сводится к поиску ответа на вопрос: объективна или субъективна сущность этноса, а также укоренен ли феномен этничности в обществе, человеке или его природе? Вызывают споры и история проблемы этноса, сущность феномена этничность, трудности определения не только их научного, эпистемологического, семантического, но и лингвистического уровней.

Как уже отмечали, понятие «этнос» и производные от него слова и словосочетания используются в общественно-гуманитарном знании уже достаточно долгое время, однако научные дискуссии все еще носят политизированный и непримиримый характер. Например, до

сих пор термин «этничность» вызывает неоднозначную реакцию у многих ученых, хотя в категориальном аппарате этнологических исследований занимает ведущее место. Нам представляется, что термин «этничность» позволяет вычленить базовое понятие «этнос» и рассматривать его как высокую абстракцию, специфический феномен.

Известно, что все современные концепции этничности сложились в рамках существующего понятийно-категориального аппарата. Однако разные авторы используют различные классификационные подходы и признаки для их анализа. Так, например, Р. Липшутц выделяет пять общих «теорий» [кавычки Липшутца] этничности: «биологическая», «примордиалистская», «воображаемого сообщества», «защитительная», «инструменталистская»¹. Дж. Рекс ограничивается обозначением двух основных концепций: примордиалистской и ситуационной или инструменталистской². Д. Лейк и Д. Ротшильд выделяют три общих подхода, подразумевая под ними примордиализм, конструктивизм и инструментализм³. С различными вариантами последняя классификация по-прежнему широко распространена и среди российских ученых.

В настоящее время все существующие теории и концепции этничности сводят к трем основным подходам понимания этнического феномена: примордиализму, инструментализму и конструктивизму⁴. С таким подходом в принципе согласен и Б.Е. Винер, правда, понятие «инструментализм» он заменяет термином «ситуационизм»⁵. Данная типология уже сложилась и является относительно устойчивой в современной российской и зарубежной научной литературе. На наш взгляд, несмотря на все многообразие, условно все концепции этничности следует разделить на следующие группы: во-первых, на традиционные, в которых этносы рассматриваются как объективные, реально функционирующие сущности; во-вторых, нетрадиционные, где этнические общности сторонниками постмодернизма признаются как миражи, фантомы, идеальные и инструментальные конструкции.

По праву традиционной считается примордиалистская (или

¹ Lipshutz R.D. Seeking a State of One's Own: an Analytical Framework for Assessing Ethnic and Secretarian Conflicts // The Myth of "Ethnic Conflict": Politics, Economics, and "Cultural" Violence / Ed / by B. Crawford and R/Lipshutz. – Beverly, Cal., 1998. – P. 54–55

² Rex J Ethnicity and Migration // the ethnicity Reader: Nationalism, Multiculturalism, and Migration / Ed. By Gubernau and J.Rex. – Maiden, MA (USA), 1997. – P. 270.

³ The International Spread of Ethnic Conflict / Ed. By D. A. – P. 5–6.

⁴ Арутюнян Ю.В., Дробужева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. – М., 1998. – С. 32.

⁵ Винер Б.Е. Этничность в поисках парадигмы изучения регуляции // Этнографическое обозрение. 1998. – №3. – С. 4–7.

субстанционалистская, онтологическая, эссенциалистская) парадигма, все направления которой рассматривают этнос как субстанцию особого порядка, как группу людей, имеющих определенный набор признаков¹. Этничность трактуется как реально существующий феномен, само собой разумеющаяся данность человеческого бытия, имеющая объективную основу в природе и обществе. Основные характеристики этнической общности, соответственно, рассматриваются как врожденные и воспроизводящиеся путем межпоколенной передачи. Этническая общность – это общность по крови (происхождению), языку, обычаям, традициям и даже психическому складу людей, которая имеет огромное значение для индивида. Она воспринимается в качестве жестко фиксированной характеристики, которую индивид получает при рождении, что, по мнению примордиалистов, подтверждает психологическую и духовную реальность этнической связи. Таким образом, этничность как наследие первобытной эпохи неискоренима из структуры общества и представляет собой наиболее значимый социальный феномен, важный фактор социального взаимодействия и самую глубинную социальную идентификацию человека.

В нашей и западной науке вплоть до конца 80-х годов XX века примордиализм был доминирующей теоретической парадигмой. В советский период наибольшее число сторонников имел социально-исторический вариант примордиализма, разработанный под руководством академика Ю.В. Бромлей. В нем этнос рассматривался как социокультурная общность, как «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)»².

В «традиционной» этнологии в рамках примордиалистской концепции были разработаны различные антропологические и психологические направления. Их сторонники стремились в основном соотносить мир человека не с природой, а с миром культуры, объяснить этнические процессы, исходя из специфики человеческой психики.

В последней четверти XX века особую популярность получил природно-биологический подход, который объявил этнос составной частью органического мира планеты, а его возникновение связал с

¹ Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М.: Наука, 1987. – С. 71–72.

² Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983. – С. 57–58.

определенными географическими и климатическими условиями. Опираясь на учение С. Широкогорова, Л. Гумилев представил этнос как особый географический, биофизический феномен, облаченный лишь в социальную оболочку, «тот или иной коллектив людей, противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам («мы» и «они»), имеющий свою особую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения»¹.

В теории Л.Н. Гумилева история человечества рассматривается как последовательная цепь многочисленных этногенезов, причиной которых являются пассионарные толчки, своего рода микромутации. В свою очередь, они способствуют появлению особо энергичных и деятельных людей – пассионариев, объединенных общими целями и интересами. Истоки этих мутационных процессов находятся в биосферных явлениях Земли. В результате своего роста и развития этнос проходит несколько стадий – от молодости до надлома, гибели и исчезновения, что обусловлено затратами пассионарной энергии.

В западной научной традиции концепцию примордиализма в основном разрабатывал К. Гирц, который определил этничность как «коллективно одобренный и публично выраженный мир личностной идентичности»². Примордиалистские концепции этничности исходят из того, что фундаментальная потребность людей в идентичности и самоуважении может быть реализована только в общностях, которые связывают этнически сходных между собой индивидов. Признание тезиса об уникальности и жестко фиксированном характере этнических идентичностей приводит примордиалистов к выводу об имманентности конфликта самой природы этничности. Отсюда, вывод: этнический конфликт – естественное следствие этнических различий и противоречий. В итоге, как нам представляется, такая позиция сторонников примордиалистского подхода ведет к иррационализму, романтизации и мистификации этноса, абсолютизации пассионарности, субъективизации индивидуальных и коллективных действий и поведения этнофоров, преувеличению природно-биологических факторов, и, в конце концов, культурно-историческому детерминизму.

Однако, как показал опыт, жесткая и не всегда объективная критика недостатков традиционного подхода, в том числе и востребованных актуальных идей концепции примордиализма, не способствовала дальнейшему постижению феномена этничности. В результате современные подходы сформировались не на основе накопленного положи-

¹ Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. – М., 1993. – С. 52.

² Geertz Clifford. The interpretation of cultures: selected essays. – N. Y., 1973. P. 268.

тельного опыта, эмпирических данных и теоретических знаний, а в силу изменения политической конъюнктуры. Огульная, метафизическая критика привела к господству иррационализма, идей постмодернизма, для которого характерны: «деконструктивизм», «антиэссенциализм», «антихолизм».

В результате в постмодернистской методологии ведущее место заняли редукционизм, синергетика, антисистемные и фрагментарные представления о мире. Поэтому социальные общности в «реалистическом постмодернистском видении» становятся избыточной сущностью, выдумкой интеллектуалов или инструментом для достижения реальных целей реальными людьми. Все эти идеи были развиты в трудах западных ученых: Б. Андерсона, П. Бурдьё, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума. В российской науке эти идеи получили поддержку и стали известны благодаря многочисленным трудам директора Института антропологии и этнологии им. М.М. Миклухо-Маклая, доктора исторических наук, профессора В.А. Тишкова. По их мнению, этничность является ситуативным феноменом, создаваемым средствами символического различения различными политическими элитами и социальными группами в борьбе за власть, собственность и ресурсы.

Обращаясь к истории исследования феномена этноса и этничности, отметим, что научные основания современных постмодернистских концепций были заложены еще во второй половине XX века. Изучая еще в 70-е годы прошлого столетия философские проблемы социально-этнических и национальных отношений, волгоградские ученые М.А. Свердлин и П.М. Рогачев подвергли критике взгляды западных социологов У. Макдаугалла, Х. Боннер, А. Кардинера, объявивших научные понятия условными, нереальными, лишенными объективной значимости¹. Несмотря на значительные трансформации в мире, изменения в социуме, науке и культуре, сегодня сторонники нетрадиционных направлений или постмодернистских концепций этничности продолжают активно отрицать объективное существование этносов и наций. К их числу можно отнести и инструменталистов, которые по-прежнему последовательно отрицают объективный характер функционирования этнических общностей. Правда, представители другой, конструктивистской, парадигмы несколько «смягчили» свою позицию, они в определенной степени признают объективный характер тех или иных этнических признаков.

В центре внимания инструменталистской парадигмы, в отличие

¹ Рогачев П.М., Свердлин М.А. Нации – народ – человечество. – М., Политиздат, 1967. – С. 10.

от примордиалистского подхода, находятся не генетические или эмоциональные аспекты этнической идентичности, а ее рациональные аспекты и те функции, которые она выполняет в социально-политической жизни общества. Инструменталисты рассматривают этничность не как естественную «данность» бытия, а как политический артефакт, как инструмент и вопрос «рационального выбора», возникающий в динамике соперничества политических элит.

Для инструменталистской парадигмы (П. Брасс, Н. Глезер, Д. Мойнихен, Д. Ротшильд, С. Штейнберг) этничность – инструмент групповой мобилизации на основе манипуляций этническими символами и связями со стороны различных элит. Д. Лейк и Д. Кармент считают этничность продуктом этнических мифов, создаваемых элитой общества и используемых ее для достижения более широких, как правило, материальных целей¹. Они рассматривают этничность как эффективное средство для преодоления отчуждения, восстановления утраченной коллективной гордости, этнического равноправия, как социальную терапию.

Инструменталистские и конструктивистские парадигмы стали популярными в последние десятилетия XX века, когда произошел рост этнического национализма, начался распад СССР, когда во многом несостоятельной оказалась теория «плавильного котла» в США. Странники инструментализма: П. Брасс, Н. Глезер, Д. Мойнихан, Д. Ротшильд, С. Штейнберг – субъективировали этничность, рассматривали ее как характеристику, навязанную извне, прежде всего элитными группами. Этничность – это социальный и символический капитал, необходимый для борьбы за ресурсы, собственность и власть.

К числу сторонников инструменталистского подхода этничности следует относить и российских ученых Н.Н. Чебоксарову и С.А. Арутюнову, разработавших «информационную концепцию этноса»². Они рассматривают этнос в контексте теории коммуникации и предлагают описывать механизм существования всех этнических общностей на основе связей, которые могут быть описаны в рамках понятия информации. Этнос в информационной концепции предстает как ареал повышенной плотности информации, а стадийные типы этнических общностей – племена, народности и нации – как три разных типа информационной плотности.

Появление конструктивизма – новой постмодернистской пара-

¹ The International Spread of Ethnic Conflict. – P. 5.

² Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 216.

дигмы связывается с кризисом примордиализма и инструментализма, стремлением ученых преодолеть их недостатки. Основные идеи конструктивизма были разработаны известным норвежским этнологом и социологом Ф. Бартом, впервые предложившим в качестве главного критерия этничности рассматривать границы группы, которыми она ограничивает себя от других подобных групп¹. В трудах Б. Андерсона, П. Бурдые, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума идеи Ф. Барта получили дальнейшее развитие. В них этничность воспринимается как наиболее широкая категория социальной идентичности, ситуативный феномен, создаваемый средствами символического различения, где особое место отводится процессу формирования и поддержания границ между этносами.

Как отмечали ранее, в российской науке приоритет в критике «традиционной» теории этноса и утверждении западной концепции конструктивизма принадлежит В.А. Тишкову². Согласно его точке зрения, этническое чувство и формируемые в его контексте представления и доктрины порождаются на основе дифференциации культур. Этничность формируется и существует только в контексте того социального опыта, с которым связаны люди или с которым они идентифицируются другими как члены определенной этнической группы. Этническую группу он определяет как общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях. Этими «другими» могут быть необязательно контактирующие культурные общности, но и более широкие социальные и культурные коалиции, как, например, государственное образование³.

Процесс самоидентификации может осуществляться как через взаимоисключающую оппозицию, так и через осознаваемую отличительность как один из элементов множественной идентичности. «Мы рассматриваем, – пишет В.А. Тишков, – групповую этническую идентичность как операцию социального конструирования «воображаемых общностей», основанных на вере, что они связаны естественными и даже природными связями. Именно перенесение акцента на процессуальность, а не процесс, позволяет нам выявить составительную и множественную природу идентичности, выстраиваемую в итоге диа-

¹ Frederik Bart (Ed.) *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference*. – Oslo: Bergen; L.: Georg Allen, Unwin, 1969. – P. 3–31.

² См.: Тишков В.А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // *Вопросы философии*. – 1999. – №9. – С. 3–27.

³ Тишков В.А. *Очерки теории и политики этничности в России*. – М., 1997. – С. 62.

лога и властных отношений между группами, между группой и государством или между государствами»¹.

Важным положением конструктивизма является признание относительной подвижности этнической идентичности, что позволяет расположить ее между примордиализмом и инструментализмом. По поводу «дрейфа» этнической идентичности В.А. Тишков пишет: «Этническая идентичность или принадлежность к этносу есть произвольно (но не обязательно свободно!) выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящая от того, что в данный момент считается этносом (народом), национальностью (нацией) в этническом смысле». Далее он замечает, что «вместо возрождения, формирования, перехода, исчезновения этносов имеет место совсем другой процесс – это путешествие индивидуальной/коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причем в ряде случаев эти системы и возникают в результате дрейфа идентичности»².

Конечно, следует в определенной степени согласиться с конструктивистской трактовкой природы этничности и признать, что любые виды коллективной идентичности, независимо от того, относятся ли они к этнической группе или к национальному государству, являются в некоторых случаях ситуативными и подвижными. Как и инструменталисты, они особое внимание обращают на ключевую роль, которую в конструировании этничности играет политика этнического предпринимательства, т.е. мобилизация членов этнической группы на коллективные действия со стороны лидеров, которые преследуют политические цели, а не выражают культурную идеологию группы или «волю народа». В связи с этим В.А. Тишков замечает, что «этническая идентичность – это не только постоянно меняющееся представление о том, что есть группа, но это всегда борьба за контроль над данным представлением, за дефиницию, за то, что составляет главные черты и ценности группы. Это борьба не только политическая. Она имеет место в сфере науки и религии, в области языковых отношений, символики, исторических и территориальных представлений и т.д. Важнейшую и все возрастающую роль в этом процессе играет государство...»³.

Следует также признать, что конструктивисты, объективно исследуя природу конфликта, справедливо считают, что не всегда высо-

¹ Тишков В.А. Указ. соч. С. 67.

² Тишков В.А. Реквием по этносу. – М.: Наука, 2003. – С. 121–123.

³ Там же. С. 123.

кий уровень осознания этнической принадлежности автоматически ведет к этническому конфликту. На возникновение конфликта влияют действия элит, которые мобилизуют этничность и используют ее как политический ресурс для реализации собственных эгоистических целей. В отличие от инструментализма, представители конструктивизма допускают возможность того, что определенные конфликты могут порождаться так называемым патологическим или иррациональным состоянием социальной системы в целом, которые не контролируются индивидами, в том числе и элитами.

Как теоретическая парадигма конструктивизм имеет существенные недостатки. С точки зрения его сторонников, этничность не воспроизводится естественным путем, а должна постоянно поддерживаться, воспроизводиться, т.е. конструироваться. В такой парадигме этнос рассматривается не в качестве объекта, а воспринимается как социальный конструкт, «воображаемая общность». Критикуя такую позицию, В.В. Коротева замечает, что тексты могут читать все, но соответствующие воображения, представления возникают не у всех. «Воображение, – пишет она, – объединяет лишь тех, кто обладает сходным жизненным опытом и подтверждает существующие деления. Действительно, немало идей, которые «конструкторы» хотели бы внести в сознание людей, остаются лишь в их собственном воображении, другие же, стихийно воспроизводясь, становятся консолидирующей силой в особых кризисных условиях»¹.

Сегодня, несмотря на многочисленные попытки представителей постмодернизма пересмотреть концептуальные основы отечественной теории этноса, она по-прежнему актуальна и востребована, продолжает сохранять свой эвристический и научный потенциал, пользуется популярностью. Отметим, что конструктивистский подход В.А. Тишкова и его сторонников не является новаторским. В нашей стране конструктивизм, давно известный в западной этнологии, получает широкое распространение только после издания книги английского ученого Э. Геллнера «Нация и национализм»². Как известно, кризис современного общества детерминировал «этническое возрождение», привел к значительному росту национализма и мигрантофобии, способствовал усилению субъективизма и идеализма в науке, особенно в исследовании этнических проблем.

¹ Коротева В.В. «Воображаемые», «изобретенные» и «сконструированные» нации: метафоры и проблемы объяснения // Этнографическое обозрение. – 1993. – №3. – С. 154–165.

² Геллнер Э. Нации и национализм: Пер с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной. – М., 1991. – 318 с.

Глобализация и непрерывно меняющийся мир повседневности актуализирует необходимость дальнейших объективных философских исследований социальной системы, особенно его этнического бытия, разработок теоретических и методологических проблем, связанных с изучением этногенеза и этничности. Не вызывает сомнения, что универсальное постижение этнических проблем находится в философско-методологической плоскости. «Говоря об этносах как общественных системах, – пишет профессор В.А. Авксентьев, – мы имеем дело с социальной реальностью, и сущностные характеристики этого вида реальности несколько иные, чем для других ее видов (в том числе материальной). Очевидно, что признание объективного характера существования этносов возможно только в рамках системного видения социальной реальности, ибо невозможно понять этнос иначе как социальную систему (даже если согласиться с биологическими истоками его существования, в этом случае нужно говорить об этносе как о биосоциальной системе)»¹.

Социально-философское и политическое исследование этнического бытия человечества позволяет сделать вывод о возрастании влияния и роли этнической системы не только на всемирно-исторический процесс, но и на сферы бытия общества и их эволюцию. Однако ученые не должны абсолютизировать значимость этничности и рассматривать ее как универсальную детерминанту и доминанту глобальной общественной динамики и социального развития. Современные проблемы этничности непосредственно связаны с объективными тенденциями глобализации и ускорением темпов и многообразием форм модернизации.

Проникая во все сферы социальной системы, этничность оказывает все более активное и значительное воздействие на сферы бытия общества: политику, экономику, культуру, образование. В свою очередь, процессы динамики и модернизации, ускоряя развитие современного социума, его производство и потребление, особенно массовую культуру, продолжают оказывать серьезное влияние и на саму этничность. В числе важнейших причин нарастания противоречий и конфликтов в современном обществе – игнорирование специфики разнонаправленности векторов социального и этнического развития, их значимости в общественной и политической практике. Как показал опыт, особенно распад СССР и Югославии, а также сложные и неоднозначные процессы в разных уголках земного шара, в современных

¹ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – С. 35.

многонациональных государствах, никакого «угасания» этничности в мире не происходит.

Сегодня этносы – это объективно существующие системные целостности, в основе которых лежит совокупность таких признаков, как общность происхождения, территории, экономических отношений, языка, культуры, психики. Они реально позиционируют себя в обществе, а не являются фантомами и миражами, не изобретением интеллектуалов или жаждущих власти политиков, как пишут или изображают их часто постмодернисты. Следует признать, что в разные эпохи и в разное время в качестве организующего начала у этносов может выступить любой признак или группа признаков. Например, в настоящее время в центре внимания у этносов групповое самосознание, закрепленное в этнониме (самоназвании), оно выполняет активную консолидирующую функцию. Именно наличие устойчивой групповой самоидентификации, фиксируемое, прежде всего, в устойчивом самоназвании, и свидетельствует, что этнос сложился как система, что процесс этнического становления в основном завершился. Это конструктивистский подход к пониманию этничности, правда, он только в определенной степени объясняет природу этноса. Как свидетельствует современная социально-политическая практика, конструктивизм не всегда адекватен объективной реальности, показывает отдельные стороны и специфику функционирования этноса, поэтому он должен быть дополнен другими концепциями.

Подводя итоги, отметим, что этничность, начиная с первобытной эпохи, всегда занимала важное место в истории развития всех общественно-экономической формаций. Она и сегодня продолжает играть особую роль в судьбе всех культур и цивилизаций. Правда, нередко она вытеснялась на периферию общественной жизни, уступая в разные времена свое место различным социальным конфликтам, классовой борьбе и религиозным войнам. Например, бесконечные войны между собой империй Древнего мира и Античности, жестокому соперничеству древнегреческих полисов, религиозным войнам католиков и протестантов в эпоху Возрождения и Реформации, классовой борьбе и социальным революциям во многих странах Западной Европы в Новое время и современную эпоху, Февральской и Октябрьской революциям в России в 1917 году.

Важно также подчеркнуть, что во многих случаях этнические компоненты соединялись, переплетались вместе с социальными качествами в своеобразную систему, в результате часто возникали мозаичные картины различных социально-этнических союзов, единств и иденти-

фикаций. Однако через определенные эпохи этничность снова выходила на авансцену истории, играя часто решающую роль в политических процессах и общественных трансформациях. В качестве примера можно привести распад Югославии и СССР, этнонациональные конфликты и гражданские войны в бывших республиках, особенно события последних десятилетий в странах СНГ. В настоящее время политизация этничности на Украине, переход ее в крайние формы – национализм и фашизм, начало гражданской войны на юго-востоке страны.

Сегодня этносы превратились в реально действующих и активно позиционирующих себя субъектов глобализации и социально-политических процессов на планете. Ускорение модернизации, радикальные изменения в обществе привели, с одной стороны, к жесткому разрыву, нарастанию несоответствия между политическим и экономическим развитием, научно-техническим прогрессом, а с другой, – ускорению социокультурной динамики, изменению духовно-нравственных отношений. В результате движения от традиционного общества к индустриальному и постмодернистскому появились целые маргинальные слои – этнические группы, не знающие своей истории, родных корней, забывших предков, традиции и обычаи.

Этническое возрождение, заставшее врасплох как общественное мнение, так и научный мир, до сих пор продолжает удивлять общество своей мистикой и тайнами. Несмотря на то, что прошло уже много десятилетий, парадоксальность и непредсказуемость этнического феномена, его ренессанс по-прежнему вызывают многочисленные дискуссии и споры. Большинство ученых по-прежнему ведущей причиной современного всплеска этничности признают реакцию массового сознания на процессы модернизации, стандартизации и унификации в условиях нарастающей глобализации. Очевидно, что этническая идентификация, отнесение себя к одному из самых устойчивых типов социальных связей, позволяет человеку обрести постоянство и устойчивость в непрерывно меняющемся бытии, в условиях рисков и неопределенностей.

Таким образом, в первые десятилетия XXI века, в эпоху «цветных революций» и «управляемого хаоса», непрерывных социальных изменений, этнический фактор на авансцене истории во многом определяет судьбы народов и будущее государств. Сегодня этничность, проникнув во все сферы социума, в жизнедеятельность социальных групп и индивидов, продолжает оказывать огромное влияние на многогосставное и переходное общество, на всю систему его функционирования и развития.

Завершая параграф, отметим, что не следует во многом соглашаться с представлениями большинства постмодернистских концепций, которые рост современной этничности в основном объясняют идеальными причинами. За всеми причинами следует, в первую очередь, найти объективные основания, движущие силы, борьбу элит, идущих за ними масс за собственность, власть и другие ресурсы, определить особенно дифференциации и противостояния культур. Для достижения своих целей, легитимации действий, управления они используют новую этническую и религиозную фразеологию, массовую культуру, манипулируют при этом общественным мнением с помощью разнообразных политических технологий. Словом, феномен этничности, приобретая все более политизированный характер, актуализирует еще одну дискуссионную проблему современности – роль и место этносов в транзитивном, переходном обществе, в условиях динамики от модерна к постмодернистскому социуму.

3.2. Этническое бытие и диалектика транзитивного общества

Взаимодействие современной цивилизации и различных сфер социальной жизни объективно порождает различные противоречия, конфликты и кризисные ситуации. Исследование специфики этнического бытия общества предполагает изучение проблемы декомпозиции, трансформации социальной структуры и особенностей ее функционирования в условиях транзитивности общества.

Как отмечали, этносы – это сообщества людей со значительной степенью социальной однородности и некоторой подвижности, занятые в разных сферах хозяйства и общественного производства. Они имеют разные социальные статусы, их единство носит внеэкономический характер, часто не детерминировано условиями повседневной жизни. В значительной степени внутреннее единство этноса поддерживается общностью происхождения, территорией проживания, языка, деятельностью, особенностью ментальности. В современных условиях этносы в основном существуют уже благодаря не природным, а духовно-ментальным алгоритмам. Человек как составная часть природы и социума относится к определенному этносу и, не являясь ни творцом, ни конструктором окружающего мира, из поколения в поколение воспринимает существующие общественные и экономические отношения, духовные ценности, воспроизводит элементы социальной структуры. Межэтническая интеграция на социальном уровне в основном поддерживается государством, в состав которого включены различные этносы как элементы единой государственной макросистемы.

Социально-философское исследование теорий модернизации позволяет показать актуальность применения различных методологий и подходов при анализе современного общества. Используя принципа единства в многообразии, можно сделать вывод о том, что индустриальный тип социума не столько антипод традиционного общества, сколько вырастающий из него, непрерывно изменяющийся по своим объективным и внутренним законам, новый способ организации общественной жизни, интегративный механизм, превращающий совокупность людей в новую целостную систему. Непрерывные трансформации, происходящие в индустриальном социуме, привели к постепенному изменению его социальной структуры, эволюции этничности и идентичности. Как известно, сегодня рыночное общество характеризуется высокой степенью социальной мобильности, в нем, благодаря общественному разделению труда, каждая группа и индивид имеют свой статус, ценности и правила поведения. Правда, в нем отсутствует универсальный алгоритм, регулирующий поведение каждого отдельного человека.

По мнению А.В. Рязанова, для социума, находящегося в состоянии транзита, свойственно наличие постоянного дисбаланса между горизонтальными и вертикальными коммуникациями. Нельзя сказать, что они находятся в «параллельных мирах», но безусловным фактом является то, что каждая из них стремится сохранить свою плотность, интенсивность, а значит, и влияние на широкие народные массы. Борясь за это влияние, вертикальные коммуникации постепенно занимают первенствующую позицию¹.

Действительно, с переходом к рыночному обществу начала постепенно трансформироваться вся социальная структура, система связей и отношений. В результате разрушения традиционного типа жизнедеятельности сформировался инновационный тип человека, появились новая стратегия, новые ценности, качественно изменились статусы, соответственно и образ жизни каждого отдельного человека. Произошло усложнение общественного разделения труда, была преодолена консервативная сословная структура. Десекуляризация и демифологизация природной и социальной среды привели к преодолению жесткого традиционного уклада хозяйствования, прежних ритуалов и обычаев. Капиталистическая система создала промышленность, обеспечила непрерывность в развитии науки и техники, сформировала светскую культуру, ускорила темпы социальной и этнической жизни,

¹ Рязанов А.В. Этнос в коммуникативном пространстве социума / Под ред. проф. В.Н. Гасилина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – С. 62.

придала им значительный динамизм. С развитием рыночного общества появились новые социальные группы и слои, образовались классы, общественные структуры и институты, сформировались нации, ценности, типы личностей. Конечно, такие радикальные трансформации, переход от одного типа общества к другому, занимают огромный исторический период, сопровождаются декомпозицией всей социальной системы, разрушением целостности этнического бытия народов.

В рамках нашего исследования важно выявить специфику современного постмодерна, наполнить новым содержанием существующие в философии и социально-гуманитарных науках понятия «индустриальное общество», «постиндустриальное общество». В теории классической модернизации становление индустриального общества в странах Западной Европы связывается с эпохой кризиса феодализма, разрушением аграрной цивилизации и традиционных ценностей, консервативного экономического уклада и системы социально-политических отношений. В процессе непрерывной глобализации и интернационализации общественной и хозяйственной жизни претерпели радикальную трансформацию прежние структуры и институты, сформировались общества с рыночным типом экономики и жизнедеятельности. В результате качественно изменились судьбы народов, разнонаправленными постепенно стали векторы социального развития и этнической эволюции. В числе характерных черт индустриального общества оказались развитая промышленность, наличие непримиримых классов – пролетариата и буржуазии, непрерывность в динамике производительных сил, востребованность науки, технического прогресса и образования. Начавшись как локальное, европейское явление, индустриальное развитие постепенно превращается в общемировой процесс, становится всеобъемлющей силой, глобальной экономической, политической, социокультурной и духовной стратегией.

Однако, по мнению Ж.Т. Тощенко, современные радикальные изменения в экономике, политике, науке, технике и социальном бытии одновременно привели к расколу, раздроблению и противоречиям в общественном сознании, в котором существуют взаимоисключающие ориентации, несовместимые между собой. Исключительность этой ситуации состоит в том, что не только общество, социальные группы и слои, но и сам человек как личность стал парадоксальным в своем сознании, представляет уникально-противоречивое явление¹.

Поэтому, рассматривая этническое бытие российского общест-

¹ Тощенко Ж.Т. Фантомы общественного сознания и поведения // Социологические исследования. – 2004. – №12. – С. 4.

ва, следует обратить внимание на особенности кризисного состояния современного общества. Эпоха кризиса характеризуется не только деформацией и транзитивностью социальных систем, но и изменениями в этнических структурах как определенных целостностях, специфических единств. Если в условиях стабильности социально-этническая система функционирует относительно эффективно, способна к производству и воспроизводству общественной жизни и деятельности, то в переходный период она находится в состоянии декомпозиции, разрушения горизонтальных и вертикальных связей, иерархий, статусов, ролей.

Одной из основных характеристик современного российского общества является неравновесность и неустойчивость социально-этнического бытия, что ведет к постепенному распаду его структур, маргинализации социальных и национальных групп, различных слоев населения и отдельных индивидов. Продолжающаяся эскалация отмеченных негативных и разрушительных процессов усугубляет кризис общества, который сопровождается нарастанием стресса и дистресса, шока и футурошока как в общественном, так и индивидуальном сознании.

Сегодня актуальны слова, высказанные известным социологом Т.И. Заславской в начале XXI столетия. Вот что она пишет: «Общий итог изменения социальной структуры России под влиянием институциональных реформ амбивалентен. С одной стороны, рыночные реформы заметно активизировали общество, повысили экономическую самостоятельность граждан, их ответственность за собственную судьбу. С другой стороны, способность социальной структуры интегрировать структурные элементы общества и стимулировать конструктивную активность большинства граждан, скорее, снизилась. Резко усилившийся разрыв между элитой и массовыми слоями общества еще более усилил отчуждение россиян от власти, их социальную и политическую инертность, неготовность к мобилизации для решения общих задач»¹. Все эти факторы продолжают оказывать негативное влияние на социальную систему и этническое бытие общества, развитие межнационального мира и толерантности, согласия и доверия, на перспективы социокультурной интеграции.

Как известно, в обществах открытого или закрытого типа процессы социально-этнической трансформации, структурной перестройки происходят совершенно по-разному. В значительной степени

¹ Заславская Т.И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. – 2004. – №6. – С. 9.

они зависят от совокупности социально-экономических отношений и связей, уровня иерархической организации социума. В системе этнического бытия можно выделить несколько уровней социальных отношений: уровень формационный, базисных отношений; территориальных, социальных связей; традиционных, семейно-бытовых отношений. Формационный уровень характеризует: во-первых, социально-экономическое положение этносов, во-вторых, степень проникновения в их среду товарно-денежной системы и, в-третьих, уровень развитости рыночных отношений.

Становление и развитие рыночной экономики разрушили старый хозяйственный уклад и систему производственных отношений, изменили прежнюю структуру жизнедеятельности и природопользования народов, трансформировали традиционные социальные институты, унифицировали и стандартизировали связи между индивидами. В свою очередь, изменения в территориальных отношениях и социальных связях повлияли как на саму систему взаимодействия государства и этносов, так и на сферу внутриэтнических отношений. Они повлияли на систему административного управления, экономического взаимодействия и конкретную хозяйственную деятельность этнофоров. Как известно, уровень традиционных, семейно-бытовых отношений тесно связан с системой экономических связей, хозяйством и жизнедеятельностью этноса. Одновременно территориальные и общинные связи влияют на демографические отношения, форму и тип семьи, отношения родства, межличностные социально-экономические и социально-бытовые связи. В такой ситуации не менее актуален микроуровень, где в системе традиционных, семейно-бытовых отношений становятся и развиваются основы духовно-нравственных ценностей, формируются основы этнической идентичности. Таким образом, в системе этнического бытия все уровни социальных отношений оказываются настолько тесными, что носят взаимосвязанный и взаимозависимый характер.

Анализ специфики исторического бытия России и ее народов показывает особенности функционирования и развития системы политических и экономических отношений. В течение нескольких веков она постепенно разрушила традиционную социальную организацию почти всех этносов. Несмотря на то, что в своей внутренней политике Российское государство, представляющее различные культуры и цивилизации, стремилось объединить этносы в общность широкого масштаба, оно всегда оказывало давление и постоянный государственный прессинг на их социальную организацию. В советскую эпоху

государство, стремясь создать однородное общество, приняло решение разрушить традиционный уклад народов, чтобы сформировать новую интернациональную целостность, интересы которой поставило под свою защиту. И не секрет, что патернализм и примат социального, общинного, коллективистского начал над индивидуальными экономическими действиями и субъектами всех уровней всегда был характерен для российской действительности¹.

Однако следует заметить, что исключительное первенство общегосударственного начала над интересами большого или малого этноса привело к пренебрежению этнической спецификой, традициями и обычаями народов, основами их хозяйствования и жизнедеятельности. В первые десятилетия своего существования Советская власть обеспечивала социальную защиту и сделала многое для большинства отставших в своем развитии народов. Действительно, за короткое большинство народов СССР добилось высокого уровня социально-экономического и культурного развития.

Со второй половины XX века в социальном и этническом бытии советского общества стали нарастать негативные явления и кризисные тенденции. Несмотря на то, что в стране преобладающую роль играла экономическая сфера, высокими темпами развивалась промышленность, многие этносы все же сохранили доиндустриальный уклад и различные формы примитивного и ручного труда. В развитии этнической структуры советского общества в значительной степени наблюдались черты переходности, разрушались традиционные основы. Главным признаком стало усиление маргинализации социальных и этнических групп, что привело в перспективе к нарастанию кризиса в системе социальной организации и культуре многих этносов.

Маргинализация и постепенная криминализация традиционных и вновь образующихся социальных групп и структур стали господствующими тенденциями в обществе. Они привели к появлению огромных масс людей со специфическими интересами и ценностями, аномическими моделями поведения, действующими в различных подсистемах общества: экономике, политике, культуре и социальной сфере. Маргинализация социальной структуры способствовала и появлению девиантного поведения в сфере производства и распределения, развитию черного рынка и торговли, землячества и кумовства, круговой поруки и массового воровства, подпольных форм развлечений и удовольствий.

¹ Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. – 2005. – №4. – С. 18.

Для советского общества 60–80-х годов XX века, его социальных и этнических структур, находящихся как в состоянии статичности, так и транзитивности, были характерны все эти негативные процессы. В результате сформировались различные теневые социальные и этнические группы, истинные размеры обладания собственностью и власти которых носили скрытый характер. Одновременно эти группы и их элиты ощущали острый дефицит права решать то, что они могут и должны по рангу и статусу в иерархии управления и господства. В этот период в СССР возникает парадоксальная картина – верхние эшелоны власти не слышат низов, а последние, в свою очередь, формально исполняют распоряжения верхов или просто игнорируют их, реализуя на местах свои собственные групповые и индивидуальные интересы. Такая картина отчуждения, отсутствия взаимопонимания верхов и низов стала типичной для всех социальных структур, способствовала возникновению параллельного маргинального мира, который стал компенсировать пустоты и нестыкуемость всей общественной системы, но уже по своим правилам, согласно с собственными ценностями.

Действительно, в 70–80-е годы прошлого столетия Советское государство настолько изменилось, что один его руководителей, Ю.В. Андропов, откровенно признался, что мы не знаем общество, в котором живем. Естественно, что использование только формационной методологии и абсолютизация теории социально-классовой структуры не смогли обеспечить достаточный объективный анализ и диагноз советского общества, определить перспективы его развития. Советское общество давно разделилось на страты, социальные и этнические группы, которые удовлетворяли свои специфические интересы и потребности. Существовало и сословное деление общества. У каждого народа соотношение и пропорции сословных групп имели свою специфику, которая обусловлена как этническими традициями, так и положением этноса в целом в системе национальных отношений. Особое место в социально-этнической структуре занимали тандемы сословий, относящихся к различным этносам. Социально-этнические группы стали различаться по правам и обязанностям, занимать различные позиции в системе «господство – подчинение».

Общество, наряду с вертикальной системой своей организации (классы, слои, страты), имеет и горизонтальный срез, который указывает на территориально локализованные общности – семья, региональные образования, этнические группы. Горизонтальная структура формирует объемное представление, отражает иерархию общностей, соответст-

вующую разным уровням организации социальной системы – от уровня первичных ячеек до макроуровня. В отличие от классов, слоев, страт, в которых индивиды не связаны между собой непосредственно, рассредоточены в социальном пространстве, этнические структуры представляют собой более целостные социальные образования. Связи между составляющими их индивидами скрепляются общностью происхождения и языка, окружающей среды, обычаев и традиций, исторически сложившихся в процессе совместного проживания.

В условиях нарастания противоречий и социального конфликта интересы индивидов, детерминированных их принадлежностью к одной этнической общности, обычно воспринимаются более глубоко и осязательно, чем единство интересов людей по классовому признаку или социальной группе. В советскую эпоху по сложившейся научной традиции аналитика проблем этнического бытия часто оставалась в тени исследований социально-классовой структуры общества.

Происходящие в современном обществе процессы глобализации сопровождаются массовыми перемещениями людей. Следует согласиться с позицией А.В. Рязанова, когда он пишет, что люди, охваченные миграционными процессами, ощущают не великий, а величайший разрыв, они вынужденно отрываются от своих истоков, родного коммуникативного пространства, а значит, и прежних смыслов бытия и идентичности, что вызывает напряженность и конфликты¹. Действительно, миграция меняет социальную структуру общества и ускоряет динамику повседневности, ведет к непрерывному возрастанию роли наций и этносов в жизни социума и государства. Она заставляет ученых и специалистов более активно заниматься изучением проблем современного общества, внимательнее приглядеться к сфере межэтнических отношений, проводить теоретические и эмпирические исследования, специальные этнологические мониторинги.

Продолжающийся в настоящее время социально-экономический кризис, рост неопределенностей и рисков, требуют более объективного анализа противоречий и конфликтов, существующих в социальной и этнической структурах общества. Исследования необходимы для изучения продолжающейся декомпозиции и непрерывных стратификационных изменений, формирования адекватных научных представлений о социальной динамике и этническом бытии. Одновременно для представления реальных путей и направления социального развития этносов следует иметь объективное представле-

¹ Рязанов А.В. Этнос в коммуникативном пространстве социума / Под ред. проф. В.Н. Гасилова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – С. 108.

ние об истории, социальной структуре, культуре, менталитете и традициях народов, формирующих ее многочисленных связях и отношениях. Между тем в современной социально-гуманитарной науке существует немало парадигм и концепций, неадекватных реальности и не подкрепленных достаточными теоретическими выводами, результатами эмпирического исследования.

Системный анализ социально-этнического бытия показывает, что развитие каждой системы ведет не к упрощению и единообразию, а наоборот, способствует усложнению ее строения, плюрализму элементов и связей. Как показывает реальная практика, в последние десятилетия XX века появились десятки новых социальных групп и слоев, все еще продолжают дифференцирующие явления во всей системе общественных отношений¹. Такое многообразие элементов в социально-этническом бытии предполагает, естественно, противоречивое разнообразие повседневности и плюрализм общественных интересов.

Следует заметить, что и сегодня, несмотря на значительный интерес общественных наук к процессам, происходящим в обществе, национальные и этнические особенности социальной структуры и их диалектика, особенно в мегаполисах, в системе местного самоуправления, где проживает большинство населения страны, не исследованы системно, что предполагает достаточно объемный и целостный философский анализ. Для понимания сложных проблем многонационального общества актуально комплексное исследование этнической сферы всего социального бытия.

В этой связи особое внимание обратим на диалектическую взаимосвязь социального и этнического в формировании новой социальной структуры общества. Раньше в нашей науке эта связь трактовалась однозначно догматически, так как ведущим был социально-классовый подход. Этническое или национальное представлялось как консервативное, косное, препятствующее преодолению классовых различий и форсированному движению советского общества к социальной однородности. Поэтому часто многие теоретические вопросы и практические решения принимались без учета национально-этнической специфики населения различных регионов страны, что приводило к нарастанию негативных процессов, противоречий и конфликтов. Например, в советскую эпоху не удалось ускоренными темпами сформировать адекватные численности населения коренных народов различных республик национальные отряды рабочего класса и

¹ Руткевич М.Н. Трансформация социальной структуры российского общества // Социологические исследования. – 2004. – №12. – С. 43.

кадры интеллигенции. С другой стороны, отток населения из центральных районов России в национальные республики привел к депопуляции малых городов и деревень, породил сложные социальные, демографические и культурные проблемы среди русского народа.

Причины, породившие противоречия, негативные процессы, а затем и конфликты в социально-этническом бытии народов разнообразны, некоторые из них носят многовековой характер, остальные связаны с деформацией социальной структуры советского общества. Как отмечали, одной из важнейших причин стало игнорирование или умаление этнического фактора в развитии общества. Несмотря на то, что диалектика общественного развития предполагает единство и взаимодействие как социальной, так и этнических структур. Однако это тождество, формальное равноправие не исключает, что одна из сторон единства станет главной на определенном этапе общественно-исторического взаимодействия. Как известно, в советской науке ведущей и исключительной стороной в формировании социальной структуры всегда признавалось социально-классовое начало. Однако ошибочность такого догматического подхода продемонстрировала сама политическая и социальная практика. В последние десятилетия этнический фактор стал одним из ведущих в социально-экономической динамике общества, а сами этносы превратились в реальных субъектов политического и исторического процесса.

Анализируя специфику диалектического взаимодействия этнического и социального в процессе формирования современного общества, можно увидеть механизмы зарождения противоречий, роста напряженности и конфликтов. Стихийно развивающаяся в нашей стране рыночная экономика сформировала новую систему общественных отношений, произвела коренные изменения в этнической структуре и жизнедеятельности народов. В европейской части России, особенно для населения городов, возвращение к рыночным отношениям и специфическим форм рыночного труда не приобрело драматического характера, потому что живущие в мегаполисах привыкли к различным формам отчуждения, формализации и регламентации. У этносов, миновавших капиталистическую стадию развития, на смену их традиционным занятиям пришли современные профессии с более высоким технологическим и функциональным содержанием труда. Избежав эпохи рынка в прошлом, они не сформировали у себя отношение к труду как к регламентированной и формализованной деятельности. Поэтому рынок стал восприниматься как отчуждение и отождествляться с внеэкономическим принуждением. Кроме этого, социальной

мобильности многих народов препятствовали слабая миграционная подвижность, консервативные традиции, наличие вековых устоев в семейно-бытовых отношениях.

Такие факторы этнического характера привели к тому, что в стране сложилась специфическая социальная структура, характеризующаяся высокой долей промышленного рабочего класса, в основном среди русских и других представителей славянской национальности. В национальных республиках по-прежнему была высока доля сельского населения, занятого в аграрном секторе, и, вообще, людей без профессии. В то же время в этих регионах оказалась невеликой доля специалистов промышленности и сельского хозяйства среди коренного населения. Серьезные диспропорции в социальной структуре российского общества, особенно между коренным и некоренным населением, продолжают сохраняться и в настоящее время. По мнению А.Н. Аверина, только малочисленные народы Дальнего Востока, Сибири и Севера Российской Федерации занимаются традиционными промыслами¹.

Заметим, что этническая специализация в общественном разделении труда была бы естественной для стабильно функционирующего многонационального общества, если бы отражала только чисто региональные технологические особенности многонационального разделения труда. Однако проблема заключается в том, что межнациональное разделение труда носит социальный характер, является источником социальной несправедливости, порождающим глубокие противоречия и социальные конфликты, зачастую приобретающие националистические формы. Причины, порождающие социальную несправедливость в межнациональном разделении труда, многочисленны и разнообразны.

К числу определяющих относятся: во-первых, продолжающийся все еще распад единого в прошлом народнохозяйственного комплекса; во-вторых, экономическая несбалансированность межгосударственных, межрегиональных и межнациональных связей; в-третьих, разрыв прежних взаимных производственных обязательств, оставшихся в наследство от прошлого; в-четвертых, неконтролируемая миграция из бывших республик СССР; в-пятых, засилье бюрократии на всех уровнях, в том числе и в системе экономических отношений; в-шестых, ценностные ориентации различных народов на определенные виды деятельности. Такое положение оказывает негативное влияние на структурообразующие факторы, приводит к перекосам во всей системе социальных отношений.

¹Аверин А.Н. Новые данные о динамике коренных малочисленных народов России // Социологические исследования. – 2005. – №2. – С. 78.

Игнорирование всей вычлняемой специфики, противоречий и напряженности, существующих в национально-этнической структуре российского общества, в том числе в различных автономиях, крупных городах, в республиках Поволжья и в российском Нечерноземье, в других регионах, вполне закономерно ведет к непрерывному росту и углублению социальных конфликтов. Уже сегодня появился ряд новых проблем и противоречий в социальной структуре городского и сельского населения, в межнациональных отношениях, между продавцами – представителями разных национальностей и покупателями – местным населением, довольно активно проявил себя многочисленный маргинальный слой: торговые посредники, перекупщики, маклеры¹.

Этнические традиции и ценностные ориентации на определенные виды деятельности стали важным субъективным структурообразующим фактором. У большинства народов сложились свои представления о значимости и престижности той или иной профессии. Например, в Москве и в других крупных городах России азербайджанцы в основном монополизировали продовольственные рынки. На непривлекательные виды труда, работу на стройке, общественном транспорте, физический труд в промышленности и сельском хозяйстве ориентированы таджики, узбеки, украинцы, молдаване, армяне, корейцы². Таким образом, у представителей разных народов, кто проживает за пределами своего национального ареала расселения, существуют разные установки, ценностные ориентации и предпочтения, которые невозможно игнорировать.

Как показывает исторический опыт, межнациональная напряженность и конфликты возникают в тех случаях, когда представители того или иного народа этнически гомогенизируют престижные, выгодные и доходные профессии. Особенно болезненно это воспринимается в тех случаях, когда процент занятых в престижных отраслях деятельности представителей отдельной национальности превышает процент всего населения данной национальности в стране. Ввиду незавершенности индустриализации, а сегодня и продолжающейся технической и технологической отсталости всего народнохозяйственного комплекса: экономики, сельского хозяйства, сферы обслуживания и транспорта, огромное количество населения оказалось занятым тяжелым, малоквалифицированным и непрестижным трудом. В этих усло-

¹ Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. – 2005. – №2. – С. 58–63.

² Степанов В., Тишков В. Кем считают себя россияне: региональные аспекты // Вестник российской нации. – 2010. – №3. – С. 112–153.

виях важнейшим социообразующим фактором стала система высшего образования, позволяющая личности найти свою нишу в социальной структуре общества, т.е. избежать тяжелого физического труда.

В последние десятилетия занятие умственным трудом для людей, имевших высшее образование и престижные профессии, но с низким уровнем культуры и этики, давало возможность нормального существования без значительных усилий, профессионализма, компетентности в условиях социальной защищенности и групповой безопасности. Кроме того, во многих учреждениях на всех этажах бюрократической лестницы имелись доходные места, ниши, особенно привлекательные для национально-групповой экспансии. В этой ситуации возникала межличностная и межгрупповая конкуренция за места в высших эшелонах власти, правоохранительных структурах, вузах, научно-исследовательских институтах, учреждениях управления и творческих союзах. В многонациональной стране эта проблема постепенно приняла характер межэтнической конкуренции, а в дальнейшем стала основой для многих межнациональных конфликтов.

Как известно, в Российской империи, кроме русского народа, лишь немногие представители других этносов имели свои кадры интеллигенции. После Октябрьской революции все народы Советского Союза получили возможность получить образование и приобщиться к русской и мировой культуре. Однако во второй половине прошлого столетия преимущества, которые получили в социальной сфере представители коренных народов союзных и автономных республик, породили ряд проблем и противоречий в формировании социально-профессиональной структуры больших и малых этносов. Например, при поступлении в высшие учебные заведения особой привилегией обладало коренное население. Во многих республиках представительство молодежи коренных национальностей среди студентов значительно превышало ее долю в составе населения. Быстрый рост национальных кадров породил серьезные проблемы в их трудоустройстве. Многие из них работали не по специальности или заполняли многочисленные и не всегда эффективные бюрократические управленческие учреждения. В общественном производстве не были заняты тысячи представителей разных народов, имеющих высшее образование. Некоторая часть стала вести праздный, а порой и паразитический образ жизни. Вся эта масса профессионально несостоявшихся людей оказалась в числе активных участников экстремистских групп, организовывала митинги и демонстрации, выступала с агрессивными и националистическими призывами, стояла у истоков целого ряда меж-

национальных конфликтов, была в эпицентре горячих точек, как в странах СНГ, так и в России.

В новых исторических условиях подготовленные и воспитанные авторитарной советской системой «национальные кадры» оказались на вершине политической власти новых независимых государств, бывших республик СССР. Воссоздав старую по форме командно-административную систему, но с новыми эмблемами и флагами, конституцией и гимнами, даже с многопартийностью и свободой слова, они стали с прежней нетерпимостью относиться к инакомыслию, преследовать прессу и другие средства массовой информации, игнорировать мнение иноэтнических меньшинств. Требования социальной справедливости были заменены идеей приоритета титульной нации во всех сферах общественной жизни. Отказавшись от принципа «социалистического интернационализма» в процессе формирования социальной структуры, новая элита уже открыто в совершенно нецивилизованной форме стала вытеснять «чужих» из привлекательных сфер деятельности.

Как показывала статистика, в советскую эпоху этнические и национальные меньшинства, не имеющие своей государственности, относительно слабо были представлены в управлении, науке, культуре, образовании. В 90-е годы XX века, когда был снят государственный пресинг, они остались, вообще, без всякой защиты. В результате началась массовая миграция представителей малых этносов и национальных меньшинств, русскоязычного населения из бывших республик Союза и российских автономий в центральные регионы страны. Они составляли наиболее квалифицированную часть производственной и гуманитарной интеллигенции, профессионально подготовленных индустриальных рабочих. Такая политика обернулась тяжелыми последствиями для всей экономики и социальной сферы молодых стран СНГ. Она также породила достаточно сложные социальные проблемы в ряде регионов Российской Федерации. Например, вопросы трудоустройства, обеспечения жильем, налаживания диалога между представителями различных этносов и конфессий, культур и традиций.

В современных условиях трансформации всей общественной системы значительный интерес представляют процессы, происходящие при становлении новой социально-этнической структуры. Однако многие социологические исследования практически абстрагируются от изучения сложной системы этнического бытия. Сложность заключается в том, что пропорции социальных групп и слоев в разрезе этнической структуры значительно дифференцированы. Очевидно, что

различны и пропорции социальных групп в пределах каждого этноса, по-разному относящихся к рыночным преобразованиям в экономике и общественной жизни. Социологические опросы не дают достаточно объективной и реальной картины не только рыночных реформ, но и объявленной совсем недавно стратегии модернизации и инновационного развития. Несмотря на сокращение числа сторонников и увеличение количества противников, все еще продолжается дискредитировавший себя курс либеральных преобразований. В результате деклассированности и депрофессионализации общества невозможно определить не только динамику социальной структуры, но и национальные и этнические различия в общественной системе. В этих условиях внутригрупповая и межгрупповая конкуренция часто превращается в межэтнический конфликт, приобретает жестокие и насильственные формы.

Не секрет, что в нашем обществе наблюдается усиление противоречий и конфликтов в межэтнических и межнациональных отношениях. Парадоксально, но фактом является то, что с постепенным улучшением показателей социально-экономического развития страны и относительной стабилизацией общества этнические различия воспринимаются острее, чем социальные и политические проблемы, происходит корректировка выбора ответственности за «наши» проблемы и беды. Действительно, по сравнению с «революционным» периодом последнего десятилетия XX века, общественное доверие и толерантность значительно трансформировались, преобладающий характер приобрели неприятие и агрессия, мигрантофобия и этнофобии. На эти и другие удивительные метаморфозы общественного сознания обращает внимание Э. Паин. Он пишет: «Если в ельцинский период социальные проблемы политизировались, то есть вину на них возлагали на власти или на стоящих за ними олигархов, то сейчас эти вещи все чаще этнизируются – ответственность переносится на «чужие» этнические общности»¹.

Как известно, на настроение большинства населения рыночные реформы оказали травмирующее воздействие, они изменили относительное и абсолютное положение этносов во всей системе социальной структуры. Представители отдельных национальностей заняли преимущественное положение в государственной системе организации и управления, рынка и торговли, туризма и других сферах услуг, т.е. наиболее престижные и доходные места, что по-прежнему вызывает

¹ Паин Э.А. Издержки российской модернизации: этнополитический аспект // Общественные науки и современность. – 2005. – №1. – С. 151.

резко негативную оценку других этносов. Не секрет, что рыночные преобразования поставили под сомнение социальную роль и компетентность отдельных групп национальной интеллигенции, получивших свой статус преимущественно по принадлежности к титульной нации. Заняв удобную нишу в системе социально-этнического бытия, они избрали разнообразные формы борьбы, используя при этом методы политической манипуляции и этнической риторики.

Рассмотрим теперь специфику противоречий социальных групп и слоев на внутриэтническом и межнациональном уровнях. На внутриэтническом уровнях социально-групповые противоречия являются выражением и продолжением тех противоречий, которые привели общество к системному кризису. В социальной жизни народов были также подвергнуты размыванию принципы общечеловеческой морали, стали преобладать эгоистические групповые и личные интересы. Безраздельное господство бюрократических структур привело к снижению роли общества как интернационального сообщества народов, как саморазвивающейся и саморегулирующейся системы, источника и хранителя национальных этических норм. Во всех сферах жизнедеятельности народов распространились разные формы эксплуатации представителей разных социальных и этнических групп власть имущими, преследующими свои корыстные интересы. Появились обособленные бюрократические элиты, оторванные от своего этноса, которые приобрели характер замкнутого класса, ориентированного на свои внутренние интересы, стандарты и критерии.

Национально-этнические элиты на протяжении последних десятилетий демонстрируют свою удивительную способность адаптироваться к социальной действительности. В советскую эпоху путем различных ухищрений, корысти, верноподданничества им удалось защитить свои групповые интересы перед общесоюзными министерствами, ведомствами, закрывающими глаза на ущемление интересов национальных меньшинств и малых этносов в республиках и регионах. Попустительство, а часто и соучастие, общесоюзных инстанций способствовало формированию в национальных республиках теневой экономики и, соответственно, теневой социальной структуры. В результате появились мафиозные, преступные кланы, сформированные по родовому и этническому принципу, поведение которых создавало у людей искаженные понятия о морали и нравственности, представления о вседозволенности и безнаказанности.

После перестройки и начала российских реформ бюрократические и мафиозные этнические элиты примкнули к националистиче-

ским движениям. Переориентировавшись в новых условиях, они стали пропагандировать идеи этноцентризма, превосходства своей этнической группы над другими. За последние десятилетия этноцентризм превратился в свойство коллективной психики, механизм групповой агрессии и самообороны. Его объективным основанием стала антитеза «мы – они» во многих сферах общественной жизни, в частности, в различных открытых и закрытых межэтнических структурах. Опасность этнофобии заключается в том, что она продолжает распространяться на широкий спектр «чужих народов», обладает высокой инерционной устойчивостью и может на долгие десятилетия удерживаться в массовом сознании даже после исчезновения реальных причин.

Заметим, что в системе социальных внутриэтнических и межэтнических связей почти всегда существовали «теневые» и девиантные иерархические структуры. И сейчас многие из них базируются на сакрализованных традициях этнических и национальных обычаев. К числу таких обычаев относится традиция обязательной взаимопомощи представителей этнической или родовой общности в устройстве на выгодную и престижную работу, продвижении по службе, поступлении в вуз. В обществе транзитивного типа такая этническая взаимопомощь распространена почти во всех структурах, особенно активна сегодня она в экономической сфере общества. В эти сообщества вовлечены люди, принадлежащие к определенным национальным и этническим структурам, причем традиции и обычаи обязывают всех членов этих групп почти беспрекословно подчиниться их лидерам – «аксакалам», «паханам», «крестным отцам».

Сформировавшиеся таким путем, теневые структуры становятся неотъемлемой частью социально-этнического бытия общества, умело приспосабливаются к непрерывно изменяющимся социальным условиям и ситуациям. По мнению Т.И. Заславской, криминальный мир России оказывает заметное влияние на управленческие решения разных уровней, главным образом через механизм коррупции, и играет важную роль в трансформационных процессах¹. Действительно, он проявляет себя уже как самостоятельная сила на социально-экономическом и политическом пространстве. Находясь на разных этажах аномических иерархических структур, криминальный мир открыто не участвует в антиобщественных и преступных действиях, но использует все средства, чтобы быть практически неуязвимым для правоохранительных органов.

¹ Заславская Т.И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. – 2004. – №6. – С. 14.

В современном обществе индивидуализма этничность оказалась наиболее востребованной, как средство защиты индивида от государства, так и от иноэтнической группы. Через посредство своей этнической группы человек вступает в глубокую связь с историей, традицией, языком, самобытной культурой своего народа. В этнической среде индивид обретает чувство защищенности, самости, устойчивости. Следует помнить и о других негативных аспектах этноцентризма. Не секрет, что часто этническое сообщество подавляет индивида, в массе происходит процесс «заражения», выключения рациональных аргументов. Захваченный националистическими страстями, человек теряет свои личностные качества, проявляет ненависть и агрессию к представителям другого народа, иной религии. Утрачивая объективное, критическое отношение к своим обычаям, традициям и нравственным представлениям, он нередко становится слепым орудием в руках националистически амбициозных лидеров и этнических мафиозно-преступных группировок.

В настоящее время этноцентризм стал неотъемлемой принадлежностью современного общества и человеческого сознания. Он весьма многолик и имеет широкий диапазон своего выражения. На многих континентах, в отсталых и развивающихся странах «нашли» объективное моральное оправдание этноцентризму. Сегодня он рассматривается как ответная реакция на «вызовы» современным формам глобализации, навязанной западной цивилизацией мировому сообществу. В отличие от крупных наций, этноцентризм для малых этносов – это стремление группового выживания в иноэтнической среде. Поэтому его можно принять, если он будет сочетаться с терпимостью ко всем народам, к специфике их культур и цивилизационным отличиям, к чужому укладу жизни. В условиях разрушения традиций, непрерывных изменений и нестабильности он способствует росту самоуважения и этнического самосознания, сохранению культурной идентичности и не может принести вреда другим народам или их представителям, так как не имеет объективных оснований для перерастания в шовинизм.

Подводя итоги исследования специфики бытия транзитивного общества, отметим, что процессы национализма и этноцентризма, развившись в эпоху Нового времени на основе совместного существования и деятельности народов, превратили их потенциально как в созидательную, так и в разрушительную силу. Особенностью современной этнической бытия общества является то, многие элиты поставили этнический фактор на службу своим амбициозным устремлениям.

Однако этничность, являясь одной из важнейших причин недовольства народов социально-политическими и экономическими условиями жизни, не исчерпывает всю глубину конфликтности. Объективный анализ свидетельствует о том, что «этническое возрождение» – это выражение недовольства этноса своим местом в системе современных, непрерывно трансформирующихся, общественных отношений, его желание играть в них роль одного из ведущих субъектов социально-исторического развития. На психологическом уровне оно проявляется как защитная реакция, стремление национальных групп и отдельных индивидов сохранить этническую идентичность и личную самодостаточность.

Радикальная трансформация советского общества как огромного евразийского полиэтничного пространства и начавшиеся в 90-е годы прошлого столетия российские реформы, переход к рынку, затронули глубинные основы социально-этнического бытия всех народов России. Разрушение прежней общественной системы и движение к частнособственнической рыночной экономике сказались на всей динамике социальной структуры, породили достаточно сложные процессы и негативные тенденции в воспроизводстве и формировании новых социальных и этнических групп. Сегодня все эти негативные тенденции продолжают развиваться, приоритет все больше приобретают не только процессы жесткого конфессионального и этнического разделения, но и противопоставления по другим признакам.

Для стабильного и устойчивого функционирования многонационального российского общества необходимо: во-первых, переходить от обычного права, традиций и обычаев в его управлении и организации, к закону и реальным государственно-правовым мерам в его исполнении; во-вторых, осуществить переход от мифологического и иррационального сознания к рациональному; в-третьих, начать процессы трансформации сакрального и просто соборного видения мира к реальной секуляризации и формированию подлинно коллективистского мировоззрения; в-четвертых, в рамках социальной и культурной динамики осуществить переход от абстрактной пропаганды идей толерантности и общественного согласия к формированию межнационального мира и единства общества, осуществлению реальной дружбы народов.

3.3. Нация как феномен надэтнического бытия и реалии современного мира

В современной общественно-гуманитарной мысли исследование генезиса и сущности нации является сложной междисциплинарной проблемой, которая вызывает до сих пор ожесточенные споры и дискуссии. Реальность все более свидетельствует об актуальности философского подхода, выявления базовых, субстанциональных основ, связанных с самим понятием «нация» и изучения таких феноменов, как национальный дух, национализм, без них невозможно исследование этнического бытия, определение прогнозов развития общества.

Существующие теории нации и национальных отношений, несмотря на противоположность и полярность позиций представителей разных школ и направлений в отечественной и западной научной литературе, являются определенной методологической основой для актуализации системного и социально-философского исследования и постижения данного феномена. В рамках теоретического дискурса оппонентами высказываются различные взгляды, приводятся определенные аргументы в доказательство той или иной концепций. Проанализируем наиболее существенные подходы, позиции, необходимые для понимания всей проблемы и специфики этнического бытия общества.

Как отмечали выше, при исследовании феномена этнос и его сущностных характеристик в науке дается достаточно много определений: от практико-эмпирических и до абстрактно-виртуальных. За последние несколько десятилетий по поводу сущности нации также ведутся жесткие дискуссии. Группа ученых считает, что термины «нация» и «национализм» представляют собой глобальную и долговременную мистификацию, не являются научными, а представляют собой политически операциональные категории¹.

Следует признать, что как западные, так и российские традиции в понимании этнической и национальной проблематики обладают значительным своеобразием, отличен также и их понятийно-категориальный аппарат исследования. Для большинства западных ученых понятия «этнос» и «нация» всегда имели множество синонимов, а содержание носило относительный, «плавающий» характер, не было жестко привязано к объективным реалиям. Часто западные коллеги рассматривали их с позиций атомистического подхода, за индивидами они не всегда «замечают» их общностей.

Подчеркнем, что если термин этнос, обозначающий народ, был

¹ Тишков В.А. О нации и национализме // Свободная мысль. – 1996. – №3. – С. 12.

зафиксирован еще древними греками в эпоху Античности, то понятие «нация» появилось значительно позднее, со становлением и развитием индустриального общества. Как пишет Р.Г. Абдулатипов, в процессе развития человеческого общества происходят сильные объединительные процессы, которые приводят к появлению этносов, которые не приемлют этнического плюрализма и на своей этнической основе формируют более высокие политические общности – государства¹.

Заметим, что феномен «нация» в науке появляется только в Новое время, именно тогда же предпринимаются первые попытки сформировать адекватное и целостное представление о ее сущности. Представители немецкой классики И. Кант, И.Г. Гердер и Г. Гегель как свидетели начала образования национальных государств заложили основы концепции нации. В годы Великой французской буржуазной революции «нация» означала страну, государство. И тогда же были введены понятия «национализм», «принцип национальности», согласно которым каждый народ суверенен и имеет право на образование своего государства. Из Германии, от И. Шиллера, И. Фихте, К. Маркса и Ф. Энгельса, все же сохранив свое этническое значение, эта терминология переключалась в русскую и советскую литературу². Такое понимание нации подчеркивали Э. Ренан, К. Каутский и О. Бауэр, через которых она дошла до российских социал-демократов, а затем использовалась и в российской науке.

Обратимся к теории нации И. Канта, которая была одной из самых значительных в Новое время и, как нам кажется, продолжает оставаться актуальной и для современного исследователя. Пытаясь совместить черты идеологии Просвещения и немецкого романтизма, философ рассматривает проблему генезиса нации, стремится провести границу между понятиями народ и нация, определить их терминологический статус. Он указывает на исторический характер нации, ее связь с предшествующими формами общности людей.

По мнению Канта, нация имеет начальную точку отсчета в истории, а причиной ее появления является осознание народом своей национальной принадлежности. Основанием для формирования национальных отношений признаются этнические связи, их постепенное превращение в национальные, которые совершаются в сознании отдельных людей. Определяющим признаком единого народа Кант считал общую территорию. Нация представляет собой объединение

¹ Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М.: Славянский диалог, 2000. – С. 61.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 3. – С. 54–55.

народа по территориальному и родовому признаку, пониманию себя как гражданской целостности. Однако такое осознание доступно далеко не всему народу, а только ее части – аристократии и буржуазии. Большинство народа – чернь и толпа – не осознает своего гражданского единства, не имеет национальных признаков и объединяется в нацию только насильственным путем¹.

Однако для Канта переход от народа к нации возможен только благодаря наличию у людей некоего априорного свойства – национального характера. В своем историческом развитии национальный характер может дополняться многими приобретенными качествами. Одним из первых он определяет объективные признаки нации (общность территории, национальное самосознание, национальная государственность), показывает ее качественное отличие от донациональных общностей, стремится решить проблему соотношения социального и этнического. По его мнению, национальное самосознание представляет собой более широкое понятие, чем этническая принадлежность. Только наличие государственности создает возможность для реализации национальной идеи, проявления культурной идентичности, которая, в свою очередь, рассматривается как воплощение и продолжение природных процессов.

В своей философии истории И.Г. Гердер также обращается к идее нации, она получает у него дальнейшее развитие. В центре внимания философа были понятия «народный дух» или «дух нации», «национальный характер». Душу народа Гердер упоминает среди других признаков нации, вместе с языком, предрассудками, музыкой. Он также подчеркивает зависимость национального самосознания, культуры, психических компонентов от природной среды, климата, влияния истории, общественного строя, воспитания и образа жизни.

Нация, ее роль и место в истории и культуре актуализируется в трудах и других представителей немецкой классической философии. Например, особая миссия немецкой нации во всемирной истории признается в трудах И. Фихте и Г. Гегеля. В методологическом плане интересна позиция Фихте, который, рассматривая вопрос о соотношении нации и государства, абсолютизирует и превозносит «национальный дух», гипертрофирует превосходство немецкой нации, ее отличие от других народов.

Отметим, что в течение всего Нового времени процесс формирования наций вызывал среди ученых постоянный и пристальный ин-

¹ См.: Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. Собр. соч. – М., 1994. – Т. 7. – С. 380.

терес. Новые процессы и явления в жизни народов европейских стран постоянно оказывались в центре их внимания, но их смысл и значение часто преувеличивалось или абсолютизировалось. Естественно, что в XIX веке, когда происходило становление наций и национальных государств, был понятен социальный оптимизм тех, кто будущее своей страны связывал с «национальным духом» собственного народа.

В этот же исторический период формируется психологическое направление. Огромный интерес для своего времени представляла позиция немецкой школы «психологии народов». Она идейно была подготовлена взглядами классиков идеалистической философии: априоризмом И. Канта и учением о мировом духе Г. Гегеля. Известные ее представители: В. Вундт, М. Лацарус, Г. Штейнал – главным считали не сам психический процесс у личности, его этническое своеобразие, а исторические продукты творчества народов.

Французский антрополог и социолог Г. Лебон внес особый вклад в формировании психологической концепции нации. Согласно его мнению, в основе эволюции нации находится психический склад, который является причиной национально-этнической дифференциации и конфликтов. «Психический склад» у него «обладает почти столь же устойчивыми признаками, как и анатомические признаки видов», и «... каждый народ обладает душевным строем столь же устойчивым, как и его анатомические особенности, и от него-то и происходят его чувства, его мысли, его учреждения, его верования и искусства»¹.

Психологические концепции национальных общностей оформились и на общей почве развития марксистской мысли, которая сводила нацию к культурно-психологической общности людей, объединенных единой судьбой. В начале XX наиболее крупным представителем этого направления был австрийский марксист Отто Бауэр, который писал: «Что такое нация ... представляет ли она особую группу людей, отличающихся общностью происхождения? Но итальянцы происходят от этрусков, римлян, кельтов, германцев, сарацинов, современные французы – от галлов, римлян, бритов и германцев, современные немцы – от германцев, кельтов и славян. Есть ли это общность языка, которая объединяет людей в нацию? Но англичане и ирландцы, датчане и норвежцы, сербы и хорваты говорят на одном языке, не представляя собой, однако, единого народа...»².

Рассматривая далее признак общности территории, Бауэр пи-

¹ Лебон Г. Психология народов и масс // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. – М., 1992. – С. 97–98.

² Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. – СПб., 1990. – С. 1–2.

шет: «Так как территориальное обособление приводит к распадению наций, то общность территории есть несомненно одно из условий существования наций, но лишь постольку, поскольку она необходима для общности культуры ... является условием общности судьбы»¹. Для него нация – это вся совокупность людей, связанная в общность характера на почве общности судьбы. Именно этот признак отличает национальную общность от интернациональных общностей, профессий, класса, народа, составляющего государства, которые покоятся на однородности, а не общности судьбы.

В рамках исторического подхода этнос и нация воспринимаются как долговременный процесс мирового исторического развития, как социальный организм. У нации основа этническая, а ее политизация – это результат борьбы за выживание. Французский философ Эрнест Ренан не противопоставлял этнос и нацию. Проследившая логику исторического развития, он рассматривал нацию как великую солидарность, созданную высоким чувством самопожертвования ради будущего. Естественно, что он писал о французской нации, политическом оформлении данного этноса².

Рассматривая материалистическую теорию, следует признать, что она имеет особый теоретико-методологический контекст. Для марксизма характерно определение нации в конечном счете через экономические, производственные отношения людей. Нации – продукты буржуазной общественной развития, когда на основе формирования внутреннего рынка разрушались феодальные перегородки и на месте раздробленности и партикуляризма появлялись нации, а национальные движения приводили к образованию национальных государств в Европе. Ф. Энгельс считал, что процессы формирования наций и национальных государств не просто совпадают во времени, но и развиваются в органическом единстве, взаимно дополняя друг друга.

Материалистическое объяснение природы нации одним из первых сформулировал признанный теоретик марксизма по национальному вопросу К. Каутский. По его мнению, начиная с XV–XVII вв. современные нации зарождались вместе и на основе формирования буржуазных связей. Однако локальные процессы интеграции происходили и до капитализма, потому что в античную эпоху и в средние века существовали товарное производство и рынок. Только с универсализацией буржуазных отношений, созданием мирового рынка, когда

¹ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. – СПб., 1990. – С. 136.

² Ренан Э. Что такое нация? / Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. – Киев, 1902. – Т. 6. – С. 87–101.

товаро-денежные отношения приобрели всеобщий характер, появились национальные общности как общемировые явления. В эпицентре индустриализации находилась Европа, поэтому в ней раньше, чем в других уголках земного шара, начались национальные движения, сложилась система национальных государств.

Марксизм, сохранив верность традиции французской революции, после которой термин «нация» обрел четкий политический смысл, вернул ему этническое значение. Идеи европейских социал-демократов развивал в своих трудах В.И. Ленин, который указал на важность таких признаков нации как территория, общность происхождения, язык, культура. В эпоху развития империализма он осознает необходимость разработки новой теории нации. Согласно ленинской точке зрения, нация возникает как новое социально-историческое явление в период преодоления феодальной раздробленности общества и укрепления политической централизации на основе капиталистических экономических связей. В жизни наций, ее отношениях с другими нациями, этнические (языковые и культурно-бытовые) особенности занимают большое место, но они не предопределены биологически, а также являются результатом социального развития.

В трудах по национальному вопросу В.И. Ленин, постоянно указывая на социальное происхождение и социальную роль нации, писал, что «... нельзя было из феодализма перейти к капитализму без национальных идей», что «нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития. На основе длительной совместной жизни людей, связанных единой экономикой, территорией и языком, возникает также общность духовной жизни»¹. Критикуя психологические концепции, представляющие «национальный дух» в качестве ведущего, а иногда и единственного признака нации, Ленин подчеркивал их противоречивость и идеалистическую сущность. Он указывал также на то, что консолидация нации действительно облегчается наличием этнически родственных племен, но это не обязательное условие. Фактически не существует однородных наций. Немало таких наций, которые образовались не только из различных этнических групп, но и из разных рас.

По мнению В.И. Ленина, в классовом обществе существуют две культуры, которые создаются представителями одной национальности, но разных «двух наций в одной нации», имеющих разную обще-

¹ См.: Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу / Полн. собр. соч. – Т. 24. – С. 113–150; Ленин В.И. О национальной гордости великороссов / Полн. собр. соч. – Т. 26. – С. 106–110.

ственную идеологию и психологию. Нация имеет не особую национальную психологию, а национальные особенности психологии. Общность экономических связей, территории, языка, а также национальные особенности культуры и психологии порождают сознание национальной общности – национальное самосознание. Возникнув, оно становится важным условием существования и развития нации, которая объединяется уже не только объективными связями, но связями, основанными на самосознании в широком смысле, включающими в себя сознание этнической общности, приверженность национальному языку, территории, культуре, определенное отношение к другим нациям, чувство национальности. Жизненность, активность нации в значительной степени определяется характером и уровнем национального самосознания.

В советский период российской истории в теории и практике национальных отношений господствующее положение занимали идеи И.В. Сталина¹. Хотя в эпоху «застоя» они и были раскритикованы, но в целом сталинское определение нации, основные положения его работ, правда, уже в несколько модифицированном виде, сохранились в трудах советских ученых. Опираясь на труды классиков марксизма и их последователей, они стремились не только исследовать эволюцию их мысли по национальному вопросу, но и найти специфику и противоречия между ленинским и сталинским подходами. В дискуссиях, монографиях, статьях ученые вновь и вновь возвращались к характеристике нации как научного понятия².

В результате большинство исследователей согласилось с мнением, что нация как закономерный продукт и неизбежная форма общественного прогресса представляет собой относящуюся ко времени капитализма и последующих общественных систем социально-историческую общность людей, сложившуюся и развивающуюся «на базе ... экономической и социально-политической жизни народа, его языка, территории, национальной культуры, национального сознания и национальной психологии, а также влияния и взаимообогащения создаваемых народами ценностей»³. На наш взгляд, в этом определении были сконцентрированы основные условия существования и объективные признаки нации. Однако с началом перестройки и рыночных

¹ См.: Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос / Сочинения. – Госполитиздат, 1953. – Т. 2. – С. 290–367.

² См.: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М., 1973. – 319 с.; Рогачев П.М., Свердлин М.А. Нации – народ – человечество. – М., 1967. – 101 с.

³ Куличенко М.И. Нация и социальный прогресс. – М., 1983. – С. 66.

реформ в угоду политической конъюнктуре беспощадной критике отвержению подверглось как само понятие «нация», так и ее содержание. Даже появилось требование «забыть о нации», что, конечно, открыло дорогу к иррациональной теории постижения и практике развития национальных и межнациональных отношений¹.

Сегодня, несмотря на полярность большинства парадигм нации и разность позиций ученых, накопленные эмпирические факты, результаты археологических, антропологических, этнографических и других исследований достаточны для формирования новой общенаучной картины этногенеза и этнического развития. Применение социально-философской методологии открыло новые грани для постижения нации как специфической субстанциональной и онтологической сущности, сложного феномена человеческого общества.

Этническая история человечества общеизвестна: от рода, племен и народностей до наций-этносов и наций-государств – таков объективный путь развития общностей людей по этническому признаку. Конечно, в определенной степени такая методология познания не универсальна, так как ограничена общественным бытием людей, социальным временем и пространством. Однако в настоящее время она объективна, результативна, и главное, эвристична. Не секрет, что она будет обогащаться, развиваться и видоизменяться, ведь такова судьба научного знания, истины.

Действительно, в древности на этапе возникновения и становления человеческого общества в нем преобладало этническое начало, впоследствии – социальное, а сегодня – политическое. Генезис таков: от этнографического понимания этноса – до его полного политического оформления как нации-государства. Терминология тут достаточно запутана наслоением различных подходов, научных традиций, уровнем обустроенности нации-этноса и т.д. «Этнос», «племя-род», «народность», «народ», «нация» и целый ряд других интерпретаций. Но важно одно: объективность и реальность самого явления – нации как общности с характерными чертами. Общеизвестно, что исторически первым сформировался коллектив со своими особенностями территориального, хозяйственно-бытового, психологического, нравственного характера, обуславливающими соответствующий тип национально-этнического самосознания, идентичности и мобилизованности.

Подчеркнем, что в российском науке понятие «нация» используется уже несколько столетий, но терминологическая демаркация до сих

¹ Тишков В.А. Забыть о нации // Вопросы философии. – 1999. – № 9. – С. 3–17.

пор не завершена, субстанциональные основания четко не определены, интегральная концепция не сформирована. Еще в первой половине XIX века, опираясь на идеи немецкой классической философии, В.Г. Белинский писал: «Сущность всякой национальности состоит в ее субстанции. Субстанция есть то непреходящее и вечное в духе народа, которое, само не изменяясь, выдерживает все изменения, целостно и неведимо проходит через все формы исторического развития»¹.

Известные представители русской религиозной философии конца XIX – начала XX вв.: В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин – исходили из подобных предпосылок. В.С. Соловьев писал: «Раз мы признаем единство человеческого рода ... раз мы признаем это субстанциональное единство, мы существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации»². С.Н. Булгаков называет это «философией реализма», для которого «нация есть не только совокупность феноменологических своих обнаружений, исчисляемых и изучаемых наукой, но, прежде всего, некое субстанциональное начало, творчески производящее свои обнаружения, однако всецело не вмещающееся ни в одном из них и потому не сливающееся с ними»³. В философии реализма нация трактуется как объективная реальность, данная нам в чувствах, переживаниях. Базируется она именно на субстанциональном анализе бытия, который в своей специфической манере отражен в творчестве и у других русских философов.

Однако субстанциональный подход важно принять, не отрываясь от процессов воспроизводства собственно национальной материи, т.е. этносов на базисе того или иного способа разделения труда, реальных противоречий и конфликтов национальных групп. В этом смысле важно говорить о моментах, детерминирующих национальное, находящееся с ним в обратной связи, как части интегрального и целостного элемента макросоциологического понятия «общество», которое может быть представлено как система отношений, в том числе и этнических.

Следует признать, что для нации наиболее важной детерминантом является «объективированное прошлое» как сконцентрированный социальный опыт, который и определяет подлинное бытие этноса в мире. На наш взгляд, именно на этой основе создается обобщенный образ бытия каждого народа – этническое бытие, т.е. система его деятельности и представлений в материальном мире и духовной жизни,

¹ Белинский В.Г. Россия до Петра Великого // Русская идея. – М., 1992. – С. 77.

² Соловьев В.С. Русская идея. Соч.: В 2-х т. – М., 1989. – С. 220.

³ Булгаков С.Н. Размышления о национальности. Соч.: В 2-х т. – Т. 2. – М., 1993. – С. 436.

национальные образы бытия, которые отражают специфику культур разных народов.

Поэтому сегодня, рассматривая философские проблемы этнического бытия, важно проанализировать существующие в современной науке теории и направления исследования нации и национализма, объединенных на принципах и подходах модернизма и постмодернизма. Как писали ранее, большинство российских «конструктивистских», «инструменталистских» и «релятивистских» теорий и концепций нации имеют западные корни. Они опираются на идеи Эрнеста Геллнера, Энтони Смита, Бенедикта Андерсона, Джона Бройи и их предшественников. Несмотря на многообразие идей и разнообразие положений, большинство теорий нации и национализма по своему подходу, концептуальному решению основных теоретических проблем, выводам, занимают одинаковые позиции и часто повторяют прошлый опыт.

С конца XX века и по настоящее время популярностью в нашей стране пользуются труды Эрнеста Геллнера, особенно по теории нации и национализма. Концепция «нациестроительства» английского ученого послужила основой для формирования множества теорий, особенно «конструктивизма» в разных странах. Несмотря на непоследовательность и противоречивость многих положений, она самобытна, оригинальна и содержит в себе особенности классической традиции и постмодернизма, т.е. объективности, историчности и этничности, а также социально-экономического детерминизма – материалистического понимания нации.

По мнению Э. Геллнера, этносы превращаются в нации не просто в результате саморазвития на собственной основе, а в процессе политического действия, т.е. являются продуктами деятельности государства. Власть формирует и создает политические интересы, а политические группы – программы и средства строительства нации, используя при этом определенные культурные, этнические, лингвистические и т.д. предпосылки. Особую роль при формировании нации играет историческая наука, которая создает легенду о происхождении нации, используя различные этнические символы и мифы. «Фактически нации, как и государства, – всего лишь случайность, а не всеобщая необходимость», – пишет Э. Геллнер¹. Нации не имеют ни экономических, ни языковых, ни психологических характеристик, обладают лишь политико-правовыми признаками. «Группа людей ... становится

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. – М., 1991. – С. 34.

нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу»¹.

Конечно, Э. Геллнер видел реальное внутреннее противоречие своей концепции. В современном мире существуют около двухсот государств, а наций и этносов – несколько тысяч. Количество наций и количество государств не совпадают, но он находит выход в том, что делит нации на «реальные» и «потенциальные», отказывая последним в государственности из-за их «дикой и низкой культуры». Каждая высокая культура порождает национализм и хочет иметь собственное государство. «Не все дикие культуры могут перерасти в высокие культуры, и те из них, которые не имеют серьезных оснований на это надеяться, обычно устраняются без всякой борьбы; они не порождают национализма»². В «потенциальные нации» он включает не малые этносы Азии или племена Африки, а те народы, которые оказались в рамках существующих национальных государств: шотландцев, уэльсцев, фламандцев, каталонцев, басков, корсиканцев. Для него это этнографические части больших наций, фатально обреченные на постепенное растворение и исчезновение.

Если обратиться к истории Европы, то можно заметить, что реальное развитие многих национально-этнических общностей происходило без каких-либо орудий «нациестроительства» и вопреки государственной политике ассимиляторства. Формы национальной государственности валлонов, басков, фламандцев строятся на наших глазах благодаря их реальному существованию, борьбе за самостоятельное развитие. За последние десятилетия в Европе и на территории стран СНГ произошел очередной процесс становления целостной системы национальных государств. В 2012 году произошло разделение Судана на два национальных государства. Такова логика исторического процесса, тенденция всяких национальных движений.

На наш взгляд, Н.А. Бердяев наиболее четко и ясно выразил стремление нации к самосохранению и расцвету: «Всякая нация по здоровому инстинкту своему стремится к максимуму силы и цветения, к раскрытию себя в истории ... Дух нации противится пожиранию прошлого настоящим, нация всегда стремится к нетленности, к победе над смертью»³. Отмечая роль государства для бытия нации, далее он пишет: «...всякая нация стремится образовать свое государство, укрепить и усилить его. Это есть здоровый инстинкт нации. Государствен-

¹ Там же. С. 35.

² Там же. С. 118–119.

³ Бердяев Н.А. Философия неравенства. – Л., 1990. – С. 96–97.

ное бытие есть нормальное бытие нации. Потеря нацией своего государства, своей самостоятельности и суверенности есть великое несчастье, тяжелая болезнь, калечащая душу нации»¹.

Естественно, что Э. Геллнер видел всю сложность и драматизм развития национальных движений и становления наций как в Европе, так и в мире в целом. Понимая уязвимость теоретических и методологических основ своей концепции «нациестроительства», он при анализе процесса возникновения древних государств неожиданно признает, что государство, вообще, старше нации. Действительно, первые государства появились в Древнем Востоке, получили развитие в эпоху Античности, т.е. имеют многотысячелетнюю историю, в то время как нация – феномен только Нового времени.

Хотелось бы отметить еще одно обстоятельство. Оперировав абстрактными понятиями, говоря о государстве вообще, Э. Геллнер оставляет в стороне вопрос о его формах и исторически конкретных типах. А это важно, ибо его концепция «нациестроительства» сопряжена не с государством вообще, а с его исторически конкретной формой – национальным государством, возникшим в ходе и путем ликвидации феодального партикуляризма и политической раздробленности в Европе в XVI–XVII вв. Ему предшествовали сложные социальные процессы роста городов, формирования буржуазной предпринимательской деятельности, развития торговли и товаро-денежных отношений, ликвидации местных рынков, разграничения населения Европы по языковому признаку, т.е. консолидации национально-этнических общностей.

Теоретически беспорно положение о том, что государство возникает только тогда, когда социокультурные процессы и потребности объединения новых более широких общностей людей в ходе социальной стратификации и интеграции не сделают его необходимым. Еще Льюис Морган на огромном эмпирическом материале показал, как разложение родовых отношений и формирование территориальных общностей сделали необходимым появление государства. Э. Дюркгейм отмечал, что разложение сегментарных обществ, увеличение объема, возрастание моральной плотности общества, символизируемое возрастанием его материальной плотности, приводят не только к прогрессу разделения труда, но и институционализации моральных и правовых норм. Эти процессы порождают солидарность внутри общности, если они создают право и мораль, т.е. институты, основы государственности как необходимое условие прогресса данной общности.

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. – Л., 1990. – С. 102.

В странах Западной Европы все национальные (многонациональные) государства складывались после формирования их субъектов. Например, подъем национального самосознания немцев в ходе свержения империи Наполеона, национально-освободительное движение в Италии во времена Гарибальди свидетельствуют лишь о том, что по конкретным историческим причинам разрыв между формированием наций, ростом их самосознания и появлением оказался более протяженным. В Нидерландах, в Англии и Франции этот процесс приобрел быстрый характер.

Отметим, что в России и Австрии интеграционные процессы пошли несколько другим путем. Сформировавшиеся империи, государства национальностей, не сумели или не стремились ни русифицировать, ни германизировать население, т.е. осуществить «нациестроительство», растворить «низкие культуры» финнов, поляков, татар, грузин, венгров, чехов, словаков. Используя слабости и противоречия теории «нациестроительства» Э. Геллнера, представители других направлений, «релятивизма» и «инструментализма», в духе постмодернизма из его трудов делают далеко идущие выводы и заключения.

Ради справедливости следует указать, что Э. Геллнер признает историчность нации, показывает решающую роль капиталистического способа производства, индустриализации, рынка и рыночной экономики, которые и объединили «хозяйственную территорию» в рамках этнической родины и дали в руки государства мощные рычаги «нациестроительства». В его работах приоритетной является идея объективности становления нации. «Нация, – пишет он, – есть следствие индустриализма, способа производства, возникшего и распространившегося именно в этот период». «Новый общественный порядок, – продолжает ученый, – не предлагал замыкания в маленьких сообществах». Наряду с индустриализмом, решающим фактором в становлении наций являются культура, культурные различия, «определяющие и порождающие современные нации»¹.

Для полноты и глубины исследования обратимся к творчеству Энтони Смита, основные положения теории нации и национализма которого приняты в западной и российской науке. Его историко-этноцентрическая концепция раскрывает исторический процесс формирования национальной общности и ее преемственность с предыдущими формами этнической жизни. Э. Смит отвергает абстрактные схемы, общие рассуждения о нации, сводящие ее к «иллюзии», не

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. – М., 1991. – С. 19.

приемлет положения о том, что они якобы являются искусственными сообществами, скрепленными по большей части надуманными узами.

Э. Смит показывает, что в эпоху Возрождения в странах Европы начались объективные процессы формирования наций, которые приобретают завершённый характер в XVIII–XIX вв. Именно в этот период государства создавались вокруг доминировавших этнических групп и сообществ и, в свою очередь, постепенно становились национальными. Он утверждает, что некоторые процессы формирования наций восходят не только к средневековой эпохе, но и к раннему времени. Поэтому, чтобы лучше понять процессы, происходящие с «современными нациями», следует исследовать соотношение ранних сообществ и модернизированных социумов. И, действительно, люди, составляющие национальную общность, в своих идеях, самосознании постоянно возвращаются к прошлому и ощущают свою преемственность с этническим прошлым¹. Вот почему так важно и необходимо, считает Э. Смит, изучать культурные модели досовременного общества, которые могут помочь объяснить, почему столь много людей тяготеет к нации как к первостепенному объекту своей привязанности и солидарности в современном мире.

С позиций конструктивистской парадигмы рассматривает проблемы нации и национализма в западной социально-гуманитарной науке Бенедикт Андерсон. В 80-х годах XX века появилась его нашумевшая книга «Воображаемые сообщества», в которой автор называет нации «мнимыми», «иллюзорными» явлениями. На ряде исторических примеров он старается показать, что нация якобы существует и осознает себя таковой в результате внутреннего и внешнего внушения, что только тогда она составляет нечто единое и отличное от других. Объявляя нацию и национализм «особого рода культурными артефактами», он старается найти основы и причины их зарождения в культурных корнях².

Однако признавая объективное существование нации, Б. Андерсон пытается понять, как и насколько она отвечает потребностям бытия человека, что означает для него национальная идентичность. Он определяет нацию как «воображаемое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное». Отмечая историчность нации, ученый пишет о возрастании ее роли в период упадка религии, идеологии, когда происходят глубокие изменения в способах восприятия мира. Правда,

¹ Смит Э.Д. Национализм и историки // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 258.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М., 2001. – С. 29.

Б. Андерсон не исследует глубинные пласты этнической истории, рассматривает нацию и национализм как абсолютно новые явления, связывает их только с современной эпохой. Вне поля внимания остаются психологические корни национализма, причины его укоренности в массах, особенности привязанности человека к своей национальной идентичности.

Проанализируем теперь сущность инструменталистского подхода, его отношение к теории нации и национализма. Следует признать, что инструментализм представляет собой крайнюю форму конструктивизма и релятивизма, отрицает историчность и объективный характер бытия нации. В трудах Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума также присутствуют элементы инструментализма. Однако наиболее известными представителями инструменталистского подхода являются П. Брасс, К. Вердери, Н. Глезер, Дж. Дэвис, Д. Мойнихан. Все они этническую группу рассматривают как общность, объединенную интересами, а этничность – как средство для достижения групповых интересов, мобилизации в политической борьбе. Этот общий и исходный тезис у каждого из них наполняется особым смыслом, когда он конкретизируется и развивается.

Символы национальной идентичности служат интересам элит, используются в политической или экономической борьбе с целью установления контроля над государством и его ресурсами. Например, Поль Брасс считает, что культурные символы используются элитами и их группами в своих интересах, которые они представляют. Поэтому он утверждает, что нации – «иллюзии» и выдуманы элитами для мобилизации масс в корыстных интересах. Натан Глезер и Дэниел Мойнихан отмечают, что этничность – это «группы интересов», основанные на культурных различиях, которые используются элитами для мобилизации и политической борьбы. Такие же мысли, правда в несколько ином контексте, высказывались также Д. Беллем, Э. Геллнером, Э. Хобсбаумом, Б. Андерсоном.

Сегодня инструментализм приобретает все более утонченные и причудливые формы и выражения. Например, Кэтрин Вердери заявляет, что «следует рассматривать нацию как символ, всякий данный национализм – как имеющий множество значений, выдвигаемых в качестве альтернатив и оспариваемых различными группами, которые маневрируют, пытаясь застолбить свое право на определение символа и его легитимирующие воздействия». Поэтому, считает она, мы не должны в нации видеть социальную действительность и реальную силу, а должны спрашивать: «Каков тот глобальный, социальный и

институциональный контекст, в котором различные группы соревнуются за право контроля над этим символом и его значениями?»¹

По мнению К. Вердери, нация имеет идеологический и политический смысл как вопрос связи государства со своими подданными, она является продуктом символизации различными группами. В этом смысле изучать нацию, значит, спрашивать: «Как идентичности конструируются в социальном смысле и как создаются обладающие ими индивиды?»² И если развивать эту логику, то увидим, считает она, что нация по мере глобализации мира и утери национальными государствами своей роли держит курс на свою переориентацию на референтные группы. В свою очередь, господствующие элиты будут стремиться к глобальным ценностям, ориентироваться на международные транснациональные силы. Таким образом, инструментализм, рассматривая нацию с общих позиций конструктивизма, сводит ее к мобилизованным элитами толпам, используемым в борьбе за власть и влияние.

Эпоха перестройки, социальная трансформация советского общества, политические потрясения и межнациональные конфликты оказали существенное влияние как на развитие российского социума, так и общественно-гуманитарных наук. В конце XX века радикальные изменения произошли и в исследовании проблем нации и национализма. Господствующие позиции в нашей науке заняли собственные варианты конструктивизма, релятивизма и инструментализма. В этот период особый интерес вызвали постмодернистские взгляды В.А. Тишкова и «релятивистская теория нации» А.Г. Здравомыслова. Сегодня они все еще остаются наиболее известными, хотя и вызывают неоднозначную реакцию своей неадекватностью российским реалиям.

Если в советскую эпоху, особенно в 60–80-е годы XX века, в изучении нации ученые предпочтению отдавали социально-философским проблемам, то в последующий период исследования в этой области приобрели сугубо политизированную окраску. Как отмечали, именно в трудах В.А. Тишкова постмодернистские подходы в изучении нации нашли наиболее полное выражение. Опираясь на положения учения Э. Геллнера и используя идеологию конструктивизма, В.А. Тишков утверждает, что единственным источником и фактором формирования нации является политика «нациестроительства» национального государства. Поэтому «... не столько среди нации рождаются движения за национальное самоопределение и не столько на-

¹ Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм»? // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 299.

² Там же. С. 300.

ции создают национальное государство, а наоборот, идея нации рождается среди народов как политическая программа для создания суверенных гражданских сообществ, и уже государства создают нации, т.е. осуществляют процесс нациестроительства»¹.

В своих многочисленных трудах, анализируя современный этап развития нашей страны, В.А. Тишков замечает, что хотя и существует национальное государство – Российская Федерация, но нации еще нет. Оставляя открытым вопрос о русских, он пишет только о существовании этнических образований, живущих в автономиях². Главная идея В.А. Тишкова заключается в том, что народы России фатально обречены оставаться донациональными образованиями, пока Российское государство не «построит» единую российскую нацию на основе слияния всех этносов нашей страны. Специфика российской политической концепции «нациестроительства» заключается в том, чтобы исключить в перспективе появление новых субъектов – национальных государств, этносов, способных организовать такие процессы. «Нация, по его признанию, – это выдумка «академиков-схоластов», это «комплекс ощущений и чувств», «сложный комплекс характеристик, чувств и индивидуально-коллективистских стратегий»³.

Опыт становления Российской Федерации и развития ее народов на современном этапе со всей очевидностью показывает научную неполноту и некорректность таких утверждений В.А. Тишкова. Он предлагает игнорировать объективные факты, отказаться от ценного исторического наследия в области исследования теории нации и национальных отношений. Обращаясь к истории проблемы, отметим, что советские ученые всегда отмечали огромную, действительную и действенную роль государственности в жизни наций и в мотивации национальных движений, но никогда ее не абсолютизировали.

Логика «нациестроительства» привела автора от научных положений к конструированию идеологем. Вопреки тому, что он писал раньше о донациональных этнических образованиях в нашей стране, в другой работе вдруг признает, что Россия – это национальное государство, в котором проживает в высшей степени консолидированная нация, все члены которой говорят на русском языке. Теперь «этносов»

¹ Тишков В.А. Дилемма новой России как многоэтничного государства // Права человека и международные отношения. Материалы международного симпозиума. 18–20 апреля 1994 г. – М., 1994. – Ч. I. – С. 88.

² См.: Тишков В.А. Двадцать лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений. Исследования прикладной и неотложной этнологии. – М.: ИЭА РАН, 2009. – Вып. 200. – 47 с.

³ Тишков В.А. Очерки теории и этничности в России. – М., 1997. – С. 37.

вообще, нет, и ученый даже не знает, что это такое? Получается, что татары, карелы, чувашы, осетины, черкесы и т.д. у него теперь русские.

По этой же логике «русские, проживающие в Эстонии ... должны считаться, как по всем мировым параметрам, так и с точки зрения более или менее доминирующих в общественности категорий, членами эстонской нации»¹. Далее В.А. Тишков утверждает, что «все, кто участвуют в социально-экономической и культурной жизни государства и лоялен этому государству, ... составляют нацию казахстанцев»². Значит, половина населения Казахстана: русские, украинцы, немцы, корейцы, словом, все русскоязычные – являются членами казахской нации. Получается, что масса людей, участвующих в национальных движениях, в том числе и русских, например, в Латвии, Эстонии, сегодня и в Украине, борются не за свои национальные и гражданские права, культурные ценности, а потому что им не объяснили теоретических тонкостей различных понятий, что они обладают не тем комплексом чувств и ощущений. Оказывается, что в национальных и этнических конфликтах, столкновениях, в разных трагедиях виноваты академическая наука, «ученые-схоласты», что не жизнь, не реальная практика и политика порождают «трагические коллизии», а научные дефиниции.

Наконец, В.А. Тишков приходит к выводу о том, что понятие «нация» следует изгнать не только из науки, но и из политики. Развенчав понятие, можно развенчать и саму нацию и лишить активистов возможности использовать ее «для специфических целей мобилизации, для утверждения своих внутригрупповых и внегрупповых статусов»³. Словом, в его конструктивистском и инструменталистском подходах были преданы забвению или игнорированы культурно-психологические основы и механизмы, национальные чувства, историческая память, привязанность людей к своей национальной идентичности.

Почти одновременно с В.А. Тишковым в нашей социально-гуманитарной науке со своей «релятивистской» теорией нации выступил А.Г Здравомыслов. В центре его внимания вопрос о том, как формируется образ нации в сознании общества. Нация или этническая группа представляют собой феномен коллективистского сознания, в

¹ Тишков В.А. Очерки теории и этничности в России. – М., 1997. – С. 65–66.

² Там же. С. 72.

³ Тишков В.А. Забыть о нации // Вопросы философии. – 1999. – №9. – С. 17; Тишков В.А. Стройка нации // Россия в глобальной политике. – 2013. – №5. – Том 11. – С. 174.

рамках которого осуществляется цикл жизнедеятельности индивида. Существующие этнические и национальные сообщества он предлагает рассматривать в качестве взаиморефлектирующих целостностей. Мир наций и национальных идентификаций исключительно подвижен, нации существуют не в изолированном состоянии, а находятся во взаимодействии, опыт одних передается другим. Национальное самоопределение существует благодаря тому, что помимо «этой нации», включающей в себя «мое Я», существуют и другие. «В этом, – заявляет автор, – суть релятивистского подхода к нации, который противопоставляет различного рода объективистским интерпретациям этого феномена»¹.

Релятивистская теория А.Г. Здравомыслова рассматривает этносы как донациональную, догосударственную ступень развития. Нации, имея определенные этнические корни, представляют собой сообщества, созданные государством и усилием политической воли. Сами нации и их интересы, таким образом, не абсолютно заданные величины, «константы», с которыми надо считаться. Рассматривая релятивистскую концепцию с теоретико-методологических позиций, можно обнаружить, что она отвергает не только структурно-функциональный подход, системность в понимании национально-этнических общностей, но и объективность их существования. Релятивизм и отход от социокультурных традиций приводят к полному субъективизму в понимании национальных общностей, который, прежде всего, проявляется в коллективных представлениях людей.

В отличие от Э. Дюркгейма, который рассматривал «коллективное сознание» как объективное явление, социальный факт, А.Г. Здравомыслов не стремится признать за субъективными проявлениями существующую реальность, в результате чего его рефлексивная политика получила бы объективирующую научную основу. Однако через некоторое время ученый опровергает свой основополагающий тезис, разрушает всю свою конструкцию, когда пишет: «Индивид не выбирает нацию. Она ему задана внешне с рождением, умением говорить и культурным ареалом, который определяет рамки его жизненного пути и общечеловеческие стандарты социализации»². Следовательно, нации существуют объективно, вне и до рождения индивида. Значит, будучи результатом объединенных действий индивидов, синтезом их взаимодействия, коллективное сознание приобретает эмерджентную

¹ Здравомыслов А.Г. Релятивистская теория нации и рефлексивная политика // Интеграция и дезинтеграция в современном мире. Россия и Запад. – М., 1997. – С. 26.

² Там же. С. 31.

природу и имеет другое основание, другой субстрат. Этот синтез происходит уже вне сознания конкретного человека и имеет своим следствием установление общих ценностей, образцов поведения, норм, которые существуют объективно.

Социально-философское исследование природы и сущности нации, ее свойств и основных феноменов позволило нам сделать следующие выводы. Нация – это исторически сформировавшаяся и развивающаяся по объективным законам общность людей, интегрированных в специфическую целостность, объединенных в особую социальную форму, совокупность особых взаимосвязей и взаимодействий, ассоциаций. Возникшие в эпоху Нового времени и продолжающие в современную эпоху процесс своего становления и развития, они (нации) представляют собой уникальное явление и определенную «загадку», «тайну» для науки, так как не всегда поддаются научной полноте, обобщению и типизации.

Теории нации, часто являясь продуктами эпохи, то есть исторически ограниченными временными и пространственными рамками, отрывались от объективной реальности и догматизировались. Многие концепции, не раз оказываясь полностью под субъективными и идеологическими предпочтениями авторов, выражали лишь отдельные свойства и измерения нации, не доходя до интегральных, субстанциональных оснований.

Объективное изучение основных характеристик нации выявило совокупный, синтетический характер ее бытия, показало, что нация – это реальность особого рода, имеющая свои специфические законы и детерминанты развития, подходы и принципы. Идея об интегрировании научных знаний о нациях по своей сущности является не просто обычной реакцией на разобщенность теоретических идей и направлений, противостоящих друг другу, и не результат, созревших в умах ряда ведущих российских ученых. Такая работа актуальна в силу необходимости поиска надежного критерия, теоретического основания и принципиального нового подхода. Здесь, как всегда, важно признать, что и подходы, и в целом методология анализа не приходят из абстрактно-теоретических, логических умозаключений, а вытекают из природы и сущности исследуемого объекта, имеющего специфические свойства и аспекты, базисные основания и особые грани.

Формирование интегральной социально-философской теории – веление времени и естественное, объективно необходимое, адекватное теоретическое выражение интегральной природы самой нации, ее субстратных основ и свойств. Интегральная теория не только предпо-

лагает, но и содержит междисциплинарный подход, смысл которого заключается в использовании идей всех наук, изучающих различные стороны, свойства, аспекты, связи нации.

Завершая главу, следует признать, что только философская наука обладает универсальностью, исключительной прерогативой, используя общеметодологические принципы и положения, в адекватной форме выразить интегральную природу самой нации, охватить глубокие субстанциональные, онтологические, антропологические, социокультурные свойства, характеристики, отношения, черты, феномены нации и национальной жизни в их единстве, целостности. Естественно, что такой подход включает и внутреннюю интегральную национальную идентичность, то важнейшее свойство, которое объединяет, связывает глубокими духовно-нравственными и психологическими нитями разные поколения людей в единую коллективную общность.

Действительно, национальная общность – это интегральная целостность, единство объективного и субъективного, экономического и политического, материального и духовного, идеологического и психологического. Перефразируя П.А. Сорокина, можно сказать, что нация – удивительное интегральное явление социальной жизни¹. Интегральность обеспечивает единство символического взаимодействия и целостность всем свойствам, элементам и феноменам нации. Национальная общность – это историческое сформировавшееся коллективное единство многообразия, специфическое надэтническое бытие людей, находящееся в состоянии непрерывного становления и взаимодействия, выполняющее одинаковые и значимые социальные функции и роли.

¹ Сорокин П.А. Социологические теории современности. – М., 1992. – С. 356–357.

Глава IV

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО БЫТИЯ



Исследование сложных и неоднозначных процессов, с которыми столкнулось современное общество, актуализировало вопросы познания этнического бытия, ставшие одними из важнейших в социальной и политической философии. Действительно, для российского общества, все еще находящегося в состоянии непрерывных изменений и «переоценки ценностей», проблемы этничности оказались в центре внимания в силу исторических традиций, поиска корней собственной социокультурной идентичности, самопознания, обеспечения общественного согласия и политической стабильности, определения перспектив развития.

Используя все многообразие социально-философских методов и принципов, в настоящей главе мы проведем анализ категории «этническое бытие», чтобы активизировать исследовательский процесс, выявить основные подходы и пути решения. В ней также пойдет речь о концептуальных основаниях, научном статусе и парадигмальном пространстве философской этнологии. В центре внимания вопросы этнической антропологии – науки о комплексном изучении человека этнического, ее месте в системе философских и социально-гуманитарных наук.

4.1. Категория «этническое бытие»: методология исследования и принципы анализа

Введение в социально-философское и политическое пространство исследования категории «этническое бытие» актуально для современного научного познания, так как оно открывает широкое поле для творческой деятельности, позволяет акцентировать внимание на необходимости применения всего многообразия методов и принципов. Одновременно появляются возможности для параллельного и дополнительного применения различных принципов и типов анализа: от

формационного и цивилизационного подходов познания реальности до герменевтической и феноменологической интерпретации событий и текстов.

Рассмотрение природы и сущности этничности, выявление логики социально-исторического процесса, роли и места этнической составляющей во всей социальной системе превратилось во все более приоритетную задачу и для всей современной общественно-гуманитарной науки. Существующий плюрализм позволяет использовать различную методологию, философские принципы и подходы, чтобы провести системный анализ этнического бытия общества. При этом мы стремились сохранить накопленный наукой предшествующих эпох огромный исторический опыт. Например, понимая значимость и эвристический потенциал, использовали теорию общественно-экономической формации, которая действительно отражает логику объективной реальности. Одновременно стремились не умалять роль и место очень популярного сегодня цивилизационного подхода, являющегося для нас проявлением формационной сущности.

Социально-политическая практика, развитие философии и общественно-гуманитарных наук показали принципиальную ограниченность и неудовлетворенность одного подхода, типа объяснения, выявления очевидных и простых причинно-следственных связей. Плюрализм мнений и многообразие подходов, актуализировав большинство проблем, не способствовали решению сложных и насущных задач общества, поиску объективного содержания истины, формированию единых критериев для демаркации и оценки реальной действительности. Естественно, что как абсолютизация одной методологии, ограничивающая объяснение сложной реальности и обладающая пределом применения, так и плюрализм подходов, многообразие мнений не приближают нас к истине. Заметим, что на современном этапе развития науки так и случилось: критика формационной методологии привела к увлечению и абсолютизации сравнительно-исторического и цивилизационного подходов, не всегда оправданному обращению к структурализму и функционализму, популяризации теорий постмодернизма.

Очевидно, что динамичное развитие современного общества и непрерывная трансформация его структур проблематизируют построение достаточно строгой и системной модели реальности, не способствуют формированию объективного взгляда на мир, несмотря на комплексное применение всего многообразия методов и подходов. Конечно, положение усугубляется кризисным состоянием наук и по-

лярностью позиций ученых, многих социально-политических и философских концепций. Однако несмотря на всю дискуссионность, неоднозначность трактовок, понятно, что общественно-историческое развитие, при всей неопределенности и нелинейности, в целом носит органический и прогрессивный характер, имеет свою логику, законы развития. Общество представляет собой сложную развивающуюся социальную материю, в которой этническое бытие является ее неразрывной и целостной частью.

Правда, природа этнического бытия достаточно сложна, она не вмещается в «прокрустово ложе» социальной теории и обладает своей методологией исследования. Этнос имеет свою логику существования и функционирования, этапы и динамику развития, его бытие можно исследовать с помощью принципов непрерывности и прерывности, отмечая «пограничные ситуации», т.е. точки бифуркации. Кризис любого полиэтнического общества часто начинается с декомпозиции этнических структур, которая, в свою очередь, затем начинает активно разрушать всю социальную систему. До сих пор принято считать, что социальная революция – это результат, прежде всего, кризиса социально-экономической системы. Как показывает современный опыт, нарастание противоречий и дисгармонии, напряженности и конфликтности в системе этнических отношений, политизируя общество, также ведет, в конце концов, к социальным кризисам и потрясениям.

Логика общественно-исторического развития изучена достаточно в социальной и политической философии, однако проблемы этнического бытия до сих пор не получили своей глубокой философской аргументации. И в политической, и социальной науке также подробно проанализированы природа и сущность революционных и эволюционных изменений, выявлены причины смены целых формаций и разных типов обществ, их динамика, пути прогресса и специфика регресса, степень свобод человека и реализации им своих возможностей.

В современной философии используются теории, разработанные исторической и социально-политической мыслью предшествующих эпох. Например, одним из важнейших является учение об эволюционном и стадийном развитии общества, о котором писали в эпоху Средневековья и Возрождения Ибн-Халдун и Дж. Вико. К ним вернулись в XX веке такие известные ученые, как Н. Кондратьев, Л. Гумилев, И. Валлерстайн. В современной научной литературе достаточно популярна концепция Дж. Тойнби «вызов» – «ответ», придавшая социально-исторической закономерности открытый характер. Действительно, современные «вызовы» носят как внутренний, так и междуна-

родный характер, однако качество «ответов» целиком зависит от развитости гражданского общества, силы и мощи государства. Слабость государства и использование им манипуляционных технологий ослабляет единство народа, не способствует превращению его в реальный субъект социально-исторического процесса, модернизации и инновационного развития.

Касаясь этноса, отметим, что в последней четверти XX века и в первом десятилетии нового столетия появились различные социально-политические и психологические концепции этничности, однако универсальную, синтетическую модель не удалось сформировать. Игнорирование многими учеными философской сущности данного феномена не позволяет уйти от односторонности каждого из подходов и создать целостную концепцию этноса. Системное исследование этнического бытия любого государства, которое является многонациональным, помогает всесторонне и объективно рассмотреть социальную реальность, детерминированную всем прошлым страны, ее историческим основанием, значительными событиями, традициями, определить альтернативы будущего. Востребованность философского подхода заключается в том, что он предлагает не абсолютное отрицание, а творческое отношение ко всему историческому наследию. Стремление игнорировать прошлое, стереть генетическую память часто оборачивается трагедией для миллионов людей. Поэтому важно заниматься не манипуляцией и метафизическим отрицанием прошлого, а акцентировать внимание на сохранении уникального достижения народов.

Применение формационной методологии подтверждает мысль о том, что процессы этнического бытия системны по своей сущности, их динамика противоречива и также спиралевидна. Несмотря на все наслоения и мистику, которую мы им придаем, они протекают в рамках логики современных глобальных изменений. Философское постижение общества позволяет вскрыть сущность этнического бытия общества, сохранить связь времен, постичь духовную преемственность поколений. Синтез выводов формационного и цивилизационного анализа, всего богатства философских методов и принципов раскрывает сложность функционирования этнического бытия, показывает его тесную связь и зависимость от политических, социально-экономических, культурных и иных факторов.

Плодотворным при социально-философском познании этнического бытия является применение методов моделирования и использования синергетической парадигмы, которые помогают исследовать и открывать новые, ранее неизвестные, взаимосвязи и отношения. Моде-

лирование предполагает определенное абстрагирование и упрощение, создание моделируемой системы, в результате интерпретации которой раскрываются новые смыслы и значения. Верно также то, что в модели должны быть обозначены и органически увязаны важнейшие онтологические основания и функциональные параметры моделируемой системы. Это позволит обеспечить целостность модели и, несмотря на абстрагирование и упрощение, сохранить за ней адекватный характер и познавательную ценность. Универсальность и общепризнанность метода моделирования связывается с его способностью представить в качестве предмета исследования объект любой сложности.

Моделирование показывает свою результативность при исследовании такой сложной системы как этническое бытие общества, его реконструкции и интерпретации. В современных условиях моделирование со своей универсальностью придало новый статус классической рациональности. В традициях классики этническое бытие можно смоделировать как часть социальной системы, обладающей рациональностью и определенным эпистемологическим и эвристическим потенциалом. На наш взгляд, чисто субъективистской является позиция тех, кто рассматривает действия этнических групп и этнофоров только в рамках традиций постмодернизма, считает их исключительно иррациональными.

Сегодня для полного и глубокого постижения этнического бытия целесообразнее использовать как идеи классической рациональности, так и традиции неклассической философии и постмодернизма. В результате этническое бытие воспринимается и как целостность, и как неравновесный объект социальной системы. Появляется возможность выявить всех субъектов активного и пассивного действия, определить рациональные и иррациональные средства деятельности, ценностно-целевые структуры, архетипы, символы, традиции, сформировать наиболее полное и объективное знание.

Этническое бытие как модель, результат непрерывного моделирования, в зависимости от цели и задач исследования может быть представлена в материальной или идеальной форме. Такая модель этнического бытия будет способна наиболее полно воспроизводить материальные и духовные отношения, существующие взаимосвязи и взаимодействия, характеристики, находиться в состоянии соответствия, подобия к моделируемому объекту исследования. В рамках теории подобия важным для этнического бытия в методологическом отношении станет следующая закономерность: при наличии подобия существенных параметров этничности, основных связей и отноше-

ний, подобными будут и другие параметры все системы этнического бытия. В таком случае в определенной степени отпадает необходимость в специальном анализе всех существующих связей, других параметров.

Для методологии исследования этнического бытия важнейшее значение приобретает принцип открытости системы. Этническое бытие общества при моделировании следует рассматривать как открытую, рациональную, непрерывно развивающуюся систему, находящуюся в процессе познания, постоянной интерпретации и реконструкции. В таком случае главной задачей становится углубленное и конструктивное познание моделируемого объекта как системы и получение на этой основе объективного знания с целью системного прогнозирования и профессионального управления. Поэтому нам представляется метафизической позиция тех, кто, анализируя сферу этнического бытия разных общественно-экономических формаций, социальных систем, в первую очередь, традиционное общество, рассматривает их только как закрытую сферу. Давно настала пора воспринимать этничность не просто как систему, способную к динамике, но и производству, и расширенному самовоспроизводству связей и отношений.

На протяжении тысячелетнего развития менялись сами этносы, трансформировались их отношения с природой, формы жизнедеятельности, многие признаки, даже идентичности. При всей традиционности и закрытости методологически значимо рассматривать этническое бытие как открытую, непрерывно обновляющую систему, а при моделировании увидеть наличие в нем значительный эвристический потенциал. Словом, этническое бытие как модель должно быть представлено как динамическая система, способная в процессе познания превращаться в объект нового реконструирования и переинтерпретации.

Постижение этнического бытия и стремление к поиску его объективных оснований требуют использования все новых методов и принципов классической, неклассической и постмодернистской науки. Отметим, многие направления современной науки, особенно философской эпистемологии, открывают специфические грани и аспекты этничности, позволяют заглянуть в совершенно новые плоскости этнического бытия. Поэтому мы решили использовать теорию конструирования реальности, принципы неопределенности и дополненности.

На наш взгляд, конструируя систему этнического бытия со всеми пространственными и временными характеристиками, возможно

построение моделей разного уровня абстрагирования. В одной модели этническую систему можно рассматривать как специфическую совокупность, одновременно как рациональную, динамическую, так и иррациональную, «таинственную» систему социума, не всегда поддающуюся объективному познанию. В другой – этническое бытие возможно сконструировать как устойчивую и статичную модель, в рамках классического, традиционного понимания. В третьей, при всей сложности этническое бытие как сложный объект конструирования можно рассматривать как результат определенного ограничения, упрощения и детализации. В четвертой модели конструирование этнического бытия и его постижение результативно при использовании принципа дополнительности. Изучая этничность, следует обратить внимание на уникальную особенность этноса всегда находится в состоянии пульсации, хотя многие процессы в нем очевидны только при значительной деформации социальной действительности. Использование принципа дополнительности при конструировании этнического бытия плодотворно во многом еще потому, что удастся более объективно анализировать состояние всей этнической системы, различных этнических групп, выявить альтернативы, специфику и характер их действия на социальную реальность.

В пятой модели этническое бытие можно рассматривать как специфический социокультурный и полиментальный феномен, представленный различными архетипами, знаками, символами, текстами, требующими комментирования в духе своего времени, адекватной интерпретации в контексте современного знания и формирования объективной научной картины мира.

Этническое бытие как система с особой пространственно-этнической структурой в качестве объекта исследования представляет собой сложную цепь взаимодействий, которые с трудом поддаются всестороннему научному анализу. Несмотря на все сложности конструирования и моделирования, с их помощью удалось смоделировать, «выстроить» все сферы этнической системы, ее объективные отношения и субъективные связи, выделить системообразующие основания, ведущие параметры. Очевидно, что только при конструировании можно увидеть все новые проявления и уникальные стороны этнической системы как социальной целостности, выявить их специфические характеристики.

На наш взгляд, только используя весь потенциал теоретического и эмпирического, опытного знания и конструируя всю систему этнического бытия, возможно наиболее полное и адекватное моделирова-

ние такого универсального и многозначного объекта как общество. Отметим еще одну особенность. В условиях моделирования появляются возможности для более глубокого анализа причинно-следственных связей и отношений, определения позитивных тенденций и альтернатив развития, объяснения сущности и процессов деструктивного и аномического характера, которые при транзитивности социума одними из первых проявляются в поведении этнических групп и отдельных этнофоров.

Следует также признать, что при социально-философском анализе этнического бытия возможно допущение, введение формальных и виртуальных констант с целью смоделировать ситуации с действиями различных этносов и этнических групп, определить вероятность и степень их реализуемости в социальной действительности. Активное использование методов конструирования, идеализации и формализации при современном философском познании способствует, во-первых, более глубокому исследованию механизмов функционирования этнического бытия, во-вторых, определению неоднозначности его существования и, в-третьих, выявлению сложности достижения объективного и субъективного содержания этнической истины.

Однако следует предостеречь от абсолютизации применения в парадигмальном пространстве этничности методов конструирования и моделирования, принципов формализации и идеализации. В нашей истории существует много примеров, когда государство стремилось навязать обществу абстрактные идеи, смыслы и идеалы, выдавать их за реальность. Например, в 80-е годы XX века в СССР было объявлено о построении «развитого социализма». Тогда Советское государство стало утопическую теоретическую конструкцию выдавать за реальность и действовать в соответствии с ней. Поэтому важно всегда объективно воспринимать познавательные модели как эскизы, схемы, слабые копии действительности. Поэтому моделирование рассматривается нами только как один из специфических способов формализации такой достаточно сложной и непрерывно изменяющейся реальности как этническое бытие. Оно осуществляется только с целью исследования и адекватного познания, как самой объективной действительности, так и различных ее сфер, сторон, аспектов.

За последние десятилетия в философии и социально-гуманитарном знании достаточно популярной стало понимание современного общества как системы, находящейся в состоянии перманентного конфликта. Достаточно субъективной и не приближающей нас к истине является и позиция тех, кто пишет о том, что конфликты

вообще имманентны природе общества и самого человека. Действительно, в современном социуме значительно выросли неопределенность и риски, общество становится все более динамичным, приобретает неравновесное и нестабильное состояние, но для таких утверждений отсутствуют серьезные основания. Еще в эпоху античной классики Платон и Аристотель глубоко исследовали причины, природу и сущность, типы и формы конфликтов, их классовый характер. В Новое время в немецкой философии, особенно у Гегеля, отмечается не только разрушительная, ни и созидательная роль конфликта. В индустриальную эпоху, используя достижения классического естествознания и общественных наук, основатели марксистской философии с позиций материализма и диалектики разрабатывают качественно новую теорию социального конфликта. Благодаря формационной методологии, история развития человеческого общества получила в ней более стройное, объективное и научное обоснование. Если рассматривать западную социально-гуманитарную науку, то для нее всегда было характерно амбивалентное понимание сущности конфликта, стремление придать имманентно конфликтный характер всему общественному бытию, в том числе жизни и деятельности человека.

Современное полиэтничное общество по своей природе является противоречивой, конфликтогенной, пульсирующей диффузной системой, в которой действуют многочисленные и разнородные силы и факторы как объективного, так и субъективного свойства. В ней все находится в состоянии сложного единства, противоречивых взаимосвязей и взаимодействий, которые, конечно, при определенных условиях могут перерасти в конфликт любой типа, где порою невозможно установить границы между ними, отличить причины и следствия. Создание теоретических моделей, конструирование важно для всестороннего философского познания сущности этнического бытия, потому что аналогии расширяют сферу приложения, выводят события, ситуации, конфликты за пределы непосредственного опыта и позволяют подвергать их критическому анализу, поставить диагноз, выработать конкретные рекомендации и прогнозы, определить перспективы будущего.

При философском исследовании этнического бытия мы опирались на теоретическую модель Питера Бергера и Томаса Лукмана, которую они рассматривают в книге «Социальное конструирование реальности». Ученые отошли от классической философии, традиций рационализма, включили в свою модель субъектов социального познания, непосредственных агентов социального действия, которые

конструируют особую реальность, искренне верят в нее и стремятся реализовать. Участниками событий, по их мнению, создаются субъективно пристрастные модели, в которых идея и воля неразделимы, дополняют друг друга. Реальность социально конструируется, «знание» переходит в действие.

В теории социального моделирования реальность представляет собой явление независимое от воли и желания, а «знание» можно определить как уверенность, что объект является реальным и обладает специфическими характеристиками. «Конструирование» есть вмешательство в бытие как реальность, вследствие чего оно принимает те или иные дополнительные качества, оставаясь, однако, самим собой, т.е. не выходя за пределы своей идентичности¹.

Опираясь на модель П. Бергера и Т. Лукмана, можно сделать вывод о том, что этническое бытие – это одновременно объективно существующая сфера социума и особым образом конструированная реальность, субъективно сформированный «жизненный мир» человека этнического со своими архетипами, знаками и символами. Он объективируется независимо от воли и желания индивида, гипертрофируется и приобретает самостоятельную сущность. В свою очередь, этнический человек, моделируя, конструируя социальную реальность, живет в своем, особом этническом пространстве и этническом времени.

На наш взгляд, значительным эвристическим потенциалом в познании современной социальной динамики обладает синергетический подход. Включение синергетической парадигмы в методологию философского исследования этнического бытия и использование ее принципов открывают качественно иные, рациональные и иррациональные уровни повседневности. Следует согласиться с мнением С.П. Курдюмова и Е.И. Князевой о том, что синергетика формирует особое мировидение, стремится строить новую научную картину мира. Она основывается на идее цельности мира и научного знания о нем, общности закономерностей развития объектов всех уровней материальной и духовной организации, нелинейности, многовариантности развития, глубинной взаимосвязи хаоса и порядка².

Действительно, синергетическое видение мира открывает совершенно новые реалии и горизонты для философского анализа этнического бытия. Например, в синергетике в качественной иной плоскости воспринимается соотношение социального и этнического в развитии

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995. – С. 13.

² Князева Е.А., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с Пригожиным. // Вопросы философии. – 1992. – С. 3–20.

общества. Значимыми и ценными оказываются идеи о нелинейности и полярности векторов общественной и этнической эволюции, проблемы бифуркации, диссипативных структур, временные и пространственные параметры бытия человека. С точки зрения методологии научного познания особый интерес представляет принцип становления, разработанный еще философами Античности. Опираясь на синергетическую парадигму, можно утверждать, что главной формой для современного этнического бытия является не ставшее (порядок), традиция, а непрерывно становящееся из хаоса, «инновация», открытость, изменчивость, в процессе которого субъекты – этнос, нация, этническая группа – переходят из потенции в актуальность, непрерывно трансформируя повседневность и конструируя саму реальность. Принцип непрерывного становления формирует новый образ свободы, который раскрывается для субъекта этнического бытия как возможность явного и тайного, выразимого и невыразимого, мыслимого и немислимого.

Использование принципов согласия и коммуникации позволяет осуществить «встречу», диалог представителей различных цивилизаций и культур, посмотреть на реальность иной точки зрения, с позиций Другого, «чужого». Это дает возможность понять и принять мир этнического Другого, его ценности и убеждения, относиться к нему толерантно и гуманно. Нам представляется не всегда очевидной позиция Л.Н. Гумилева, когда, противопоставляя этносы как «свои» и «чужие», он жестко разделяет их на комплиментарные, связанные взаимными симпатиями, общностью судьбы, и некомплементарные, враждебные и ненавидимые друг другу¹.

Традиции синергетической парадигмы позволяют при исследовании этнического бытия включить в методологию социально-философского и политического познания принцип дополнительности, который предполагает взаимодополняемость классического ставшего и становящегося. Он позволяет рассматривать этнический бытие, с одной стороны, как традиционную систему с жесткими обычаями, обрядами, консервативными ценностями, табу, шкалой «вечных» иерархий и особой ментальностью, а с другой – как мир непрерывных трансформаций, изменений и адаптаций к природной и социально-политической среде, модернизации идентичности, ассимиляции и аккультурации.

Для методологического исследования этнического бытия очень важно также обратить внимание на главную идею синергетики: прин-

¹ Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. – М., 1993. – С. 11.

цип самоорганизации сложных неравновесных систем, их способности самопроизвольно образовывать пространственные и временные структуры за счет случайных событий или флуктуаций. К сложной неравновесной системе, на наш взгляд, с полным основанием может быть отнесена система этнического бытия общества. При таком подходе исследования и моделирования удастся объективно и более четко определить точки бифуркации, обозначить действия субъектов, найти основные параметры, константы и переменные, выявить альтернативы развития.

Понимание этнического бытия как сложной синергетической системы позволяет учесть специфику его саморазвития как в процессе взаимодействия различных подсистем общества, так и в результате активного воздействия различных этнических групп с целью получения ожидаемых результатов. Очевидно, что в ней, как и в любой системе, при изменении несколько параметров порядка неустойчивой становится вся система в целом¹. В результате этническая система, выходя из своего прежнего состояния, приобретает характер неравновесности и оказывается в процессе нестабильности и становления нового качества. Субъекты взаимодействия в таких ситуациях всегда находятся в состоянии бифуркации. Итог процесса зависит от запаса инерционных сил старой системы и от соотношения их с силами, возникшими в результате бифуркации.

Социально-философское познание этнического бытия следует рассматривать как процесс, всегда сопряженный с определенным социальным действием, ориентацией на его постижение, овладение и управление. Сегодня, несмотря на критику, достаточно востребован деятельностный подход, позволяющий при исследовании этнической реальности определить специфику повседневного бытия, цели, мотивы, интересы и принципы действий субъектов, конечные результаты. Естественно, возникает вопрос, кто в центре событий: этнические группы, элиты или отдельные субъекты? Предварительно анализируя ситуацию, можно сказать, что в этнических конфликтах участвуют люди с разными установками. Во-первых, индивиды, наблюдающие за ситуацией и заинтересованные в сохранении прежнего строя; во-вторых, непосредственные участники событий; в-третьих, лица, находящиеся над схваткой, способные к критическому анализу.

Таким образом, применение всего многообразия философских методов и подходов позволяет провести объективный анализ реально-

¹ Хакен Г. Основные понятия синергетики // Синергетическая парадигма. – М., 2000. – С. 42.

сти, построить общую картину и сформировать универсальную модель этнического бытия. В результате видим, что участник конструируемой реальности, в которую он погружен, заинтересован в сохранении системы и оценивает ее односторонне, с традиционных позиций. Люди, вышедшие из ситуации, знающие многие скрытые моменты реальности, способны взглянуть на нее со стороны, но, как правило, их позиция остается пристрастной, несмотря на все их стремление к объективной оценке ситуации. Эксперты имеют больше оснований для объективности, потому что как теории и модели, так и сама социально-этническая реальность является для них предметом аналитического и критического исследования. Ученый стремится к полноте знания об изучаемом объекте, так как занимает ценностно-нейтральную позицию, рассматривает истину как процесс, понимая ее диалектический и творческий характер.

Следует согласиться с мнением Бергера и Лукмана, когда они пишут, что всякое человеческое «знание» является конструированием социальной реальности, что оно развивается, передается и сохраняется в различных ситуациях¹. Однако не следует абсолютизировать субъективное содержание конструируемой реальности, забывать о том, что в конечном счете общественное бытие определяет общественное сознание. Несомненно, что любой эксперт, даже философ, не свободен от политических и идеологических пристрастий. Несмотря на все стремление к объективности, на его модель оказывает влияние стремление проецировать действительность, «заглянуть в будущее». В результате часто проект принимает значительный утопический, материалистический или мифологизированный, религиозно-идеалистический характер. Социальная реальность богаче любой теории, концепции, поэтому ее изучение и познание всегда должно носить междисциплинарный и полипарадигмальный характер. Проблема заключается также в том, что современное общество, несмотря на свою неопределенность и неустойчивость, с одной стороны, увеличивает степень своей многовариантности и альтернативности, а с другой – превращается в изначально заданную и все более запрограммированную систему.

Этническое бытие как категория социально-философского и политического познания, как модель конструируемой реальности, имеет дискретный характер. Часто исследователь, разрабатывая свою определенную модель объективной действительности, прерывает не-

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995. – С. 13.

прерывный социальный процесс, рассматривает ее в относительно статичном состоянии. Сложность моделирования этнического бытия заключается еще и в том, что приходится учитывать уникальность и специфику пульсирующего этнического пространства и этнического времени.

Очевидно, что общество как система, а этническая сфера как его часть, должны быть рассмотрены в состоянии непрерывных изменений, так как в нем действуют разнонаправленные векторы, стихийные и сознательные силы. Значительная трудность познания этнического бытия обусловлена крайней сложностью и противоречивостью, а часто и непредсказуемостью действия различных социально-этнических групп, а также сознательностью или иррациональностью поступков национальных вождей и лидеров разного уровня. Поэтому этническая модель должна восприниматься не статичной, а динамичной сферой, готовой к реконструкции и деконструкции, интерпретации и переинтерпретации. Ученый также должен понять, что этническая модель неразрывно связана с конструированием реальности, функционирует как пульсирующая система, которая активно изменяется как действующими лицами, этническими группами, так и всеми участниками конфликта, в том числе и со стороны таинственной, «третьей силы».

В такой ситуации важно признание открытости модели этнического бытия, способной к восприятию различных плюралистических подходов, творческому осмыслению самой исследуемой реальности и обновлению. Экстраполяция прошлого не должна сопровождаться метафизическим его отрицанием. При создании инновационной модели необходимо опираться на наиболее полное и объективное знание реальности, которая непрерывно изменяется и требует адекватной оценки. Например, в современных условиях важно понять, что продолжающаяся политизация этничности и этнизация религии не могут обеспечить консолидацию и стабильное функционирование российского общества, помочь формированию многонационального российского народа. Несмотря на значительную девальвацию общественного сознания, невозможно умалить востребованность и непрерывное воспроизводство интернациональной теории в российском социуме, что свидетельствует об общих ценностях, героическом прошлом и о гордости за великую историю страны.

Сегодня создание универсальной гносеологической модели этнического бытия превратилось в важнейшую проблему социальной и политической философии. Если говорить о нашей стране, то такая

работа требует дальнейшего серьезного исследования российской и советской истории, культуры, менталитета, использования современного опыта, как положительных моментов, так и негативных сторон. Постигание реальности и интерпретацию текстов следует проводить в контексте исследования прошлого и настоящего знания, определения ценностей и смыслов, новых констант и переменных, отвечающих современности.

Очевидно, что формирование целостной концепции этнического бытия возможно на пересечении базисных характеристик и основных параметров. К базисным характеристикам можно отнести: общую территорию и геостратегическое положение страны в мире, экономическую и политическую системы, государственную идеологию и культуру. К числу основных параметров, которые активно участвуют в конструировании социальной реальности, следует отнести: гражданское общество и социальную сферу, обыденное сознание и специфику этнической и гражданской идентичности, традиционный уклад жизни, архетипы, знаки и символы.

Этническое бытие включает специфический феномен – этническое время и этническое пространство, особые реальности существования, жизнедеятельности и функционирования этносов. При моделировании необходимо учитывать территорию и географическое положение этносов, определить роль и влияние природы на них, а также обратное воздействие на экологическую среду. Все эти факторы при новом, постнеклассическом подходе приобретают фундаментальное значение. По мнению В.С. Степина, в современной науке сформировалось новое видение природной среды, в которой протекает жизнедеятельность людей. Она начинает рассматриваться не как конгломерат качественно специфических объектов, а как целостный живой организм, преобразование которого человеком может проходить лишь в определенных границах. Нарушение этих границ приводит к изменению системы, ее переходу в качественно иное состояние, могущее вызвать необратимую деградацию системы, исчезновение многих биогеоценозов и гибель человечества¹.

Взаимодействие этносов, этнических групп и отдельных индивидов с природой носит непрерывный характер. Изменяя природную среду, человек изменяется и сам. Антиномия природно-биологического и социокультурного начал, проблематизация бытия человека в мире дисгармонируют отношения с природой. Всегда сле-

¹ Степин В.С. Саморазвивающиеся системы // Синергетическая парадигма. – М., 2000. – С. 22.

дует помнить, что часто сама природа бросает человечеству «вызовы». От творческого потенциала «ответов» зависит жизнь и судьба не только наций и отдельных этнических групп, но и всего общества в целом. На характер этноса оказывает влияние не только общая территория, природная среда как основа жизнедеятельности, но и геополитическое положение, соседство и постоянное взаимодействие с другими народами.

Экскурс в этническую историю человечества показывает, насколько сложными были отношения между представителями разных цивилизаций и культур. В этой связи российская цивилизация представляет собой особую уникальность, так как отношения между ее народами в основном носили и носят комплиментарный характер. Совершенно в иной плоскости находятся отношения между Россией и странами Западной Европы, особенно с США.

Несмотря на то что прошло больше двух столетий, в российском обществе и сегодня продолжаются острые дискуссии между сторонниками западнической и славянофильской традиций, программы и цели, решения и действия которых носят сложный и неоднозначный характер. Часть ученых предлагает от отчуждения переходить к открытой конфронтации, а другая – от союзнических отношений к утверждению только европейского статуса России. Мы исходим из того, что Российская Федерация является евразийской державой со своей этнической и конфессиональной доминантной, духовными и нравственными императивами. Сегодня при формировании интегральной концепции этнического бытия важно учитывать как российскую специфику движения к постмодерну и информационному обществу, так и факторы глобализации мира, исторические традиции и особенности современных непрерывных трансформаций.

Формирование концепции этнического бытия предполагает философское исследование экономической системы. Трансформация отношений собственности выявила всю глубину, сложность и противоречивость всего социально-экономического уклада жизни народов России. Исторически они находились на разных уровнях хозяйствования: от примитивных форм природопользования и жизнедеятельности до современных индустриальных производств. До сих пор все российское общество, как большие этносы, так и малые этнические группы, находится в шоковом состоянии в результате быстрого перехода к рыночной экономике, не может адаптироваться к сформировавшемуся в стране типу рыночной экономики и ее ценностям.

На этническое бытие значительное влияние оказывают те сложные и неоднозначные изменения, которые происходят в политической системе общества. Политика представляет собой специфическую форму властных отношений. На современном политическом пространстве активно действуют этнические элиты, стремящиеся не только укрепить свои статусные позиции, но и перераспределить сферы влияния.

Отметим, что в нашей социальной философии не всегда уделялось должное внимание изучению природы и сущности этнических элит, не придавалось особого значения их роли, месту и специфике функционирования в социальной и политической системе. Сегодня, в условиях высокой социальной мобильности, ситуация изменилась радикальным образом. Намного возросла значимость действия этнических элит, их роль в принятии судьбоносных решений не только для своих национальных и этнических групп, но и всего социума. Доминирование существующей до сих пор в нашей науке преимущественно негативной позиции в изучении социально-этнической структуры советского общества не позволяет подвергнуть ее объективному критическому исследованию. Метафизический подход не способствует продуктивной и результативной работе, оставляет вне поля зрения и научного анализа различных субъектов как исторического развития, так и современной социально-политической жизни, в том числе этнические группы и элиты, имеющих древние корни, свою историю, мифы, традиции, влияющих на настоящее и будущее нашего многонационального общества.

При анализе категории «этническое бытие» следует подчеркнуть важнейшую роль духовно-культурной доминанты, в том числе идеологии как одной из составляющих общественной жизни, основы выражения интересов, мировоззрения и идеалов. Общественное сознание, которое в значительной степени зависит от общественного бытия, требует научной интерпретации. Здесь важно выделить этническую идентичность представителей разных народов, наполненную своими архетипами, символами, знаками. С момента своего рождения люди оказываются в сформированной реальности, имеющей свои знаки и символы, ценности и смыслы, что представляет собой определенным образом сконструированную реальность.

Таким образом, этническое бытие – это объективная реальность и особый мир этнического пространства и этнического времени, который изначально задан. В нем человек этнический всегда ощущает относительную устойчивость и стабильность, чувствует свою адекват-

ность. Несмотря на некоторую консервативность, этническое бытие подвержено значительным изменениям, реальной трансформации и восприимчиво к модернизации. Как показывает опыт, этническая идентичность индивидов, как и весь их целостный социокультурный мир со всеми жизненными ценностями и установками, со временем выходит за пределы конструированной реальности, способен к реформатированию и серьезной корректировке. Поэтому сегодня для социальной и политической философии важно пересмотреть существующие подходы в понимании этнической сферы общества и представлять ее как живую, органическую систему, увидеть в ней непрерывность и динамику, восприимчивость к «вызовам» модернизации и инновациям, а не как традиционную и консервативную сущность.

Последняя четверть XX века и первые десятилетия нового столетия показали значимость этнического бытия, возрастание роли этнического фактора в развитии мира, его отдельных обществ, всей человеческой цивилизации. Исторический опыт и анализ современной действительности позволяют делать следующий вывод: если социально-этническая система вовремя не стремится к изменениям в условиях непрерывно трансформирующейся реальности, не осознает необходимость эволюции структур и статусов, в том числе этнических групп и элит, не реагирует на социальные ожидания, замыкается в своем консерватизме и враждебно относится к любым изменениям, то она приходит в состояние застоя и кризиса. Постепенно в ней накапливается значительная разрушительная энергия, в том числе этнической пассионарности, которая превращается в материальную силу, дестабилизирует общество и взрывает ее изнутри. В результате такое общество на значительное время погружается в состояние хаоса.

Быстрое разрешение кризиса, преодоление социальной и этнической напряженности и конфликтов становится возможным только при проведении авторитетным и сильным руководством и поддерживающей его интеллектуальной элитой конструктивной работы, политики диалога и компромиссов, реализации комплекса новых привлекательных идей. При построении социально-философской теории этнического бытия важно учитывать значимость всех объективных условий, в том числе роль субъективных и случайных факторов. На них могут повлиять специфический характер жизнедеятельности и условия природопользования этноса, уровень развития культуры и особенности менталитета, отношение к ним лидеров и элиты.

Завершая исследование категории «этническое бытие», отметим, что для методологии социального познания важно понимание его

сущности и смысла, осознание как сложной полисемантической и полисемиотической системы общества. Использование всего многообразия парадигм и методов, принципов и подходов позволило выявить субстанциональность этнического бытия, которая, с одной стороны, предстала как объективированная реальность, а с другой, как система, непрерывно созидающая и конструирующая эту реальность.

4.2. Философская этнологии: парадигмы исследования и концептуальные подходы

Мировая цивилизация и современное сообщество в первые десятилетия XXI века все более превращается в неравновесную и нелинейную, противоречивую и конфликтогенную систему. Она приобретает рациональный и иррациональный, целостный и фрагментарный, единый и многообразный характер. В ней одновременно происходят универсальные и глобальные трансформации, региональные и локальные изменения, затрагивающие фундаментальные основания как социального бытия, так и условия существования человека. На арену всеобщей истории вышли новые субъекты и акторы социально-политического развития. Непрерывное наступление глобализации требует понимания и постижения ценностей формирующейся информационной цивилизации, пересмотра философских подходов и основных парадигм социально-гуманитарных наук. Глубокая и основательная трансформация социального бытия предполагает разработку новых методологических принципов, инструментариев для исследования, интерпретации и прогнозирования общественного развития и системы социальных отношений в новом столетии.

В современную эпоху этносы оказались в числе тех субъектов, которые оказывают реальное влияние на процессы социально-исторической динамики. Феномен этничности в условиях глобализации приобрел особую актуальность. Однако несмотря на значительную работу российских и зарубежных ученых, огромное количество социально-гуманитарной и политологической литературы, наличие философских трудов по этнической проблематике, пока все они носят разрозненный и несистемный характер. Не случайно в современных условиях рисков и неопределенностей, когда в обществе усложнились многие проблемы, науки об этносе приобрели все более универсальный, философский характер, требующий новых ответов на методологические, мировоззренческие и аксиологические вопросы бытия.

Социальная трансформация российского общества и смена идейно-теоретических приоритетов породила безграничный плюра-

лизм в системе методологических ориентаций, социальном постижении, теории и практике этноса. Одновременно существовавший в стране догматический подход разрушил определенный уровень, достигнутый не только в области системных исследований, но и национально-этнических отношений, в познании специфики этнического бытия общества.

Вторая половина XX века и первые десятилетия нового столетия продемонстрировали исключительность этнического фактора в такой сложной системе как общество, обладающего не только интегративными характеристиками, но и значительными дестабилизирующими качествами. Кризис и распад Советского Союза показал «таинственный» характер и во многом парадоксальность действия этнического феномена, игнорирование которого привело к непредсказуемым последствиям, межнациональным конфликтам и войнам, появлению миллионов беженцев и переселенцев

Прошло четверть века после распад СССР. Сегодня Российская Федерация как правопреемница великой державы представляет собой такой сложный феномен, в котором живут представители нескольких сотен наций и этносов, цивилизаций и культур. Однако до сих пор данное полиэтническое и многоконфессиональное пространство с различными народами, языками, традициями и ментальностью не стало в достаточной степени объектом глубокого социально-философского исследования.

Формирующаяся новая социально-этническая общность – народ многонациональной России требует более адекватного познания, непрерывной разработки новых методологических принципов, духовных ориентиров и ценностей. Очевидно, что только философия, используя результаты развития естественных и общественно-гуманитарных наук, способна дать синтетическое, универсальное знание, сформировать концепцию, соответствующую непрерывно меняющейся объективной реальности. Словом, насущной стала необходимость концептуального оформления особой философской науки о феномене этничности, его изучения и описания, постижения смысла и тайны этнического бытия общества и этнической идентификации – социально-философской этнологии.

Российское общество – исторически развивающаяся полифункциональная система, нуждающаяся в новой стратегии познания и деятельности. Она не может развиваться только на основе стихийности и «здорового смысла», бесконечного манипулирования общественным сознанием и абсолютизацией иррациональных начал в человеке, слепо-

го копирования западной либеральной модели и государственной политики эпизодического обращения внимания к проблеме этничности.

Сегодня, в условиях постоянно меняющейся реальности, дисгармонии в межнациональных и межконфессиональных отношениях, усиление этнических и религиозных факторов ведут к напряженности и конфликтам, чреватые нарастанием новых опасностей и угроз, дезорганизацией и дезориентацией системы. На наш взгляд, неприемлемой для нашего общества является идея перманентности социального конфликта и его имманентности природе общества и человека. Решение проблем возможно на основе разработки и реализации такой теоретической модели, которая опиралась бы на научное и рациональное управление, регулирование важнейшими процессами общества, поведением людей, а не осуществлялось только на идеях либерализма, на базе формально-правового, легитимного принуждения и насилия.

Поэтому в числе важнейших проблем для науки и общества – создание специальной науки о философии этничности, этническом бытии общества – философской этнологии. Насущной становится задача по определению официального статуса, предмета и объекта данной науки, соотношения с социальной философией, социологией, этнологией и другими общественно-гуманитарными науками. В числе актуальных проблем – выявление субстанциональных и методологических оснований, методов, принципов, новых направлений, парадигм и исследовательских перспектив социально-философской этнологии. В центре исследовательской задачи также современный человек – этнический уникальный феномен, постижение метафизических, антропологических, эстетических, этических и аксиологических доминант его жизни.

В связи с этим возникает настоятельная необходимость в создании философской этнологии, перед которой стоят следующие задачи:

1. Исследование феномена этничности, теорий этноса, этногенеза и этнической истории с помощью философских методологических принципов и подходов, разработка новой интегральной концепции этноса.

2. Формирование концептуальных основ философии этнического бытия – этнической онтологии, определение ее научного статуса и парадигмального пространства исследования.

3. Создание философской этнической картины мира, изучение системы этнической и межэтнической коммуникации, этнической идентичности, выявление основ для формирования не только толерантного отношения к «Другому», но и целостной концепции этнического гуманизма.

Однако философское осмысление указанных проблем в значительной степени наталкивается на неоднозначность содержания базовых понятий, неадекватность существующих теоретических выводов и современной действительности. В социально-гуманитарной литературе многие проблемы остаются дискуссионными как в силу причин идеологического характера, так и неадекватности их понимания. Пока не дана объективная оценка советскому наследию в области национально-этнических отношений, что не позволяет двигаться дальше в теоретическом познании этнического бытия общества, осмыслении «жизненного мира» человека этнического, новых социокультурных реалий. В нем имеется достаточно много важного, ценного, что можно анализировать, переосмысливать и сохранить, а также на что необходимо опираться и в современных социально-философских исследованиях. И только тогда возможна постановка фундаментальных вопросов и достижение значительных результатов.

Нам представляется, что программа, заданная советской философией этноса, сохраняет свою актуальность и возможность обновления. Она воплотила в себе такие особенности и достижения европейской философии, как принцип научной рациональности, идеал объективного подхода к изучаемому предмету в сочетании с активным, деятельным отношением к действительности, ее творческим преобразованием, идеей общественного прогресса и всестороннего развития человека. Следует идти по традиционному и многократно себя оправдавшему пути, использовать значительные достижения предшествующей социально-исторической, философской мысли, особенно в области этнических и национальных проблем.

Для дальнейшего развития философской этнологической теории необходима творческая интерпретация и новая критика идеализма и агностицизма, механистического материализма и детерминизма, появившихся в науке околонуточных и паранаучных спекуляций, вскрытия сложностей, противоречий и парадоксов как общественного прогресса, так и самого этнического развития. Важен диалектический подход не только в понимании неизбежности значительных временных общественно-исторических «откатов» назад, но и возрождения этничности, прерывности и непрерывности социальной и этнической эволюции. Только тогда возможно совершенно по-иному определить перспективы будущего человечества, увидеть место этнической компоненты во всей системе социально-этнического бытия общества.

Действительно, проблема общественной детерминации этнического бытия, исследование специфики деятельности этносов, их роли

как творцов истории, ставящих реальные, конкретные цели и часто добивающихся реализации своих интересов, – задача социально-философской этнологии. В современных условиях одним из возможных путей ее развития является именно использование мирового научного наследия, всех разработок в области этнологических концепций. Эта открытость новым идеям не исключает, а предполагает творчество и созидание. Даже в условиях идейного плюрализма важны четкое определение позиции, выявление степени значимости и ценности каждой концепции, выработка к ним своего отношения. Речь идет о теоретическом уровне научного обсуждения, поддержании должного уровня философской культуры, позволяющей отвергать достаточно не проработанные решения и субъективистские позиции.

Формирование новой универсальной научной картины мира невозможно без разработки всеобъемлющей концепции социально-философской этнологии. Правда, создание общей концепции противоречит духу времени, интенциям постмодернизма. Однако в современных условиях необходимо определить возможности и границы предвидения такой сложной целостности, как общество и его важной составляющей – этнической системы, поведение которой часто ставит ученых в тупик. Конечно, сегодня достаточно сложно писать об этой проблеме в силу различных причин. Значительные трудности и противоречия связаны с противоположностью позиций социологов, политологов, психологов, занимающихся этническими проблемами, существованием догматизма и постмодернистских претензий как в осмыслении новой социальной реальности, так и предшествующего опыта.

Актуальность системных этнических исследований не вызывает сомнений, даже очевиден междисциплинарный и комплексный характер их проведения. Опираясь на идеи классической рациональности, неклассической философии и постмодернизма, принципы диалектики, сравнительно-исторического и синергетического подхода, особенности структурно-функционального метода и учение евразийства, можно рассмотреть уникальность и интегральную сущность этнического феномена. Новая постановка проблемы выявила особое статусное положение этносов во всей системе социальных отношений, рациональность целей и иррациональность действия, восприимчивость к нововведениям и значительный консерватизм, традиционализм, удивительную комплиментарность, стремление к диалогу и неосознанную агрессивность, враждебность к «Другому».

Создание универсальной философской концепции социально-этнической эволюции помогло бы российской науке глубже осмыслить

специфику российской цивилизации, найти собственный путь общественно-исторического прогресса, определить перспективу развития. Для философии, несомненно, актуальной является мысль об особом, сущностном, трансцендентальном характере этнического бытия России, объективности его глобальных онтологических, гносеологических, антропологических, аксиологических и других характеристик.

На наш взгляд, важным также является признание все более возрастающей роли и влияния становившегося постиндустриального общества, современных технологий на всю систему этнического бытия. Несмотря на качественные и значимые трансформации многих обществ, наличие в них различных групп, страт, слоев, отсутствуют объективные научные основания для отказа от творческого применения теории общественно-экономической формации. Правда, она не может служить единственным основанием при формировании концепции философской этнологии. Сегодня марксистская методология анализа позволяет по-новому рассмотреть диалектику базиса и надстройки, соотношение социального и этнического, раскрывать специфику этнического бытия, социально-психологические особенности сознания и самосознания.

В современную эпоху, наряду с формационной концепцией, выросла значимость цивилизационного подхода. Став значительным методологическим приемом, он акцентировал внимание на роли культурных и духовных факторов этнического бытия, которые превратились в одну из важнейших характеристик общественно-политических процессов. Поэтому при анализе феномена этничности и ее роли в общественном развитии естественно привлечение цивилизационной парадигмы, способной показать значение культурно-психологической доминанты при трансформации социально-этнической системы. Только важно при этом не абсолютизировать и творчески относиться к взглядам сторонников цивилизационного метода, критически переработать идеи классиков теорий локальных культур и цивилизаций, придать им современный характер.

В XXI веке актуальной задачей философской этнологии является формирование новых парадигм и определение пространства исследования современных, ставших глобальными, проблем этнического бытия. Она способна аккумулировать и интегрировать все знание об окружающем мире, служить основой не только для исследования этнического бытия, но и разработать конкретные рекомендации, способные обеспечивать устойчивое и гармоничное развитие многонационального общества.

Рассматривая вопрос о парадигмах и методологических принципах, хотелось бы более подробно остановиться на проблеме соотношения философии и социально-философской этнологии. Действительно, основные проблемы современного общества актуализированы в связи с глобальными трансформациями и спецификой проявления «этнического парадокса современности», необходимостью разработки новых методологических принципов, познанием универсальных законов бытия природа, социума и человека. Взаимодействие между ними следует рассматривать как отношение между целым и частью, одновременно подчеркивая их единство, целостность и уникальность каждой.

Подчеркнем, что для социальной философии актуальной является проблема познания общества как уникальной статической и динамической целостности, сфер его взаимодействия, сущности и перспектив развития. В свою очередь, для философской этнологии основной исследовательской задачей становится поиск субстанциональных и гносеологических оснований этноса, феномена «этничность», постижение их онтологических и метафизических оснований, определение методологических принципов категории «этническое бытие», анализ ее сущности и специфики, взаимоотношений человека и социума. Одновременно в пространстве ее исследования оказываются достаточно дискуссионные с современной точки зрения проблемы: являются ли этносы объективными и реальными субъектами истории или они только фантомы и объекты для манипуляции со стороны политиков, этнических групп, разных элит? Конечно, объектом социальной философии является все общество как особое интегральное единство, выступающее средством и формой выражения общечеловеческой сущности, в том числе его этнической природы, только оно способствует реализации человеком своего потенциала, личностных, социокультурных характеристик.

Социальная философия и проблемы философской этнологии тесно переплетаются, отношения между ними вскрывают особый тип связи между философскими направлениями, изучающими взаимоотношения между обществом как особой универсальной целостностью и его этническим бытием. Только с позиций философской этнологии более рельефно выявляются некоторые особенности социальной философии и раскрываются важнейшие фундаментальные характеристики общества.

Проблемы социальной философии и философской этнологии относятся к объективной реальности. Эта реальность – общество и чело-

век этнический в их единстве, человек и мир человека, система бесконечных взаимосвязей и взаимодействий. Иными словами, человек и его этнический мир – это нечто уникальное, имманентно единое и единственное, мир бесконечной сложности, поливариантности и разнокачественности, вечных сомнений и альтернатив. Более того, мир этнического неисчерпаем и глубок, непрерывно развивается, опираясь на свободный, творческий «пассионарный» импульс человека, что обуславливает исключительную трудность и сложность его познания.

Таким образом, философская этнология ориентирована на разработку методологических принципов исследования этнического, на познание столь сложного, разностороннего и многогранного объекта как этническая система общества, ее законов и категорий, относящихся к различным уровням естественнонаучного, философского и социально-гуманитарного знания.

Для социальной философии характерна значительная социоцентристская ориентация. Это философская наука об обществе как всеобъемлющей целостности с системой мировоззренческих установок. Философская этнология представляет собой учение об этническом бытии общества и человека, роли и месте этничности в социуме, цели, смысле жизни и предназначении человека этнического в мире. Преобладание социоцентрической или этноцентрической доминанты определяет принципиальное различие законов, принципов социальной философии и философской этнологии. В данном случае разность законов и принципов представляет собой не простое различие в рамках одного качества. Действительно, проблема заключается в разных гранях, в специфике познания социального и этнического, бытия общества и человека как целостности, так и этничности как уникального феномена теоретического дискурса и социальной практики.

Различие законов и принципов социальной философии и философской этнологии актуализирует вопрос об их соотношении друг с другом. Принцип дополнительности, который мы рассматривали ранее, успешно применяющийся во многих областях естественных и социально-гуманитарных наук, помогает определить механизм их взаимного функционирования и взаимодействия. Сам принцип дополнительности, складывающийся между двумя ветвями философского знания – социальной философией и философской этнологией – позволяет конкретизировать и глубже понять соотношение законов социальной философии и проблем философской этнологии.

1. Законы социальной философии и проблемы философской этнологии, несмотря на их единство и целостность, в значительной сте-

пени существуют независимо по отношению друг к другу, между ними имеется определенная дистанция. Каждый из этих законов и принципов действует и развертывается в своем пространстве, в разных плоскостях бытия, не пересекаясь, автономно друг от друга. Например, в условиях кризиса общества этнический конфликт, постепенно приобретая автономный, независимый и самодовлеющий характер, начинает развиваться по своим собственным законам, ведет к декомпозиции всех структур и разрушает социальную систему.

2. Законы социальной философии и проблемы философской этнологии имеют основания в реальной действительности и находятся в состоянии диалектической взаимосвязи и взаимодействия. Однако объективная и реальная взаимосвязь не отменяет принципа их взаимной невыводимости друг из друга, что объясняется тем обстоятельством, что это проблемы разных сфер, разных сторон бытия общества и человека: социального и этнического.

3. Законы социальной философии и проблемы философской этнологии всегда абстрактны, условны и формализованы, не носят абсолютного и жестко детерминированного характера. Например, в социальной философии важны опора на традиции формационной парадигмы и утверждение приоритета способа производства материальных благ, признание в конечном счете его решающей роль в развитии общества. Однако когда мы рассматриваем проблему этнического бытия, то часто констатируем значимость духовно-ментальных отношений, положения о приоритете духовности человека, в том числе и этничности, как важнейшей стороны его сущности, отмечаем активную роль сознания и психологии в преобразовании людьми природы и общества, деятельности личности по познанию и способности к самосознанию. Социокультурный, цивилизационный подход раскрывает новые отношения взаимодействия природы и человека, открывает богатый мир этноса, наполненный символами, мифами и легендами, помогающими жить и понять окружающую среду, сохранить свою целостность и идентичность.

4. Законы социальной философии и проблемы философской этнологии многоаспектны, автономны и отражают действительность под своим углом зрения. Проблема истины неразрывно сопряжена со спецификой действия законов и принципов каждой науки. Истина объективна и непротиворечива только в своем классе законов. В философской этнологии содержательность концепций, полнота парадигм, доказательность положений утверждается только в определенных пределах, верна только в этнической системе отсчета. Отсюда

следует, что социальной философии следует отказаться от монопольного права на владение истиной в познании общества и человека как социального существа, особенно применительно к этнической проблематике. Только на основе интеграции наук и плюрализма истин возможно приближение к адекватному философскому познанию сложного мира этнического бытия общества и человека этнического.

Сделаем некоторые выводы относительно современного философского познания жизни человека и общества. В начале XXI века стало очевидно, что притязания социальной философии со своей социоцентрической ориентацией как единственной философской науки об обществе и социальности человека не всегда оправдываются. На определенном этапе развития, когда многие философские и социально-гуманитарные науки находились на перепутье, социальная философия взяла на себя весь комплекс проблем как социального, так и этнического бытия человека. Со становлением в нашей стране социальной и культурной антропологии, началом формирования философской этнологии она не может считаться единственной, предметно исчерпывающей ветвью философского знания. Принципиальное признание плюралистичности и разноаспектности философского знания об обществе и человеке ограничивает пределы предметной универсальности и единственности социальной философии. Проблема заключается не только в разных гранях философского познания человека, общества. Речь идет о глубинных преобразованиях, выявлении новых ракурсов системы этничности как субстанционального и постоянного основания бытия человека, находящегося в непрерывном становлении. Переход от монопредметной ориентации к парадигмальному плюрализму должен способствовать появлению иных философских систем, в том числе и этнических, принципиально отличающихся от тех, которые существуют в социальной философии.

Учитывая поливариантность, многокачественность, безграничность исследования этнического мира «человек – общество», вполне можно допустить раскрытие новых ракурсов проблемы и, соответственно, появление новых философских предметных ориентаций. Философская рефлексия феномена этничности, системы этнических отношений в социуме и человека этнического может включать некоторое количество новых предметных парадигм. Возможная множественность философских парадигм связана в конечном счете с уникальностью такого существа как Человек этнический, исследование бытия которого допускает беспредельные, рациональные и иррациональные грани философской рефлексии.

В заключение еще несколько мыслей о статусе философской этнологии. Она не претендует на универсальность и уникальность, на какую-то значимую область из предметной сферы философии. Ее задача – подвергая философскому анализу взаимосвязь человека и общества, определить место этнического компонента в социуме, системе социальной стратификации, выявить значимость этничности как неразрывного, устойчивого и уникального компонента бытия общества и личности. В полиэтничном и поликонфессиональном обществе важно признание и познание «Другого», сосуществование с его «жизненным миром», с иной культурой и традицией.

Философская этнология субстанциональна и метафизична, ориентирована на отражение в социально-философском и политическом познании объективно существующего и непрерывно пульсирующего и становящегося этнического бытия, включающего в себя всю гамму противоречий и парадоксов мира человека, его взаимодействие с природой и обществом.

Глава V

СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЕ БЫТИЕ И СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ



Для современной социальной и политической философии в числе актуальных оказались проблемы, принципы и особенности формирования информационной цивилизации, определение природы, сущности и характера феноменов глобализации и интернационализации, выявление их стратегии и направления развития. Философами и учеными различных направлений и убеждений рассматриваются онтологические и субстанциональные основания глобальной социальной динамики, глубинные тенденции развития науки, техники и новых технологий, их влияние на существование и деятельность общества и человека, предназначение и смысл его жизни. Одновременно востребованными стали теоретические и практические исследования о роли и месте этносов в судьбе современной и становящейся новой цивилизации. Автор поставил цель исследовать в данной главе три аспекта этой проблемы: а) глобальные проблемы экологии и бытие этносов; б) специфику проявления этнического бытия в условиях современных трансформаций и конфликтов; в) состояние этносов в условиях глобализации и интернационализации.

5.1. Социальное бытие этносов и проблемы глобальной экологии

В современную эпоху в сложной системе этнического бытия огромное значение приобрели глобальные проблемы экологии, оказывающие существенное влияние на судьбу всего человечества. В настоящее время исследование взаимодействия человеческого общества и природы стало важнейшей проблемой всей философии. Несмотря на то что на протяжении всемирной истории процесс взаимодействия природы и общества всегда носил драматический характер, оно не приводил к тем трагическим последствиям, перед которыми сегодня оказалось человечество. В настоящее время в мире сложилась такая универсальная система, которая непрерывно воспроизводит и обост-

ряет все условия жизнедеятельности человека, доводя их до кризисного состояния. Сегодня политические, экономические, социальные и иные проблемы общества, различные по уровню, масштабам и характеру, стали судьбоносными для будущего человеческой цивилизации. В их числе оказались и экологические проблемы.

Несмотря на то что глобальные проблемы экологии оказались на периферии современной науки и общественного мнения, их острота и кризисный характер для существования человечества не ослабли. Как известно, непрерывно растет население планеты, особенно в третьем мире, увеличиваются потребность в продовольствии, растут бедность и нищета на разных континентах, непрерывно меняется расовый и этнический состав современных развитых государств. Высокие темпы экономического роста в них почти не сказываются на уровне благосостояния остальной части человечества.

На Земле вместе с ростом производства и потребления сырья намного увеличилось антропогенное загрязнение воздуха, воды, почвы. Происходит опустынивание земель и потепление климата, уменьшается озоновый слой земли, биологическое разнообразие, плодородие почв, леса. Многие ученые и специалисты оценивают эту ситуацию как социально-экологический кризис, охвативший планету. Поэтому сложившаяся на новой ступени система отношений «природа – общество» требует не только их корректировки, но и качественного изменения самого человека.

Для социальной и политической философии одна из важных и актуальных проблем исследования – это вопросы экологического бытия, которые приобретают для этносов все более специфический и угрожающий характер. Сегодня, хотя говорят и пишут об этом мало, но по-прежнему большую угрозу в масштабе планеты представляет разрушение окружающей среды, все возрастающее и неконтролируемое использование природных ресурсов, демографический взрыв, миграция, нарастающая опасность аккультурации и ассимиляции, вымирания и исчезновения многих этносов.

В нашей стране с началом перестройки экологический вопрос стал первой формой политического протеста, формой демократического стремления общества поставить и решить многие назревшие проблемы. Она включала формирование здоровой и безопасной среды обитания, рациональное использование природных ресурсов. Однако «экологического поворота» в стране не произошло, потому что ряд фундаментальных причин сделал эту возможность иллюзорной. К их числу можно отнести быстрое сокращение социальной базы движения

«зеленых», отсутствие мощной экологической оппозиции власти, уход многих защитников природы в политику, бизнес, во властные структуры, возвращение к профессиональным занятиям или эмиграция. По мнению О.Н. Яницкого, исключительно ресурсный путь развития страны в течение последних десятилетий, в конце концов, привел в начале XXI века к деэкологизации государства и общества¹. Была ли экологическая альтернатива среди приоритетных задач многонационального российского государства? Анализ динамики взаимоотношений в системе «природа – общество – этнос» актуален в связи с нарастанием современных экологических проблем и углублением системного кризиса цивилизации. Прежде всего рассмотрим те базисные положения, которые раскрывают взаимоотношения экологии и этносов.

В последние десятилетия среди направлений, изучающих с разных позиций взаимодействие человеческого общества с окружающей природной средой, выделилась такая наука, как «этническая экология». Для нее структурными единицами исследования являются не цивилизации, типы хозяйств, а этнические общности – народы (этноты) и их более мелкие субэтнические или локальные подразделения. Только такой подход позволяет разграничить этноэкологию от других наук: экологии человека, экологической антропологии, антропогеографии, культурной экологии, – описывающих воздействия природной среды на систему экономических отношений, социальные институты, стратификацию, адаптацию людей к различным природным условиям, на развитие человеческих сообществ.

Этническая экология рассматривает этносы, их культуру, хозяйство, жизнедеятельность и осваиваемую природную среду в динамическом единстве, т.е. стремится представить их в виде сложной развивающейся системы. Такой подход позволяет выделить важнейшие блоки и внутренние отношения в системе, смоделировать и раскрыть функциональные связи, оценить производственные и демографические процессы в этническом бытии. Все это дает возможность охарактеризовать традиционные и новые формы жизнедеятельности этносов, выявить всю систему природных и социальных отношений, противоречия, кризисные явления и конфликты.

Еще на этапе формирования В.И. Козлов этническую экологию рассматривал «как особое научное направление на стыке этнографии и экологии человека ... занимающееся изучением особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп и этносов в целом

¹ Яницкий О.Н. Экологическая ретроспектива: 1985–2004 гг. (предварительные итоги) // Общественные науки и современность. – 2005. – №4. – С. 31.

... специфики использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду, традиции рационального природопользования, закономерностей формирования и функционирования экосистем»¹.

Прежде чем рассматривать современные проблемы экологии, хотелось бы немного остановиться на специфике взаимодействия этноса с окружающей средой, на традиционном природопользовании. Следует подчеркнуть, что традиционность носит исторический и иерархический характер, обладает своими особенностями. Этническая экология на основе накопленных эмпирических материалов выделила три типа традиционности. Уровень первый – традиционность естественная, наиболее согласованная с представлениями о народе, «вписывающемся в природу». К нему относятся малые этносы, которые находятся на «стадии присваивающего хозяйства». Их отношения с природой регулируются так же, как регулируются отношения природы с любым из ее элементов. На втором уровне естественная традиционность дополняется достижениями в результате контактов культур, которые колеблют «естественное равновесие», но еще не разрушают ее стабильность. Уровень третий – «традиционность современная», как отражение специфической черты этнической культуры народов, испытывающих частичное нарушение «естественного развития» в пределах своей экологической ниши.

Следует заметить, что в отличие от нас, в зарубежной научной литературе исследования по социальной и этнической экологии ведутся давно и занимают особое место. В числе приоритетных всегда была теория экологической модернизации, фокус которой направлен на изучение изменения социальных практик и дискурса, институционального развития и реформ, связанных с изменением окружающей среды. Как пишет И.П. Кулешов, данная теория встала в один ряд с такими разработанными в экосоциологии теориями, как теория экологии человека Р. Парка, теория экономического комплекса О. Данкана и Л. Шноре, инвайронментальная парадигма Р. Данлапа и В. Каттона. Она может объяснить современные социальные процессы в контексте природных объектов и явлений, наметить пути выхода из кризиса, оптимизировать человеческое бытие на планете².

Следует признать, что дискуссии в рамках теории экологической модернизации продолжились в последней четверти XX века.

¹ Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. – 1983. – №5. – С. 3.

² Кулясов И.С. Экологическая модернизация: теоретические аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Том VIII. – №3. – С. 101.

Экосоциологи М. Джоник в Германии и А. Мол в Голландии оказали влияние на формирование концепции государственной экологической политики в своих странах. Они предложили решить экологические проблемы в рамках супериндустриализации, что подразумевало развитие и внедрение новых, более совершенных технологий производства. Сегодня теория экологической модернизации стала часта основной научной дискуссии о глобальных и региональных социально-экологических проблемах и путях их решения. В России разработкой проблематики экологической модернизации наиболее активно занимаются О. Яницкий и О. Аксенова¹.

Ученые и специалисты по этнической экологии занимаются изучением бытия, вопросами адаптации этносов к природной среде, сохранением их культуры и традиций. В числе приоритетных задач этноэкологии – проблема познания и логической классификации различных процессов и явлений в культурах этносов с помощью биологических, психологических и лингвистических методов. По мнению одного из известных исследователей И.И. Курпника, задача этнической экологии в том чтобы «описать, что люди знают об окружающей природе и, во-вторых, как они используют эти знания об освоении окружающего мира»². Словом, это подход к различным этническим явлениям с точки зрения членов изучаемой общности. Естественно, что подобный подход, вполне приемлемый для европейской науки, получил другую научную квалификацию в нашей стране. В отечественной литературе стало традицией новые направления на стыке этнографии (этнологии) с другими дисциплинами считать ее составными частями и включать их в систему этнологической науки. В этом контексте она стала заниматься описанием и изучением хозяйства жизнеобеспечения этносов, форм их природопользования с помощью разнообразных методов. Для понимания связи природной среды и деятельности этноса огромное значение имеет понятийный аппарат, разработанный в экологии. В основу большинства современных концепций этноэкологического понимания функционирования этносов были положены понятия «жизнеобеспечение» и «адаптация», которые стали широко использоваться в зарубежных этнографических работах с 60-х годов прошлого столетия³. В советской этнографии одним из нововведений стало понятие «культура жизнеобеспечения», которое

¹ См.: Яницкий О. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Куда идет Россия? / Ред. Т. Заславская. – М.: Интерцентр, 1997. – С. 37–48; Аксенова О. Экологическая модернизация: стратегия самосохранения индустриального общества // Социальные аспекты глобализации мировой экономики. – М.: Асеed Europe, Со ЭС, Хранители радуги, 1998. – С. 35–56.

² См. Курпник И.И. Арктическая этноэкология. – М., 1990. – С. 8–34.

³ Там же. С. 14–15.

включает все элементы материальной и частично духовной культуры, которые непосредственно направлены на поддержание жизнедеятельности людей. Термин «система жизнедеятельности» наиболее полно выражает всю целостность, определяется как взаимосвязанный комплекс особенностей производственной деятельности, демографической структуры и расселения, трудовой кооперации, традиций потребления и распределения, т.е. экологически обусловленных форм социального поведения.

Широко используется в научной литературе и термин «природопользование», который понимается как практика освоения человеком ресурсов своей среды и носит оценочный характер. В современной экологии стало привычным употребление понятий рациональное и нерациональное природопользование, связанное с обеспечением потребности коллектива с учетом воспроизводства эксплуатируемых ресурсов или ведущее к нарушениям в экологических системах. Природопользование, в отличие от понятия «хозяйство», в большей степени включает природную сторону хозяйственной деятельности этноса и обязательно подразумевает ее духовную составляющую – рациональное знание, эмпирические представления о среде, систему их передачи и обучения.

Если термин «жизнеобеспечение» объясняет неразрывную связь этноса с природой, то другое понятие – «адаптация» отражает динамизм этнической культуры. Понятие «адаптация», на наш взгляд, следует рассматривать в более широком значении, как выбор, как синоним самого процесса приспособления, активного изменения и развития, которое создает основу для своеобразной интерпретации развития этносов и их культур.

С определением условий этого выбора связан целый спектр этноэкологических исследований. Это проблема осознанности или неосознанности выбора, необходимость активного преобразования среды или подчинение жестким условиям обитания. Правда, часть ученых считает, что традиционные этносы не способны активно изменять свою среду обитания, они лишь приспособляются к ее условиям. Поэтому главным механизмом их существования признается экологическое равновесие с доступными природными ресурсами.

Идеи равновесия при рассмотрении жестко регулируемых природно-социальных систем были популярны в зарубежных работах по экологии традиционных этносов во второй половине XX века. Они нашли отражение и в нашей литературе, породив идеализированный образ «гармоничности традиционных культур», сформировав тезис о бескризисности традиционных этнических экосистем, об особом их

экологическом поведении, бережном отношении к природным ресурсам, исключительно рациональных методах природопользования. Этот миф возник в 70-е годы прошлого столетия на волне внимания общечеловеческости к глобальным проблемам человечества, в первую очередь, в связи с нарастанием экологического кризиса. Именно с того времени стали резко противопоставляться как антиподы традиционные культуры и индустриальная цивилизация.

Со второй половине XX века концепция равновесия нашла свое отражение в особом течении американской экологической антропологии – «новой экологии» или «неофункционализме», который рассматривал сообщество различных живых организмов (включая и человеческую группу) и их среды обитания, объединенных круговоротом веществ, энергии и информации. В неофункционализме единственным средством сохранения экосистемы рассматривался гомеостаз, т.е. способность всех элементов, в том числе и этносов, к саморегулированию и возвращению в исходное состояние в случае каких-либо изменений.

По мнению большинства ученых, идея гомеостаза стала важным шагом в объяснении принципов развития традиционных обществ. Во-первых, она признала возможность изменения самой среды обитания во всех ситуациях, связанных с деятельностью человека. Во-вторых, на смену идее пассивного стабильного равновесия пришло понимание активной роли всех элементов системы, и в первую очередь, человеческой группы в общей саморегуляции. В-третьих, динамический гомеостаз, казалось, весьма удачно объяснял логику длительного исторического существования традиционных обществ, в которую могли быть вписаны не только процессы хозяйственной деятельности, распределения и демографического воспроизводства социума, но и сфера его духовной и психологической жизни. Однако идея гомеостаза не объяснила многие механизмы развития общества, например, причины достаточной замкнутости и обособленности циклов экологических систем. В последней четверти XX века за эти и другие недостатки она подвергалась суровой критике, в науке стал ощущаться определенный упадок интереса к исследованиям по этно-экологической проблематике.

Теперь рассмотрим вопросы взаимоотношения природы и общества, которые имеют непосредственное отношение к проблеме этнического бытия. Чтобы исследовать наличное состояние этноса, следует рассмотреть его положение в макросоциуме в условиях современного экологического кризиса. Под экологическим кризисом следу-

ет понимать такой тип экологической ситуации, который характеризуется нарушением динамического равновесия «общество – природа», крайним обострением ее основного противоречия, делающим необходимым изменение связей внутри системы посредством экологической деятельности. В современных макросистемах, где до сих пор взаимодействуют два типа общества – традиционный и индустриальный – экологический кризис приводит к негативным демографическим последствиям, к разрушению хозяйственно-культурной специфики этноса, к подрыву его основания.

Таким образом, развитие индустриального и становление постиндустриального общества, взаимодействие техногенной цивилизации и традиционного природопользования и жизнеобеспечения с неизбежностью порождает экологические кризисы, ведущие к значительному нарушению гомеостаза этноса. В такой ситуации следует говорить об этноэкологическом кризисе, а не просто рассматривать экологические нарушения системы. Под понятием «этноэкологический кризис» понимается явление серьезной потери этносом своих специфических свойств и характеристик в процессе изменения среды обитания. В результате происходит нарушение гомеостаза этноса, подрыв традиционных форм жизнеобеспечения и жизнедеятельности, резкое ухудшение демографического воспроизводства и, как следствие, кризис духовной и психологической жизни этноса, переход его сознания в стрессовое состояние.

На наш взгляд, следует обратить внимание на неоднозначность и противоречивость понимания экологических кризисов в истории человечества. Они, с одной стороны, вели к нарушению равновесия этносов, всего общества со средой обитания, подрыву экономики и отрицательным демографическим последствиям, а с другой – часто стимулировали поиск альтернативных форм жизнеобеспечения и переход к новым, более продуктивным формам хозяйства. Экологические кризисы с глубокой древности сопровождают каждый шаг на пути развития человечества, будучи важным фактором миграции и своеобразным стимулятором исторического прогресса.

Следует заметить, что последствия экологических кризисов в обществе во многом зависят от уровня развития социально-экономической системы. Как свидетельствуют исторические факты, для многих этносов экологический кризис – это нарушение устоявшихся социальных и хозяйственных связей, тяжелые демографические потрясения, в конце концов, голод и болезни. Регулярные кризисы, и часто с большей интенсивностью, фактически тормозили разви-

тие этноса, его хозяйства и культуры, приводили к обнищанию и эпидемии, не позволяли переходить к более сложным формам общественных отношений. Необходимо признать, что многие этносы, входя в состав крупных государств, особых социальных макросистем, получали определенную защиту от экологических и социальных угроз. Однако несмотря на защиту и помощь от многих проблем, они ощущали и негативные воздействия¹.

В своем историческом развитии большинство этнических меньшинств терпели произвол бюрократии и чиновничества, несли всегда различные повинности и платили дани, налагаемые на них, что приводило в полное расстройство традиционное природопользование. В свою очередь, все это, как бы по цепочке, детерминировало резкое ухудшение жизнеобеспечения, нарушение гомеостаза этноса и в конечном итоге тяжелые демографические, социальные и этнокультурные потрясения. Раньше в традиционных общностях экологические кризисы часто вызывались стихийными бедствиями, изменением климата, неумелым природопользованием. В процессе природной саморегуляции их последствия смягчались, а со временем устранялись вовсе, т.е. этносы возвращались в исходное состояние. В государственных макросистемах значительно нарушены механизмы действия как экологической, так и внутриэтнической саморегуляции. Все условия существования и жизнедеятельности этносов находятся под контролем макросистемы, которая приспособила их внутреннюю структуру для своих целей. Чтобы получить возможность эксплуатировать природную среду в максимальной степени, государство во многом трансформировало традиционные формы и типы жизнедеятельности этносов. Экологические кризисы, а также различные формы эксплуатации и отчуждения привели к необратимым негативным процессам, в частности, к депопуляции этноса, изменению или смене среды обитания. Словом, в доиндустриальную эпоху этноэкологические кризисы происходили в привычных средах обитания и не вели к значительной потере этнических свойств, не нарушали традиционных видов хозяйств и жизнеобеспечения.

Рассматривая проблемы этнического бытия, мы стремились обратить особое внимание на специфику взаимодействия природы и общества. В современной науке все еще продолжают дискуссии о соотношении социальных и природных факторов этногенеза, их роли и месте в становлении и развитии этносов. Во второй половине про-

¹ Круть И. В. Экологические коллизии России // Вопросы философии. – 1995. – №3. – С. 61.

шлого столетия такие дискуссии между представителями марксистской концепции нации (Ю.В. Бромлей) и пассионарной теории этноса, сформулированной Л.Н. Гумилевым, носили наиболее непримиримый характер. Для Ю.В. Бромлея этнос как социальное явление подчиняется законам развития общества. Он не имеет собственных закономерностей, а наличие социально-экономических компонентов непосредственно связывает этносоциальные организмы с социально-экономическими формациями. Теория исторического развития этносов по восходящей линии (племя-народность-нация-интернациональная общность) вступила в противоречие с учением Л.Н. Гумилева. Как считает Л.Н. Гумилев, этногенез – это природный процесс. «Этнос – это «коллектив особей, выделяющий себя из всех прочих коллективов. Этнос более и менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени»¹. Для него этнос возникает как целостность только тогда, когда противопоставляет себе всем остальным общностям и исчезает как система с потерей ощущения своих и чужих. «Этносы, – пишет он, – это коллективы людей, имеющие в каждом случае оригинальную структуру, неповторимый стереотип поведения и своеобразный ритм развития. Мой тезис: этнос связан с природными условиями, а социальная структура от них не зависит. Значит, этническая целостность по природе не социальна»².

Исходя из вышеизложенного, Л.Н. Гумилевым была создана теория этногенеза, суть которой вкратце сводится к следующему.

Этногенез есть четырехфазовый процесс рождения, подъема, упадка и умирания этноса, исключительную роль в котором играют природно-биологические свойства, потенциал человека. Избыточная энергия, которая накапливается в человеческих коллективах старых этносов, подталкивает их к активной деятельности. Пассионарии, отдельные группы людей, которые обладают избыточной энергией, вовлекают весь вновь формируемый этнос в активную внутриэтническую и международную жизнедеятельность в определенных исторических и географических пределах. Достигнув высшей точки, апогея, он постепенно по нисходящей растворяется в других этносах, оказавшихся, в сравнении с исчезающим, в пассионарной фазе. Период от пассионарного толчка до умирания этноса составляет полторы тысячи лет.

Согласно современной теории этногенеза, суперэтносы как группа этносов так же возникают в результате пассионарного толчка в

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1990. – С. 95.

² Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы: два подхода к изучению // Социологические исследования. – 1992. – №1. – С. 53.

одном этноландшафтном регионе и связаны общностью исторической судьбы. Единственным надежным критерием для отличия суперэтносов, как и этносов, служит не язык, не религия, а стереотип поведения. Суперэтнос, достигнув своего апогея, сокращает пассионарный заряд. Наступает фаза надлома и огромного рассеивания энергии. Новое развитие может начаться лишь в том случае, если возникает новая пассионарная популяция, которая приведет к образованию иного этноса. Теория Л.Н. Гумилева встретила в науке непонимание и скепсис в связи с эмоциональной поверхностностью, искажением и игнорированием «неудобных» исторических факторов. Нам представляется, что следует признавать справедливость критики, звучащей с разных сторон.

Конечно, достаточно сложно определить доминирующую роль природного или социального фактора на различных этапах этногенеза. Однако известно, что этноэкологические кризисы порождаются как факторами природного, так и социального характера. Конечно, в каждой конкретной ситуации очевиден и внутренний фактор кризиса этноса. Комплексное рассмотрение и анализ всех причин социального и природного бытия помогает определить характер экологического кризиса. Одновременно удастся увидеть этносы не только в гомеостазе, но и в состоянии динамического развития и приблизиться к максимально возможному историзму при их изучении.

Как отметили, вторжение техногенной цивилизации в систему этнического бытия изменило не только социальную, но и природную среду. Были подорваны основные формы традиционного жизнеобеспечения, изменилась их экологическая основа, что, соответственно, радикально трансформировало и социокультурную специфику. Быстрый рост некоренного населения, наплыв мигрантов в процессе экономической модернизации привели к тому, что изменилась демографическая ситуация, в результате чего были подорваны этнические основы большинства народов России. Дисперсность расселения, малая плотность, дискретность и мозаичность социокультурного массива сделали все этносы уязвимыми перед напором индустриализации. Современная модернизация вызвала этноэкологические кризисы всех сфер традиционного жизнеобеспечения, жизнедеятельности и природопользования. Как известно, эти проблемы особенно остро встали у народов Сибири, Севера и Дальнего Востока Российской Федерации, где существование коренного населения в большей степени зависит от экологической среды.

Нам представляется, что и в настоящее время, несмотря на ог-

ромные достижения человеческой цивилизации, в значительной степени сохраняется влияние природной среды на этническое бытие народов. Она по-прежнему влияет на основы жизнедеятельности этносов, на такие признаки, как состав и численность населения, уникальный характер их хозяйствования, понимание и постижение бытия, менталитет и образ жизни, традиции и быт, уровень развития социально-экономических отношений.

Рассматривая влияние индустриальной и постиндустриальной цивилизации на экологическое бытие и жизнедеятельность этносов, нам удалось выделить ряд следующих особенностей:

1. Ускоренная индустриализация и модернизация обществ, активное промышленное освоение территорий традиционного природопользования привели к полному нарушению гомеостаза этносов, разрушению среды обитания большинства народов, развитию таких демографических процессов, которые ухудшили естественное и расширенное воспроизводство населения.

2. Стремление ускоренными темпами перейти от первобытного, родоплеменного состояния и феодальных отношений, особенно в нашей стране, способствовали не только нарушению основ социально-экономической жизни многих народов, но и разрушили природную, экологическую среду деятельности и адаптации, привели к обнищанию и маргинализации, потере традиционных корней, истоков, обычаев.

3. Современное индустриальное развитие России, а в конце XX века переход к рыночной экономике, ее нынешнее состояние еще более усугубили трудное положение многих этносов, привели к утрате территориально-хозяйственной и социокультурной целостности. Сегодня приток мигрантов и непрерывный рост их количества вызывают негативную реакцию в обществе. Они способствуют дальнейшему растворению коренного населения в иноэтнической среде, проблематизируют социокультурное бытие многих этносов, создают проблемы в сфере межнациональных отношений и обеспечении доверия и общественного согласия.

4. Отказ современного российского государства от идеологии и практики патернализма оказал существенное влияние на социальное и экологическое бытие этносов, почти полностью разрушил прежние традиционные отрасли хозяйства и негативно отразился на социокультурном и духовном развитии многих народов.

5. Рыночный подход к федеральной национально-культурной политике и слабая государственная поддержка населения ведут к

дальнейшему росту социальной незащищенности и разрушению основ духовности многих этносов и этнических меньшинств в России. Все это способствует не только снижению их гражданской активности и пассивности, но и ведет к депопуляции, ассимиляции и аккультурации как больших, так и малых этносов.

6. В настоящее время, несмотря на определенную консолидацию в связи с событиями на Украине, в российском обществе продолжают процессы дальнейшего расслоения и маргинализации, наблюдается рост ксенофобии, национализма и экстремизма, постепенно нарастает межэтническая напряженность и конфликтность, что усиливает стрессовое и шоковое состояние этнического сознания, превращая его в страх перед будущим, – в футурошок. И сегодня актуальными являются точка зрения и выводы патриарха российской социологии Т.И. Заславской, которая справедливо писала о том, что процесс реформ в России характеризуется снижением человеческого потенциала: произошло ослабление здоровья граждан, обнищание громадной массы семей, участились потери близких, накопились усталость, раздражение, появился страх перед будущим¹.

7. Социальная трансформация и застойное состояние современного российского общества усугубляют сложные вопросы демографического воспроизводства, продолжают ухудшать условия существования всех народов, негативно влияют на состояние физического и психического здоровья населения. Особенно негативно они влияют на этнические меньшинства, отражаются на их численности и продолжительности жизни, хозяйственной деятельности и среде обитания. Парадоксально, но фактом является и то, что при всех достижениях Советской государственной национальной политике, за этот период в количественном отношении у большинства из них также не наблюдался рост численности населения. Ассимиляция и вымирание стали для малых этносов привычными явлениями современной российской жизни. Об этих тревожных тенденциях свидетельствуют и результаты Всероссийской переписи населения, проведенной в 2010 году.

Следует также признать, что даже в тех случаях, где имеется относительный механический прирост численности населения, он не предотвращает потерю этносами многих элементов этнической специфики. Таким образом, с конца прошлого века и по настоящее время в жизни народов России, развитии этнических отношений наблюдаются негативные тенденции, которые существенным образом сказываются

¹ Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. – 2005. – №4. – С. 22.

на демографических, социальных, культурных и иных процессах. С переходом к рыночной экономике и периодически повторяющимися кризисами нового столетия они приобрели необратимый характер. В этой связи можно согласиться с мнением В.Ж. Келле о том, что с 1990 г. социальное развитие России характеризуется тенденциями, обратными мировым¹.

Одновременно вторая половина XX века и первые десятилетия нового столетия характеризуются значительным усилением миграционных процессов, увеличением количества межэтнических браков, а также увеличением лиц «метисного», смешанного происхождения. Однако этот естественный процесс, связанный с интернационализацией общественной жизни, для многих народов, особенно малых этносов, оборачивается серьезной потерей этнической специфики. В своем подавляющем большинстве, формально числясь в составе того или иного народа, многие лица «метисного» происхождения не только не сохраняют прежние традиции, но и теряют родной язык, традиции, менталитет, идентичность. «Метисизация» привела к маргинализации, потере исконных основ, духовно-нравственных ценностей, превратила индивида в девиантного существа. Действительно, за последние десятилетия многие малые этносы потеряли способность заниматься традиционными формами жизнедеятельности и фактически перестали быть этнофорами, носителями родного языка, культуры, традиций.

8. В эпоху СССР грандиозные стройки социализма, ускоренное социально-экономическое развитие многих регионов, а затем кризис экономики и распад страны, развитие рынка в России разрушили у многих этносов естественную среду обитания, серьезно ухудшили этноэкологическую ситуацию. В современных условиях многие большие и малые народы с трудом адаптируются к рыночным отношениям, изменениям в системе духовно-нравственных ценностей. Все это связано не только с особым образом их жизнедеятельности и хозяйства, но и проблемами гармонизации традиционного общества и постиндустриального развития.

Действительно, исследование этнического бытия общества переходного периода, поиск основ гармонизации жизни и деятельности этноса в рыночной экономике становится актуальной социально-философской проблемой. Современные формы развития топливно-энергетического комплекса, превращение России исключительно в сырьевую державу привели к значительному нарушению динамиче-

¹ Келле В.Ж. Человеческий потенциал и человеческое действие // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. – М., 1999. – С. 64–65.

ского равновесия между обществом и природой, экологическому кризису, что серьезным образом сказывается и на жизнедеятельности народов. Они негативно влияют не просто на этническое бытие всего социума, но и на выживание большинства этносов. В научной литературе и в печати уже достаточно написано о тревожном положении многих народов, кризисном состоянии их экономики, культуры, системы природопользования.

В условиях развития современной цивилизации будущее многих этносов оказалось достаточно проблематичным и вызвало серьезные дискуссии в социально-философской науке. Касаясь исследовательской проблемы этноэкологии, отметим, что среди ученых существуют прямо противоположные взгляды на перспективы развития народов. Сторонники первой концепции считают, что следует сохранить традиционную систему, что только этническая культура может быть основой существования этноса в эпоху перемен и дальнейшего постиндустриального развития. Естественно, что под культурой понимается широкий комплекс элементов и традиций в области знаний и навыков, материального быта, родного языка, духовного наследия. По их мнению, только государственная поддержка обеспечит возрождение и развитие этносов и их культур, способна сохранить уникальные богатства многих народов в условиях современного развития. Необходима максимальная поддержка не только отдельных этносов, занимающихся традиционным хозяйством, но и превращение многих видов экономической деятельности различных народов в перспективные и рентабельные отрасли производства.

Представители противоположной теории признают неизбежность глобализации и интернационализации всего мирового хозяйства, коренных изменений и разрушения традиционных форм жизнеобеспечения и жизнедеятельности, появления уникальных технологий и замкнутых технологических циклов, включения всех этносов в информационную цивилизацию. Они предлагают радикально изменить существующую систему природопользования, идти навстречу непрерывным структурным рыночным преобразованиям общества и более четко определить стратегию этнического бытия. Сегодня все более настойчиво звучат голоса, что будущее этносов заключается в переустройстве их экономической и социокультурной жизни в духе нынешних преобразований всего общества, что рыночные отношения, экономическая инициатива, здравый смысл и богатый опыт создадут благоприятные условия для проживания и сохранения среды обитания.

Однако главным недостатком теорий экологической модернизации

ции является концентрация внимания на экономической динамике и социальных процессах, при этом этноэкологические проблемы по-прежнему остаются на периферии. В них связи с экологическими системами признаются, но главенствующими являются принципы роста потребления, прибыльности и экономической эффективности. Поэтому экологические и социально-экономические риски увеличиваются. В мире постоянно растет количество людей, умирающих от голода и болезней, погибающих от техногенных катастроф и экологических бедствий. Следует также признать, что заложенные в основу концепции устойчивого развития принципы международного и государственного и экономического регулирования мировой экономики лишь локально оказывают благоприятные эффекты и замедляют темпы ухудшения социально-экологической ситуации в целом¹.

Однако, на наш взгляд, реальный выход видится в следующем. Необходимо, чтобы этносы сами сделали свой выбор, как им сочетать традиционное и постиндустриальное развитие, надеяться на помощь со стороны государства или на свою экономическую предприимчивость. Следует предоставить максимум самостоятельности местным формам самоуправления. Конечно, реальная самостоятельность и автономность в области хозяйственной и социальной политики требуют иного уровня взаимоотношений этноса с государством, с другими народами и, главное, с собственной землей, своей природной средой обитания.

Как показывает опыт зарубежных стран, предоставление народам права выбора стимулирует интерес к традициям природопользования, культурным ценностям, опыту жизнеобеспечения, в результате которого формируется экологическое мышление, достигается определенное равновесие в макросистеме. Права коренного населения на свои территории и использование их ресурсов, выплата компенсаций за отчуждение земель, за нанесенный ущерб окружающей среде закреплены в специальных статьях законодательства стран Скандинавии, США, Канады. Ассоциации коренных жителей, опираясь на эти права, заставляют государство и частные компании более рационально и экологически грамотно эксплуатировать среду их обитания².

Возвращаясь к исследованию социально-экологических проблем и бытия этноса, отметим, что радикальные трансформации всех сфер российского общества оказали неблагоприятное воздействие не только на условия жизни и деятельности людей, но и на природную

¹ См.: Медуоз Д.Х., Медуоз Д.Л., Рендорс Дж., Беренс В. Пределы роста. – М.: Мысль, 1991.

² Статус малочисленных народов России (правовые акты и документы). – М., 1994. – С. 196.

среду. Как известно, и сегодня реформы, модернизация, наполнение бюджета продолжают осуществляться за счет экономически эффективных природных и человеческих ресурсов. Как замечает О.Н. Яницкий: «Революционный подъем сначала возбуждает завышенные экологические ожидания, затем происходит столь же резкий их спад, – длительное снижение экологических требований на шкале социальной озабоченности»¹. Действительно, радикальные изменения общественной системы разрушили социальную структуру, поляризовали общество, лишили экологическое движение социальной базы. Экологическая альтернатива развития российского общества в предыдущий период была невозможна, потому что в стране были очень сильны исторические традиции воспроизводства государства и социума за счет эксплуатации природных ресурсов, а не опережающего развития интеллектуального потенциала и технологии.

Подводя итоги, отметим, что только изменение всей парадигмы государственной политики и общественного сознания позволит преодолеть этноэкологический кризис, который породила современная цивилизация. В XXI веке общество и наука стоят перед необходимостью выработки новой концепции взаимоотношений между человеком и природой. Формирование новой модели развития человечества должно основываться на ценностях экологического мышления, на совмещении интересов и прав этносов с потребностями становящейся информационной цивилизации, сохранением исчезающего генофонда народов. И чтобы выжить, человечеству предстоит качественно изменить образ жизни, совершенствовать свое качество, т.е. человеческую культуру и прежде всего такие ее составляющие, как чувство глобальности, нетерпимость к насилию и любовь к справедливости².

5.2. Этнос в условиях современных трансформаций и конфликтов

Исследование проблем социальных трансформаций, межэтнических противоречий и конфликтов показывает, что в нашей социальной и философской науке в недавнем прошлом данному вопросу не уделялось должного внимания. «Если обратиться к литературе за многие «советские» десятилетия, – справедливо отмечает А.И. Доронченков, – мы не найдем в ней ни удовлетворительного теоретического

¹ Яницкий О.Н. Экологическая ретроспектива: 1985–2004 гг. (предварительные итоги) // Общественные науки и современность. – 2005. – №4. – С. 34.

² Печей А. Человеческие качества. – М., 1985. – С. 43.

анализа противоречивости решения национального вопроса, ни емко сосредоточенного исторического материала, который создал бы исходную базу для объективных обобщений ... Целенаправленно создавалась иллюзия беспроблемности вопреки накапливавшимся противоречиям»¹.

Нам представляется, что прежде, чем приступить к исследованию проблемы социальной трансформации и специфики ее преломления в системе этнического бытия, следует рассмотреть саму природу противоречий и конфликтов, определить роль объективных условий и субъективного фактора в их разрешении. Современная реальность позволяет в определенной степени дать ответы на эти и другие вопросы в соответствии с существующими дискурсами, эмпирическими данными и сложившимися представлениями.

Этнические отношения следует рассматривать в плоскости исследования социального бытия, которые показывают специфику внешних и внутренних аспектов жизнедеятельности этноса. Естественно, что неправомерно смешивать противоречия сугубо социального свойства с противоречиями собственно этническими. Например, в рамках каждой нации как целостного организма имеют объективную основу противоречия между различными социально-этническими группами и слоями общества. В индустриальную эпоху общественные противоречия и конфликты внутри нации часто трансформировались в классовую борьбу, апогеем которой становилась социальная революция и которая в каждом отдельном случае национально специфически разрешала внутринациональные антагонизмы.

В общественном развитии субъективный фактор специфическим образом влияет на все этническое бытие общества. Часто естественные противоречия и конфликты в результате накапливающихся деформаций и искажений в организации и содержании внутриэтнических процессов обретают черты антагонизма со свойственной ему внутренней и внешней сферой самовыражения. Во многих странах СНГ несоответствие между стратегической задачей воплощения «национальной идеи» и реальным состоянием титульного этноса, включая его объективные возможности, создали значительный конфликтотенный потенциал. Сегодня часто расходятся официально провозглашенный курс молодых государств на защиту прав и свобод человека с реальной практикой, непререкаемой приоритетностью своего этноса в

¹ Доронченков А.И. Межнациональные отношения и национальная политика в России. Актуальные проблемы теории, истории и современной практики: этнополитический очерк. – СПб., 1998. – С. 50.

полиэтническом государстве, борьбой за так называемую «национальную чистоту» и «особую» миссию своего народа. Все эти факторы в новом столетии с особой наглядностью показали себя на Украине, привели к росту национализма и фашизма, а затем и гражданской войне на юго-востоке страны.

В условиях социальной трансформации все противоречия и конфликты своей внешней сферой самовыражения часто приобретают форму межэтнических. В результате происходит искусственная «канализация» народного гнева в сторону инациональных соседей, в числе которых часто оказываются и компактно проживающие группы различных этносов. Межнациональные отношения следует понимать как отношения между различными этническими группами в различных сферах жизнедеятельности этносов и на разных уровнях взаимосвязей: от государственных, социально-экономических, политических, до личностных.

Противоречия и конфликты в межэтнических отношениях настолько сложны и непредсказуемы, что способы их разрешения носят затяжной и долговременный характер. На начальном этапе своего развития они могут иметь преимущественно локальное выражение и затрагивать только отдельную сферу общества, однако их игнорирование может привести к универсализации кризиса. Противоречия в сфере межэтнических отношений естественны и объективны по своей сущности. С одной стороны, они стимулируют развитие этносов и взаимоотношения между ними, а с другой, приводят к столкновению интересов, взаимным претензиям по вопросу о статусах, ролях, привилегиях, месте каждого из них в системе общественных отношений. Сама система межэтнических отношений настолько тонка, что часто невозможно найти ту грань, которая отличает стремление народов к национальному возрождению от национализма и шовинизма, вызванного ошибочным подходом в решении национальных проблем в государстве, субъективизма и произвола, деструктивных действий этнических групп и шовинистически настроенных элит и отдельных политиков.

Объективные противоречия свойственны развитию: а) любых отдельных этносов; б) групп наций; в) межэтническим отношениям. К ним относят прежде всего противоречия между: 1) потребностями этнического развития и возможностями их удовлетворения; 2) интернационализацией общественных отношений и элементами автаркии, национальной обособленности; 3) неотчуждаемостью национального суверенитета и необходимостью компромиссов при соприкосновении нескольких разноаспектных или однонаправленных национальных

интересов, подкрепленных национальным суверенитетом; 4) неодинаковой степенью развития, вызванной разным исходным уровнем этнического процесса, и диктуемой ей необходимостью дополнительного финансирования одних республик и регионов за счет общедолевого фонда, т.е. частично за счет других; 5) тормозящим воздействием сохраняющихся пережитков клановости и потребностями формирования современных полиэтнических структур; б) прогрессом и отмирающими, часто превращающимися в негативные, этническими традициями.

Полиэтнический состав населения обуславливает многовариантный характер национальных интересов, что заставляет искать равнодействующую этих интересов, то есть возможности их удовлетворения интернациональным путем. В межэтнических противоречиях конфликт выступает в качестве состояния, фазы противоречия, требующей взаимного удовлетворения условия участвующих в нем сторон. В случае неудовлетворения претензий межнациональные конфликты перерастают в войны. Естественно, перед социальной наукой стоит задача прогнозирования всех общественных процессов, несмотря на их альтернативность, а перед политиками – реальное стремление и способность предвидеть последствия любых политических и властных действий.

Нарастающая хаотизация мира и появление общества риска формирует глобальный беспорядок, ведет к непрерывным этническим и религиозным конфликтам, которые в силу их природы невозможно полностью контролировать. По мнению З. Видоевича, нарастание конфликтности во многом регионах связано со стремлением развитых стран свести гетерогенность мирового сообщества к его гомогенности, различия превратить в тождественность, навязать цивилизации западные ценности, что привносит в мир потенциальное структурное насилие¹.

В современную эпоху (распад колониальных империй, разрушение СССР и Югославии) накопилось достаточно эмпирического материала, чтобы выявить наиболее типичные формы проявления межэтнических противоречий и конфликтов:

1. Тенденция к суверенизации больших и малых этнолингвистических общностей с целью создания суверенного государства.

2. Значительное наличие негативизма и нарастание нетерпимости по расовому, этническому и конфессиональному признакам, от-

¹ Видоевич З. Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире // Социологические исследования. – 2005. – №4. – С. 25.

ношению к национальным меньшинствам и малым этносам вне зависимости от их отношений к государству проживания.

3. Усиление ксенофобии, национализма, рост признаков фашизма, жертвами которых становятся в первую очередь представители нетитульной национальности, иной этнической группы, беженцы и переселенцы.

4. Все более интенсивное сопротивление значительной части населения процессам глобализации и интернационализации международных отношений, транснациональной экономической и политической экспансии.

В XX веке, в ходе и после Первой мировой войны, Европа была главным ареалом межнациональных конфликтов. После Второй мировой войны этнические конфликты приобрели наибольшую остроту в Азии и Африке, в колониальной и полуколониальной части мира. В конце XX века и в начале нового тысячелетия в центре межнациональных конфликтов и войн оказалась территория союзной Югославии и СССР.

С развитием человеческого сообщества межэтнические противоречия и конфликты приобретают все более глобальный характер, отражаются не только на судьбах сотен миллионов людей, отдельных континентов, но и становятся угрозой для всей планеты. Как показала новейшая история, реализация идеи полной суверенизации этнолингвистических общностей обернулась значительным переделом политической карты мира, привела к возникновению множества нежизнеспособных государств, которые существуют благодаря поддержке извне. В конце XX века противоречия и конфликты, которые создали вновь возникшие государства на территории бывшего СССР и Югославии, сотрясали перманентно всю систему международных отношений. Сегодня эти «традиции» продолжают события на многих континентах, особенно в Сирии и на Украине.

Растущая нетерпимость по отношению к другим этносам и национальным меньшинствам влечет за собой крайне негативные последствия. В мире почти не существует этнолингвистически однородных территорий. Поэтому вычленение этнической общности из состава прежней страны и создание им собственной государственности, как мы уже убедились, не только не снимает проблемы, но создает тупиковые ситуации. В современном обществе многие этносы живут на территории своего расселения всего несколько столетий, поэтому при возникновении межэтнических конфликтов они оказываются в затруднительном положении. С одной стороны, они морально на сторо-

не титульного этноса, желающего обособиться. С другой – нет гарантий, что, образовав свое государство, этот же этнос не будет проводить националистическую политику. В-третьих, тенденции к суверенизации могут подтолкнуть и другие народы к стремлению создать свое государство, что, естественно, станет базой для новых противоречий и конфликтов.

Известно, какие жесткие формы приобрели межэтнические противоречия и конфликты на территории бывшего СССР. Например, межнациональная напряженность в Нагорном Карабахе привела к войне между Арменией и Азербайджаном, в результате миллионы людей были вынуждены переселиться в страны СНГ. Сохраняется конфликтность не только между ними, но и Грузией, с одной стороны, Южной Осетией и Абхазией – с другой; Молдовой и Приднестровьем; Россией и Украиной, что превращает многие регионы в очаг межэтнической напряженности и потенциальных угроз.

Как отметили, этнические конфликты оказывают негативное влияние как на внутреннюю политику государства, так и на всю систему международных отношений, заставляют миллионы людей покидать места своего традиционного расселения, превращаться в беженцев и переселенцев. В конце XX столетия и в начале нового века только в Российскую Федерацию вынуждены были переехать несколько миллионов граждан бывшего Советского Союза. Сегодня немалое количество украинских беженцев и переселенцев оказалось на территории России.

Дискриминация части населения в любых ее формах – политической, экономической, социальной, административной, языковой и др. – порождает чувство отчужденности от политической системы и государства в целом, провоцирует сопротивление, создает массовую базу для крайних элементов. В свою очередь, активизация этих элементов усиливает враждебность титульных наций к этническим меньшинствам, толкает их на шовинистические позиции. Межэтнические отношения также приобретают высокую степень напряженности, если жертвой ксенофобии и насилия становятся компактные группы выходцев из других стран, считающих данную территорию местом своего постоянного проживания,

На наш взгляд, острота данной проблемы будет возрастать в современных условиях, потому что углубляется разрыв уровней жизни в развитых и развивающихся странах, что стимулирует мощные эмиграционные потоки. Аналогично продолжает развиваться ситуация и на огромном постсоветском пространстве. В большинстве стран СНГ

и Балтии сохранились политические, социально-экономические, культурные, межэтнические противоречия и напряженность, что, естественно, порождает конфликты, стимулирует волну внешней миграции. Для многих этносов, особенно национальных меньшинств, проблематичными стали вопросы выживания в таких ситуациях.

Нам кажется, что в этой связи необходимо достаточно четко определить специфические особенности современного национализма:

1. Национализм традиционного типа выступал не только как средство вычленения общности, осознавшей себя нацией, но и способом ее интеграции, объединения далеко не идентичных этнолингвистических групп. В современных условиях интегрирующая функция оказалась средством консолидации этноса, противостоящего другим общностям. Концепция формирования нации в результате интеграции разнородных общностей заменена идеей этнической (этнократической) самодостаточности, вычленения по признакам этнической и лингвистической идентичности.

2. Национализм в прошлом сравнительно адекватно отражал потребности общественного, прежде всего экономического развития, необходимость консолидации общества в рамках единого государственного организма. Современный национализм, в отличие от национализма традиционного типа, противостоит объективной тенденции общественного развития, интернационализации экономических, социально-политических и культурных процессов, растущей взаимозависимости и целостности человечества как глобальной общности.

Современному национализму присущ перенос упора с идеи нации на идею этноса как инварианта человеческого общества. В этой связи националистические движения внесли существенные коррективы в свои целевые установки и методы действия. Как уже отмечали, национализм традиционного типа в качестве своей цели выдвигал культурную и лингвистическую интеграцию, главным способом достижения которой считалась ассимиляция. Готовность к ней, реальное продвижение в этом направлении снимали барьеры на пути экономической, социокультурной или иной мобильности личности.

3. Национализм современного толка подрывает интеграцию изнутри, делая основной упор на этническую доминанту. Интеграция для титульной нации в такой ситуации заключается в вытеснении этнически чуждого элемента из политической и общественной жизни, как в странах Балтии, либо его изгнании с территории, занимаемой господствующей этнической и лингвистической общностью, как было во многих республиках бывшего СССР и Югославии, сегодня активно про-

должается на Украине. Отсюда, не случайно, что после распада СССР многие этносы, оказавшись в иноэтническом пространстве, продолжают испытывать стрессовое и шоковое состояние, стража за будущее.

Очевидно, что классическое понятие «национализм» неадекватно отражает те процессы, которые связаны с этническим бытием современного общества. Оно нуждается в значительном содержательном наполнении, не всегда подходит к исследованию обществ, находящихся в переходном состоянии и приобретающих новые качественные характеристики. Нам представляется вполне правомерным для анализа современного этнического состояния общества ввести понятие «суперэтнолизм», которое рассматривает это явление как новую качественную стадию национализма, обусловленную несколькими факторами.

В постиндустриальную эпоху значительно возросла роль этнического компонента в социальной системе современного общества. Превращение этносов в активных участников социально-исторического процесса, естественно, заставляет концентрировать внимание на специфике этничности, серьезно поразмыслить над характером современных национальных движений. Исторические факты свидетельствуют о сомнительности только линейного и прогрессивного направления социального движения материи, развития общества. Уже с достаточной очевидностью можно утверждать, что цели и задачи, которые ставят национальные движения, желающие создать собственное суверенное государство, получить политическую, экономическую самостоятельность, сохранить и развить свою самобытную культуру, не всегда совпадают с подлинными интересами как отдельной нации, так и всего общества, а в глобальном плане играют дезинтегрирующую роль.

В современный период большинство конфликтов происходит из-за различий идеологий и религий, интересов и ценностей, споров по поводу распределения ресурсов. В мире в период 1980–2014 гг. было около 100 гражданских войн на этнической, национальной, религиозной и расовой почве. Как считает З. Видоевич, этнические конфликты и войны на национальной почве в том или ином виде постоянно присутствуют в мире. Они неотделимы от глобализации, интересов транснациональных элит. Хотя их причины сложны, разнообразны и связаны как с нарастанием политики насилия в мире, так и с сопротивлением этой политике¹.

В этом мы убедились на примере событий, которые разверну-

¹ Видоевич З. Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире // Социологические исследования. – 2005. – №4. – С. 29.

лись в конце прошлого столетия на полиэтническом пространстве бывшего СССР. В нем произошла удивительная драма, связанная с метаморфозами национальных движений, которые, позабыв истинные интересы этноса, превратились в оплот реакционных сил. Разрушив все традиционные народнохозяйственные и социокультурные связи, большинство политиков ради достижения своих узкокорыстных целей поступились интересами своих народов, что привело к разрушению национальных экономик, снижению уровня жизни населения, моральной деградации общества, межнациональным войнам, массовым нарушениям прав человека.

Все эти негативные тенденции оказали разрушающее и губительное воздействие на общество и его ценности. В ответ у всех этносов появилось стремление инстинктивно, а затем и осознанно отгородиться от чуждого, враждебного мира этнического Другого, замкнуться в рамках привычного окружения. Произошла ломка архаичного сознания и устоявшегося быта, стереотипов в поведении, межличностных отношений, культурных стандартов. Все эти процессы произошли и продолжают осуществляться в крайне болезненной форме, воспринимаются этнофорами как неприемлемое насилие, вторжение чуждых сил, воздействие чьей-то злой силы.

У многих больших этносов на первоначальном уровне начинает проявляться тяга к родственному этническому и лингвистическому окружению и конфессиональной специфике. Обращение этносов к религии и рост ее популярности, подъем сектантства, ренессанс культа патриархальной семьи, рода, клана в противовес свободе личности являются формой социального протеста общества против государства и различных форм отчуждения. У них стали отчетливо проявляться рецидивы родоплеменных традиций. Следует признать, что в СССР многие нации сформировались, минуя капиталистическую стадию развития, что оказало существенную роль на развитие этнических отношений. Не секрет, что немалый вред национальной политике нанесла политика принудительного атеизма, недостаточный учет многоконфессионального характера страны. Наступление на права этносов, на свободу совести, разрушение культовых сооружений, являющихся национальными культурно-историческими памятниками, отрицательно сказались на межнациональных взаимоотношениях.

Негативное отношение к представителям иной веры, культивировавшейся на уровне обыденного сознания, и сегодня подпитывает религиозно окрашенный национализм. Религия, облекаясь в национальные одежды, по-прежнему претендует на роль регулятора обще-

ственных, в том числе и национальных отношений. Эти и другие обстоятельства не были учтены теоретиками и практиками межнациональных отношений. В настоящее время ученые не подвергают серьезной научной и аргументированной критике религиозные концепции нации и клерикального национализма. Все более значимыми и актуальными становятся проблемы деэтнизации и деполитизации религии. Они необходимы, если политическая власть стремится обеспечить единство многонациональной страны, построить демократическое общество и правовое государство.

Анализируя национально-этнические отношения, сложившиеся в нашей стране в начале XXI века, отметим, что генератором идеи суперэтнизма стали националистически ориентированные профессионалы умственного труда: управленцы, писатели, журналисты, учителя. Значительную активность проявили также и местные элиты. Специфический интерес к национальному самоопределению обусловлен также тем, что оно открывает большие возможности для карьеры, повышения статуса. Для этих целей были использованы и используются имеющиеся средства манипулирования населением, административные и властные ресурсы, клановые связи, профессиональный и моральный авторитет.

В общественной жизни СССР на протяжении нескольких поколений действовал принцип господства государства над человеком. Подчиненное положение личности открывало возможности для формирования национальных элитных групп, объединенных вокруг партийного и государственного аппарата, что при монопольном положении государственной собственности делало бюрократию хозяином положения в стране. «Коренизация» партийной и государственной номенклатуры в республиках и автономных округах России создала элитарный слой представителей отдельных этносов, которые с развитием рыночных отношений повели активную борьбу за власть, ресурсы и собственность, используя этнический фактор.

Этнические конфликты нередко представляют собой своеобразную сублимацию социальной напряженности, вызванной комплексом причин. В их числе социальные и психологические мотивы: обостренное чувство попраания национального достоинства и пережитые исторические несправедливости, которые привели к иррациональному восприятию угрозы национальной индивидуальности. И отсюда, не случайно иррациональное восприятие социальной практики. Правда, в науке пока нет позитивного ответа на вопросы: почему в одних случаях эти факты остаются на периферии общественного сознания, а в

других – определяют массовое сознание? Почему для одних народов восстановление исторической справедливости всего лишь предмет научного познания, а для других – актуальный объект политического действия?

Если рассмотреть специфику проявления суперэтнизма в Российской Федерации, то следует признать, что общее в межэтнических отношениях, попадая на конкретную национальную и государственную почву, нашло своеобразное преломление и модифицировалось. Решающую роль здесь сыграли как объективные, так и субъективные причины. К числу объективных причин можно отнести особенности этнической структуры бывшего СССР, для которого характерным было не только национальное многообразие, но и численное во многом культурное доминирование русского народа.

В результате объективных и субъективных обстоятельств интернационализация и глобализация общественной жизни реализовалась в нашей стране через приобщение к русскому языку, его культурным традициям, русскому менталитету многих населяющих СССР народов. Развитие производительных сил привело к тому, что основные группы индустриального рабочего класса и костяк инженерной интеллигенции составляли русские и русскоязычные переселенцы. В результате возникла в чем-то парадоксальная ситуация, при которой национальные различия выступали как социальные, значительная часть управленческих кадров и гуманитарной интеллигенции главным образом рекрутировалось из местного населения.

Перекосы в социальной структуре некоторых наций, когда местный рабочий класс не развит в необходимых пропорциях, а его функции выполняют инациональные трудящиеся, не могли не оказать на слабости позиции декларировавшегося интернационализма. Оказалось, что в качестве главного носителя интернациональных идей выступали не представители коренного населения, а инациональные мигранты. В этих условиях любое расхождение или естественное противоречие в интересах между различными социальными группами и слоями приобретало национальный оттенок.

В такой ситуации инстинктивное сопротивление бурным переменам в образе жизни, во многом диктуемое глобальными процессами, неизбежно приобретало форму противостояния, воспринималось как засилье русского языка, культуры, как русификаторство. Сегодня для многих представителей СНГ уже очевидно, что единство республик Союза ССР было выгодно для большинства из них. В советскую эпоху Российская Федерация выполняла роль донора по отношению к

большинству союзных республик. Подтверждая данную мысль, отметим, что только в 80-е годы прошлого столетия отрицательное сальдо межреспубликанского обмена для России составило более 4 млрд. рублей в год. Лишенные многих сырьевых источников, многие республики Советского Союза удовлетворяли свои потребности в полезных ископаемых, в том числе металлах, нефти, газе, химической, продукции, в основном за счет России.

По заданию Советского правительства Российская Федерация подготовила десятки тысяч квалифицированных национальных кадров для народного хозяйства, науки и культуры Казахстана, Средней Азии и Закавказья. Значительное количество граждан России, специалистов и рабочих самой высокой квалификации, строили народнохозяйственные комплексы, объекты энергетики, тяжелой индустрии, возводили города и поселки, поднимали целину в братских республиках СССР. В результате миграции произошел большой отток русского населения из Центрально-Черноземного и Волго-Вятского регионов.

Только в 80-е годы XX века произошло заметное снижение миграционной подвижности русских, что объясняется комплексом обстоятельств: структурной стабилизацией экономики, сокращением наиболее мобильной, т.е. молодежной группы в составе нации, застоём политической жизни, нарастанием кризисных явлений в обществе и национальных отношениях. В итоге русская нация, как самый крупный этнос на территории СССР, оказалась в состоянии глубокого кризиса. Не секрет, что выравнивание социально-экономического и культурного уровня развития народов страны часто достигалось за счет русского народа, постоянно недополучавшего своей реальной доли национального продукта. Таким образом, обвинения в русификаторстве, в подавлении национальной культуры на самом деле являются беспочвенными, использовались в целях манипуляции общественным мнением.

На объективные причины этнических противоречий и конфликтов накладывались многочисленные субъективные обстоятельства. Двойственная национальная политика, которая стала проводиться с момента образования СССР, сыграла весьма негативную роль. С одной стороны, был провозглашен и частично реализован курс на территориальное оформление самобытности этнических общностей, что нашло отражение в вычленении титульных наций, в образовании различного рода автономий, придании им государственности, в ускоренной подготовке национальных кадров интеллигенции и рабочего класса. С другой – крайний унитаризм, жесткая и часто мелочная регламентация и опека минимизировали и сводили на нет содержание та-

кой национальной политики. В первую очередь это касалось принятия политических и экономических решений. Игнорировались специфические интересы национально оформленных территорий.

Отметим, что искусственно созданная иерархия народов обернулась многоступенчатой системой управления, при которой народ союзной республики ощущал свою второсортность в сравнении с русским; автономных республик – в сравнении с титульным народом союзной республики; а национальные и этнические меньшинства в автономиях – в сравнении с их титульным населением.

В прямом противоречии с провозглашенными принципами национальной политики, с общепринятой нравственностью, с нормами международного права находились жестокие репрессии в отношении целых народов, осуществленные в годы Второй мировой войны, фактически государственный антисемитизм и некоторые другие аналогичные действия высших властей страны.

Двойственную роль играла экономическая политика союзного центра. Ускоренное и приоритетное индустриальное развитие национальных окраин, с одной стороны, вело к фактическому разрушению традиционных укладов жизни местных этнических общностей, в том числе и малых народов, а с другой – к ущемлению интересов российской «метрополии», жертвующей огромными ресурсами в пользу национальных республик. Отсюда, восприятие этих республик значительной частью населения России как тяжелого груза, избавление от которого даст реальные экономические выгоды, позволит возродить страну.

Ослабление государственного прессинга, произошедшее в годы перестройки и рыночных реформ, выплеснуло на поверхность накопившиеся межнациональные противоречия и конфликты, которые проявились в соответствии с особенностями предшествующего развития. Парад суверенитетов, как панацея от всех бед, ускорился после распада СССР. Однако иллюзии, которые породил суверенитет, быстро закончились. Новым элитам, которые пришли к власти на волне националистических, а часто и антирусских лозунгов, пришлось самостоятельно начинать решать как старые, так и вновь появившиеся проблемы. Осознание степени сложности навалившегося груза привело руководителей СНГ к стремлению интегрироваться в надгосударственные структуры (например: славянские, тюркские, исламские), однако сегодня многие искусственные конструкции оказались нежизнеспособными.

Одновременно другая часть бывших республик отличилась в

стремлении к региональному гегемонизму по отношению к соседним национальным общностям. Дополнительным стимулятором этих процессов послужил идеологический феномен подмены ценностей. Крах идеологической идентификации, вопреки широко распространенному мнению, создал не абсолютный вакуум, а вполне сформировавшиеся блоки националистически ориентированного сознания, способного органически воспринимать и развивать суперэтнические идеи.

Нам представляется, что в этих условиях массовое превращение бывших идеологов-интернационалистов в крайних националистов и шовинистов можно считать естественным явлением. Ни для кого не секрет, что национальный эгоизм титульных этносов всегда существовал, интернациональная оболочка была настолько тонка, что при первой возможности не представляла большого труда ее сбросить.

Рассматривая национализм как специфическую форму умонастроения, следует признать, что в России он начал распространяться как реакция на антирусскую направленность политики руководителей большинства бывших республик СССР, а также российских автономий и нигилистическую позицию по национальному вопросу, которую заняла часть политических сил, причисляющих себя к демократии. Отказ от традиционной национальной политики привел руководство Российской Федерации к поиску национальной идеи, позволяющей сплотить полиэтническое общество, к заключению Договора об общественном согласии.

Российская Федерация как многонациональная держава, на наш взгляд, не имеет права игнорировать идеи интернационализма. В своей политике ей следует диалектически сочетать национальное и интернациональное, отказываясь от негативного прошлого, использовать весь накопленный положительный арсенал советской национальной политики. Постоянные попытки через средства массовой информации выпячивания русской идеи, истории Российской империи, исключительности только самодержавного прошлого может обернуться перерождением национального восприятия в этническое. Оно деструктивно и опасно для самого русского народа как системообразующей нации, может обострить отношения не только между республиками и краями и областями России, но и помешать процессу сближения и консолидации общества, его динамичному и устойчивому развитию.

В современных условиях важно не повторять прежних исторических ошибок. Совершенно прав Э.А. Паин, когда пишет, что многие неудачи в реформировании страны связаны с тем, что «баланс этнических интересов совершенно не принимался во внимание ни архитек-

торами реформ, ни поддерживавшими их кругами российской интеллигенции»¹.

Подводя итоги, нам представляется правомерным признать, что человечество, несмотря на существующие глобальные проблемы и конфликты, располагает достаточно эффективными способами самоорганизации и предотвращения угрожающей ему опасности. В данной связи достаточно абсурдным является мнение о том, что человечество еще не полностью прошло кровавую полосу глобальных политических и этнических конфликтов, что процесс всеобщей насильственной перекройки политической карты нашей планеты пока еще не завершен («арабская весна», события в Ираке, Ливии, Сирии, на Украине и др.). Признание таких прогнозов в качестве «истины в последней инстанции» чревато для современного человечества серьезной драмой многих народов, социального бытия малых этносов трагическими последствиями, дальнейшей искусственной аккультурацией и ассимиляцией.

На наш взгляд, существуют различные способы предотвращения глобализации этнических конфликтов. В сложившейся ситуации актуальным представляются следующие моменты:

1. Важнейшей тенденцией современного исторического процесса является продолжающееся повышение роли и места этнических общностей в социальной и политической жизни общества. Поэтому феномен этничности, рост этнического сознания должны исследоваться с совершенно новых методологических позиций и оцениваться с точки зрения иных качественных параметров. Позитивным моментом современных процессов является опора на самостоятельность, собственную социокультурную идентичность, которая представляет собой важное препятствие, способное предотвратить превращение процесса интернационализации и глобализации общественного развития, мировой культуры в их унылое усреднение, сопровождаемое потерей многокрасочного своеобразия групповых, в том числе этнических форм самовыражения. Отсюда предотвращение угрозы суперэтнолизма возможно лишь в том случае, если предпринимаемые усилия носят комплексный характер, встроены в поток, а не противопоставлены ему.

2. В структуре организации человеческого общества должны быть внесены коррективы, связанные с результатами непрерывно возрастающего национального (этнического) самосознания, которые в

¹ Паин Э.А. Издержки российской модернизации: этнополитический аспект // Общественные науки и современность. – 2005. – №1. – С. 156.

той или иной степени затрагивают существующую государственность. Однако данная констатация вовсе не означает неизбежности повсеместного государственного выделения осознавших себя самостоятельными этнических групп. Такой способ реализации этнического самосознания, опирающийся на право народа на самоопределение, следует рассматривать как самый крайний, допустимый лишь в порядке исключения при особо критических ситуациях (Южный Судан, Крым). В наши дни существуют и иные способы реализации этого права, которым следует отдавать предпочтение.

Один из таких способов – обращение к принципам нового федерализма, который является не просто специфическим способом структурирования государственных институтов в целях повышения эффективности их деятельности. Это оптимальный вариант обеспечения общественных отношений, порядка, позволяющий достичь единства через многообразие. Сущность нового федерализма в поделенном и одновременно дифференцированном суверенитете, где каждая часть государства (союза, содружества) является суверенной и автономной, т.е. обладает исключительными полномочиями в тех областях, которые отведены ей Конституцией (федеральным или союзным государством) для выполнения собственных задач. При таком подходе вторичными являются соотношения части и целого и гарантия неприкосновенности. Если эти соотношения в достаточной степени отражают взаимные интересы и обеспечены общей защитой, то возникшее федеративное государство в состоянии гарантировать гражданам необходимый уровень свободы и самоопределения. Оно одновременно способно предоставить им всю совокупность национальных (этнических), а также культурных и региональных прав, поощряя тем самым многообразие форм выражения и уклада жизни для всех этносов и национальных меньшинств.

В тех случаях, когда этнос или этническая группа не может идентифицировать себя с определенной территорией в виду крайней малочисленности или дисперсного расселения, возможны различные формы культурно-территориальной или чисто культурной автономии. Необходимыми для них станут создание вертикальных и горизонтальных территориально ориентированных структур, с помощью которых могут быть реализованы и стимулированы языковые и культурные потребности национальных (этнических) общностей. Важно признать, что стабильность и коммуникации в поликультурном обществе неразрывно связаны. Рассматривая современное общество, И.А. Мальковская справедливо указывает на то, что «абсолютизация или игнориро-

вание процессов, связанных с ситуацией «культурного плюрализма», искажает видение социальной реальности поликультурного сообщества и затрудняет процессы формирования «неконфронтирующих» идентичностей, толерантной культуры и стабильной социальной среды»¹.

Таким образом, возможен и другой вариант решения проблемы – естественное включение всех народов и других этнических меньшинств в большую наднациональную поликультурную общность, которую не обязательно уподоблять ассимиляции. Такое включение предполагает принятие общенациональных культурных, языковых и поведенческих ценностей при одновременном сохранении национальной специфики и родного языка.

На наш взгляд, даже сама ассимиляция не представляется трагедией, если она происходит не насильственно, а естественно, добровольным путем. Ассимиляционные процессы – важнейшая отличительная черта развития всей человеческой цивилизации, мировой полифонической культуры на протяжении многих тысячелетий. Нам кажется, что мировое сообщество при всех сложностях и проблемах в состоянии создать систему мер, рычагов и стимулов, которые могли бы предотвратить угрозу межэтнических конфликтов, избрать вышеперечисленные способы решения этих задач наиболее оптимальными и реально выгодными как для соответствующих государственных образований, так и больших этносов и этнических групп.

5.3. Глобализация и интернационализация: специфика современного бытия

Глобализация и интернационализация как мировые процессы приобретают значительный характер с эпохи Нового времени. В большинстве европейских стран они начались в период перехода от феодального общества к капитализму, становлению и развитию рыночной экономики. Для европейской цивилизации формирование индустриальной системы, эпоха модернизации сопровождается научной и технической революцией, сломом национальных перегородок, интеграцией и интернационализацией международных экономических, социально-политических и духовно-нравственных отношений. На протяжении многих веков все остальные мировые цивилизации в той или иной степени и форме включились в этот процесс, стремились

¹ Мальковская И.А. Глобализация и транскультурный вызов западного мира // Социологические исследования. – 2005. – №12. – С. 9.

трансформироваться в нее или адаптироваться к ее ценностям.

В XX веке дальнейшее развитие цивилизации, распространение различных концепций и форм модернизации, идеологий и ценностей привели к охвату всего человечества глобальными проблемами общества. Притязания на очередной передел мира и стремление утвердить новый мировой порядок после окончания «холодной войны» стали объективными предпосылками современного глобализма как социального явления. Стремление к непрерывной глобальной экономической и социально-политической экспансии стало одной из причин системных противоречий современной цивилизации.

Очевидно, что глобальная проблематика предстает как новая точка отсчета жизни людей, предполагающая формирование представлений о качественной ином будущем, которое не вытекает линейно из настоящего. Очевидно, что будущее как непосредственное продолжение настоящего невозможно по крайней мере по трем причинам. Во-первых, необходима смена парадигмы развития техногенной цивилизации, что связано с экологическими «пределами роста». Во-вторых, необходима смена социокультурной парадигмы, задающей духовную и политико-правовые императивы человеческому поведению. В-третьих, налицо углубление системных социальных противоречий и конфликтов между развитыми и развивающимися странами, непрерывное углубление и нарастание напряженности между цивилизациями.

Тревоги за будущее человечества, судьбу России, ее роль и место в мировой цивилизации всегда были в центре внимания русской философской и общественно-политической мысли. Лейтмотивом их высказывания можно признать слова Н.Я. Данилевского, утверждавшего равноценность всех людей, народов и культур, что «европейская цивилизация не есть общечеловеческая культура, а лишь культура определенной этнографической особи»¹. В работе «Россия и Европа» он развивает идею о недопустимости осуществления на Земле «единой общечеловеческой цивилизации». «Большой клятвы не могло быть наложено на человечество, – пишет русский философ, – как осуществление на Земле единой общечеловеческой цивилизации. Всемирное владычество должно, следовательно, страшить не столько своими политическими последствиями, сколько культурными. Не в том дело, чтобы не было всемирного государства, республики или монархии, а в том, чтобы не было господства одной цивилизации, одной культуры,

¹ Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. – М., 1992. – С. 312–314.

ибо это лишило бы человеческий род одного из необходимейших условий успеха и совершенствования – элемента разнообразия»¹.

Нам представляется, что утверждения русских философов, в том числе и высказывания Н.Я. Данилевского, следует рассматривать как идейные и методологические предпосылки формирования современного глобалистского типа мышления. Многие феномены отечественной философской и культурологической мысли, такие как евразийство, космизм, идеи интернационализма, с полным основанием могут быть включены в современную методологию научного исследования проблем глобального мирозерцания и прогнозирования.

Сегодня важно четко различать объективные процессы глобализации, которые связаны с гуманистической традицией, верой в человека как в высшую ценность, социальный прогресс, справедливость, в единство и многообразие культур, с современным глобализмом, утверждающим превосходство одних государств над другими, идеи «конца истории», «столкновения цивилизации», монополии на провозглашение «истины в последней инстанции».

Глобализация представляет собой достаточно сложный и противоречивый процесс. Однако, используя весь арсенал социально-философских методов и принципов, возможно постижение глубинных, субстанциональных оснований глобализации, определение альтернатив мирового развития. По-нашему мнению, несмотря на всю широту предметной области социальной философии, в центре мировоззрения и методологии должна быть поставлена проблема человека, в том числе и этнического.

Конечно, здесь речь не идет о некоей «разорванности» социального бытия. Естественно, что признание человека этнического в качестве центральной фигуры мировоззренческих и методологических притязаний в каждой из этих областей, порождает различные, хотя и близкие друг другу спектры исследовательских программ. Не секрет, что в числе современных «вызовов» оказывается проблема роли и значимости этничности в мире, а также место человека этнического в философии глобализма, объектом которой является вся мировая цивилизация.

В своей основе современный глобализм является продуктом экономической модернизации и научно-технической революции, оказавших существенное воздействие на все стороны социально-этнического бытия. На протяжении всего XX века глобальные идеи

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. – С. 426.

обрели характер всемирных проблем человечества. Если на начальном этапе человечество стремилось найти пути предотвращения термоядерной войны, то впоследствии появились глобальные проблемы экологии, демографии, здравоохранения, продовольствия и другие. За последние десятилетия актуальными стали проблемы «этнического возродения», национализма и международного терроризма.

Феномен глобализма и процессы глобализации для социально-философского и системного осмысления представляют значительный интерес по ряду причин. Во-первых, глобалистская парадигма современного социального мира объединяет в одно исследовательское пространство все многообразие самобытных обществ и культур, выражающих деятельное начало человека, и общность социального бытия различных этносов и регионов. Если в первом случае при анализе самобытности человеческое начало просматривается в социальной динамике, представленной особым бытием и координатами времени, включающими деятельность и активность, то во втором – при осмыслении социально-этнических общностей предметом исследований оказываются социокультурная динамика геополитических пространств бытия различных народов, этносов, их традиции, менталитет.

Во-вторых, совершенно новый смысл обретает тезис «человек – творец своей судьбы, своей истории». Как связующая нить между прошлым и современностью, история предстает по своей сути как этнокультурная история человечества. Причем на глобальном уровне одна из тенденций ее развития заключается в попытках окончательного раскола всего человеческого сообщества на развитую, постиндустриальную, информационную цивилизацию и остальную его часть, окончательно отставшую и оказавшуюся на задворках истории.

Другой тенденцией развертывания социокультурной истории выступает формирование в социальном мире полюсов силы на основе существовавших на протяжении многих веков и тысячелетий мировых цивилизаций: китайской, индийской, западноевропейской, арабо-мусульманской, русской. Эта тенденция находится в явном противоречии с предыдущей, выражающей устремления техногенной цивилизации. В данном случае проявляется одна из глубинных социальных закономерностей: общность социального бытия получает воплощение в цивилизационном многообразии. Сама общность социального бытия заключается в базовых экономических отношениях, а цивилизационное многообразие представлено различиями этнического, политического, идеологического, духовного, религиозного, языкового порядка.

В-третьих, в современном социальном мире достаточно четко прослеживается органическая связь между глобализмом как универсальной концепцией и геополитикой как сферой реализации определенных политических действий, направленных на передел как социального, так и этнического бытия-пространства. Одновременно в глобализме получает воплощение попытка передела социального и этнического времени, завершения всемирной истории. Так, на протяжении XX века подобного рода геополитические и глобалистские устремления реализовывались: во-первых, в разделе мира между крупнейшими империалистическими державами; во-вторых, в образовании советской цивилизации, бросившей вызов всему ходу мировой истории; в-третьих, в попытках утверждения идеологии «конца истории», которая претендует на status quo западной цивилизации; в-четвертых, в феномене бурного возрождения этнического и религиозного сознания народов, правда, находящихся, по мнению некоторых зарубежных идеологов глобализма, на задворках истории.

По-прежнему в центре внимания проблема «столкновения цивилизации», поставленная в начале 90-х годов XX века С. Хантингтоном. Учеными разных стран создаются оптимистические и пессимистические сценарии глобального развития человечества. В этой связи достаточно проблематичным становится вопрос о судьбе и предназначении России в глобализирующемся мире, в системе «вызов» – «ответ». В данном случае следует остановиться на двух моментах. Во-первых, европейские государства и их народы, входящие в ЕС, а также США и Канада, идут по пути самостоятельного развития, ощущая историческую и цивилизационную общность судеб. Во-вторых, характер «ответов» Российской Федерации на существующие «вызовы» во многом определяются ее геостратегическим положением, социально-экономической политикой, этнической и религиозно-конфессиональной спецификой, динамикой демографических изменений.

Социально-философское и системное исследование Российской Федерации как уникального социокультурного и полиэтнического феномена дают основания для определения основных положений современного глобализма и выбора следующей модели глобализации:

1. Происходящие в современном мире процессы глобализации по ряду характерных признаков воспроизводят структуру мира на рубеже XIX–XX вв. Эта была эпоха перехода капитализма в свою высшую стадию – империализм, сущность и природа которого во многом остались неизменными на протяжении целого столетия и где всегда господствовала идеология превосходства сильного над слабым.

2. Октябрьская революция в России, образование Советского Союза, а затем и возникновение мировой системы социализма нарушили процесс формирования глобального рыночного хозяйства, основой которого оставался империализм и колониальная система. Однако не увенчалась успехом идея мировой социалистической революции и установления всемирного интернационального братства народов.

3. Разрушение СССР и мировой социалистической системы вновь поставили на повестку дня вопрос о создании всемирного хозяйства на традициях индустриального общества, однако оно стало формироваться по прежним меркам империализма, но с иной оболочкой. Следует признать, что неоколониальная стратегия и политика по установлению нового мирового порядка привела не только к расколу всего человеческого общества, но и к бесконечным конфликтам, терроризму, локальным и гражданским войнам, идущим сегодня во многих регионах мира.

4. Российская цивилизация находится перед уникальной альтернативой. Она оказалась перед дилеммой: используя достижения мировой науки, культуры и цивилизации, развиваясь по собственному пути, построить современное информационное общество с высокими технологиями и сильное государство с социально ориентированной рыночной экономикой или провести своеобразную «латиноамериканизацию» России, при которой политическая элита полностью оказывается под влиянием западных держав. До сих пор развитие страны осуществлялось по второму сценарию. Четверть века в государстве и обществе насаждалась политика и идеология современного неолиберализма, свободная от национальных традиций и высоких моральных принципов. Только с 2014 года, после возвращения Крыма и кровавых событий на Украине, власть начала понимать неэффективность прежнего курса игнорирования национальных интересов страны и общества.

5. Современная глобализация полностью опирается не только на экономическую, культурную, идеологическую экспансию, но и на военную мощь самых развитых стран мира. Становящаяся система глобализации постепенно закрепляет и легитимизирует несправедливое распределение природных, трудовых, интеллектуальных ресурсов. Понятно, что в культурно-информационной сфере глобализация обусловлена развитием технологий, она способствует перемещению огромных масс людей и товаров, распространению и получению информации. Однако сегодня данный процесс сопровождается грубым и жестким стремлением Запада установить полное господство своей цивилизации над миром, навязать примитивную массовую культуру,

систему превосходства своих мировоззренческих ценностей над всеми народами планеты, своей транснациональной элиты над миллиардами людей, что особенно нетерпимо в современную эпоху.

Предпринимаются достаточно серьезные попытки представить единственно возможной западную модель рыночной экономики и общества, идеологию де-юре формальных, но де-факто ничем не ограниченных прав и свобод, что на самом деле абсолютизирует субъективное понимание и истины, и ценностей. Такое развитие глобализации во всем мире встречает нарастающее недовольство и сопротивление, что делает судьбу человечества все более непредсказуемой. Следует признать, что современный глобализм выявил объективную тенденцию: процесс формирования информационного, постиндустриального общества носит системный характер. Поэтому по своей сущности глобализация имеет коллективную природу и не может быть только односторонним и индивидуальным процессом. Она возможна только при значительном, устойчивом и стабильном развитии всех континентов, всего человечества. Навязывание миру системы ценностей евроатлантической цивилизации, стремления США с помощью силы и манипулятивных технологий доминировать в мире, взять на себя глобальное руководство и дать мировому сообществу ответы на вызовы современности могут закончиться всеобщей катастрофой.

В условиях современных глобализирующихся процессов, когда развитыми странами игнорируется принцип единства в многообразии, в мире начинает объективно действовать обратный геополитический закон-тенденция: слабые объединяются против сильного. Одним из вариантов противодействия является процесс формирования многополярного мира, предложение качественно иных подходов глобализации, учет общемировых устремлений.

6. Российская Федерация, имея богатый опыт социально-исторического развития и значительный духовно-нравственный потенциал, традиции совместного существования на протяжении многих столетий различных цивилизаций, культур, народов, языков, религий, может предложить свою концепцию глобализации и интернационализации.

7. Как евразийская цивилизация Россия представляет собой единый континент в географическом, геополитическом и социокультурном контексте, имеет весьма сложную и разнородную социально-этническую структуру. Одним из вариантов действия принципа единства в многообразии, противостоящего современным негативным глобалистским тенденциям, может быть обновленная идея русского кос-

мизма, евразийства и российской концепции интернационализма. Эвристический и творческий потенциал этих учений достаточно плодотворен и сохранил свою актуальность в настоящее время. Их можно рассматривать не только как философскую, этнологическую, культурологическую и идеологическую доктрину, но и как социально-политическое движение, противостоящее глобализму по-американски.

8. Идеи космизма и евразийства сегодня, как никогда, актуальны в рамках социально-философского и системного поиска гуманистического содержания глобальной проблематики, непосредственно не связанного с многочисленными современными воззрениями. В анналах отечественной философской и социокультурной мысли они представляют собой различные, но во многом схожие варианты универсального, глобального мировидения. В условиях глобализации идеи евразийства отвечают не только национальным интересам Российской Федерации, но и помогают взаимодействию между Западом и Востоком, позволяют утверждать единство и многообразие культур и цивилизаций. Утверждение доминант евразийства и ценностей евразийской цивилизации – это не только определение роли и места России в мировом сообществе, но и адекватное восприятие протекающих глобальных процессов, попытка объективного «ответа» на интеграционные «вызовы» нового «осевого времени».

Известный российский геополитик А.С. Панарин считал, что Россия может сыграть важную объединительную, синтезирующую роль в глобальной политике XXI века. «Что касается России – страны, живущей на перекрестке великих миров Востока и Запада, Севера и Юга, – пишет он, – то у нее нет иного способа избежать распада по линиям водораздела указанных миров, как предложить народам Евразии новый мощный суперэнергетический синтез. Таким синтезом может стать новая мироустроительная идея, обращенная в будущее»¹.

Активно идущие процессы глобализации формируют новую реальность, которая требует нового языка для своего выражения, что предполагает серьезную трансформацию мировоззренческих и ценностных установок. Значит, появляется необходимость приведения в соответствие с глобальными изменениями прежних научных традиций, корректировки философских парадигм. Однако по содержанию человечеству еще предстоит стать глобальным сообществом, когда оно будет характеризоваться не только территориальной и экономической целостностью, но и общностью интересов, универсальным понимани-

¹ Панарин А.С. Реванш России: российская стратегическая инициатива в XXI в. – М., 1998. – С. 15.

ем фундаментальных идеалов гуманизма, моральных норм и принципов поведения.

Таким образом, «если понимать глобальное общество не как условность, метафору, а как действительно глобальное общество, то оно требует также глобального этоса. Не просто универсальной системы этического отсчета, надстраиваемой над культурно-различными нравственными ментальностями, жизненными привычками и т.п., не просто открытости культур по отношению друг к другу, а именно единого этоса, новой единой этической культуры – единой не только по универсальным, но и по внешним проявлениям, символическо-знаковой структуре, конкретным нормам и механизмам функционирования»¹.

В новом тысячелетии человечество вступило в качественно иную фазу социально-исторического и этнического развития, которое характеризуется постепенным переходом от раздробленности, разобщенности и фрагментарности мировых экономических, социально-политических и духовных связей к их единству, целостности, общности, глобальности. Эти изменения осуществляются столь быстро и стремительно, что человечество не успевает теоретически осмыслить, осознать глубину и сущность происходящего, адекватно на них реагировать. Во многом усугубляет ситуацию то, что новый, изменившийся мир пытаются объяснить с помощью привычных понятий и терминов западной парадигмы, таких как «свобода», «демократия», «товар», «рынок», «элита», «масса». К сожалению, остается без внимания то обстоятельство, что сложившийся понятийно-категориальный аппарат, система ценностей, мировоззренческих позиций, этических и правовых норм не работает, они сформировались и наполнялись определенным содержанием в принципиально иных конкретно-исторических условиях, которые неадекватны современным реалиям.

По мнению И.А. Савченко, глобализация и постмодерн в какой-то степени обуславливают дихотомию интегративных и дезинтегративных процессов в современных культурно гетерогенных сообществах. В данном контексте возникает необходимость в поиске таких путей управления общественными отношениями в поликультурном сообществе, в русле которых интегративная тенденция развития сообщества стала бы ведущей².

На наш взгляд, в условиях современной глобализации происхо-

¹ Гусейнов А.А. Этнос глобальный // Глобалистика: энциклопедия. – М., 2003. – С. 1284.

² Савченко И.А. Многоэтническое сообщество в поисках маршрута интеграции: Монография. – М.: РИОР; ИНФРА-М, 2012. – С. 98.

дят два совершенно противоположных процесса: с одной стороны, демократические ценности внедряются развитыми странами в остальной мир с «позиций силы», жестокими и агрессивными методами и средствами, что разрушает традиционные цивилизации, их культуру, ментальность; с другой – набирают темпы социальные конфликты и гражданские войны, протестные движения, сформировались новые идеологии светского и религиозного характера, нарастает недовольство широких масс, в том числе, анархистов, левых радикалов, в глобальное явление превратился терроризм.

Противоречия между основными субъектами мировой политики множатся и становятся все острее. Мир все больше становится расколотым по расовым, этническим, конфессиональным и иным признакам. Одновременно увеличивается разрыв в уровне жизни и социально-экономическом развитии различных регионов, стран и народов. Все эти обстоятельства являются серьезным препятствием на пути интеграционных тенденций и становления глобального гражданского общества, которое в перспективе с необходимостью должно сформироваться в результате преодоления фрагментарности и складывания целостного мира.

Глобализация ведет к расколу и самой европейской цивилизации. Поэтому не случайно один из самых известных философов современности Юрген Хабермас с тревогой пишет об опасности существующих негативных тенденций в объединенной Европе, быть отброшенной назад с достигнутого уровня интеграции, необходимости проведения в ней серьезных реформ. Он предлагает искать такие политические, экономические и социальные инструменты, которые помогли бы ей осуществить реальное единство, одновременно сохраняя при этом свое многообразие¹.

С каждым днем все очевиднее становится, что «глобализация по-американски» отнюдь не единственно возможный путь в будущее. В мире все больше мощно и активно проявляют себя иные экономические, политические и духовные тенденции, противостоящие глобализму как специфической стадии постиндустриального развития. Нам представляется, что всемирная альтернатива глобализму наиболее полно и адекватно воплощена в интернациональной идее, которая ни в какой мере не отвергает мировых интеграционных процессов: взаимо-

¹ Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства / Ю. Хабермас // Нации и национализм: Сборник статей. – М.: Праксис, 2002. – С. 364–380, с. 371.

переплетения экономик, взаимообогащения культур, взаимодействия самобытных цивилизаций.

Конечно, кризис мирового социализма и развал Советского Союза породили гигантскую волну разочарования и отчаяния среди сотен миллионов людей, пессимизм и безверие в социальную справедливость и равенство, в дружбу народов. Однако следует заметить, что потерпели поражение не идеи социализма и интернационализма, а построенная в нашей стране тоталитарная и примитивная модель социалистического общества.

Сегодня многие западные и часть российских ученых все еще продолжают утверждать, что с наступлением глобализма можно говорить о «конце истории», необратимом характере «нового мирового порядка». Им кажется, что они изобрели средство перехитрить историю и остановить социальную динамику, развитие человечества. Однако объективный анализ показывает, что человечество находится на пороге крупномасштабных качественных изменений, а может быть и потрясений. В наши дни все более актуальными становятся вопросы: можно ли вывести человечество из тупика, каковы векторы мирового развития? Существует ли реальная альтернатива современным формам глобализма? Наверное, ответ будет следующим. На протяжении всей своей истории человечество движется к единству, к интеграции. На разных этапах социально-этнического развития интеграция как естественный процесс принимает разные альтернативные формы.

Нам представляется, что на современном этапе существует реальная альтернатива западной «глобализации». Общеисторическая динамика, развитие человечества по пути подлинного прогресса, реальной и свободной интеграции может происходить только в форме социалистической «интернационализации». Обе формы – глобализм и интернационализм – кардинально противоположны друг другу практически во всех сферах и измерениях общественной жизни: в экономике и политике, в международных отношениях и государственном строительстве, в этническом и национальном развитии, в науке и культуре, искусстве и морали. Сегодня соперничество этих двух тенденций, несмотря на разные скрытые формы, образует ключевое содержание современного планетарного процесса. Вопреки логике мировой истории, глобальное наступление постиндустриальной цивилизации, искусственно навязавшей большинству населения планеты изощренные формы эксплуатации и господства, все больше превращается в антиисторический прогрессизм.

Рассматривая проблему этнического бытия, отметим, что центральным моментом, определяющим различие между глобализмом и интернационализмом, является их противоположное отношение к национальному как особому явлению, играющему огромную роль в жизни человечества. Среди всех проблем общественного развития национальный вопрос всегда был самым деликатным, затрагивающим очень тонкие, чувствительные струны человеческой души. Здесь люди, как правило, наименее объективны, в наибольшей степени подвержены воздействию «коллективного бессознательного», что нередко вынуждало теоретиков и политиков прибегать к различным рода ухищрениям, лжи, обману, недомолвкам и иносказаниям. В то же время нигде так не нужна полная ясность, как в национальном вопросе. История человеческого общества знает многочисленные примеры спекуляций на национальных чувствах, использования их в качестве прикрытия социальных целей, эгоистических интересов и амбиций лидеров, для развязывания этнических конфликтов.

Социальный прогресс требует отделения национализма и шовинизма, прикрытых оболочкой национальных чувств, от естественного стремления народов к свободному развитию своей культуры и государственности. Конечно, достаточно сложно объяснить человеку, как его патриотизм и чувство национального достоинства часто эксплуатируются разными политическими силами в грязных эгоистических целях. Как найти ту грань, которая разделяет национальный рассудок от национального предрассудка? Может быть, именно колоссальная сложность этой задачи и горький опыт неудач приводил в отчаяние многих революционеров и реформаторов, начиная от апостола Павла, заставляя мечтать о тех заоблачных временах, когда не будет уже «ни эллина, ни иудея». Или приходило к выводу, что интересы одних народов соответствуют глобальному общечеловеческому прогрессу, а других – в корне ему противоречат.

Мы рассматриваем «национальное» как естественноисторическую категорию, которая охватывает собой все, что придает качественную определенность большим человеческим общностям, их культуре и языку, психическому складу, верованиям, традициям, привычкам, государственным и социальным институтам. Именно это превращает эти человеческие общности в народы и нации. Полифония культур, самобытность народов, многоцветие их характеров, неповторимость литературного и художественного творчества являются высочайшими ценностями Земли.

Конечно, этническое и национальное существуют как целостность и проявляют себя только в человеческом обществе, т.е. всегда обладают совокупностью и природно-биологических, и социокультурных характеристик, признаков и свойств. В трудах многих философов критикуется вульгарно-социологическое понимание национального как просто идеологической надстройки над экономическим базисом, возникающей на одних этапах его развития и бесследно исчезающей в других. Бесспорно, что базис оказывает существенное влияние на национальное, которое, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на всю систему производственных отношений. Так, например, язык всех этнических групп и социальных слоев несет на себе следы общественных, классовых, конфессиональных, профессиональных различий и противоречий. Существующие общественные отношения придают языку определенную форму, могут и благотворно воздействовать на него, и сковывать, и разрушать.

В противоположность глобализму, интернационализм даже этимологически и качественно отличается от него. Интернациональный – значит межнациональный, то есть ни в коем случае не отрицающий и не зачеркивающий национальное. Без национального нет и не может быть интернационального. И наоборот, интернационализм немислим без патриотизма. Интернационализм вырастает на основе взаимодействия и сотрудничества народов, взаимообогащения культур и языков, кооперации национальных экономик. Транснациональные корпорации как олицетворение глобализма – учреждения сверхнациональные, наднациональные и вненациональные. Если интернационализм способствует национальному развитию, органически включая в себя патриотизм, то глобализм обедняет, коверкает, разрушает национальное, «укладывая» его в две взаимодополняющие пары: гегемонизм и шовинизм. В мире существует много людей по наивности и злему умыслу отождествляющие интернационализм с космополитизмом, а патриотизм – с шовинизмом. Однако на самом деле современный космополитизм, в отличие от античных идей всемирного братства и равенства всех людей, в настоящее время противоположен интернационализму, а шовинизм – патриотизму.

Дальнейшее разделение и раскол мира по конфессиональному и этническому признаку ведут к новому разжиганию межнациональных противоречий и конфликтов, усилению расизма и фашизма. Существующая форма глобализации сковывает и извращает национальное развитие. Поэтому сегодня главная задача этнического и национального развития заключается в качественном изменении многих подхо-

дов, в создании благоприятных условий для свободного и гармоничного развития каждого народа, каждого языка. Красота и величие мира – в его многообразии и неповторимости. Как показывает история развития человеческого общества, этническое и национальное существуют как объективная данность, как природно-биологический и социокультурный феномен, они значительно старше капитализма и переживают его.

Рассматривая проблему этнического бытия народов в условиях глобализации и интернационализации, следует сказать и о вопросах защиты национальной и культурной самобытности народов, которые сегодня стоят так остро, как никогда. Конечно, интеграция культур различных этносов и наций во всемирную культуру человечества предполагает некий «общий знаменатель», роль которого наилучшим образом выполняют общечеловеческие ценности – нормы и принципы бытия, отражающие насущные интересы человеческого сообщества и воспринимаемые как общезначимые всеми людьми планеты. В него также входят объекты природы, результаты материальной и духовной культуры, уникальность и всеобщее значение которых признается во всем мире.

Таким образом, на повестке дня не консервация на уровне «старинны», а защита прав на свободное развитие как отдельного этноса, его культуры и идентичности, так и человека как высшей ценности. Взаимодействие с иными культурами этому не только не препятствует, а наоборот, активно способствует. Социалистический интернационализм как раз и предполагает взаимообогащение национальных культур. Глобализм – это движение к культурной унификации на максимально примитивном уровне. Сегодня в мировом духовном пространстве столкнулись не Запад и Восток, а культура и антикультура, в равной мере враждебная как западной, так и восточной культурной традиции. Современное российское общество являет собой арену, на которой эта борьба протекает в наиболее острых формах. Вполне очевидно, что пресловутый тезис о «возвращении в цивилизацию» – это продолжающаяся дискуссия между славянофилами и западниками о судьбе России, ее месте в мировой цивилизации.

В XX веке Советский Союз в более сложных социальных условиях вел борьбу против любых форм империалистической глобализации, разрушающих основы бытия народов мира, защищал и развивал их национально-культурную самобытность, стремился реализовывать идеи социалистического интернационализма, дружбы народов. Однако распад СССР привел к разрушению биполярного мира и всей сис-

темы сложившихся международных социально-экономических и политических отношений, способствовал девальваций духовно-нравственных ценностей социализма, идей и традиций интернационализма. Сегодня стремление народов продолжить свой самобытный путь исторического развития сталкивается с не менее ожесточенным стремлением навязать миру ценности глобализма.

Современная концепция глобализма, в отличие от идей интернационализма, становится фактором, разрушительно действующим на всемирную историю. Глобализм создает свою специфическую модель культуры, элит и масс, разрушая национальные культуры и замещая их абстрактными «общечеловеческими», а на самом деле – ценностями рыночного, атомизированного индивида. Образованное этими индивидами «гражданское общество» не общечеловеческое достояние, а именно сообщество отдельных эгоистов и потребителей, превыше всего ставящих личные, узкокорыстные цели. Поэтому за рамками современного гражданского общества остается большинство населения планеты. Совершая экскурс в историю, вспомним, как за пределами античных демократий оставались миллионы рабов. Однако если без античного мира не было бы мировой культуры, то современные изощренные формы господства и эксплуатации не являются необходимыми условиями развития цивилизации, а наоборот, они стали тормозящим, разрушительным фактором.

Актуализируя проблемы этнического бытия, следует рассматривать и один из ключевых вопросов современности – вопрос о судьбе государства, в котором позиций сторонников глобализма и интернационализма также диаметрально противоположны. Глобализм, как показывает социальная практика, стремится к форсированной ликвидации национальных государств и их суверенитета ради усиления наднациональной власти, всемирного государства, создания мирового правительства, выполняющего цели транснациональных корпораций. Глобализация не устраняет внутренних противоречий и конфликтов, свойственных любому государству, а переводит их на более высокий уровень, доводит до мирового масштаба.

Как указывали ранее, Российская Федерация оказывается перед серьезной необходимостью объединить на основе концепций космизма, евразийства и идей интернационализма народы Запада и Востока, предложить человечеству свою синтетическую теорию глобальной интернационализации. В настоящее время, особенно после возвращения Крыма и событий в Украине, формируется новое самосознание российской цивилизации. Оно должно оформиться не просто как про-

странство перехода от индустриального, технократического общества к информационному, а как центр культурной и духовной трансформации планетарного масштаба.

Действительно, сегодня мы все больше убеждаемся в том, что в рамках западной парадигмы не могут быть адекватно решены стоящие перед человечеством глобальные проблемы. По мнению В.С. Степина, со второй половины XX века техногенная цивилизация со своей идеологией преобразования мира и обеспечения господства человека над природой породила глобальные кризисы. Западное общество, оказавшись перед необходимостью их преодоления, пока не стремится к изменению своих базовых ценностей¹.

Все это дает нам основание признать особую роль России на пути формирования нового постсовременного мира. Россия нужна всему мировому сообществу как «цивилизационная самоценность, как лидер огромного евразийского пространства, обеспечивающего стабильные и плодотворные отношения между великими цивилизациями Запада и Востока. Мир нужен России как источник современного опыта социально-экономического и политического развития, как важный потенциал содействия в радикальной модернизации, как благоприятная среда, в которой идет поиск ее новой идентичности»².

Завершая главу и обобщая выводы, отметим, что перед Российской Федерацией в современных условиях глобализации и дальнейшего развития информационной цивилизации стоит особая социально-историческая и общечеловеческая миссия. В процессе качественных изменений, особенно актуальности строительства социального государства, она способна, соранив свою общекультурную идентичность и объединив народы евразийского сообщества на основе идей космизма и новой концепции российского интернационализма в единый суперэтнос, разработать и предложить миру свой вариант глобального стратегического развития.

¹ Степин В.С. Цивилизационного развития типы // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. – М.: Мысль, 2001. – Т. 4. – С. 311.

² Загладин Н.В., Загладина Х.Т., Мунтян М.А. Мировое политическое развитие: век XX. – М., 1998. – С. 365.

Глава VI

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ КАК ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И КУЛЬТУР, НАРОДОВ И ЯЗЫКОВ



В условиях современной социальной динамики, неопределенностей и рисков одной из сложных и актуальных задач является социально-философское и политическое исследование этнического бытия российского общества. Философское познание процессов, происходящих ныне в нашей стране, показывает напряженность и конфликтность функционирования сферы межэтнических отношений, особенно в условиях все еще продолжающегося кризиса социально-экономической системы, поиска оснований общекультурной идентичности и формирования гражданской нации.

В настоящей главе будут исследованы социально-философские проблемы истории этнического бытия народов России на протяжении совместного многовекового развития, а также определена современная специфика формирования Российской Федерации как новой суперэтнической цивилизации. В центре внимания – вопрос о строительстве социального государства как ключевого ресурса обеспечения общественно-политической стабильности и гармонизации межэтнических отношений.

6.1. История этнического бытия России: социально-философская и политическая рефлексия

В эпоху глобализации от решения проблем этнического бытия народов во многом зависит нормальное сосуществование и устойчивое развитие России как многонационального и поликонфессионального сообщества народов, культур и цивилизаций. Проблема постижения социального и этнического бытия народов относится к самым сложным вопросам научного исследования. Только философы, по мнению Л.Н. Гумилева, способны постичь сопряженность двух типов эволюции, потому эта проблема лежит за пределами не только гео-

графии и этнической истории, но и природоведения¹. Она обусловлена тем, что этногенез, этническая история каждого народа детерминирована противоречивым взаимодействием природно-биологических, социально-экономических, исторических, культурных, антропологических, лингвистических, демографических и других факторов.

Естественно, в первую очередь появление этносов связано с разнообразными природно-биологическими и социально-культурными условиями существования. На протяжении сотен тысяч лет этнические сообщества обеспечивали связь с природой и сохранили свои генотипические особенности, выработали стереотипы поведения, специфическое самоназвание и самосознание, сохранили свои коды и идентичности.

Одновременно в тяжелых условиях социально-этнического бытия им удалось выработать единую систему внутренних социализированных ценностей, жестких табу и запретов, трансформировать чисто природно-биологические признаки и характеристики в непрерывно возрастающие человеческие интересы и потребности, волю и желания. В течение долгого времени этносы в рамках своих исторических форм: родов, племен, народностей – осваивали различные уголки земного шара, в результате чего биосфера стала благоприятной не только для выживания человечества, но и для расширенного воспроизводства человека, создания искусственной среды обитания. В эпоху неолита относительно благоприятные природно-географические условия способствовали появлению и развитию новых форм хозяйственной деятельности. Именно в этот период на берегах великих исторических рек различные интегрированные родоплеменные этносы создают первые древние цивилизации, общественный прогресс которых был детерминирован ареалом обитания, все более возрастающими потребностями и интересами, совершенствованием орудий труда, развитием языка и абстрактного мышления.

С этого момента происходит более активное включение механизма социокультурных взаимодействий, когда социальная эволюция приобретает отличное и относительно самостоятельное для биосферы и этносферы ускорение и темпы. Начинается непрерывный процесс качественно новых взаимодействий человека и природы, различных этносов, обществ, цивилизаций и культур, несмотря на традиционность, отличающийся относительной подвижностью, изменчивостью. Макроэволюционный процесс, социальная история человечества, раз-

¹ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990. – С. 32.

ворачиваясь при доминанте социокультурных факторов, начинает приобретать все более цивилизационный характер. Наверное, на данном отрезке всемирной истории человечества начинается разграничение социального и этнического бытия. Являясь частью биосферы, этническая эволюция начинает формировать свою специфическую систему бытия, взаимодействий и деятельности, уже жестко не подчиняющихся общественным закономерностям и не сопоставимых по историческим масштабам и темпам с социальными процессами.

Значимые изменения происходят и в общественном сознании, когда социальное развитие занимает доминирующее положение и становится главным объектом познания. Человек, превратившись в субъекта как социального, так и этнического процессов, неодинаково стал их воспринимать. Если социальные изменения в какой-то степени соизмеримы с индивидуальным бытием человека, то время и пространство протекания этнических процессов часто остаются скрытыми и окутанными мистической «тайной». В то же время этническое составляло всегда постоянный «общий фон» существования человека и общества. На протяжении исторической динамики человечества периодические повторяющиеся системные кризисы в обществе актуализировали этничность, которая, в свою очередь, способствовала распаду социума или его ускоренной трансформации в новое качество.

С развитием общества изменяются темпы и размах социальной эволюции, обусловленные постоянной деятельностью людей, действием закона возрастания потребностей. Ускорение темпов социального развития, изменения естественной и искусственной среды обитания изменили и самого человека, оказали существенное влияние на систему этнического бытия. В результате социально-экономических, военно-политических и культурных контактов этносы входили в различные союзы и создавали крупные государственные образования – империи, или погибали, ассимилировались, подвергались естественной и искусственной аккультурации. Все это влияло как на ход и темпы всемирной, так и этнической истории, межэтнические взаимодействия, вело к смене одних исторических типов этнических объединений другими.

Касаясь российской цивилизации и целостности ее этнического бытия, следует признать, что в философском познании все более актуальными становятся как специфика их эволюционных и трансформационных изменений на протяжении целого тысячелетия, так и многообразие основ жизнедеятельности, роль и место этносов в универсальном историческом процессе. Однако до сих пор только обозначены

ны подходы к анализу, не выявлена сложная диалектическая взаимосвязь как законов социального развития российского общества, так и закономерностей его этнического многообразия и эволюции. Как известно, фундаментальную основу российской цивилизации составляют русские как этнос, относящиеся к европеоидной расе. Они имеют черты и элементы балтийской, восточно-европейской и монголоидной расы, относятся к славянской группе индоевропейской семьи языков. Летописи сообщают, что к концу первого тысячелетия христианской эры они представляли собой народность с общеславянским самосознанием и имели свою государственность – Киевскую Русь.

Русский этнос, возникнув благодаря этнической дифференциации славянских племен и сопровождающей ее этнической ассимиляции сначала финно-угорских, а затем и степных, в первую очередь татаро-монгольских элементов, постепенно превращается в народность. После постепенного распада Киевской Руси начинается процесс этнической парциации, когда восточные славяне, продолжая сохранять интенсивные межэтнические контакты, разделились на три самостоятельных народа: русских, украинцев и белорусов. В XIV–XV вв. в условиях непрерывной освободительной борьбы против западных стран и монгольского ига происходит становление, развитие, укрепление влияния и могущества Московского государства. В последующие века начинается заселение «дикого поля», миграция и колонизация Урала, Алтая, Сибири, движение на Северный Кавказ, Закавказье и Среднюю Азию.

В эпоху Петра I возникает великое государство – Российская империя, обширная территория, включающая сотни этносов, народностей, этнических групп, различных по происхождению, культуре, языку, традициям, хозяйственному укладу и находящихся на различных стадиях социально-экономического и цивилизационного развития.

Какие же трансформационные процессы стали происходить в сложном и полиэтничном российском обществе? С одной стороны, Россия, превратившись в великую державу, активно включилась в мировые социальные и этнические процессы, с другой – особенности ее геостратегического положения, этнического ландшафта, исторического развития обусловили своеобразные изменения этничности на протяжении XIX–XX веков.

На наш взгляд, можно выделить несколько этапов трансформации этничности, которые совпадают с процессами социальной организации российского общества.

Первая стадия охватывает весь XIX в. и продолжается до Ок-

тябрьской революции 1917 года. Это эпоха значительного расширения территории Российской империи, присоединения Средней Азии, Польши, Финляндии, Закавказья, дальнейшая мирная колонизация Сибири. В целом Российская империя к концу XIX века занимала площадь более 22 млн. квадратных километров, общая численность ее населения превышала 120 млн. человек, представляющих около 200 народов и этнических групп. Исторический анализ этнического бытия показывает, что формирование Российского государства шло в основном на договорных началах, а не строилось на насильственном захвате. Несмотря на то, что процесс адаптации и взаимодействия народов складывался трудно, объединительные тенденции постоянно брали вверх. В государственном строительстве страны всегда учитывался фактор многонациональности.

По мнению Р.Г. Абдулатипова, Российская империя была своеобразным «тиглем», где выплавлялась общность народов. Несмотря на то, что чувство идентичности формировалось и стало преобладающим по месту проживания или по конфессиональной принадлежности, предпринимались значительные попытки, чтобы сохранить этнокультурную самобытность. Общероссийское право даже в условиях сословно-представительной монархии не препятствовало многонациональному укладу народов России.

Многонациональность в России не означала в то время создание какого бы то ни было колониального режима для присоединенных народов. В отличие от государств Западной Европы, Россия не рассматривала свои территориальные приобретения как колониальные. Права и интересы коренных народов защищал целый ряд норм, военным и чиновникам запрещалось нарушать обычаи и традиции, злоупотреблять своим положением, хотя реально в жизни было много самовольства и агрессии. Во многих случаях для сохранения самобытности, самоуправления народы и племена решали проблемы, исходя из своих обычаев и традиций. Исторические факты, связанные с формированием российской государственности, свидетельствуют о достаточной по началу лояльности населения присоединенных территорий, относительной демократичности порядков, устанавливаемых для многих народов царским правительством.

Сохранившиеся законодательные акты убедительно свидетельствуют, что никаких привилегий для русских или дискриминационных ограничений для нерусских народов не существовало. Нарушения равенств касались не межэтнических отношений, а социальной сферы. В 1897 году впервые в Российской империи была проведена

всеобщая перепись населения. В ее опросных листах вопрос о национальности отсутствовал. Фиксировалось только вероисповедание. Самоопределение в форме «мы – православные» или «мы – тульские» вполне соответствовало «русской» самоидентификации крестьянина или мещанина.

В XIX веке государственные реформы в России проводились своеобразно социально-экономическим изменениям. Что касается политики в отношении нерусских народов, то в одних национальных окраинах она не была реализована, а в других – осуществлялась в урезанном виде. В целом Российская империя, расширяясь и присоединяя к себе все новые земли и народы, осуществляла, как и другие колониальные империи, их ассимиляцию, но благодаря русскому народу сохранила многообразие культур, вер, языков. Управление некоторыми «национальными окраинами» в той или иной степени велось с учетом их национально-этнической специфики. Например, особый статус имели Великое княжество Финляндское и Королевство Польское. Однако в результате проводимых административных реформ постепенно стали к минимуму сводиться этнические, географические и культурные особенности народов. Хотя в отдельных местах продолжали учитывать конкретную региональную и национальную специфику, преобладающими стали тенденции к унификации системы управления и насильственной русификации, в частности, коренных народностей Сибири.

Несмотря на то что государственная политика в национальном вопросе была пестрой и противоречивой, но в этой сложной панораме отчетливо просматривалась линия на централизацию и унификацию.

Как пишет Р.Г. Абдулатипов, существовало немало ограничений по национально-культурным и религиозным признакам. «Главным определяющим направлением царской политики в национальном вопросе, – пишет он, – была ассимиляция этносов с русским народом, русификация. И делалось это через внедрение готовности служить «русской государственной идее» – великодержавности и самодержавности. Соответственно, такая «русская идея» отказывала крупным народам России в праве не только на административную автономию, но и на развитие культур, а малым – в самом праве на существование, подразумевая их ассимиляцию с русским народом. И в этом случае нарушался объективный процесс ассимиляции, адаптация народов и культур друг к другу»¹.

¹ Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. – Славянский диалог. – М., 2000. – С. 5.

В 1908 году епископ Андрей (князь Ухтомский) писал: «Нет сомнения, что мелкие народности в силу исторического процесса должны слиться с народностями более крупными. Такая же участь, несомненно, постигнет и приволжских инородцев. Вопрос только в том, усилят ли они собою народность русскую»¹. Политика русификации и христианизации на протяжении нескольких столетий приобретала то жестко-агрессивный, то либерально-просвещенный характер. Наступление не только на ислам, но и на различные христианские ветви продолжались до начала XX века. Считалось, что «разнообразие верований имеет вредное влияние на нравственную и политическую жизнь народа»³.

Несмотря на то что под давлением обстоятельств в национальном вопросе делались определенные уступки, национал-шовинистический курс царизма возрастал. Главной задачей национальной политики было обрусение туземцев, для которой школа была самым лучшим орудием. Поэтому в Закавказье были запрещены даже церковно-приходские школы, ведущие занятия на национальных языках и как бы развивающие дух национальной обособленности. В этом плане самодержавие подготовило народы России к социальному протесту и революции как форме защиты своей национальной самобытности.

Конечно, ошибки и просчеты правящих кругов, допущенные по отношению к народам России, в том числе и к русскому, порождали мысли о необходимости самостоятельного движения по пути социального и экономического прогресса, духовно-нравственного и национального возрождения. Подобная идея, овладевшая большинством интеллектуальной элиты страны, внедрялась в массовое сознание и привела к открытой революционной борьбе. Горючим материалом революции, ее потенциальным резервом все больше становилось униженное население национальных окраин Российской империи.

Начало XX века характеризуется ужесточением национальной политики. На фоне нарастающего недовольства самодержавие предпринимало постоянные попытки свалить вину за кризисное положение в стране на инородцев. Это проявлялось и в недопущении их в Государственную Думу, в организации межэтнических конфликтов и различных погромов, в ходе которых совершались многочисленные уголовные преступления. Как правило, часто после осуждения по-

¹ См.: Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма. – СПб., 1998. – С. 15–17.

³ Там же. С. 20.

громщиков за общегосударственные преступления к ним применялось, по докладу министра юстиции, царское помилование. Его основными мотивами были: излишняя строгость русских судов, крайнее невежество населения, безупречное прошлое осужденных, раздражение, укоренившееся в простонародье враждой к инородцам. Документы свидетельствуют о том, что Николай II покровительствовал организации «Союз русского народа». Власть стимулировала национал-шовинизм, пытаясь с его помощью покончить с революционным движением. Массовое нарушение прав и свобод национальностей взрывало Россию, ослабляло ее окраины. Национал-шовинизм подкреплялся пробуждающимся национал-сепаратизмом.

Главным виновником трагических событий начала XX столетия самодержавие считало «растленную» интеллигенцию и инородцев. Такая политическая позиция не оставляла надежд на то, что царское правительство сделает правильные выводы из сложившегося положения дел в стране. Самодержавная власть все больше стала разделять идеологию национал-шовинизма и защищать ее сторонников, что противоречило жизненным интересам России и было первым тревожным сигналом к распаду страны. Одновременно стимулировали шовинистические настроения в обществе и усиливали межэтническую разнь дискриминационные законопроекты Государственной Думы по национальным проблемам. Национальная политика царского правительства носила весьма жесткий характер и была направлена на укрепление унитаристских тенденций, что явно противоречило не только российскому менталитету, но и европейским традициям либерализма и демократии.

Революционные события после Февраля 1917 года заставили Временное правительство сделать некоторые уступки национальным окраинам страны. В частности, получили признание общественно-политические организации национальной буржуазии. На Украине появилась Центральная Рада, которая на основе взаимности поддерживала Временное правительство. Было разрешено ввести преподавание украинского языка в начальной школе. Однако все эти уступки носили локальный, ограниченный характер, не могли разрешить накопившиеся проблемы в области национальных отношений.

В сложных условиях реальной действительности формировалась позиция по национальному вопросу российских социал-демократии, руководителей большевистской партии. В.И. Ленин и его последователи не сразу выдвинули положение о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения и создания независимого государ-

ства, о свободном развитии всех национальных меньшинств и этнографических групп. Эти идеи носили объективный характер, их породила сама жизнь, они отвечали коренным интересам народов Российской империи.

Хотелось бы внести некоторую ясность. В средствах массовой информации и среди научной общественности постоянно раздаются обвинения в адрес В.И. Ленина и большевиков в том, что они искусственно придумали идею прав наций на самоопределение и насильственно внедрили в России национально-территориальный федерализм и национальную государственность, что не соответствует исторической правде. Во-первых, известно, что теоретически марксизм никогда не предусматривал федерализм, который признавался как исключение из общего правила, во имя решения освободительной борьбы и национального вопроса. Во-вторых, факты свидетельствуют о том, что В.И. Ленин и его партия до 1917 года последовательно отстаивали план построения унитарного государства с автономией областей и решительно возражали против идеи федерализации. В-третьих, эволюция отношения большевиков к национально-государственному устройству страны – от областного самоуправления к более широкой автономии и от нее к национальной государственности и федерации – была объективно обусловлена, прежде всего, бурным ростом национальных движений в тогдашнем российском обществе. В-четвертых, ряд политических партий и организаций различного направления задолго до Октябрьской революции 1917 года, выдвинул всевозможные федералистские проекты, в том числе на национально-территориальной основе. Следует также напомнить, что в программе Учредительного собрания содержалось положение о федеративном устройстве страны.

Выдвинув радикальную программу по федерализации страны и национальному вопросу, широкий перечень прав и свобод для всех народов России, большевики не только формально декларировали, но и стали реализовывать на практике. Как показало социально-историческое развитие, у весьма привлекательной национальной политики нашлись миллионы сторонников, что во многом и предрешило их победу.

Вторая стадия трансформации этничности приходится на период после Октября 1917 года. Советская власть начала масштабные преобразования в области национальных отношений и государственного устройства страны. Одним из первых актов стала «Декларация прав народов России», провозгласившая принципы равенства и суве-

ренности народов России, их право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмену всех и всяческих национальных привилегий¹. Кроме того, Совет Народных комиссаров чуть позже обратился с декларацией «Ко всем трудящимся-мусульманам России и Востока», в которой объявил свободу и неприкосновенность национальных и культурных учреждений, обычаев и верований мусульман². Эти документы были весьма привлекательными и получили огромный политический резонанс во всем мире. Они заложили основы новой национальной политики. Появился специальный орган – Народный комиссариат по делам национальностей.

В январе 1918 г. была провозглашена Российская Федерация. В июле 1918 г. была принята первая Конституция РСФСР, закрепившая юридически федерализм как форму государственного устройства страны. Первые российские автономии имели территориальные границы, которые, как правило, не нарушали границ бывших административно-территориальных образований. В то же время прослеживалась отчетливая тенденция постепенного перехода многих народов России к более высоким формам своего самостоятельного самоопределения и государственности. В различных регионах страны появились более 30 национально-государственных образований разной формы.

В декабре 1922 г. на политической карте мира появляется новое федеративное государство – СССР, куда вошли Россия, Украина, Белоруссия и республики Закавказья. Специфика проявлений этничности в целом стала определяться практическими шагами в проведении национальной политики и местом национального вопроса в теории, идеологии и социальной практике Советского государства. Особенностью 20-х годов стало отсутствие опыта и понимание сложности в проведении национальной политики, активная работа по обустройству народов и территорий страны. Однако постепенно национальный вопрос превратился в заложника классового подхода и стал инструментом политической борьбы. Приоритеты классового подхода, подчиненность ему национальных проблем в теории и на практике вновь вытеснили национальное самосознание на периферию общественного и индивидуального сознания. Религия, официально объявленная «опиумом народа», не могла более иметь значимых идентифицирующих функций. Господство классового подхода сводило все многообра-

¹ Декларация прав народов России. Принята СНК15 ноября 1917 года. – URL: dic.academic.ru

² См.: Густерин П.В. Политика Советского государства на мусульманском Востоке в 1917–1921 гг. // Вопросы истории. – 2010. – № 1. – С. 92–100.

зие существующих социально-этнических отношений только к непримиримому общественному конфликту между ними.

После создания СССР идея федерализации постепенно превращалась в объективную реальность. Проводилась активная деятельность по созданию местной администрации и национальных школ. Была проведена значительная работа по преодолению невежества и отсталости, негативного прошлого, вражды между народами, по воспитанию межэтнического единства и интернационального братства. Конечно, трудностей было очень много. Приходилось преодолевать веками сложившиеся предрассудки и предубеждения, отчуждение, разделение не только между народами, конфессиями, но и внутри различных религий. К такому противостоянию следует добавить и ошибки в области национальной политики, отсутствие общего подхода к проблеме языка и культурному строительству.

В течение многих десятилетий осуществлялась политика создания национальной письменности для многих народов Кавказа, Сибири, Севера, происходила непрерывная их замена. Вводились новые, латинизированные алфавиты, как для бесписьменных языков, так и для уже имевших графику на арабской или русской основе. Затем в экстренном порядке их меняли на новые, русифицированные. Открывались национальные школы, преподавались местные языки, но и они через некоторое время объявлялись неперспективными, их изучение в школах прекращалось, в результате народы лишались письменности.

В 30-е годы XX века в Советском Союзе произошли значительные изменения в национально-языковой политике. Была разработана программа по развитию двуязычия в стране, определена специфика межэтнической интеграции, началось практическое осуществление национальной политики в области родного языка и образования. В 1936 г. в СССР была принята новая Конституция. В стране появилось 11 союзных республик, 20 автономных республик, 8 автономных областей и 8 национальных округов. По мнению В.И. Козлова, в процессе становления государственных образований четко прослеживалась связь этноса и государства. Ф. Энгельс называл этот принцип образования государства «надежным»¹.

Процесс образования новых и преобразования национально-государственных образований в составе СССР и РСФСР, а также некоторых других союзных республик продолжался в предвоенные годы, во время и после окончания Великой Отечественной войны. В со-

¹ См.: Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. – М., 1999. – С. 118.

став СССР вошли новые территории: государства Балтии, Западная Украина и Западная Белоруссия. Перекройка национальных границ, как известно, сопровождалась репрессиями в отношении целых народов. В 1941–1945 гг. из районов своего компактного проживания были насильственно переселены в Среднюю Азию, Казахстан и Сибирь ряд народов Поволжья, Северного Кавказа, Крыма. Одновременно были ликвидированы их национально-государственные образования. Только в 1957 г. многие из репрессированных народов были возвращены на места своего исконного проживания.

Постепенно в Советском Союзе утвердился принцип, согласно которому государственность получали лишь титульные нации. Более двухсот народов страны входили в различные языковые семьи, в каждой из них – десятки различных этносов и этнических групп, являющихся носителями разных культур и исповедующие все мировые и национальные религии, древние верования. В свою очередь, Россия представляла собой уникальное многонациональное государственное образование, где национальная политика играла ведущую роль во внутривнутриполитической жизни, в самом характере ее государственного устройства. Российский федерализм как форма государственного устройства в значительной степени учитывал традиционные связи этноса и государства.

Третья стадия – эта эпоха провозглашения общенародного государства, движения к социальной однородности общества. В 1977 г. в новой Конституции СССР провозглашается наличие 15 союзных республик и 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов. В составе РСФСР было 16 автономных республик и 10 автономных округов. Высший законодательный орган СССР – Верховный Совет состоял из двух палат. На Совет Национальностей возлагалось, прежде всего, рассмотрение вопросов обеспечения национального равноправия, интересов наций, народностей и национальных групп в сочетании с общими интересами и потребностями социалистического государства. По заданию ЦК КПСС идеологами партии и официальной наукой была разработана новая программа в области национальных отношений, в которой обосновывался тезис о «советском народе как новой исторической общности людей».

Действительно, с помощью государства началась реализация таких идеологических императивов, системы ценностей, морально-этических норм, которые постепенно способствовали формированию новой интернациональной общности – советского народа. Новая форма идентификации внедрялась в сознание людей через средства про-

паганды и агитации, систему образования и воспитания. Появление категории «советский человек» вообще уникально. В ее основе лежала вполне определенная характеристика устройства государственной власти в стране – система Советов. Как показали исторические события, такой тип самоопределения не был мифом, как считали западные ученые и политики. Понятие «советское» в идеологии, культуре, науке, морали, традициях и в быту обрело реальное, объективное содержание, как бы мы к нему ни относились.

В механизме советской идентификации система норм и символов не была какой-то отвлеченной абстракцией. Напротив, абсолютное большинство граждан нашего государства вполне свободно приобщилось к ним реальным образом, рассматривая ценности, нормы и символы советского строя как исконно родные. Они их «проигрывали» на всех этапах жизненного пути, через систему дошкольного воспитания, школьного и вузовского образования с его «коммунистическим воспитанием молодежи», трудовой коллектив, службу в армии, участие в различных общественных организациях.

В 1985 г. в СССР началась перестройка и реформирование политической и социально-экономической системы страны. Она привела к постепенному разрушению государственного строя и кризису в области национальной политики. Начавшийся в 1991 г. «парад суверенитетов» союзных республик был подхвачен и российскими автономиями. Только весной 1992 г. с принятием Федеративного договора удалось предотвратить развал Российской Федерации. В декабре 1993 г. была принята новая Конституция, которая фактически остановила процесс распада России за счет повышения статуса территорий, прежде всего автономий, краев и областей. Следует согласиться с мнением Р.Г. Абдулатипова, что федерация является наиболее оптимальной и устойчивой формой государственного устройства. Это союз равноправных государственных образований, основанный на договорном разграничении полномочий, законное, упорядоченное конституцией объединение его членов в качестве субъектов федерации, стоящее на прочной политико-правовой и экономической базе¹.

Рассматривая причины распада СССР, следует заметить, что важнейшей из них был недостаточный учет национально-этнических факторов в государственном строительстве, потому что по форме и по содержанию способы устройства народов в государстве были принципиально различны. Современному национально-государственному

¹ Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М.: Славянский диалог, 2000. – С. 10–11.

нигилизму свойственно отрицание какой-либо положительной роли федерализма и национальной государственности в истории России и СССР. Конечно, неправомерно умалять положительный советский опыт национально-государственного строительства 20–30-х годов XX века, когда в стране шло реальное становление федерализма. В дальнейшем картина изменилась радикальным образом, потому что начала утверждаться жесткая командно-административная система, тоталитаризм берет вверх над федеративным началом.

Сторонники постмодернизма и субъективизма часто поверхностно относятся к анализу межэтнических проблем, возникших в советском обществе. Все обвинения звучат в адрес неэффективности бывшей тоталитарной системы и федеративного государства, построенного по национально-территориальному принципу. Игнорируя диалектику данного процесса, разрывая формы и содержание, до сих пор всю драму и трагедию перестройки и реформ в стране объясняют исключительно этногосударственными формами жизнедеятельности в СССР. Методологическая абсурдность такой «логики» ясна. Конечно, не следует причину делать следствием, а следствие превращать в причину. Не надо забывать, что значимость таких форм, как федерация и автономия в решающей мере определяется содержанием государственной власти, на базе которой они создаются, функционируют и развиваются.

Конечно, тоталитаризм изуродовал многие формы федерализма и затормозил подлинное развитие национальной государственности. Причиной распада СССР являлась сверхцентрализация, отсутствие реальной демократии, подлинного федерализма и автономии, а не изначальная несостоятельность его национально-государственной конструкции. В лице СССР потерпел поражение не национально-территориальный федерализм как таковой, а его унитаристская, тоталитарная модель.

Подводя итоги, отметим, что сегодня политикам не следует вставать на путь разрушения России, отказываться от федерализма и национальной формы государственности, а нужно искать действительные принципы и формы их развития, идти по пути дальнейшей демократизации общества и реального гуманизма. Таким образом, на современном этапе одной из важнейших является проблема сохранения целостности Российской Федерации, что предполагает реальное понимание роли и значимости национальной политики в общегосударственной системе взаимодействия, определения соотношения этнической и территориальных компонент государственности.

6.2. Российская цивилизация как суперэтническая целостность

В настоящее время в числе актуальных проблем философского исследования этнического бытия нашего общества оказалась задача по определению реального состояния, поиску путей и перспектив, разработке стратегий и концепций развития России как уникального многонационального и поликонфессионального феномена. Приоритетной целью становится выявление ее онтологических, базовых характеристик, интеграционных возможностей и специфики бытия в мировой цивилизации. Поэтому, прежде всего, важно выяснить, что понимается под концептом «Россия», как она манифестирует, самопровозглашает себя. Одновременно такая работа требует понимания сущности и содержания термина «Россия», обращения к истории российской цивилизации, сложившейся за многие века и существующей на огромном евразийском геополитическом пространстве.

Следует еще раз подчеркнуть, что изначально Россия формируется как исторически многонациональное и поликультурное сообщество народов. Собрание страны из племен, народов и культур продолжалось целое тысячелетие. В составе России, вместе с русским, многие народы обрели свое национально-культурное самоутверждение и даже государственное самоопределение. Несмотря на активное участие многих народов и представителей отдельных этносов в деле политического объединения России, русские сыграли базисную, государствообразующую роль. Не секрет, что и сегодня русский фактор является определяющим в российской государственности и национально-этнической политике. Именно от состояния самочувствия русского народа, его собранности, консолидированности на идеях равноправного многонационального единства России зависит судьба российского общества и российской государственности.

Однако в российском обществе в условиях периодического повторяющегося кризиса ощущается общая ситуация социальной и политической незащищенности, духовно-нравственной подавленности и неуверенности. Создалась обстановка, особенно в национальных республиках и крупных мегаполисах, когда представители некоторых национальностей и отдельных этнических групп чувствуют свою ущербность, ущемленность, второсортность, беспомощность. Продолжающаяся социальная поляризация, дальнейшее разделение людей по этническому и конфессиональному признакам, отказ от исторической преемственности не позволяет утверждать то, что российское общество движется к интеграции своего полиэтнического и социо-

культурного пространства. В настоящее время существует огромное количество объективных условий и субъективных факторов, препятствующих сближению этносов, этнических групп и формированию многонационального российского народа. В российской действительности пока преобладают сложные и противоречивые процессы социокультурной поляризации и дезинтеграции, этнической и конфессиональной разобщенности. Положение усугубляется отсутствием не только социально-философской модели развития Российской Федерации, но и четкой государственной концепции в области национальной политики, идеологии, системы духовно-нравственных ценностей. В условиях дезориентации и манипуляций общественным мнением, социального разделения и расслоения проблематичным становится вопрос о межэтнической интеграции и перспективах будущего устойчивого развития страны. Таким образом, проблема гармоничного сосуществования полиэтнического пространства превращается в актуальную проблему социального бытия российского общества.

Рассматривая особенности исторического и современного развития Российской Федерации, приходится констатировать, что:

а) большинство народов, проживающих на ее территории, в течение нескольких столетий перешли от первобытности и феодализма к новому обществу, добились весомых успехов на пути социально-экономического прогресса и культурного развития;

б) она относится к числу стран со сложнейшим этническим и конфессиональным составом населения, отличается своеобразием культур, традиций и менталитета;

в) подавляющее большинство народов России является автохтонным и компактно проживает на своей исконной этнической территории, несмотря на усиление межнациональной, межрегиональной динамики и мобильности населения;

г) в советскую эпоху произошло значительное движение к национальному самоопределению и духовному возрождению. Однако наступление тоталитаризма и отсутствие реальной демократии привели к частичной потере народами своих корней, языка и традиций. В результате крушения тоталитаризма и перехода к перестройке и рыночным реформам произошло «возрождение этничности», значительно усилился интерес к национальной истории и традициям, начался рост этнического сознания;

д) существующая концепция национально-государственной политики России не совсем адекватно отвечает современным требованиям. В ней отсутствует диалектическое понимание советского насле-

дия, не сохраняется преемственность, не используется творчески за-
рубежный опыт;

е) только движение к подлинному федерализму и реальной демократии в национальной политике способно возродить социально-экономическое могущество страны, обеспечивать интернациональное и духовно-нравственное развитие общества.

Очевидно, что для народов России одним из важных направлений реализации национальной политики, серьезной гарантией свободного развития, сохранения самобытных национальных ценностей, является реальная демократизация общественной жизни. Выход из нынешнего состояния социокультурного и духовного оцепенения возможен только в условиях единства всех народов на путях строительства новой многонациональной общности. Уже очевидно, что утверждение гражданского общества и появление правового государства является сравнительно отдаленной перспективой, но они невозможны без развития подлинной федерации и превращения России в родину для всех населяющих ее этносов.

По мнению Э. Паина, процесс федерализации является важнейшей и неразрывной частью политических реформ в России, потому что он удовлетворяет интересы всех народов страны. В исторически сложившейся ситуации именно федеративное устройство страны является оптимальной формой учета баланса этнических интересов ее жителей. Для русского народа федерализм помогает удовлетворить главный интерес – сохранить целостность страны и единый контролируемый ареал своего расселения. В свою очередь, этническое меньшинство получает гарантию защиты прав и свобод, безопасности, удовлетворяет свои интересы, расширяя и укрепляя самостоятельность автономий¹.

Действительно, только последовательно демократический и гуманистический процесс совершенствования федеративного многонационального государства позволит создать такую социально-политическую систему, которая будет способна чутко и внимательно учитывать интересы и запросы всех народов, в том числе и этнических меньшинств. Наверное, только тогда этносы не станут нуждаться в особых, специфически национальных политических институтах (национально-территориальная автономия, национально-территориальный федерализм и др.) и смогут быть довольны лишь национально-культурной автономией и даже общегражданским рав-

¹ Паин Э.А. Издержки российской модернизации: этнополитический аспект // Общественные науки и современность. – 2005. – №1. – С. 157.

ноправием. Однако пока такая умозрительная схема очень далека от современной российской действительности, системы этнического бытия и межнациональных отношений.

В настоящее время значительным примером для российской цивилизации является функционирование Европейского Союза, куда недавно были приняты и многие страны бывшего советского блока. Следует признать, что в бывших социалистических странах переход к рынку и процесс модернизации прошли в совершенно других условиях. В период разрушения старого общественного устройства в государствах Восточной Европы усилился этнический национализм. Однако его особенностью было то, что он формировался как антисоветский и, следовательно, прозападный. Однозначный же выбор такого подхода элитами бывших социалистических стран Европы в качестве политического и экономического ориентира оказал блокирующее влияние на развитие там как этнического фундаментализма, так и на возможность возрождения прежних идей социализма.

Успешно набирающая силу в течение нескольких десятилетий европейская интеграция стала возможной благодаря исторически длительному демократическому развитию наций в рамках национальных государств и их сохранению, по крайней мере, в ближайшей перспективе. Развитие Европейского Союза и углубление его интегративных начал вовсе не означает исчезновения суверенности Германии, Франции, Англии или Бельгии. Социально-экономические, политические и культурные противоречия и особенности, отличающие эти страны, путем консенсуса снимаются или поэтапно сглаживаются под воздействием общих интересов и потребностей. Европейская государственность не предстает неотъемлемым атрибутом этносоциальных общностей. Она, несомненно, служит важным условием и фактором их консолидации и прогрессивного развития.

В нашей стране до сих пор предметом дискуссии является роль и место России в европейской цивилизации. Даже в XXI веке Европейское сообщество, США и Канада не желают признавать, что «Россия – это тоже своеобразная «Европа», что она также велика и разнообразна как по территории, так и по составу своего населения. Будучи мультиэтнической, многонациональной страной, она как-то должна сохранять свое единство и в новых условиях. После падения «железного занавеса» в СССР многие высказывали опасения, не приведет ли это к исчезновению России, не станет ли она неким этнографическим воспоминанием? Но тот же вопрос актуален и для Европы. Какой будет Европа, если в нее вольется Россия? «Наверное, –

пишет Б.В. Марков, – самое значительное отличие дискурсов о Европе и о России состоит в том, что Россия самоопределяется на фоне Европы, а последняя этого не делает. Россия входит в такое другое, которое вызывает у Европы серьезные опасения... Европа должна и может стать другой, если она хочет сохраниться»¹. Как показывают события последних лет, развитые страны, несмотря на то что Россия стала другой, не хотят ничего менять в своей недружественной политике по отношению к нашей стране.

Не секрет, что сегодня в Европе и мире процессы глобализации детерминируют противоречивые и негативные тенденции как в социальной системе, так и в сфере этнических и национальных отношений. Ныне на планете существует несколько тысяч этнических общностей, а государств – членов ООН насчитывается около двухсот. Многие этносы сложились независимо от наличия или отсутствия государственности. Правда, часть народов располагает государственностью внутри многонациональных государств, в автономных и иных формах самоуправления. Однако сам по себе факт обретения собственной национальной государственности в любой форме не возводит еще народность в нацию. Стремление к созданию новых и самостоятельных национальных государств на планете, согласно принципу «один этнос – одно государство», является нерациональной и практически опасной тенденцией. Большинство этносов малочисленны, не имеют ни объективных, ни субъективных предпосылок для претворения в жизнь идеи государственности. Поэтому они должны иметь возможность реализовывать свои интересы, оставаясь в многонациональном государстве.

На современном этапе глобальных трансформационных изменений было бы опасным популяризировать идеи национальной государственности. Политическая ситуация во многих полиэтнических странах находится в стабильном состоянии, когда там гарантируются права и свободы человека, существуют реальные условия для развития широкой национально-территориальной и культурной автономии. Социально-политическая практика свидетельствует об отсутствии жесткой связи между полиэтничностью населения страны и какой-либо формой национально-территориального устройства. Из существующих в мире нескольких десятков федеративных государств больше половины является моноэтничными. С другой стороны, немало полиэтничных стран избрали унитарное политико-территориальное устройство.

¹ Марков Б.В. Знаки бытия. – СПб.: Наука, 2001. – С. 524–526.

Существуют разнообразные формы для решения этнических и национальных проблем. В одних случаях достаточно обеспечить соблюдение всеми гражданами общего демократического порядка, вне зависимости от этнической и расовой принадлежности; в других – целесообразно дополнительно использовать форму национально-культурной автономии; в-третьих, возникает необходимость создавать национально-территориальную автономию; в-четвертых, обнаруживается потребность в использовании различных форм федерализма.

Хотелось бы отметить еще один принципиальный момент. Негативное восприятие национальной государственности часто базируется на ошибочном понимании ее сущности. Приверженцы национально-государственного нигилизма изображают национальную государственность как символ титульной нации, который в корне является неверным. Подлинное демократическое государство, предоставляя коренным этносам возможность реализовать принцип самоопределения, в наиболее полной форме гарантирует равноправие и безопасность граждан, защищает интересы всего общества независимо от национальной принадлежности. Например, Татарстан, как и любая другая республика, входящая в Российскую Федерацию, имея государственность титульного этноса и одновременно всего населения в целом, защищает интересы всех национальностей, являющихся гражданами республики. В этом находит свое отражение единство национального и народного суверенитетов. Действительно, только демократичное осуществление национальной государственности обеспечивает права этносов, исключает всякую дискриминацию по национальному признаку. Только такой национально-государственный подход позволяет интегрировать общество на интернациональной почве.

Исторический опыт свидетельствует, что ограничение прав и свобод затрагивает национальные чувства людей и создает благоприятную почву для роста национализма и сепаратизма. Сегодня достаточно опасной является позиция тех, кто подвергает сомнению реальность существования этносов и наций как особых социальных общностей, кто призывает к отказу им в праве на самоопределение, кто требует ликвидировать национальные республики, перейти от федерализма к унитаризму. В наши дни подлинным интересам упрочения российской государственности, единству и сплочению многонационального российского народа служат те, кто усматривает в каждом этносе своеобразный социальный организм, требует к нему чуткого и внимательного отношения, кто отстаивает путь становления принципиально новой федеративной модели, предусматривающий суверен-

ность республик и самоуправленческую деятельность автономий, кто ведет скрупулезный учет специфических условий существования каждого из субъектов Российской Федерации.

В числе приоритетных задач внутренней политики в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» находится оптимизация государственного устройства на основе федерализма. Этот процесс не преследует цели «губернизации» республик, или наоборот, «республиканизации» краев и областей. Своеобразие российского федерализма состоит в сочетании национального и территориального начал. Проблема заключается в том, как разрешить существующие противоречия и конфликты, обеспечить единство национального и территориального начал, реализовать на практике основные идеи федерализма.

Таким образом, проблема гармоничного сосуществования полиэтнического пространства превращается в актуальную проблему всего российского общества. В центре внимания оказываются следующие вопросы этнического бытия России. Каковы пути и перспективы развития России как федеративного государства? Как сочетать принципы административно-территориального и национально-территориального деления страны, гармонизировать социально-этнические отношения? Актуально ли в наши дни существование в составе Российской Федерации республик, именуемых «суверенными», во многих из которых титульное население составляет очевидное меньшинство? Правомерно ли декларировать далеко не всегда реально воплощаемое предоставление титульным языкам в этих республиках статуса государственных, если по всем международным стандартам они ими не являются? Как осуществить на практике широкую этническую децентрализацию, сочетать развитие местного самоуправления с системой жесткого вертикального управления страной?

Очевидно, что сегодня достаточно сложно давать однозначные ответы на многие вопросы. Главное, чтобы этносы, тысячелетиями проживающие на своей исконной территории, почувствовали себя гражданами единой федерации, считали Россию общим домом. Несмотря на всю сложность, должна быть продолжена настойчивая работа по совершенствованию федерации, поиску единых императивов бытия, духовно-нравственных ценностей. Всплеск этнического сознания, ставший одной из главных причин дезинтеграции Советского государства, окончательного разрушения СССР, явился симптом «возвращения к этничности». Резкое усиление значения этничности, этнического фактора в структуре самоидентификации совпал с процессом

кардинальных изменений в социально-экономической и политической жизни страны Советов. В этих условиях этничность оказалась вовлеченной в новую для себя сферу – сферу практической политики, оказала решающее влияние при развале Советского Союза.

Политизация этничности превратила этнический фактор в мощнейший инструмент борьбы за власть. Этот процесс, как показывает история, всегда происходит в контексте системного кризиса власти. Бывший СССР и современная Россия не составили исключения. Этничность, национальные чувства, несмотря на всю тонкость этого феномена, оказались очень действенным и эффективным средством в борьбе различных политических сил. В принципе в этом нет ничего особенно удивительного и нового, это неоднократно наблюдалось и изучалось исследователями в разных частях мира. Однако специфические условия протекания этих процессов обуславливают, как нам представляется, различные альтернативные тенденции, своеобразие динамики этничности в нашей стране в современных условиях. Во-первых, можно предположить, что этнический фактор не только не потеряет своей роли в жизни народов России, но напротив, преобразуясь в средство политической борьбы, в перспективе усилит свое значение. Особенно это относится к полиэтническим регионам, где имеются определенные тревожные симптомы и где межнациональная напряженность продолжает существовать в латентной или открытой форме.

Во-вторых, политизация этничности, сопровождающаяся резким ухудшением материального положения людей, может привести к росту напряженности как внутри национально-территориальных образований, так и между ними. Важно учитывать реальное соотношение сил, причины и виды назревающих социально-политических конфликтов, настроения этнических элит и конфессиональных групп. Словом, предвидеть будущие сценарные действия как национал-шовинистских, так и национал-сепаратистских сил. Многие проблемы в этнической сфере могли бы быть решены за счет проведения грамотной национальной политики, реального развития федеративных отношений.

Практическая реализация идей федерализма, принципа национально-культурной автономии в сочетании с развитием самоуправления помогла бы удовлетворить этнокультурные потребности народов, направить вектор этничности в русло гармонизации, избежать политических спекуляций и провокаций, новой межнациональной напряженности, чреватой взрывоопасными конфликтами. В-третьих, в ус-

ловиях политической нестабильности и поляризации общества пропаганда национальной идеи или исключительности на уровне массового сознания может привести к различным конфликтам и столкновениям на этнической почве.

Для этнического бытия современного российского общества характерно значительное усиление роли национального фактора, что во многом отличается от положения в развитых странах европейской цивилизации. Несмотря на некоторую тенденцию снижения, на постсоветском пространстве национальное самосознание по-прежнему играет ведущую роль в политике, культуре, истории, религии, вообще, в социальном бытии народов. Все это ставит под угрозу движение к реальной демократии и свободе, не способствует формированию новой системы духовно-нравственных ценностей, философии ненасилия и толерантности, взаимопониманию и диалогу между людьми различных культур и цивилизаций.

Этнизация всех сфер общественной жизни разрушает классические ценности демократии, не обеспечивает даже формальное равенство людей разных национальностей перед законом. Процессы современной глобализации требуют деэтнизации не только политики, но и деполитизации религии. Рассматривая место и роль религии в современном российском обществе, В.К. Левашов пишет, что в своей конструкции она социально ограничена и поэтому в стратегической перспективе политически неэффективна. Только наука, а не религия сегодня является решающей производительной силой и фактором стабильного развития общества. В этой связи в сфере политической деятельности правящей элиты можно увидеть как минимум две системные ошибки. Во-первых, научное знание и его методы дискриминируются в сфере принятия политических решений. Во-вторых, они принимаются на основе логики корпоративных интересов, а не интересов социума¹.

В числе актуальных проблем, как для России, так и всего мирового сообщества, проблема сочетания принципа прав народов на самоопределение с гарантией основ международной стабильности – государственного суверенитета и нерушимости границ. Право народов на самоопределение должно пониматься: во-первых, как гарантия сохранения и развития родной природы, ландшафта, среды жизнедеятельности и адаптации; во-вторых, национального языка, культуры, традиций и обычаев; в-третьих, формирования этнической идентич-

¹ Левашов В.К. Общество и глобализация // Социологические исследования. – 2005. – №4. – С. 24.

ности; в-четвертых, как свобода передвижения людей, технологий и капиталов; в-пятых, как реальное уменьшение роли и значения государства и его бюрократических институтов, развитие гражданского общества.

В современном российском обществе происходят сложные и весьма неоднозначные процессы, которые существенным образом трансформируют не только социальную структуру, но и влияют на его этническое и конфессиональное бытие. Быстрыми темпами осуществляется удаление друга от друга векторов этнической и социальной эволюции, что делает проблематичным будущее гармоничное развитие геополитического и полиэтнического пространства России. Несмотря на радикальные трансформационные изменения, ускорение процессов интернационализации и глобализации, российская политическая элита не отказывается от стремления окончательно навязать обществу дискредитировавшую себя во всем мире западную либеральную систему ценностей и идеологии.

Если говорить о традициях европейской цивилизации, то отметим, что со второй половине XX века представители западной элиты и социальной мысли, обратив особое внимание на такой социальный феномен как этническое возрождение или «этнический парадокс современности», значительно пересмотрели не только социальную политику, но и всю систему национально-этнических отношений. Сущность данного парадокса заключалась в значительном увеличении роли этничности в общественных процессах, возрождении интереса народов к своему происхождению, этнической истории, культуре, языку, религии, обычаям, традициям, образу жизни на фоне нарастающей глобализации и интернационализации социально-экономической и политической жизни. Создание мультикультурного общества в развитых странах на несколько десятилетий стабилизировало расовые и национально-этнические отношения в европейских странах, США и Канаде.

Для российской философской и социально-гуманитарной науки конца прошлого столетия этническое возрождение, содержащее мощный конфликтный потенциал, стало полной неожиданностью. Таинственность и мистику содержала граница, отделяющая этнический патриотизм от национализма, которая очень подвижна и сильно размыта. Некоторое стремление к отказу соблюсти меру позволяет зачастую незаметно преодолеть эту грань, за которой вызревает благодатная для конфликта почва, создается специфическая, националистическая интеллектуальная и духовная среда. И сегодня, как показывают события на Украине, всплеск этничности, часто незаметно пере-

растающий в национализм, становится решающим фактором дестабилизации и кризиса, угрозы для безопасности централизованных полиэтнических государств и существования национальных меньшинств.

Как отмечали, в современном мире насчитывается около двухсот государств и более пяти тысяч этносов. Большинство государств, независимо от их конституционного оформления, являются полиэтничными и обладают высокой степенью централизации. Можно утверждать, что централизованные государства – основная форма государственности в современном мире. Если этническое возрождение начинает активно инкорпорировать национальную идею, важнейшим элементом которой является ориентация на создание национального государства, то создаются почти идеальные условия для дестабилизации полиэтничных государств и возникновения конфликтов. Уже достаточно очевидно, что этнические конфликты, дезинтеграционные и сепаратистские устремления станут одним из глобальных проблем современной цивилизации. Поэтому прогнозирование и профилактика социальных конфликтов, анализ и диагноз межнациональных отношений становится важнейшей задачей общественных наук. Человечество вступило в новую этноконфликтную полосу своей истории, в которой доминируют локальные и региональные конфликты, проявляют себя террористы, прикрывающиеся этнической и конфессиональной принадлежностью.

Геополитический аспект играет важнейшую роль в возрождении России. Превращение нашей страны в доминирующий фактор мировой политики в значительной степени связано не только с восстановлением экономического и технологического могущества, но и с решением социокультурных проблем. Поэтому важно понять, что этническая система любого государства будет постепенно трансформироваться под давлением мировых интеграционных процессов. Человеческая цивилизация обречена на непрерывное обновление, поэтому этническая организация общества всегда будет структурировать и закреплять его генетическое многообразие. Понимая неизбежность влияния глобализации на Россию, Б.В. Марков пишет: «Мы должны искать и найти собственный путь соединения противоречивого и несовместимого, соединить рынок и храм, свободу и необходимость, государство и личность, право и мораль. Это не теоретический вопрос. Его решение связано с сознанием таких культурных пространств, где бы они соединялись, сцеплялись и взаимодействовали»¹.

¹ Марков Б.В. Знаки бытия. – СПб.: Наука, 2001. – С. 545.

В условиях господства технократизма и информатизации этническая идентификация защищает индивида от глобальной рационализации, модерна и постмодерна, психологического дискомфорта, подавленности, стрессов. Этническая группа помогает избежать омасовления и обезличивания, духовного разложения и распада. Только идентификация с этногруппой позволяет подчеркивать значимость индивида, его личностные качества в условиях становления массового потребительского общества, универсализации и стандартизации бытия. Опыт разных стран подтверждает, что процессы унификации и интеграции рано или поздно вызывают стремление к возрождению локального культурного партикуляризма, этнической и субэтнической идентичности.

С точки зрения постмодерна и технократизма, этничность консервативна и иррациональна. Однако, на наш взгляд, она вполне логична и разумна, если рассматривать ее как ответ на массовизацию, стандартизацию и унификацию массовой культуры, образа жизни, социальных институтов. Концепция этнического национализма привлекательна для миллионов людей направленностью против современной ускоренной модернизации и трансформации, стремлением к сохранению традиционности, которая отличается не замкнутостью, а открыта диалогу культур, взаимодействию цивилизаций. Актуализация этничности может рассматриваться не только как признак социального конфликта и кризиса, но одновременно и как результат социальной динамики общества, стремления к перманентному обновлению и социальному развитию.

В настоящее время этническое бытие российского общества содержит огромный самобытный потенциал народов и культур. Он недостаточно используется в деле государственного строительства, в налаживании жизни народов, в обеспечении материального и духовного благополучия человека. Все народы России давно уже не только отдельные этносы, но и составные части исторически единого суперэтноса – многонационального российского народа, носителя общей психологии и культуры, быта, традиции и обычаев. Славянские, угрофинские, монголо-татарские и кавказские народы со своими самобытными культурами и языками сформировали исторический облик страны как единой духовной общности. Россия исторически была содружеством многих народов и земель.

Таким образом, проблема функционирования единого этнического бытия России – это необходимость качественного нового подхода в государственной национальной политике, которая призвана учи-

тивать и согласовывать интересы всех этносов и индивидов, перспективы развития всего многонационального народа, всего Российского государства. Реализация принятой в декабре 2012 г. новой Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г., совершенствование и дальнейшее развитие российского федерализма являются важнейшими, стратегическими направлениями внутренней политики Российского государства. К этому ведет вся предшествующая история совместного этнического бытия народов России.

Поэтому, на наш взгляд, сегодня важно продолжить лучшие традиции сотрудничества и дружбы, обеспечить прогрессивное обновление и поступательное развитие России как демократического и правового многонационального государства. Следует гарантировать нормальное существование и достойную жизнь не только двумстам коренным этносам и этническим группам, но и всем тем, кто живет на ее огромной территории, обеспечить им реальные права и свободы независимо от расового, национального, социального и иного происхождения.

6.3. Строительство социального государства в России – ключевой ресурс гармонизации межэтнических отношений

В течение последних десятилетий в российской философии и социально-гуманитарных науках одной из важных и обсуждаемых тем является феномен социального государства и перспективы его развития. На наш взгляд, сегодня особую значимость научным поискам придают не столько реальные кризисы западных социумов, процессы переосмысления самого концепта «социальное государство», сколько необходимость его понимания в качестве направляющей силы развития современности, особенно российского общества. Обращение к теории и практике социального государства во многом связано не просто с превращением данной идеи в мощную идеологию, своеобразный «политический манифест» для XXI века, они необходимы как для осмысления реалий сформировавшегося «нового мирового порядка», так и для определения перспектив его развития¹.

Сегодня, в условиях усиливающейся глобализации мира, важно определить вопросы универсального, общетеоретического характера. Что такое Российская Федерация как метафизическая субстанция и объективная реальность, как уникальное содружество народов, куль-

¹ Кочетков В. Социальное государство и мировой кризис: парадигма преодоления // Власть. – 2009. – № 3. – С. 13.

тур, религий, языков, как она позиционирует себя в мире? Каковы пути и перспективы строительство социального государства в нашей стране, насколько оно совместимо с полиэтнической и поликонфессиональной российской цивилизацией? В контексте современных глобальных и транснациональных процессов ответы на многие «вызовы» приобретают решающее значение. В первую очередь это проблема роли и места российской цивилизации в процессах глобализации, выявление особенностей ее интеграции в мировое сообщество.

В настоящее время феномен социального государства и необходимость его строительства в России особенно актуальны в связи: во-первых, с низким доверием и слабой эффективностью функционирования существующей политической системы; во-вторых, необходимостью научного осмысления и выработки адекватной стратегия развития. В СССР теория социального государства практически не разрабатывалась, поскольку априори считалось, что наша политическая система является вершиной справедливого государственного устройства, не требующего какого-то научного обоснования.

Как нам представляется, разработка и реализация российской модели социального государства придаст высокий смысл нашей модернизации, особенно реформе политической системы, наконец-то позволит продвинуться в обеспечении преимущества интересов общества и распространению ценностей гуманизма. Достижение указанных целей приведет к реальному признанию приоритетности развития всей социальной сферы общества, сохранит и укрепит политическую стабильность, в том числе и систему межэтнических отношений.

Одновременно интерес к феномену социального государства связан с исследованиями все более усиливающихся процессов взаимозависимости и взаимообусловленности политических, социально-экономических, национально-этнических, культурных сфер общества с властью и государством, особенностями взаимодействия и взаимовлияния, перспективами развития федеративных отношений и ролью национальной политики в будущем социальном государстве.

На наш взгляд, реальное состояние государства в России и всего нашего общества, периодические повторяющиеся кризисы существующей модели рыночной социально-экономической системы, продолжающаяся стагнация социума все больше актуализируют, делают востребованным строительство социального государства с российской спецификой. Наиболее целесообразным в сложившейся ситуации является изучение истории становления и развития социального госу-

дарства в развитых странах мира, особенно в странах Западной Европы и США.

Обращаясь к истории проблемы, отметим, что в современной науке приоритет в разработке понятия социального государства принадлежит немецкому философу и экономисту Лоренцу фон Штайну. По его мнению, социальное государство «... обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве»¹. В условиях неизбежности классовой борьбы, как он считал, единственным выходом становится поиск баланса интересов различных слоев населения. Главным субъектом такой деятельности должно стать социальное государство, решающее задачи по обеспечению социальной мобильности, возможности перехода из одного класса в другой, социальной поддержки тем, кто особенно нуждается в этом. Основной его целью, согласно учению Штайна, становится сохранение социально-политической стабильности в обществе, взамен прежним тенденциям, ведущим к саморазрушению государства.

По мнению бывшего канцлера ФРГ Людвиг Эрхарда, одного из руководителей немецкого «экономического чуда», активного сторонника государственного регулирования рыночной экономики, в числе основных условий нового социально-экономического порядка должны быть создание массовой покупательной способности, конкуренция и постоянное повышение заработных плат, создание условий для всеобщего благосостояния². Государственное регулирование обеспечивает взаимосвязь и баланс между рыночным и свободным социальным порядком, особо внимание уделяет социальной направленности рыночной экономики. В результате конечная цель рыночного хозяйствования заключается не только в подчинении интересам собственников, но и всех его участников, что предполагает применение мер государственного обеспечения и попечительства.

Со второй половины XX века в рамках исследования различных западных течений либерализма и социал-демократии феномен социального государства претерпевал значительные интерпретации, что связано с периодическими экономическими кризисами и трансформациями самих рыночных обществ. Обращает внимание то, что за эти

¹ Цит. по: Милецкий В.П. Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России // Политические процессы в России в сравнительном измерении. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. – С. 82.

² См.: Эрхард Л. Благосостояние для всех. – М., 1991.

годы объективные изменения шли как в «государствах всеобщего благоденствия», странах с социально ориентированной рыночной экономикой, так и в психологии общества, большинства его индивидов.

Отметим, что само понятие «государство благоденствия» имеет несколько разновидностей. Например, в США сформировалось «позитивное государство социальной защиты», которое было основано на идеологии индивидуализма, охране корпоративных интересов и не гарантировало высокий уровень защиты всем слоям общества. Сложившаяся в Великобритании вторая разновидность, «государство социальной безопасности», обеспечивало полную занятость населения с доходами не ниже прожиточного минимума, гарантировало равенство социальных возможностей, но не материальное равенство. Шведская модель получила название «социальное государство всеобщего благоденствия», которое реализует принципы равенства, солидаризма, корпоративизма, активно проводит социальную политику через государственные и общественные службы, выравнивая различия в доходах населения¹.

Однако в последней четверти прошлого столетия, в связи с деструкцией и кризисом, а также актуальностью реструктуризации социального государства, в во многих западных странах назревает объективная необходимость пересмотра многих положений и реальной политики социального государства². Они были обусловлены высокими темпами, неадекватными формами и методами глобализации, новыми вызовами человеческой цивилизации. Особенно сильными миграционными волнами, процессами, вызвавшими кризис теории и практики мультикультурализма и политики «плавильного котла» в Европе и США, национализм и агрессию европейцев в отношении представителей других рас и этносов, культур и религий.

На наш взгляд, главная причина заключалась в том, что формирование в западных странах социального государства, появление массового потребительского общества, обеспечение высокого уровня материальной жизни одновременно не сопровождалось культурным и духовно-нравственным развитием социума, особенно изменениями мировоззрения рыночного индивида, типа личности.

Рассматривая понятие «социальное государство» в российской философии и социально-гуманитарном знании, отметим, что, начиная

¹ Цит. По: Краснолуцкий Г.Н. Правовое и социальное государство: политологические исследования и пути становления // Управленческое консультирование. – 2009. – №2. – С. 102–103.

² Родионова О.В. Современное социальное государство: типология и проблемы модернизации // Известия ВУЗов. Правоведение. – 2010. – №3. – С. 24.

с конца прошлого века, в ней неоднократно предпринимались попытки осмысления различных аспектов построения социального государства. Научные дискуссии и полемики, продолжающиеся уже несколько десятилетий на страницах журналов, заседаниях политических партий, органов власти, многочисленных конференциях, дали очень мало для реального продвижения, как в теории, так и на практике¹. Политизация и идеологизация также не способствовали системному постижению данного феномена, разработке в соответствии с российской спецификой реальной модели социального государства, определению его места в системе международных отношений и глобализирующегося мира².

По нашему мнению, основным препятствием для понимания идеи и политики социального государства стало то, что вне пространства исследования оказался человек как высшая цель и ценность, реальный субъект социального государства, главный ресурс социально-политического возрождения и развития России.

Рассматривая некоторые подходы к пониманию социального государства на современном этапе нашего развития, хотелось бы отметить, что у нас сохранилось традиционное понимание социального государства как института перераспределения национального дохода. В результате сформировавшаяся модель рыночной экономики и существующая система социальной защиты населения ведут к искажению природы и сущности функционирующего государства.

Российская модель социального государства должна предполагать специфическую деятельность государства и включать активную общественную и «человеческую» направленность производственных процессов, двигаться по направлению строительства реальной социально ориентированной рыночной экономики. Наверное, не следует бояться обращаться к советскому опыту социалистического государства, заранее выявляя границы и пределы вмешательства государства в социально-экономическую сферу общества.

Современное государство не только может, но и обязано активно реагировать на постоянно возникающие ситуации, запросы и интересы общества. Оно должно брать на себя ответственность за решение стратегических задач, связанных с удовлетворением важнейших потребностей общества, так как имеет в своем распоряжении и силы,

¹ Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. – 2001. – №7. – С. 5–14.

² Красин Ю., Галкин А., Вебер А. Глобализация и политическое развитие России // Свободная мысль. – 2009. – №2. – С. 169–182.

и средства. Следует согласиться с точкой зрения В. Анисимова, который социальное государство рассматривает как «правовое демократическое государство, которое провозглашает высшей ценностью человека и создает условия для достойной жизни, свободного развития и самореализации творческого (трудового) потенциала личности. Понятие достойной жизни предполагает материальную обеспеченность на уровне стандартов, отвечающих потребностям современного общества, доступ к ценностям культур, гарантированность прав личной безопасности, свободное развитие человека – его физическое, умственное и нравственное совершенствование»¹.

«Очевидно, что в обозримой перспективе роль государства в социальной сфере глобализирующихся обществ не только не уменьшится, но, напротив, существенно увеличится»². Объективным и закономерным является процесс усиления государством части своих функций, преимущества которого проверены временем и опытом разных стран. Конечно, государству не следует выполнять всеохватывающие или, наоборот, узкие и специальные функции. Ему следует сосредотачиваться на координации институциональных взаимодействий в тех сферах, что увеличивают авторитет и компетентность государства, превращая его в основного субъекта-носителя социальной миссии³.

На наш взгляд, социальное государство следует определять исходя из логики общественного и человеческого прогресса. Социальное государство представляет собой закономерно обусловленное социально-политическое явление, порожденное прогрессивной направленностью и логикой развития современной цивилизации. Такой подход носит диалектический характер, свидетельствует об эволюции государства в сторону социальной модели, его переходе на новом качественном уровне, адекватный развитию производительных сил и отвечающий приоритетным интересам и общества, и человека.

Конечно, социальное государство можно рассматривать и как некий идеал, своеобразный теоретический конструкт, образец, к которому можно стремиться. По этому поводу И.В. Леонов пишет: «Социальное государство – это тот идеал, к которому человечество стремится на протяжении веков, это идеальный тип государства, деятельность

¹ Анисимов В. Стратегическая цель – социальное государство // Человек и труд. – 2009. – №12. – С. 39.

² Красин, Ю. Глобализация и политическое развитие России // Свободная мысль. – 2009. – №2. – С. 179.

³ Васильева Е. «Социальное государство» и новая модель социальной политики // Власть. – 2008. – №11. – С. 28.

которого основана на признании, соблюдении и гарантированной защите политических и социально-экономических прав и высших духовно-нравственных ценностей»¹.

Сегодня государство можно рассматривать как такой институт политической системы, который обладает динамикой и способен адекватно реагировать на возникающие политические, социально-экономические, культурные и этнические проблемы, находить компромиссные решения, воспринимать и учитывать общественное мнение, объяснять обществу свои действия. Если степень развитости государства не соответствует степени развитости общества и человека, то оно становится препятствием для политического и гуманистического развития.

Ситуация, в которой политический режим со всеми внешними атрибутами подменяет подлинную государственность, ограничивает возможности развития социального государства. Иными словами, государство может и должно быть сильным, но только при условии наличия сильного и развитого общества, адекватного ему во всем. Сегодня несоответствие между ними оказывается пагубным как для социума, так и в конечном счете для государства. Следует согласиться с мнением С.В. Калашникова, что на современном этапе социальное государство представляет собой особый тип высокоразвитого государства, в котором обеспечивается высокий уровень социальной защищенности всех граждан посредством активной деятельности государства по регулированию социальной, экономической и других сфер жизнедеятельности общества, установления в нем социальной справедливости и солидарности².

Разработка и реализация российской модели социального государства предполагает: во-первых, обеспечение приоритета экономической сферы в развитии общества, которая станет ведущей и играющей решающую роль в системе непрерывной социальной динамики. Во-вторых, осуществление реальной политической модернизации, обеспечение четкого разделения властей, реализация основных статей Конституции Российской Федерации, посвященных правам человека, в-третьих, необходимость социальной модернизации, строительство демократического правового государства, провозглашенного нашим Основным Законом. В-четвертых, формирование реально функционирующего гражданского общества. В-пятых, качественный сдвиг в ре-

¹ Леонов И.В. Современное социальное государство: сущность, признаки, проблемы формирования. – М.: МГИМО, 2006. – С. 12.

² Калашников С.В. Очерки теории социального государства. – М.: Экономика, 2006. – С. 52.

шении проблем межэтнических и межконфессиональных отношений с целью их гармонизации. В-шестых, определение геополитического положения России на планете, активное позиционирование и защита национальных интересов страны, выявление ее роли и места в глобализирующемся мире.

Разработка основной концепции и строительство социального государства требует объективного анализа и прогнозирования существующей повседневности, постижения реалий бытия человека в нашем обществе, детерминированного неопределенностью, нелинейностью и рисками. Пока господствующими в российском общественном сознании стали дилетантизм в суждениях, калейдоскопичность мышления, поверхностные рассуждения, полное равнодушие к рациональному знанию, диалектической традиции и творческому поиску.

Абсурдным следует признать стремление определенных околонаучных кругов, различных профессиональных и социальных групп «развенчать» науку, признать ее не только бесплодной, но и вредной для общества. В этих условиях разработка и реализация стратегии социального государства, разных национальных проектов невозможна без реальной государственной и общественной поддержки, особенно со стороны научных школ и коллективов, Центров стратегических инициатив, ученых различных направлений, иначе вся такая работа превратится в простую декларацию и бесперспективное занятие.

Конечно, наука рациональна и фактологична, имеет свою методологию, принципы, подходы исследования, а социальная и политическая практика конкретна, претерпевает всяческие метаморфозы, намного богаче любой теоретической модели. Однако настораживает то, что современная политика и управление превратились в иррациональную, мифологическую и символическую системы, обслуживающие исключительно власть на всех уровнях. Сегодня бюрократия и чиновничество вместе с российской олигархией, несмотря даже на определенное единство и патриотический подъем в стране после присоединения Крыма и событий на Украине, по-прежнему продолжает использовать весь арсенал информационных и манипуляционных технологий для подчинения и бесконтрольного господства над обществом.

Сегодня следует провести объективное научное исследование, аналитику и диагностику нашего общества, выявить его реальное состояние, понять сущность происходящих в государстве и социуме системных изменений. Все это поможет найти верные пути решения задач модернизации, приступить к строительству социального государства, что, в конце концов, будет способствовать повышению эф-

фективности государственной власти и местного самоуправления. Для реализации этой высокой цели и решения практических задач важно выявить реальных субъектов, способных обеспечить инновационное развитие нашего многонационального и поликонфессионального общества и сформировать общекультурную идентичность.

Строительство социального государства актуализирует специфические проблемы взаимодействия власти, бизнеса и общества в России. Объективный социально-философский и политический анализ современного состояния российского общества позволил сделать следующие выводы:

1. Разрушение прежней социально-политической системы, становление и развитие новой системы рыночных отношений коренным образом изменили общественное бытие российского общества. Как показывает научный анализ, современный социально-экономический и финансовый кризис не внес значительных изменений в содержание высоких материальных и духовных притязаний граждан. Многие россияне продолжают надеяться на государственный патернализм, верят в социальную справедливость. Однако немалое количество граждан научились опираться только на собственные силы, проявляют активность, инициативу, готовность к достижению материальных и духовных благ. Сегодня в нашем обществе существуют серьезные противоречия и конфликты между высоким запросом на новое качество жизни и возможностью их удовлетворения, способностью человека на личностную самореализацию с формированием ответственности и социальной солидарности, ценностей доверия.

2. Большинство граждан России, в том числе значительная часть интеллигенции, особенно вузовской, критически относятся к созданной в стране политической системе, государству как основному социальному институту. Недовольство связано с отсутствием желания или неспособностью государственной власти и всей бюрократии обеспечить: во-первых, реализацию подлинных политических прав на местах, что показывают выборные кампании и избирательная практика. Не секрет, что в них широко используются административный ресурс, манипуляционные технологии, игнорируются справедливые требования оппозиции, так как уже давно отсутствуют объективность и состязательность. Во-вторых, защиту социально-экономических прав огромного количества населения страны, желающего жить достойно, честно работать и хорошо зарабатывать, как в развитых странах. В-третьих, приоритетность права, верховенство закона, законность и правопорядок в стране.

3. Как показывает исторический опыт многих современных

стран, строительство социального государства невозможно без опоры на большинство населения, непрерывное развитие демократического процесса, обеспечение общенационального согласия, которое формируется между государством и оппозицией в результате дискуссий и диалога за «круглым столом» по приоритетным вопросам социально-экономического развития и государственного строительства. Совместная разработка основных вопросов стратегического развития государства и социума, наличие единой национальной программы выхода из кризиса, поддержка со стороны подавляющего большинства населения, СМИ помогли в западных странах строительству социального государства, создать как реально действующее гражданское общество, так и эффективно функционирующие ветви власти.

4. В настоящее время идея строительства социального государства в России предана забвению в связи с тем, что демократические идеалы и ценности почти полностью дискредитированы. Сегодня демократию большая часть нашей политической и экономической элиты воспринимает исключительно эгоистически и крайне прагматически. Элиты формально признают приоритетность идей либерализма, демократические принципы многопартийности, сменяемости власти и политическую конкуренцию, незыблемость основных прав человека: право на свободу и достойную жизнь, в том числе и на частную собственность.

Высшая бюрократия и элиты разных уровней и сфер фактически игнорируют основные статьи Конституции страны, признающие Россию социальным государством, отказываются учитывать мнение не только оппозиции, но и большинства общества. Словом, речь идет только о применении классической, декларативной ее модели, ограниченной в основном сферой политических отношений и выборных кампаний, т.е. формализацией избирательных процедур и правил. Как известно, существует высокий уровень корреляции между социальными завоеваниями трудящихся и стремлением общества к демократии. Уже несколько десятилетий граждане нашей страны хотят жить в демократической стране и пользоваться плодами социального государства, что, естественно, невозможно без подлинной демократии, т.е. наличия реальных рычагов влияния общества на деятельность всех ветвей власти.

5. Строительство социального государства с необходимостью опирается на мощную поддержку основных политических сил и социальных групп. Однако неудачи в реализации рыночных реформ и периодические повторяющиеся кризисы, бедность и нищета большинст-

ва населения привели к падению уровня политической активности и слабой мобилизации граждан, способствовали полному политическому абсентеизму общества.

6. В развитых странах строительство социального государства опиралась на сочетании идей либерализма, консерватизма и социал-демократии. Поэтому и для нас в числе самых актуальных должны быть вопросы определения общенациональной идеологии и основ гражданской и общекультурной идентичности, выявления общезначимых целей, творческое отношение к прежней культуре, ценностям, традициям. Решение перечисленных задач предполагает новую их институционализацию, выявление оптимальных путей взаимодействия и партнерства между государством, бизнесом и обществом как реальной триадой на пути строительства социального государства.

7. Системные изменения и строительство социального государства неразрывно связаны с процессами возвращения реального доверия общества к федеральной, региональной и муниципальной власти. Большинство граждан страны по-прежнему демократию воспринимают как реальную и эффективно функционирующую систему народовластия, в основе которой лежит идея социального государства, то есть приоритета прав человека, общественных интересов и общего блага. Политика только тогда приобретает истинное свое предназначение, когда целью ее занятия становится возможность реализации людьми своих интересов, обретение высшего смысла в своей жизни. Не секрет, что эффективность государственной политики определяется степенью влияния демократических институтов на деятельность властей, динамикой уровня и качества жизни, социальной защищенностью граждан, реальным обеспечением личных и коллективных прав и свобод граждан.

8. Демонтаж советской политической системы, рыночные реформы в России в конце XX века и в начале нового столетия, движение к демократии привели к свертыванию основ прежней социальной политики, что отбросило общество на целое столетие назад. Формализация политических прав и свобод привела к игнорированию реальных социальных прав и гарантий граждан. Дискуссии о необходимости построения социального государства, разговоры о реальных социальных гарантиях рассматриваются как призыв к тоталитаризму и возвращению к советскому государственному патернализму.

Как известно, одним из основных детерминантов гражданского общества является наличие устойчиво сформированного и активно функционирующего среднего класса. Однако средний класс у нас ре-

ально не сформировался, что во многом связано с умалением роли и значения социальной сферы в системе реформ и ведущейся вяло модернизацией, особенно науки и образования, отчуждением интеллигенции от рыночных преобразований и неприятием ею существующей в стране формы демократии. Поэтому приоритетными для государства становятся задачи: во-первых, по обеспечению неразрывной связи политики модернизации экономики со строительством социальной государства; во-вторых, по возвращению доверия общества ко всем ветвям власти; в-третьих, по созданию системы политической и других форм конкурентоспособности, активному развитию механизма социальной солидарности и реального социального партнерства.

9. Строительство социального государства актуализирует необходимость реализации идей партиципаторной демократии на практике, развития гражданского общества и местного самоуправления. Все это предполагает широкое развитие процессов политической, социальной и экономической демократии, превращение десятков миллионов граждан страны в акционеров средних и крупных компаний, активных субъектов общественных, в первую очередь, производственных, отношений. В этой деятельности следует активно использовать огромный опыт развитых западных стран, различные формы легального давления на федеральную, региональную и муниципальную власти.

10. Современный этап развития российского общества и задачи строительства социального государства с необходимостью предполагают развитие теоретической мысли и социальной практики, разработку новых форм и методов борьбы, приемов и технологий политического и правового противодействия экспансионизму и эксплуататорским амбициям крупного российского бизнеса. Такая работа может быть проведена на основе мирового опыта, посредством легальных демократических институтов, коллективных акций протеста, с помощью профсоюзов, средств массовой информации, обращения к представительной власти. Как известно, в 2012 г. состоялся очередной съезд Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР). Однако он прошел почти тихо и незаметно для большинства населения страны. На съезде не было принято реальной программы по активизации борьбы за права трудящихся, за налаживание равноправных и партнерских отношений профсоюзов с властью и бизнесом.

11. Реализация концепции социального государства ставит перед российским государством сложные задачи по снятию негатива, напряженности, конфликтного потенциала и налаживанию нормальных партнерских отношений между бизнесом и обществом, разработке мер по установлению доверия и тесного взаимодействия между всеми субъ-

ектами взаимодействия. Как показывает мировой опыт, сращивание власти и бизнеса и прямое участие последнего во власти оказывает не только отрицательное влияние на всю политическую и социально-экономическую жизнь общества, но и угрожает бытию самого государства и его демократическим институтам. За годы реформ наш крупный бизнес превратился не только в консервативную, конформистскую, но и олигархическую структуру, живущую по собственным правилам и создавшую жесткую и бесконтрольную авторитарную систему производственных отношений. Сегодня российский бизнес, ощущая свою значимость и самодостаточность, живет по своим узким корпоративным привычкам, как «вещь в себе», продолжает отвергать принципы экономической демократии и реального социального партнерства. Во многих своих предприятиях, создав «управляемые» профсоюзные организации, он полностью контролирует их деятельность.

12. Строительство социального государства не может быть успешным, если государственная бюрократия и основные политические партии преследуют узкокорыстные цели, не согласовывают свои программы с общей стратегией по выводу страны из системного кризиса, не работают во имя единства и будущего России. Безразличие власти к формированию государственной идеологии, общенациональных целей и общезначимых ценностей привели к мировоззренческому и моральному кризису общества, поразили его активную часть, в том числе и молодежь, способствовали равнодушному и отрицательному отношению, падению интереса к политике, к тому, что происходит за пределами непосредственной среды обитания каждого человека.

13. Происходящая за последние десятилетия социальная поляризация, разделение общества по этническому, конфессиональному и иным признакам оказали негативное влияние на единение и интеграцию общества. За этот период почти во всех в регионах страны сформировались национальные общественные объединения и этнические землячества и диаспоры. Сегодня их деятельность во многом носит разрозненный характер, имеет фольклорно-этнографическое и фестивальное значение. Профессиональные, поколенческие и другие группы населения находятся в состоянии стресса, а часто и шока, не видят перспектив своего будущего. Бюрократия и политическая элита страны, накопившие значительный опыт манипуляционных технологий и овладевшие всеми механизмами электоральной поддержки, часто игнорируют общественные интересы, нередко действует в угоду крупному бизнесу.

14. Сегодня россияне, несмотря на наличие огромного количества проблем, готовы активно включиться в процесс политического и социального переустройства, в работу по строительству социального государства, модернизации экономики и инновационному развитию. Не секрет, что они демонстрируют сравнительно высокий уровень включенности в решение тех или иных вопросов, с которыми они сталкиваются в своем непосредственном окружении. Широко распространены такие гражданские инициативы, как движение автомобилистов, обманутых пайщиков и дольщиков жилищных и финансовых пирамид, правда, носящих пока спонтанный, но относительно эффективный и организованный характер. Такие формы коллективного участия, в отличие от политики, не требуют каких-то существенных материальных и организационных затрат, однако востребованы, прежде всего, активной дееспособной частью общества.

15. Движение к строительству социального государства предполагает развитие демократического процесса, постоянное и широкое обсуждение актуальных и судьбоносных для общества и государства проблем, активное участие граждан в делах страны, региона, города, района, села. Все эти процессы позволяют решать конкретные социальные и материальные проблемы людей, а главное, стимулируют их к диалогу, коммуникации, единству, создают предпосылки для формирования коллективной идентичности и общенациональных целей, социокультурных ценностей, открывают реальные перспективы универсализации основ социального бытия. Однако сегодня все тревожной становится тенденция свертывания общего поля публичной политики, «забалтывание» многих насущных проблем, связанных с жизнью людей, перспективами развития общества и государства.

Рассматривая вопросы строительства социального государства в нашей стране, хотелось бы обратить внимание еще на несколько тем, носящих актуальный и злободневный характер. Это, в первую очередь, проблема динамики общественного процесса в современной России, которая приобретает все более парадоксальный, неопределенный и непредсказуемый характер. Важнейшей ее особенностью становится все еще продолжающаяся разновекторность интересов общества и государственной бюрократии, господство неолиберальной теории и ее неадекватность реальной практике, самой жизни общества.

Продолжающееся разрушение политического и социально-экономического бытия, крушение основ гуманизма и моральности, сущности человека, превращает людей в продукт манипуляции власти, которая не просто обманывает людей, а стремится делать их та-

кими, как нужно. Обработке подвергаются при этом мысли, происходит манипулирование не только сознанием, но и волей, телесными желаниями и потребностями. Все это результат «застоя», равнодушия в строительстве социального государства, отказа от идеи человека как высшей ценности, ориентации на формирование реально функционирующего гражданского общества и гармоничное развитие личности. Забывается, что как природа, общество, так и человек, и созданные им вещи и институты, являясь и становясь, обладают самостоятельной реальностью, развиваются по собственным законам. И эти системы, в свою очередь, предъявляют свои требования к человеку и его деятельности. Не секрет, что сегодня россияне, независимо от национальности, в остром конфликте со своим государством и всем общественным бытием.

Таким образом, анализ общественного бытия и сферы межэтнических отношений показал потребность в строительстве социального государства с российской спецификой, где приоритетом может быть только культура и система духовно-нравственных ценностей. Значимой является необходимость качественно нового подхода в национальной политике, согласование интересов всех этносов и этнических групп с целью мирного и гармоничного сосуществования единого многонационального народа, сохранения Российской Федерации. Реализация принятой несколько лет назад новой Стратегии государственной национальной политики свидетельствует об актуальности дальнейшего развития федерации, децентрализации и формирования реального демократического общества. Строительство социального государства, учет всей специфики развития российской цивилизации качественным образом изменит как внутреннюю политику, так и международный авторитет России.

Действительно, сегодня различные политические силы, экономические и социальные группы и слои, национальные и этнические общности ждут от государственной власти всех уровней и местного самоуправления реальных действий. Несмотря на многообразие социальных и культурных интересов, специфику духовно-нравственных ценностей, все они готовы оказать решающее влияние на процесс формирования единого русского народа как новой интернациональной общности, а в перспективе и уникальной российской нации.

Глава VII

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА КАК СУБЪЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКО- ПРАВОВЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ



Наступление глобализации на все сферы бытия человеческого общества непрерывно трансформирует политическую картину мира, меняет цивилизации и культуры. Как известно, современная эпоха характеризуется значительными миграциями, естественной и искусственной ассимиляцией, аккультурацией народов, особенно этнических меньшинств. В этой главе рассматриваются роль и место этнических меньшинств как акторов традиционного общества, находящихся в постмодернистском социуме в условиях декомпозиции и транзитивности. Одновременно осуществляется аналитика социально-правового пространства малых этносов, их прав в современном нестабильном во всех отношениях мире. В качестве примера проводится философское исследование такого малого этноса как удины, рассматривается история и метафизика их этнического бытия, особенности герменевтических традиций и вопросы культурной идентичности.

7.1. Этнические меньшинства в системе политико-правового пространства современности

За последние десятилетия в мире значительно возрос интерес к истории этнического бытия народов, постижению природы и сущности больших и малых этносов, специфике «национального вопроса» и межэтнических отношений. Значительную актуальность приобрели многочисленные проблемы существования наций и этносов, злободневными стали вопросы естественной и искусственной ассимиляции и аккультурации, идеи «плавильного котла» и мультикультурализма, специфика сохранения цивилизационного и культурного разнообразия народов, их этнической идентичности, традиций и обычаев.

В условиях непрерывно меняющейся повседневности в центре внимания науки и социальной практики оказались национальная или этническая политика государства, вопросы прав человека и прав на-

родов на самоопределение, которые будоражат умы, волнуют сотни миллионов людей на всех континентах, требуют поиска адекватного решения. Они объективны и правомерны в условиях современного типа глобализации, разрушающего традиционные общества, в первую очередь, жизнедеятельность малых этносов, их уклад и основы хозяйствования, традиции и ценности.

Исследование жизни и деятельности этнических меньшинств как фактора общественного развития России представляет собой огромный исторический пласт, изучение которого имеет не только чисто научное, но и огромное практическое значение. Историческая память и этническая идентичность народов, их правосознание скрывают в себе большинство мотивов сегодняшних и будущих действий – от решений политиков до общения на бытовом уровне. В этой палитре взаимосвязей скрыты весьма полезные и ценные уроки социального бытия народов современной России, к глубокому осмыслению которых следует постоянно вернуться в новых условиях. Решение возникших за последние десятилетия новых проблем в области межэтнических отношений возможно только на основе мира и диалога, доверия и согласия. Существующие и прерывно появляющиеся многообразные интересы и потребности различных социальных слоев и этнических групп, их элит можно согласовать только в результате взаимных уступок и компромиссов.

Насколько объективны противоречия и конфликты в системе современных межэтнических отношений в России? Когда и каким образом они могут быть преодолены? Чем объяснить «живучесть» национализма и экстремизма в истории, их рост в современном обществе?

Рассматривая историю этнического бытия народов России, следует признать, что в течение прошлых столетий история России традиционно исследовалась с позиции национального, этнически однородного государства. В своих трудах русские историки Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, С. Соловьев и многие другие освещали историю России как мононационального государства, что соответствовало существовавшему в теории идеалу политической организации общества. Сегодня научное исследование следует осуществлять с иных методологических позиций: история Российской Федерации в целом, в том числе и история ее народов в отдельности, могут быть исчерпывающе изучены с учетом всего прошлого наследия, понимания всей полиэтничности и многоконфессиональности, неразрывной частью которой являются все малые этносы, национальные меньшинства.

Глобализация и потребности совместного социального бытия

актуализируют исследования разных сторон, аспектов истории и жизнедеятельности этнических меньшинств. Обращаясь непосредственно к их бытию, отметим, что проживающие на Северном Кавказе, в районах Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера Российской Федерации многие этнические меньшинства являются аборигенными, коренными этносами страны. Занимая вместе огромную территорию страны, ареал проживания с богатыми полезными ископаемыми, они составляют несколько миллионов человек. Сегодня на этапе глубокого исторического перелома требуется осмысление и радикальная переоценка их прошлого и настоящего, определение их роли и места в полиэтническом и поликонфессиональном российском обществе, выявление перспектив будущего.

В настоящее время этнические меньшинства особенно остро ощущают потребность знать свою историю, сохранить язык, культуру, традиции, обычаи, быт. Все это позволяет восстановить утраченную связь времен и поколений, найти в истории ответы на многие вопросы современного бытия.

Изучение истории этнических меньшинств позволяет выявить «жизненный мир» многих народов, понять специфику их языка, культуры, традиций, идентичности, найти пути гармонизации межэтнических отношений в полиструктурном обществе и современном государстве. Именно эта задача обуславливает постановку ряда принципиальных вопросов, имеющих непосредственное отношение к нашему исследованию. Какова роль этнических меньшинств в формировании больших многонациональных государств? Какими методами осуществлялось включение в их состав территорий, населенных этнически и конфессионально разными народами? Выполнила ли Россия свою историческую миссию, интегрировав в течение целого тысячелетия в евразийское пространство народы, представляющие разные культуры и цивилизации?

История России свидетельствует о том, что на ее территории в свое время возникло государство имперского типа, увеличение титульной нации было достигнуто в силу ассимиляции значительной части нерусского этноса. Отметим, что на всех исторических этапах существенно разными были как права, так и реальное положение народов страны. Отсюда, не случайно, что в переломные моменты, особенно в периоды кризисов, «возрождаются» из небытия сохранившие в национальном сознании многие обиды. В результате появляется напряженность и конфликты в межэтнических отношениях. В целом правовое сознание общества сохраняет определенную преемствен-

ность в своем развитии. Все это сказывается на отношении коренных народов к приезжим, мигрантам, инонациональному соседу, что часто не находит своего нравственного осуждения.

Сегодня важно, чтобы Российская Федерация для всех своих граждан, людей разных национальностей, особенно этнических меньшинств, стала настоящей Родиной. Она не должна превращаться во временное убежище, пристанище. Следует подчеркнуть, что любая волна эмиграции представляет собой в конечном счете результат патологии, знак неблагополучия, наличия серьезных проблем в социальной системе. При любых потрясениях в национальной памяти воскресается своеобразный генетический код: если еще вчера общество преследовало, подвергало дискриминации своих членов по признаку крови, то подобное может повториться в любой момент, когда для этого созреют необходимые условия, поэтому надо искать ту социальную нишу, в которой гарантируется безопасность. Общество помнит насилие со стороны государства, неуважение официальных властей к историческим и культурным традициям многих народов, ограничения гражданских прав и общественной жизни.

Периодически повторяющаяся практика, а также долгие и традиционные отношения к нерусским гражданам в Российской империи как к инородцам, а в советское время приоритетная роль титульной нации в республиках, не могли не сказаться на психике и умонастроениях многих людей, особенно некоренных этносов. Отсюда, в сознании представителей многих национальностей внедрилась идея о том, что достаточно сложно или почти невозможно выстроить совместное безопасное существование, что они всегда будут оставаться чужим этническим меньшинством, пока не обзаведутся, как отдельная нация, собственной территорией и не создадут отдельное государство.

Национализм как тип политического сознания общества – это исторический феномен, его бытие есть специфический способ существования во времени, когда настоящее не только вырастает из прошлого, но частично сохраняет его в своем составе. Этот тезис представляется чрезвычайно важным в связи с попытками фальсифицировать или радикально пересмотреть историю этнического бытия народов России.

В современной «патриотической» литературе, ратующей за идеологическую целостность и полноту русской национальной доктрины, «национальный вопрос» признается как фактор второго порядка, который должен быть решен окончательно и бесповоротно. Рекомендация проста: «инородные тела» внутри национального тела

должны осознать, что их место на вторых ролях, на задворках истории России, вне и за ее пределами.

В этой связи очень важно донести до общества всю правду о прошлом народов России, которая была и остается тернием в нашей памяти. Сегодня «национальный вопрос» в России – проблема универсальная для отечественной науки, касающаяся не только философии и социально-гуманитарных наук, но и политической практики. Не всегда справедливо винить в росте экстремизма и национализма народы, поскольку они часто являются результатом противоречивого действия общественной системы. В периодически повторяющихся драматических событиях на межнациональной почве в разных регионах страны морально потерпевшими и жертвами можно считать большинство населения страны и ее народы, а не только русских, мигрантов и представителей отдельных национальностей¹.

Конституция Российской Федерации закрепляет никогда ранее не практиковавшуюся в стране модель соотнесенности человека и государства. Плюрализм мнений сформировал в российской науке и социуме широкий спектр мнений в отношении моделей общественной эволюции и развития человека. В основном они касаются двух социальных теорий. Первая связана с возникшей в эпоху Античности и детально разработанной философами Нового времени теорией естественного права с приоритетом прав человека на жизнь, свободу, равенство и собственность. Сторонники другой точки зрения преимущественно отдают теории всемогущества государства, защищают необходимость жесткой централизации, вертикали власти. Оба концептуальных подхода находятся в состоянии диффузии и направлены на модернизацию социума и изменение сознания россиян. Борьба между представителями указанных социальных теорий отражается как на жизни общества и деятельности государства, так и на всей социальной практике и законодательстве.

Как известно, в 1948 г. Организация Объединенных Наций приняла Всеобщую Декларацию прав человека². С 1993 г. основные права и свободы наших граждан закреплены в Конституции Российской Федерации. Современная Россия признала приоритетность данного международно-правового документа, что обеспечивает правовой статус россиян наравне с жителями развитых западных стран³.

¹ См.: статья Путина В.В. Россия: национальный вопрос. – URL: putin-itogi.ru

² Всеобщая Декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 года. – URL: <http://base.consultant.ru>

³ Конституция Российской Федерации. – СПб.: Питер, 2014. – 64 с.

Сегодня этнические меньшинства или малые этносы как граждане России являются и объектом и субъектом государственной национальной политики, которая определяется с позиций признаваемых мировым сообществом принципов защиты основных прав и свобод человека, гарантий равенства и отсутствия дискриминации. В 1992 г. ООН приняла Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. В соответствии с Декларацией они обладают особыми правами в дополнение к общепризнанным правам человека¹. В частности, к ним Декларация относит:

- право на защиту со стороны государства национальной, этнической, культурной, религиозной и языковой идентичности и самобытности (ст. 1);

- право пользоваться собственной культурой, исповедовать свою религию и использовать свой язык в частной и общественной жизни (ст. 2.1);

- право участвовать в культурной, религиозной, социальной, экономической и общественной жизни (ст. 2.2);

- право на участие в принятии решений, затрагивающих меньшинства на общенациональном и региональном уровнях (ст. 2.3);

- право создавать и осуществлять деятельность собственных объединений (ст. 2.4);

- право создавать и поддерживать контакты с другими членами их группы и с людьми, принадлежащими к другим меньшинствам, как в своей стране, так и за пределами государственных границ (ст. 2.5).

Все изложенные права меньшинств государство должно защищать и гарантировать следующими средствами:

- 1) создавать благоприятные условия, позволяющие лицам, которые принадлежат к меньшинствам, выражать особенности и развивать культуру, язык, традиции и обычаи;

- 2) предоставлять им соответствующие возможности для изучения родного языка или создавать систему обучения на их родном языке;

- 3) содействовать в изучении истории, традиций, языка и культуры меньшинств, живущих на территории страны, и в то же время обеспечить возможность доступа к знаниям и культуре сообщества в целом;

- 4) предоставлять им возможность участвовать в экономическом прогрессе и развитии страны в целом;

¹ См.: Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. – URL: <http://base.garant.ru>

5) учитывать законные интересы меньшинств в осуществлении национальной политики и программ, а также в планировании и реализации программ сотрудничества и помощи;

б) сотрудничать с другими государствами в вопросах, касающихся меньшинств, включая обмен информацией и опытом в целях сохранения взаимопонимания и доверия.

Сегодня Российская Федерация соблюдает принятые на себя международные обязательства по отношению к этническим и национальным меньшинствам. В декабре 2012 г. Указом Президента РФ принята Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 г.¹. Основной целью Стратегии является создание условий для социальной и правовой защищенности прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям. Конституция страны требует формирования в Российской Федерации реального демократического, социального и правового государства. Содержание национальной политики заключается в учете этнического фактора и строительстве подлинного федеративного многонационального государства.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации признаются противоречия между государством и национальными меньшинствами. В числе важнейших задач государства, требующих решения, признается необходимость обеспечения политической и правовой защищенности всех этносов, в том числе и национальных меньшинств.

Сегодня система взаимоотношений между представителями больших и малых этносов России является одной из самых уязвимых сфер социальной коммуникации. Особенно в нашем непрерывно и быстро меняющемся многонациональном и поликультурном обществе, тем более в условиях существующей стагнации социально-экономической системы и продолжающейся девальвации ценностей. В указанной плоскости хотелось бы немного остановиться на анализе сущности и результатах продолжающейся уже несколько десятилетий пропаганды в стране принципов толерантности. Насколько они эффективны в современном обществе, как сказываются на сфере межнациональных отношений, каким образом влияют на жизнь этнических меньшинств?

Начиная с конца прошлого столетия, в нашем обществе дея-

¹ Указ Президента Российской Федерации о Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года. – URL: <http://base.consultant.ru>

тельность по налаживанию межэтнической коммуникации и диалога, согласия и доверия между народами просто ограничивалась пропагандой толерантности, необходимостью терпимо относиться друг к другу. Идеи толерантности возникли в странах Западной Европы в эпоху Возрождения и Реформации, во времена жестоких религиозных войн между католиками и протестантами. На определенном этапе исторического развития толерантность сыграла свою позитивную роль. Теоретически она рассматривается, прежде всего, как уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, многомерность и многообразие человеческой культуры, норм, верований, отказ от сведения этого многообразия к единообразию или преобладанию какой-либо одной точки зрения. Она предполагает готовность принять Других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия.

Признавалось, что в условиях рыночных трансформаций и бесконечных кризисов и реформ удастся сформировать в обществе позитивное понимание толерантности. Требовалось достичь толерантности через уяснение ее противоположного проявления – нетерпимости или интолерантности. Как известно, нетерпимость основывается на убеждении превосходства своей группы, системы взглядов, образа жизни. Это не просто отсутствие чувства солидарности, неприятие Другого за то, как он выглядит, думает, поступает иначе, а часто за то, что он существует, живет рядом с тобой. К сожалению, в последнее время именно интолерантное поведение, характерное для большинства населения страны и ставшее нормой его поведения, сказывается на международных отношениях, особенно жизнедеятельности малых этносов.

Система человеческого взаимодействия в многосоставном полиэтническом обществе предполагает проявлять коммуникативную толерантность в повседневном общении. Это означает быть терпимым к окружающим, скрывать неприязнь к партнерам, силой убеждения заставить себя не замечать неприятные свойства Другого. Часто люди оценивают другие группы и партнеров по общению, с позиций своего жизненного опыта, воспитания. Следует помнить, что все впечатления и оценки субъективны, и соответственно, необходимо быть терпимым к проявлению инакомыслия, окружающему нас обществу, быть социально терпимым. Как известно, субъективизм включает в себя определенный драматизм эмоционального восприятия, часто даже некоторые различия кажутся неприятными, раздражают, приводят к негативной оценке и осуждению. В отличие от интолерантного типа, человек, обладающий высоким уровнем коммуникативной толерантности, дос-

таточно уравновешен, терпеливо относится к индивидуальности Другого или редко раздражается по поводу его отличительных особенностей; он предсказуем в своих отношениях к партнерам и совместим с очень разными людьми.

Толерантность означает сознательное настраивание себя на коммуникацию, когда человек резко ограничивает выход вовне энергии, сопровождающей раздражение и недовольство окружающими. Часто усилием воли приходится гасить в себе негативную энергию, когда партнер иначе думает, оценивает, поступает, а это тебе не нравится. Он в чем-то неприятен, может быть, многое неприемлемо, вызывает протест и желание бороться. Интолерантность нельзя преодолеть при помощи эмоций, амбиций, взаимных упреков и прочих деструктивных средств воздействия.

Однако в современную эпоху в российских условиях толерантность не может просто сводиться к индифферентности, конформизму, защите эгоистических интересов индивида, не соответствующих нашим традициям, общенациональным интересам народов страны. Не умаляя положительных аспектов толерантности, отметим, что сегодня ученым и политикам следует не только пропагандировать терпимое отношение друг к другу, представителям другой национальности, даже малого этноса, а активно работать над определением общих целей и ценностей, формированием интегрального многонационального сообщества, где взаимное доверие, мир, согласие, гармоничные межэтнические отношения стали бы основой жизни и деятельности.

В результате вместо единства в культурном многообразии наша общественная повседневность постепенно и незаметно приобретает характер взаимной отчужденности и несовместимости. Граждане страны, независимо от национальности, слабо зная историю, культуру, литературу, традиции, наполняют свою самость негативным смыслом. Утверждение собственной идентичности осуществляется не через постижение уникальности этнической жизни и специфики культуры, а через неприятие цивилизационных особенностей других народов, а также стремление осмыслить их по принципу противопоставления «свой – чужой».

Сегодня межэтнические отношения постепенно приобретают напряженный, а порою и конфликтный характер. Конфликтность представляет собой определенную реакцию общества на разрушение экономической, социальной, политической и идеологической систем. Глубина и всеобъемлемость кризиса стала питательной почвой для нарастания интолерантности, агрессии, мигрантофобии, роста экс-

тремизма и национализма. Возрастанию агрессивных и националистических настроений в обществе способствует перманентный кризис, который периодически сотрясает экономическую систему, продолжает разрушать социальную структуру общества, его моральные устои, приводит к дискредитации всех ветвей и институтов власти, политических партий, общественных организаций, в том числе и профсоюзов, вызывает всеобщее разочарование в доминировавших до сих пор идеологических постулатах. Огромные массы народа разочарованы, деморализованы и готовы поверить любому обещанию быстрого улучшения их жизни, что существует легкое решение достаточно сложных для общества проблем.

Главными виновниками всех своих бед коренные жители считают инородцев, «чужих», представителей другой национальности, мигрантов, словом, всех приезжих. Радикализации антиобщественных сил способствует демократическая система, которая предоставляет свободную трибуну всем участникам политического процесса, в том числе и своим противникам. Многократной активизации политической роли националистических сил способствуют отсутствующие в стране демократические традиции, уровень политической культуры и правосознание.

За последние десятилетия в нашей стране периодическими стали столкновения на межнациональной и межэтнической почве. В частности, в числе недавних – события в поселке Согра Свердловской области, в райцентре Пугачевск Саратовской области, в подмосковном поселке Бирюлево, что свидетельствует о тревожной и конфликтной динамике. В числе наиболее известных драматических событий, которые произошли за последние годы, столкновения на межэтнической почве в декабре 2010 г. в Москве на Манежной площади. Отметим, что вся история нашей страны, современной России, состоит из парадоксов. Разве могли героические защитники Москвы, граждане СССР всех национальностей, погибая на подступах к столице, представить, что через 70 лет их внуки столкнутся на ее проспектах и улицах в смертельной схватке между собой?

Межэтническая напряженность и конфликты свидетельствуют о том, что в Российской Федерации по-прежнему продолжается серьезный процесс разделения и расслоения, сегментации и фрагментации повседневного жизненного мира. Негативные процессы непрерывной деградации, распада, разрушения общенационального бытия идут по расовым, этническим, национальным, религиозным, языковым, социальным и другим признакам. Все более возрастающая этническая и

религиозная нетерпимость размывает существовавшие еще с советских времен «остатки» общих ценностей, идеи гуманизма, справедливости и добра.

Действительно, все более настораживает формирующаяся агрессивно-конфликтная идентификационная система «наши» – «не наши», «свой» – «чужие». Она постепенно превращается в доминанту социально-культурной коммуникации и реального, практического действия для огромных масс населения, наших людей, живущих в разных субъектах страны, республиках, краях, областях, крупных городах. Сегодня линии общественных разломов, социальной фрагментации, конфликты диспозиций проходят не только по территориям, отдельным и конкретным стратификационным признакам, но и в общественном и индивидуальном сознании, что ставит под сомнение не только субстанциональное основание, но и дальнейшие перспективы существования Российской Федерации как многонационального государства.

Особенно тревожит то, что глубоко зашедшие «кондопожность» и «манежка» нашего бытия не находят глубокого понимания у государственной бюрократии и должной артикуляции в научном сообществе. Беспокоит также то, что даже сегодня, после начала реализации Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г., проблемы межнациональных отношений только эпизодически оказываются в центре внимания политического руководства страны. Периодически происходящие по всей стране конфликты на межэтнической почве давно стали объективным отражением общего проблемного характера общественного бытия России, имеют свои глубокие причины и конкретных участников.

На межэтнические отношения в России значительное влияние оказывает превращенность, вернее, существующая извращенность нашего социального бытия. Социальная система, политическая среда страны продолжает структурироваться не идеологией гуманизма и принципами демократии, а олигархическим корпоративизмом, этатизмом и эгоизмом отдельных этнических группировок. Не секрет, что многие этносы, будучи захвачены в орбиту процессов глобализации, утрачивая территориально-пространственную локализацию, обретают диффузию и сквозные формы присутствия в целостном социальном бытии. В условиях современной России миграция и диаспоры все более определяют демократический облик страны, особенности ее общественного бытия и векторы ее развития. Сегодня во многих наших крупных мегаполисах как объективная реальность сложились национальные общины, этнические диаспоры и землячества. Однако

деятельность по управлению сложнейшими процессами межэтнических отношений до сих пор не приобрела актуальный, значимый и системный характер.

Следует признать, что процессы дальнейшего разделения общества по национальному, этническому, религиозному и конфессиональным признакам ведут к формированию особых анклавов отчуждения, противопоставлению на «своих» и «чужих». В результате накапливается агрессия и ненависть между людьми разных национальностей, которые в перспективе могут разрушить целостность российского общества. Действительно, продолжающаяся жестокая социальная дифференциация совместно с делением российского социума по межэтническим и межконфессиональным основаниям все более превращается в детонирующие призывы, лозунги и спусковые механизмы будущих конфликтов, свидетельствует о реальной и серьезной болезни нашей социальной системы.

Для российских ученых, занимающихся философскими проблемами этноса и этничности, а также определенной части нашего многонационального сообщества нарастание напряженности и конфликтности в межэтнических процессах не является неожиданностью. Не секрет, что таинственная и мистическая граница, отделяющая этнический патриотизм от национализма, очень подвижна и сильно размыта. Стремление к отказу от соблюдения меры позволяет зачастую незаметно преодолеть эту грань, за которой вызревает благодатная для конфликта питательная почва, создается специфическая, иррациональная и духовная среда для роста агрессии и национализма, сепаратизма и шовинизма. Факты свидетельствуют, что признание этнического превосходства, выпячивание исключительности своей национальности может быстро и незаметно перерасти в национализм, стать решающим фактором дестабилизации и нести серьезную угрозу безопасности полиэтнического государства.

Мировой опыт показывает, что если в полиэтническом государстве начинают активно инкорпорировать национальную идею, ориентироваться на исключительность одного этноса, то создаются почти идеальные условия для возникновения напряженности и конфликтов на всех уровнях, дестабилизации государства. Многочисленные примеры убеждают, что этнические дезинтеграционные тенденции, связанные с шовинистскими и сепаратистскими устремлениями, превратились в одну из основных глобальных проблем современной цивилизации. Поэтому прогнозирование и профилактика этнических конфликтов, анализ и диагноз межнациональных отношений должны

стать одной из актуальных исследовательских задач философии и социально-гуманитарных наук, превратиться в важнейшую сферу деятельности ученых. Человечество вступило в новую конфликтную полосу своей истории, в которой доминируют локальные и региональные этнические конфликты, проявляют себя экстремисты и террористы различных мастей, прикрывающиеся национальной и конфессиональной принадлежностью.

Если глобализация способствует непрерывной трансформации, обновлению и интеграции человеческого сообщества, то этничность всегда будет структурировать и закреплять его генетическое многообразие. Процессы современной глобализации и интернационализации ставят перед обществом и личностью неоднозначные и достаточно сложные проблемы. Не следует забывать, что в условиях господства технократизма и информатизации этническая идентификация защищает индивида от глобальной рационализации, натиска постмодерна, психологического дискомфорта, подавленности, стрессов. В свою очередь, этническая группа помогает индивиду избежать омассовления и обезличивания, духовного разложения и распада.

Идентификация с этнической группой выявляет, подчеркивает значимость индивида, его личностные качества в сформировавшемся российском обществе массового потребления, защищает его от универсализации и стандартизации бытия. Опыт многих стран подтверждает, что процессы унификации и интеграции рано или поздно вызывают стремление к возрождению локального культурного партикуляризма, этнической и субэтнической идентичности. С точки зрения натурализма и постмодернистских интенций этничность консервативна и иррациональна. Как нам кажется, она вполне логична и разумна, если рассматривать ее как ответ на массовизацию, стандартизацию и унификацию массовой культуры, социальных институтов, образа жизни и поведения людей.

В современных условиях концепция этнического национализма стала привлекательной для миллионов людей своей направленностью против ускоренной модернизации и трансформации, стремлением к сохранению традиционности, которая не всегда отличается замкнутостью. Несмотря на различные формы протеста, существующие традиционные общества открыты равноправному диалогу, взаимодействию цивилизаций и взаимообогащению культур. В указанной плоскости актуализацию этничности следует рассматривать не только как признак социального конфликта и кризиса, но одновременно и как результат динамики общества, стремления к перманентному обновлению и социальному развитию.

Сегодня миграция для многих больших и малых этносов, не имеющих собственного государства, является способом спасения от исторически существующей и постоянно воспроизводящейся угрозы расизма и национализма, агрессии и экстремизма. Одновременно она является формой глубинного подсознательного стремления освободиться от комплекса неуверенности в своем бытии. Не секрет, что продолжающаяся глобализация ускоряет этнические и миграционные процессы, объективно порождает различные формы и виды национализма. Она радикальным образом влияет на социальное бытие и этническое самосознание народов развитых и быстро развивающихся стран, порождает новые формы отчуждения и недоверия между коренным населением и приезжими. Тревогу и беспокойство вызывает нарастание агрессии и экстремизма, этнофобии и мигрантофобии в современном мире, активность действия различных националистических и неонацистских групп. По данным ученых, за последние годы неуклонно растут этнофобские и антимигранские настроения, которые уже разделяют 68 % россиян¹.

На протяжении всей истории часто само государство, разные политические группы и их лидеры, а затем и элиты использовали теории превосходства отдельных рас и наций в качестве идеологической доктрины и средства эксплуатации и господства.

Сегодня в обществе господствующее положение занимает массовая культура с примитивными ценностями и низменными страстями. В системе этнической идентичности преобладает антиномичная и мозаичная культура, в которой знания складываются на основе определенного противопоставления этносов на «мы» – «они», «свои» – «чужие», из разрозненных обрывков, фрагментов, связанных простыми связями и случайными отношениями. Часто мир этничности основывается на мнениях, а не на самих знаниях, в нем отсутствуют объективные обобщения, не осуществлен реальный синтез. Мозаичная культура иррациональна по своей природе, продуцирует только мифы, иллюзии, слухи, нелепости, что не способствует развитию подлинного гуманизма и высокой духовности.

Массовая культура служит желаниям элит господствовать в обществе. Она находит свое оправдание в низменных психологических сторонах человеческой природы. Как известно, националист как политический тип является эгоцентриком, прежде всего он озабочен своими собственными интересами и амбициями, в последнюю оче-

¹ Степанов В., Тишков В. Кем себя считают россияне: региональный аспект // Вестник российской нации. – 2010. – №3. – С. 134.

редь его интересуют взаимоотношения с другими этносами и мигрантами, живущими рядом. Рецепт у него однозначен: он не мыслит себе решение «национального вопроса» без признания этнической исключительности своего народа.

В настоящее время этническое бытие российского общества содержит огромный самобытный потенциал народов и культур. Славянские, угро-финские, монголо-татарские и кавказские народы со своими самобытными культурами и языками, традициями и обычаями на протяжении целого тысячелетия сформировали исторический облик современной Российской Федерации. Пока народы России сохраняют позитивный потенциал единства, исторически являются еще составной частью общего суперэтнического тела – многонационального сообщества, носителя общей культуры и психологии, быта, традиции и обычаев. При реализации национальных проектов, стратегии модернизации следует активно творчески использовать богатое историческое наследие в деле государственного строительства, материального и духовного развития общества, обеспечения достойной жизни и гармонизации бытия народов, реализации прав и свобод человека.

Сегодня важно за часто формально декларируемыми правами человека увидеть права этнических меньшинств и мигрантов. Очевидно, что темпы общественных изменений будут во многом зависеть от формирования общенациональных целей и ценностей. Следует активно использовать потенциал средней и высшей школы, всей системы образования и воспитания, потому что носителем толерантности, культуры и гуманизма является не просто образованный человек, а гражданин, способный понимать, творчески мыслить и активно действовать. Современный гуманизм и ценности могут базироваться в основном на научной картине мира, общество обязано впитать в себя все богатство высокого научного и культурного наследия человечества.

Постижение специфики бытия этнических меньшинств, особенно аборигенных народов России, их «жизненного мира» и идентичности проливает свет на истоки многих проблем современного многонационального и полиэтнического сообщества. В условиях актуальности формирования в Российской Федерации демократического, правового и социального государства она помогает понять формы и механизмы взаимодействия представителей разных культур и цивилизаций, этносов и наций во имя стабильного и гармоничного развития страны.

Касаясь вопросов жизнедеятельности этнических групп, их возможностей самореализации или формирования новой идентично-

сти, нужно отметить следующий момент. Если этническое меньшинство не может идентифицировать себя с определенной территорией в виду крайней малочисленности или дисперсного расселения, возможны различные формы культурно-территориальной или чисто культурной автономии. Необходимыми для них станут создание вертикальных и горизонтальных, территориально ориентированных структур, с помощью которых могут быть реализованы и стимулированы языковые и культурные потребности национальных (этнических) общностей. Важно признать неразрывность диалога и непрерывность коммуникаций в поликультурном обществе.

Таким образом, обеспечение социально-политической стабильности и гармонизация межэтнических отношений в современном российском государстве предполагает движение по пути становления реального гражданского общества, что служит интересам страны как наднациональной целостности, содружеству людей всех этносов и наций. Следует в этой связи согласиться с выводами Я.А. Пляйса о том, что в зрелом гражданском обществе – действительное основание укоренения российской демократической государственности¹. Очевидно, что создание реально функционирующего гражданского общества и становление правового государства в России является сравнительно отдаленной перспективой. Заметим также, что они невозможны без развития подлинной федерации и превращения России в родину для всех населяющих ее народов, особенно этнических меньшинств.

Обобщая итоги вышеизложенного, отметим, что для реализации этих целей важно не только в теории, но и на практике использовать основные преимущества федерализма, умело реструктурировать политические и государственные институты, чтобы значительно повысить эффективность взаимодействия власти и общества. Это наиболее оптимальный вариант обеспечения гармонии в межэтнических отношениях, позволяющий достичь единства через многообразие. Сущность такого федерализма заключается в поделенном и одновременно дифференцированном суверенитете, где каждая часть государства (республики, края, области) является суверенной и автономной, т.е. обладает исключительными полномочиями в тех областях, которые отведены ей Конституцией России для выполнения собственных задач. При таком подходе вторичным являются соотношения части и целого и гарантия неприкосновенности. Если эти соотношения в дос-

¹ Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 267.

таточной степени отражают взаимные интересы и обеспечены общей защитой, то федеративное государство в состоянии гарантировать всем гражданам страны необходимый уровень свободы и самоопределения. Оно одновременно способно предоставить им всю совокупность национальных, этнических, культурных прав, поощряя тем самым многообразие форм выражения и уклада жизни для всех национальных меньшинств и малых этносов.

7.2. Этническая группа удины: история и бытие в современном мире

Рассмотрев универсальные вопросы прав человека и гражданина, проанализировав основные международные документы, касающиеся защиты прав национальных меньшинств, хотелось бы рассказать более конкретно об одной из этнических групп – удилах, к числу которых относится и автор работы. С исторических времен удины как аборигенный народ жили на территории Кавказа, занимали там огромный ареал, жили компактно, а где и дисперсно.

Если обратиться к эпохе цивилизаций Древнего Востока и Античности, то мы заметим роль и место удин как одного из многочисленных народов Закавказья в жизнедеятельности этих государств. Жили они на определенном пространстве, имели свое государство – Кавказскую Албанию, которое располагалось на территории современной Азербайджанской Республики и Северного Дагестана Российской Федерации. За 25 веков своего существования удинский народ много раз подвергался серьезным опасностям как участник и свидетель столкновений между великими империями. В результате неоднократно он оказывался под угрозой физического истребления и переселений, его жизнь сопровождалась многочисленными волнами миграции, естественной и искусственной ассимиляцией.

Кто же такие удины? Каковы их происхождение (этногенез), этапы истории и современное бытие? Когда они оказались в составе Российской империи? Где сегодня живут удины и сколько их в Российской Федерации? На эти и другие естественные и закономерные вопросы попытаемся дать ответы.

Как отмечали, удины (самоназвание – уди) – один из древнейших коренных этносов Кавказа, аборигенный народ Азербайджана. Сегодня в мире проживает больше десяти тысяч удин. В основном они живут в странах СНГ, несколько десятков семей эмигрировали во Францию, США и Израиль. Согласно переписи 2010 г., в Российской Федерации проживает более 4 267 удин. Большинство историков, ар-

хеологов, этнологов и лингвистов относят их к представителям дагестанской группы кавказской семьи языков¹. Подробная информация об истории, языке, культуре, традициях удин содержится в разных источниках, в том числе и в энциклопедии «Народы России»².

Значительные сведения об их происхождении и истории, расовых и антропологических характеристиках, территории, экономике, языке, культуре, традициях, быте, охватывающие период больше двух с половиной тысяч лет, имеются в древних и средневековых письменных источниках, сохранившихся до наших дней в библиотеках разных стран мира. Все метаморфозы истории Азербайджана: вторжения древних персов, античных греков и римлян, арабов и монголов, а затем иранцев, турок и других захватчиков, особенно события XX в., оказали свое влияние на жизнь и судьбу всего удинского народа³.

Возвращаясь к истории, отметим, что в античную эпоху (V в. до н.э. – V в. н.э.), когда существовали Древняя Греция, а затем и Римская империя, на территории Закавказья и Дагестана активно функционировало древнее государство – Кавказская Албания. По свидетельствам древних и средневековых источников, мнению современных российских и зарубежных кавказоведов, удины являлись одним из главных этносов, сыгравших решающую роль в становлении античного государства, истории и дальнейшей его судьбе.

Геродот (V в. до н.э.) в своих трудах упоминает о предках современных удин (утиях), когда рассказывает о Марафонской битве (греко-персидская война, 490 г. до н.э.). Он указывает, что в составе XIV сатрапии персидской армии воевали и солдаты утиев⁴.

Многочисленные сведения о них содержатся в книгах древних персидских летописцев и античных историков Греции и Рима, в сред-

¹ См.: Алиев К.Г. Античная Кавказская Албания. – Баку: Азернешр, 1992. – 238 с.; Ворошил Г. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Баку, 1973. – 48 с.; Ворошил Г. Кавказская Албания (историко-филологические этюды); на азерб. яз. – Баку: Изд-во «Ойрэтмен», 1993. – 108 с.; Ворошил Г. О древнеаганском алфавите и удинском языке // Известия АН АзССР. Серия «Общественные науки». – Баку, 1962. – №1. – С. 23–36; Ворошил Г. Удинско-азербайджанско-русский словарь. – Баку: Изд-во «Элм», 1974. – 297 с.

² Данакари Р.А. Этническое бытие: монография – Волгоград: ИПК «Нива», 2007. – 196 с.; Народы России: энциклопедия / гл. ред. В.А. Тишков. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 479 с.

³ Алиев К.Г. Античная Кавказская Албания. – Баку: Азернешр, 1992. – 238 с.; Ворошил Г. Кавказская Албания (историко-филологические этюды); на азерб. яз. – Баку: Изд-во «Ойрэтмен», 1993; Ворошил Г. Удинско-азербайджанско-русский словарь – Баку: Изд-во «Элм», 1974. – 297 с.; Иеромонах Алексий (Никаноров). История христианства в Кавказской Албании. – Баку: Изд-во «Нурлан», 2005. – 194 с.

⁴ Геродот История. В девяти книгах / пер. с древнегреч. – Л.: Изд-во Наука, 1972. – 600 с.

невековых арабских источниках (ал-Истахри, ал-Мукаддаси, Масуди, Ибн-Хаукаль и др.). В трудах античных авторов: Фукидида, Страбона, Плиния, Апполония Родосского, Полибия, Тацита, Клавдия Птолемея, Плутарха, Азиния Квадрата и других – рассказывается об истории, языке, культуре, религии удин¹.

В Кавказской Албании удины занимали широкий ареал своего расселения, в том числе и территорию современного Нагорного Карабаха. Как сообщают античные историки, удины участвовали на стороне персидского царя Дария III в битве при Гавгамелах, боролись против экспансии империи Александра Македонского. Через несколько столетий, как сообщается в «Географии» Страбона, на берегах реки Куры стремились противостоять могущественным римским легионам полководцев Лукулла, Помпея и Марка Антония².

Стратегическое положение Закавказья, в том числе и территории Азербайджана, на протяжении всей всемирной истории превратило эти места в арену бесконечных ожесточенных сражений между великими империями Востока и Запада. Нашествие персов, римлян, византийцев, арабов, монголов, войск Тамерлана, а затем русско-иранские и русско-турецкие войны изменили историю всех закавказских народов. Изменилась географическая карта и этнический состав населения, трансформировались языки, культуры, религии, обычаи, традиции, быт³. Все эти драматические и трагические события оказали решающее влияние на дальнейшую судьбу одного из древнейших государств Закавказья – Кавказскую Албанию.

Первые века новой эры стали эпохой социально-экономического и культурного развития Кавказской Албании. Отметим, что удины одними из первых в Закавказье приняли христианство. Развивается культура, воздвигаются культовые сооружения, появляется письменность, литература, поэты и писатели, строятся школы, создаются книги религиозного и светского содержания, переводится Библия. Появляется Албанская Автокефальная (самостоятельная) церковь, которая существовала почти до середины XIX в.⁴

¹ См.: Страбон География в 17 книгах / Книга XVI. – Гл. 4. – М.: Изд-во «Ладомир», 1994. – 940 с.; Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка / Редакционная коллегия: М.Е. Алексеев (отв. ред.), Т.А. Майсак, Д.С. Ганенков, Ю. А. Ландер. – М.: Academia, 2008. – С. 11–222.

² Алиев К.Г. Античная Кавказская Албания. – Баку: Азернешр, 1992. – 238 с.; Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. – Баку: ЦИКА, 2005. – 608 с.; Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.–VII в. н. э. – М.–Л., 1959. – 234 с.

³ Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. – Баку: ЦИКА, 2005. – 608 с.

⁴ Иеромонах Алексей (Никаноров). История христианства в Кавказской Албании. – Баку: Изд-во «Нурлан», 2005. – 194 с.; Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. – Баку: ЦИКА, 2005. – 608 с.; Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. – VII в. н. э. – М.–Л., 1959. – 234 с.

Обширные сведения о своих земляках-удинах оставил в своей «Истории албан» средневековый летописец Мовсэс Каганкатуаци (Каланкатуайский). Начало распространения христианства на территории Кавказской Албании традиция связывает с событиями I в. н.э., с именем ученика апостола Фаддея – апостола Елисея, рукоположенного первым иерусалимским патриархом – апостолом Иаковым. Как свидетельствует летописец, апостол Елисей прибыл из Иерусалима в Кавказскую Албанию, начал проповеди Благой Вести, т. е. Евангелия. Построил в селении Гис (в настоящее время село Киш Шекинского района Азербайджана) первую в Закавказье христианскую церковь. Несмотря на его мученическую смерть, учение Христа получает здесь широкое распространение. Через несколько веков христианство становится государственной религией и в Кавказской Албании¹.

C VIII в. начинаются завоевания Арабского халифата в Закавказье. Они привели к падению Албанского царства как единого государства, исламизации населения, постепенному разрушению христианских святынь, уничтожению культуры, письменных источников. Начинается долгий и тяжелый период, насильственный процесс денационализации и деэтнизации народа, процессы арменизации, грузинизации и тюркизации удин.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что в течение целого тысячелетия, почти до середины XIX века, знать и высшее духовенство предпринимали неоднократные попытки возродить единое Албанское государство, вернуть территории, восстановить статус языка, развивать культуру, традиции. Только в Средневековье удается частично реализовать эту идею. На территории Карабаха и вокруг него возникают мелкие княжества (меликства). Среди исторических документов сохранилось обращение удин за помощью к российскому императору Петру I. В конце XVIII века, в период правления императрицы Екатерины II, князь Потемкин выдвинул идею возрождения Албанского царства, но восшествие на престол Павла I предало забвению этот проект.

Несмотря на масштабные процессы ассимиляции и аккультурации, части удин еще долгое время на значительном ареале удавалось сохранять свой язык, самосознание, идентичность, культуру, традиции и обычаи. По сведениям путешественников и ученых, многих историков и языковедов, побывавших в Закавказье, в том числе и в Азербайджане, в XVIII–XIX вв. большие удинские поселения существовали

¹ Каланкатуаци Мовсэс. История страны Алуанк / Предисл. и комментарий Ш.В. Смбатяна. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1984. – 260 с.

как на левобережной, так и на правобережной частях реки Куры, на территории от границы Грузии и до Баку, а также в Карабахе, Товузе, Гяндже.

В начале XIX века с присоединением Северного Азербайджана к Российской Империи начинается новый этап в истории удин. Теперь он уже связан с Россией и вхождением в зону ее влияния. К тому времени удины наиболее компактно и с большим количеством населения проживают в Шеки-Закатальской зоне, где основными становятся села Варташен и Нидж. В них продолжается дальнейший процесс собирания удин, осознающих свою идентичность и этноним, язык и православную веру. Открываются русские школы, появляется своя интеллигенция, идут богослужения в церквях, продолжают переводы на удинский язык текстов священных книг. Этот период можно рассматривать как время социально-экономического развития родного края и относительного его спокойствия.

Однако в 1836 г. произошло одно из самых драматических событий в религиозной и культурной жизни удин. По высочайшему повелению российского императора Николая I и решению Святейшего Синода было ликвидировано патриаршество и упразднена Албанская Автокефальная церковь. Почти все архивы, документы были переданы Эчмиадзину, уже ставшему новым религиозным центром армян на Кавказе.

В начале XX века Армяно-григорианская церковь с разрешения Святейшего Синода Московской патриархии уничтожила в числе старых архивов и архив древней Албанской церкви. Были сожжены и уничтожены древние летописи и старинные книги, утеряна хозяйственная утварь и огромные ценности, прерван культурный и религиозный опыт нескольких тысячелетний¹. В результате был безвозвратно потерян огромный пласт духовной культуры удин, древние и средневековые исторические и литературные памятники, традиции богослужения, особый язык, память веков – «жизненный мир» людей, система ценностей.

Период мирного бытия удинского этноса прерывается после революционных событий Октября 1917 г. Они носят драматический и трагический характер, потому что начинаются новые процессы рассеяния и ассимиляции, дальнейшей диаспоризации. Их можно проанализировать на основе нескольких волн миграции, исхода удин со своих исконных земель. По разным сведениям, в начале прошлого

¹ Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. – Баку: ЦИКА, 2005. – 608 с.

века в Российской Империи насчитывалось больше десяти тысяч удин. Однако уже по переписи 1926 г. в СССР насчитывалось всего 2 500 удин, т. е. их численность за короткий промежуток времени сократилась в несколько раз.

Все сокращения населения стали возможны в результате трагических событий конца Первой Мировой войны и начала иностранной интервенции в Закавказье, а затем и полномасштабной Гражданской войны на всей территории страны. Трагические события первых десятилетий XX в. привели к тому, что одна часть удин погибла на почве межнационального конфликта, умерла от голода и болезней, а другая – покинула родные места, переехала в республики Советского Союза, оказалась в эмиграции, за пределами страны. Оставшимся пришлось заново возрождать прежние ареалы обитания, особенно родные села Варташен и Нидж.

В 1920–1922 гг. часть удин, теперь уже из села Варташен, особенно православного вероисповедания, переселилась в Грузию. На новом месте они основали село Зинобиани (с. Октомбери). В настоящее время в результате политики «грузинизации», сильного влияния грузинского языка и культуры, почти завершается процесс естественной и искусственной ассимиляции удин. Если по переписи 1970 г. численность удин в Грузинской ССР составляла 800 человек, то последние данные свидетельствуют о том, что их там осталось всего несколько десятков человек. Подавляющее большинство удин, живущих в Грузии, почти забыло или не говорит на родном языке, а молодежь с детства практически не знает его.

Сегодня огромной стала проблема межнационального общения, потому что молодое поколение удин, живущих в Грузии, не только не знает родной, но и русский язык. В результате отказа от массового преподавания русского языка и литературы постепенно теряется все общекультурное достояние народов бывшего СССР. Без русского языка невозможно совместное будущее огромного евразийского пространства и сохранение традиций интернационализма, таким образом, отсутствуют перспективы межнационального общения и понимания, диалога и доверия между людьми разных национальностей.

Обращая внимание на многоязычие удин, отметим, что оно является уникальным феноменом истории их этнического бытия. Знание языков живущих рядом народов Закавказья для удинского этноса всегда было обычным явлением. Часть удин, оставшаяся на своей исконной территории, несмотря на территориальные и этнические экспансии, продолжающая процессы ассимиляции и аккультурации, сумела

сохранить родной язык, культуру, религию и идентичность.

Сохранению удинского языка способствовало формирующаяся новая лингвистическая среда, связанная с изучением русского языка. С 1875 г. в Елизаветпольской губернии Российской империи, на территории нынешней Азербайджанской Республики, начинает работать первая православная удинско-русская школа. В XIX–XX вв. удины учились на армянском, азербайджанском и русском языках. Со второй половины прошлого столетия они стали в основном русскоязычными.

По мнению большинства ученых, в том числе и доктора исторических наук, профессора Фариды Мамедовой из Баку, роль и значение удин в истории народов Закавказья и Дагестана, особенно Азербайджана, подобна роли кельтов в жизни и формировании англосаксонской и французской наций. В своей книге «Кавказская Албания и албаны» Ф. Мамедова пишет, что удины, являясь одним из древних и автохтонных народов Кавказа, прямыми потомки античных албан, в числе прочих, стали предками азербайджанского народа и этносов Дагестана. Их язык относится к кавказской языковой семье, дагестанской группе. Алфавит состоит из 52 букв, лексика изобилует словами из древних языков разных народов. С 1836 г., уже в составе Российской империи, удины, лишённые церковной обители, вынуждены были терпеть все невзгоды и лишения. Однако до наших дней им удалось сохранить родной язык и религиозные корни. Их судьба не имеет аналогов в истории христианства¹.

Ярким и значимым примером является драматическая история и судьба семьи русского религиозного философа XX в. Павла Александровича Флоренского, мать которого была из Карабаха, древнего албанского аристократического рода. Философу стоило больших усилий узнать что-либо о прошлом своей матери, о ее родовых корнях, ибо на это было наложено табу². На протяжении всей своей жизни ученый старался найти свои древние корни, о чем свидетельствуют и сохранившиеся письма из лагерей. В своих записях он отмечает, что Карабах является исторической родиной удин. В этой связи Флоренский писал: «Карабахские армяне – собственно, не армяне, а особое племя удины, родственное, быть может, лезгинам; в древности они назывались албанцами, а армяне зовут их ахаване»³.

Рассматривая вопросы естественной и насильственной, искусственной, ассимиляции, миграции и жизни в диаспоре, отметим в них

¹ Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. – Баку: ЦИКА, 2005. – С. 608.

² Там же. С. 609.

³ Флоренский Павел, священник. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание / Сост.: игумен Андроник (Трубочев). – М.: Моск. рабочий, 1992. – С. 376.

ту решающую роль, которую играет государство. Именно оно обладает монополией на жизнь, судьбу и перспективы будущего, способно определять политическое, социальное и культурное пространство переселенцев и мигрантов, их правовые нормы, ценности. В этой связи хотелось бы обратиться к истории нашей страны, особенно «национальному вопросу», переселенческой политике и современным проблемам миграции.

На наш взгляд, в XX веке миграционные процессы и переселения удин можно выделить в несколько драматических волн и объективных этапов. В прошлом веке они связаны с распадом Российской империи, началом гражданской войны и иностранной интервенцией в стране, особенно в Закавказье. Как и в прошлые эпохи, и в первой половине прошлого столетия имел свое продолжение такой интенсивный процесс тюркизации, арменизации и грузинизации удин, переход в другие религии и конфессии. Одновременно многие эмигранты, покинув навсегда традиционный ареал расселения, в дальнейшем постепенно забывали родной язык, теряли ментальность, растворялись среди местного населения в разных республиках Советского Союза.

В результате на исторической Родине, в Азербайджане, в XX веке почти не наблюдалось демографического прироста, потому что непрерывно происходил отток удинского населения, его зрелой и здоровой части, особенно молодежи. Получалось, что во всей республике за этот период постоянно проживало всего 6–10 тысяч человек. Они дисперсно жили на территории всего Азербайджана, в том числе и в Нагорном Карабахе, других районах республики, отдельных его селениях. С началом Великой Отечественной войны около 800 удин оказалось на различных фронтах. Погибли на полях сражений, пропали без вести, словом, не вернулись 256 человек.

Со второй половины XX века началась вторая волна эмиграции, особенно среди молодежи. После окончания средних школ, особенно на русском языке, она стала уезжать на учебу, а также комсомольские стройки наших пятилеток. Особо престижной оказалась учеба в высших учебных заведениях страны. Каждая волна миграции имела свои причины, характерные особенности. В их числе: стремление людей быть свободными и самостоятельными от родителей, традиционных оков семьи, желание учиться и приобрести хорошие профессии, приобщиться к достижениям русской и мировой науки, техники, культуры, делать успешную карьеру и, в конце концов, хорошо устроиться в жизни. Все эти причины в совокупности предопределяли стремление покинуть родные места.

Не секрет, что этой волне эмиграции был присущ высокий настрой и энтузиазм, ответственность за личный выбор, готовность служить Родине и своему маленькому народу. Удины уезжают, чтобы стать учеными, инженерами, врачами, строителями, юристами, военными. Некоторые объясняют свой отъезд чисто житейскими причинами: ищут более высокой оплаты труда, свободного приложения своего таланта и способностей, ищут новые возможности для профессионального роста, творческой деятельности и высокого статуса¹.

Переселение удин в XX веке носило объективно-исторический характер. Во второй половине прошлого столетия в СССР происходило великое переселение народов. Десятки миллионов людей уезжали на стройки социализма, из сел переселялись в города. Именно тогда в стране появились огромные мегаполисы. К сожалению, идеологизация всех сфер жизни советского общества, ускоренное движение к социальной однородности оказывало негативное влияние на историческую судьбу большинства народов, в том числе и удин. В значительной мере была разрушена традиционная среда обитания и жизнедеятельности этноса. Эти условия были нарушены не только ускоренным экономическим развитием страны, обстоятельствами идеологического прессинга, но и давлениями культурного, языкового, психологического и иного характера.

Игнорирование специфики жизнедеятельности удин, предание забвению потребностей социально-экономического, политического, культурного и духовного развития народа привели к социальной неудовлетворенности, которая приобрела характер эмиграции. В условиях общественной нестабильности, ослабления прежних регуляторов жизнедеятельности людей, эмиграция – социальное действие, объективно противоречивый элемент спонтанного процесса жизни каждой этнической группы, национальной диаспоры.

Как известно, в основе эмиграции как социального действия этнического субъекта может лежать и менталитет: устойчивая константа ее жизненных установок и норм поведения, эмоций, настроений, идущих из глубинных зон психологии и исторических традиций. Конечно, менталитет удины также противоречив и не монолитен, как и у всех народов. Особенностью его менталитета является то, что он пронизан передаваемыми из поколения в поколение значительными событиями о великой истории и тысячелетнем государстве – Кавказской Албании, наполнен мифами и легендами о земле предков. Напоминает

¹ Данакари Р.А. Этническое бытие: монография. – Волгоград: ИПК «Нива», 2007. – 196 с.

об истоках и возвращает удина к древней истории лежащее в руинах огромное количество памятников культуры, монастыри и храмы, находящиеся как на территории современной Азербайджанской Республики, так и сопредельных государств.

Возвращаясь к проблемам современных удин, отметим, что в конце прошлого столетия повторилась этническая трагедия начала XX в., но теперь уже это было связано с распадом Советского Союза. Начало карабахского конфликта и трагические события 1988–1993-х гг. заставили еще одну часть удин, живущих в Азербайджане, но уже нового поколения, покинуть историческую родину и переехать в страны СНГ.

Анализируя вопросы современного социального и этнического бытия удин, остановимся на современных проблемах. В первую очередь, они касаются основных причин и побудительных мотивов миграции и жизни в диаспоре (экономических, политических, этнических, религиозных и т.д.). Очевиден их сложный, драматический и злободневный характер. Это распад СССР, разрушение советской цивилизации, радикальные трансформации общественно-экономических систем в странах СНГ. Разрушение Советского Союза, отказ почти во всех из них от политики государственного патернализма, переход к рынку, вызвали у большинства народов, ставших национальными меньшинствами, особенно у малых этносов, страх за жизнь, судьбу, настоящее, особенно будущее – футурошок.

Эмиграция представителей этнических меньшинств в Российскую Федерацию, в первую очередь, была связана с тем, что она признала себя правопреемником СССР, всегда была содружеством различных народов, культур и цивилизаций, многонациональным и поликонфессиональным государством. Переселению способствовало то, что представители большинства национальных меньшинств с детства владеют русским языком, учились в русских школах, знают о толерантности российских народов и их культур.

Огромное значение имели материальные, экономические факторы, потому что Российская Федерация всегда была и остается одной из богатейших государств мира, хотя немалую роль сыграли причины идеологического и культурно-языкового характера (религия, язык, культура, традиции и пр.). Данное предположение подтверждается и анализом мотивов и причин переселения удин в страны СНГ, выявленных в результате неоднократных встреч с ними и опросов. Они были проведены среди удин, живущих в Москве и Подмосковье, Краснодарском крае, Ростовской области, особенно в Таганроге, Шахтах, а также сред граждан Украины (Горловка), г. Актау (бывший

Шевченко) Республики Казахстан. Например, мотив «карабахский конфликт», агрессия Армении против Азербайджана, «ожидание» новой войны между ними отметили большинство опрошенных; «неуверенность в завтрашнем дне» – около четверти; «в связи с тем, что уехала значительная часть родных» – остальные.

Основную причину последней эмиграции следует искать в том, что многие из современных удин являются русскоязычными, то есть в изменениях социокультурных, духовно-нравственных ценностей, особенно «жизненного мира» людей, непрерывно осваивающих мир на протяжении всей жизни. Как известно, само освоение социального бытия осуществляется разными путями. Непрерывно меняющаяся природная и социальная среда, нарастание неопределенностей и рисков в современном мире заставило людей почувствовать дискомфорт даже в привычной для себя среде обитания. В числе причин оказались и вопросы психологического характера, действие закона подражания, когда переселялись родные, близкие, соседи.

Сегодня удины компактно, в количестве около четырех тысяч человек, проживают в многонациональном поселке Нидж Габалинского района Азербайджанской Республики. Они поддерживают тесную связь со своими родными, земляками, живущими в России, ее краях и областях, а также в других странах СНГ и дальнем зарубежье. Удинские общины появились в Волгоградской и Ростовской областях, в Краснодарском крае, Екатеринбурге, Таганроге, Шахтах, Ульяновске, Сургуте. Несколько десятков семей удин живет и работает в Центральной России: Калуге, Москве и Санкт-Петербурге. Достаточно многочисленная община проживает в Республике Казахстан, в городе Актау (бывший г. Шевченко), а также на Украине – Донецке, Харькове, Горловке, Макеевке и др.

Уже несколько столетий в центре внимания научной общественности, писателей и политиков всего мира не только древняя и современная история удин, но и их язык. С первой половины XIX века, с момента вхождения Азербайджана в состав России, он стал изучаться учеными и специалистами из Российской Академии наук. В 1863 г. А.А. Шифнер на основе словаря удина Георгия Бежанова издает «Удинско-немецкий словник». В 1891 г. в Санкт-Петербурге был издан объемистый научный труд А.В. Старчевского «Кавказский толмач», в котором содержится перевод 1 756 удинских слов. В нем также дан краткий очерк истории удинского языка. Фонетикой, морфологией, лексикой удинского языка стали заниматься А.М. Дирр («Грамматика удинского языка», 1903) и многие другие. В 1939 г. появилась работа

А. Боуда. Удинский язык изучали такие ученые, как Ю. Клапрот, Рих. Эркерт, Э. Эйхвалд, А. Дирр, А. Шегрен, А. Шифрен, К. Боуд, В. Панчвидзе, Ив. Джавахашвили, Е. Джейранишвили, Ф. и М. Джейранашвили, М. Бежанов, Арн. Чикобава, Г. Ворошил, Г. Климов, Г. Кечаари¹. В настоящее время исследованием истории, языка, лексики, культуры удин занимаются ученые стран Запада и СНГ: Жил Отье, Бернард Утье, Вольфганг Шульце, Заза Алексидзе, Ядвига Петрусинска, Тариель Сихарулидзе, Джонатан Ким и Дж. Клифон и другие².

В исследовании и дешифровке античных албанских (удинских) источников значительные усилия приложили советские и западные ученые. В их числе И.В. Абуладзе, который в 1937 г. нашел древний албанский алфавит, состоящий из 52 букв, а затем приступил к его дешифровке. В 1956 г. А. Курдиан (США) открыл второй экземпляр алфавита. Исследования А. Шанидзе, Ж. Дюмезиля и многих других ученых с мировыми именами позволили подтвердить, что сохранившиеся древние албанские источники написаны на древнеудинском языке³.

Огромная заслуга в изучении родного языка принадлежит удину из села Нидж, доктору филологических наук Гукасяну В.Л. (Г. Ворошину), работавшему в 70-е годы прошлого века старшим научным сотрудником Института языкознания им. Насими в г. Баку, Академии наук Азербайджанской ССР. Всю свою сознательную жизнь он стремился вернуть из небытия древнюю и великую историю Азербайджана, показать историческую роль Кавказской Албании в судьбе народов Закавказья, лингвистическое и лексическое богатство удинского языка. Несмотря на все старания, в советскую эпоху за короткое время своей жизни ученому не удалось добиться значительных успехов и обеспечить широкую пропаганду истории, языка, культуры, традиций родного ему удинского народа⁴.

И сегодня особую научную ценность представляют труды бывшей сотрудницы Эрмитажа, известного ленинградского ученого

¹ См.: Дирр А.М. Грамматика удинского языка // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (МОМПК). – 1904. – Вып. XXXIII, отдел IV. – Тифлис, 1903. – С. 58–92; Климов Г.Ф. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности // Вопросы языкознания. – 1967. – №3. – С. 17–28; Панчвидзе В.Н., Джеранашвили Е.Ф. Удинский язык / Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. – Т. 4. – М., 1967. – 688 с.

² Harris A. Endoclitics And origius of Udi morphhsyntax: Oxford University Press, 2002. – 232 p. Shulze W. Tward a history of the udi Language. – University of Munich, 2004. – 470 p.

³ Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. – Баку: ЦИКА, 2005. – 608 с.

⁴ См.: Ворошил Г. О древнеагванском алфавите и удинском языке // Известия АН АЗССР. Серия «Общественные науки». – Баку, 1962. – №1. – С. 23–36.; Ворошил Г. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Баку, 1973. – 48 с.; Ворошил Г. Кавказская Албания (историко-филологические этюды); на азерб. яз. – Баку: Изд-во «Ойрэтмен», 1993. – 108 с.; Ворошил Г. Удинско-азербайджанско-русский словарь. – Баку: Изд-во «Элм», 1974. – 297 с.

К.В. Тревер, которая одной из первых рассказала мировой науке об истории и культуре античной Кавказской Албании. В 60-х годах прошлого столетия на XXV Международном конгрессе востоковедов, выступив в лучших традициях академической науки, она представила доклад на основе своей фундаментальной монографии «Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. – VII в. н. э.»¹.

В 1996 г. событием всемирно-исторического значения для кавказоведения стал обнаруженный членом-корреспондентом АН Грузии З.Н. Алексидзе в монастыре Св. Екатерины на Синайской горе (Египет) грузино-албанский палимпсест. Сохранившиеся тексты албанского палимпсеста были расшифрованы на основе древнеудинского языка. Например, тексты из Евангелия (главы от Матфея, Луки и Иоанна), сборные послания святых апостолов Петра, Якова и Иоанна, отрывки из посланий апостола Павла коринфянам, ефесянам. Дешифровка этих и других текстов стала возможной благодаря привлечению всего богатства грамматики и лексики удинского языка. Существование албанского Лекционария подтверждает наличие древних переводов на удинский язык Библии, в частности, Книг пророков, Евангелия.

Значительный интерес к удинам проявил великий французский писатель Александр Дюма. В своей книге «Кавказ» он пишет об огромном интересе к древней истории, особенно удин, их происхождению, языку, культуре. В ней писатель рассказывает о встрече с учителем-удином, которого подробно спрашивает о древних исторических корнях его народа, традициях, обычаях².

В настоящее время часть ученых академических институтов из СНГ и России активно занимается изучением истории и культуры Кавказской Албании, в том числе и удинского языка. В их числе московские ученые Д. Ганенков, Ю. Ландер, Т. Майсак и другие³.

В современном Азербайджане, в отличие от соседних стран СНГ, уже давно признали удин основными правопреемниками античного государства – Кавказской Албании, имевшей свою тысячелетнюю историю на Кавказе. Сегодня в Азербайджанской Республике стремятся сохранить и возродить все древнее и средневековое наследие, в том числе и удинского народа. Проводится огромная работа по реставрации памятников материальной и духовной культуры. Ведутся

¹ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. – VII в. н. э. – М.-Л., 1959. – 234 с.

² Дюма А. Кавказ / Пер. с франц. – Тбилиси: Изд-во «Мерани», 1988. – 648 с.

³ Талибов Б.Б., Майсак Т. А. Удинский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия: в 3-х т. – Т. 3. – М.: Изд-во «Наука», 2005. – 606 с.; Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка / Редакционная коллегия: М.Е. Алексеев (отв. ред.), Т.А. Майсак, Д.С. Ганенков, Ю.А. Ландер. – М.: Academia, 2008. – С. 11–222.

широкомасштабные археологические исследования на территории древних городов и крупных географических центров. Примером может стать продолжающиеся более полувека археологические раскопки у стен древней Габалы – первой столицы Кавказской Албании. Именно в этом городе и вокруг него были найдены первые свидетельства античной эпохи: предметы материальной культуры, воинские доспехи, старинные монеты и др.

Рассматривая проблемы этнического бытия современных удин, отметим, что особенно успешно они смогли адаптироваться в южных регионах Российской Федерации: в Краснодарском и Ставропольском краях, Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях. Для них существенную роль сыграло геополитическое положение Юга России на карте мира, его близость к государствам Закавказья, наличие ведущих транспортных артерий и экономическая инфраструктура.

Как указывали выше, став гражданами России, многие удины, несмотря на все сложности и проблемы переходного периода, непрерывные кризисы, смогли успешно интегрироваться в новое сообщество. Создание через некоторое время во многих регионах своих землячеств помогло решить неоднозначные проблемы адаптации и интеграции. В этой работе значительную помощь и поддержку оказали отдельные активисты и руководство национальных общественных объединений, в том числе и Волгоградской области, деятельность которых осуществляется в рамках Основного Закона и законодательства Российской Федерации.

Как известно, в конце XX века в СССР продолжились огромные миграционные процессы. Теперь они были связаны не с развитием народнохозяйственного комплекса могучей державы, призывами на великие стройки страны. Причинами миграции стали кризис в общественном бытии народов, кризис в массовом сознании, связанный с обострением межнациональных отношений. Люди уезжали, чтобы не оказаться в зоне острой напряженности и конфликтов, чтобы спасти себя, жизнь родных и близких. В первую очередь, естественно, что родные места стала покидать удинская молодежь. Почувствовав неблагоприятное социальное окружение, отсутствие перспектив, она, после окончания русской средней школы, стала уезжать не только на новое, но и безопасное место жительства, чтобы учиться и работать, найти возможности самореализации.

Однако, несмотря на все переселения, почти до конца XX в. местом наибольшего компактного проживания удин все же продолжали оставаться родные села Нидж, Варташен в Азербайджане и с. Октом-

бери в Грузии. Однако образование СНГ, эскалация армяно-азербайджанского конфликта и дальнейшее ухудшение социально-экономического положения заставили немалое количество удин покинуть родные места. Сегодня многие из уехавших освоились на новом месте, стали гражданами разных стран СНГ. Как уже отмечали, сегодня наибольшее количество удин проживет в Российской Федерации. К 2014 г. в России их стало чуть больше, чем в Азербайджане, на исторической родине. Эмиграция в Российскую Федерацию в первую очередь была связана с тем, что она признала себя правопреемником СССР, всегда была содружеством различных народов, культур и цивилизаций.

Действительно, катастрофа, связанная распадом Советского Союза, последующее значительное ухудшение политической и социально-экономической обстановки, материального положения людей заставило значительное количество удин покинуть свои родные и обжитые места. Негативное развитие событий в конце перестройки, а затем кризис системы государственной власти в Азербайджане, а сегодня продолжающийся конфликт вокруг Нагорного Карабаха превращают миграцию в постоянный процесс.

С начала XXI века, несмотря на то что ситуация изменилась коренным образом, по разным причинам продолжается переезд удин из Азербайджана в Российскую Федерацию на постоянное место жительства. Сегодня подавляющее большинство удин живут в Южном и Северокавказском Федеральных округах. В первую очередь они переехали в наиболее близкие для них субъекты Российской Федерации: Краснодарский и Ставропольский края, в Ростовскую, Астраханскую, Волгоградскую области. Правда, до сих пор считается, что южный макрорегион страны является территорией повышенной конфликтности, что он переживает сегодня сложнейший этап, от которого во многом будет зависеть дальнейшее развитие России как государства¹.

Несмотря на все проблемы, на Юге Российской Федерации, где уже несколько тысячелетий совместно проживают представители многих коренных наций, этносов и религий, культур и цивилизаций, удинам легче всего оказалось адаптироваться. Хотя ученые постоянно писали и пишут о том, что весь спектр противоречий и проблем, характерных для современной России, как доставшиеся от советского прошлого, так и порожденные в постсоветский период, оказались

¹ Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам / Авксентьев В.А., Зинев С.Н., Лавриненко Д.А., Лепилкина О.И., Майборода Э.Т. – Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2011. – С. 189.

сконцентрированными на территории Южного федерального округа, а затем в Северо-Кавказском федеральном округе¹.

Причины такого единства в многообразии заложены в исторических, социально-политических, экономических и культурных основах бытия и традиций народов. Для удин существенную роль сыграло геополитическое положение Юга России на карте мира, его близость к государствам Закавказья, наличие ведущих транспортных артерий и экономическая инфраструктура. Несмотря на то, что в современный период здесь произошли определенные социальные, политические, культурные, этнические и демографические изменения, переселение в Россию произошло без значительных издержек.

Как отмечалось выше, для удин в числе положительных факторов оказались многоязычие и русскоязычная среда. Многие из них с детства, кроме родного, знают азербайджанский и русский языки. Знакомы с школьных лет с историей России, русской литературой и культурой. Все это значительно облегчило процесс адаптации переселенцев к новой социальной, культурной, языковой и духовной среде. Естественно, что огромное значение имели материальные, экономические факторы, хотя за последние годы в числе важнейших оказались причины духовно-нравственного порядка (религия, культура, традиции, быт и пр.).

Если совершить экскурс в прошлое, то можно заметить, что согласно Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РСФСР проживало всего 1 102 удина. Это были первые группы удин, жившие постоянно, но дисперсно на всей территории России. В последующем они стали основной причиной и опорой для выбора места жительства очередных групп переселенцев. В результате интенсивного процесса миграции в конце прошлого столетия и начале третьего тысячелетия большинство семей после переезда оказались в южных городах России, у родных и близких. Люди постепенно стали осваивать новые места жительства в Краснодарском крае и его станицах, Ростовской области, ее городах и поселках: Таганроге, Шахтах, Азове и других населенных пунктах. Несколько групп удин появились в Ставропольском крае: Минеральных Водах, Буденновске. Новые удинские общины стали формироваться в Екатеринбурге (г. Свердловск), Москве, Волгограде, Санкт-Петербурге, Иваново, Ульяновске и других городах Российской Федерации.

¹ Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам / Авксентьев В.А., Зинев С.Н., Лавриненко Д.А., Лепилкина О.И., Майборода Э.Т. – Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2011. – С. 36.

В этой связи хочется подчеркнуть особую роль тех удин, кто проживает со второй половины XX века в столице Урала – Свердловске. В сложное и кризисное для страны время представители удинской интеллигенции: Олег Дингилиши, Эдуард Везиров, братья Александр и Василий Насибари стали первопроходцами в процессе объединения и сплочения удин в единое сообщество, оказании материальной и моральной помощи и поддержки землякам, решении многочисленных вопросов, в том числе трудоустройства и обеспечения жильем. Одними из первых в России они были в числе тех, кто в тогдашнем Свердловске создал национальную общину. Одновременно для информационной поддержки, знакомства уральцев с историей, культурой, традицией удин был организован выпуск русскоязычной газеты «Орайин» («Родник»). Сегодня национальная община удин в Екатеринбурге во главе с Олегом Дингилиши является одной из самых активных и известных в Российской Федерации и странах СНГ.

Рассматривая современное бытие удин, обратимся к статистике. Результаты Всероссийской переписи населения 2010 г. показывают, что гражданами России являются 4 267 удин. Конкретные сведения по регионам свидетельствуют, что наиболее многочисленные группы удин по-прежнему проживают в южных краях и областях России, граничащих с государствами Закавказья. Это подтверждают и сведения, полученные от руководителей удинских общественных организаций, действующих на Юге Российской Федерации.

В апреле 2012 г. произошло знаменательное событие на исторической Родине удин – в поселке Нидж Азербайджанской Республики. По инициативе национальных общин России и стран СНГ там состоялась Международная научно-практическая конференция: «Удины: вчера, сегодня, завтра». Она прошла при активной помощи и поддержке, непосредственном участии представителей государственных органов и общественных объединении Азербайджанской Республики, ученых из стран СНГ, председателей многих удинских общин и местной интеллигенции (материалы на сайте: udi.az).

Работу конференции предварила активная деятельность руководителей созданных несколько десятилетий назад общественных организаций, функционирующих в п. Нидж. Огромный резонанс, вызванный результатами работы конференции, во многом связан с деятельностью Директора Удинского культурного Центра «Орайин» Олега Данакари и Председателя Албано-удинской христианской общины Азербайджанской Республики Роберта Мобили.

Анализируя историю формирования и функционирования национальных общин, отметим, что они одними из первых в СНГ появились в Азербайджане. Развитию данного процесса способствовал Указ Президента от 16 сентября 1992 г. «О защите прав и свобод, государственной поддержке развития языка и культуры национальных меньшинств, малочисленных народов и этнических групп, проживающих в Азербайджанской Республике». Он создал правовую базу для решения имеющихся проблем представителей национальных меньшинств в культурно-языковой сфере, в том числе и для удинского этноса.

Опираясь на Указ Президента Азербайджанской Республики, удины, живущие в поселке Нидж, создают свой культурный Центр «Орайин», организатором и бессменным руководителем которого становится Георгий Кечаари. Выпускник восточного факультета Азербайджанского государственного университета, он проработал многие десятилетия на различных должностях в райцентре Куткашен и поселке Нидж, в том числе был директором средней школы, затем трудился учителем истории и обществоведения. Как патриот древней азербайджанской земли и родного поселка Нидж, профессионал своего дела, он в сложное и кризисное время для молодого постсоветского государства начинает в республике проводить большую просветительскую и общественную работу. Благодаря его деятельности древняя, средневековая и современная история и культура, традиции и обычаи удинского народа становятся известны многим ученым мира, государственным деятелям и широкой общественности планеты.

Как полиглот, журналист и писатель, Георгий Кечаари за короткое время сумел подготовить и издать не только работы собственного творчества, но и большое количество книг, статей, брошюр со стихами, рассказами, легендами и мифами удин на родном, азербайджанском и русском языках. Исключительную роль Г. Кечаари сыграл в драматический период кризиса и конфликтов в сфере межнациональных отношений 80–90 гг. XX века, восстановления мира и доверия, согласия и сотрудничества между народами Азербайджана. Огромную работу он провел при налаживании сотрудничества с Норвежской гуманитарной ассоциацией, реставрации в п. Нидж удинской православной церкви «Чотари» св. Елисея. Он заново «открыл» родное село Нидж многим знаменитым ученым и писателям, государственным и общественным деятелям, многим иностранным делегациям. Историческими можно считать приезд в п. Нидж и неоднократные личные встречи со всемирно известным путешественником и мореплавателем Туром Хейердалом.

Труды Г. Кочаари не пропали даром, после его ухода из жизни эстафету подхватили представители среднего поколения удинской интеллигенции. Сегодня Удинский культурный центр «Орайин» во главе с Олегом Данакари сохраняет и развивает те традиции, которые заложены самим основателем. Благодаря таланту и энергии, творчеству и инициативе О. Данакари там появился музей, собрано огромное количество научной литературы, фотоматериалы и документы из истории и культуры удинского этноса. Ежегодно поселок Нидж и Удинский культурный центр «Орайин» принимает многочисленных гостей из Азербайджана и России, других стран СНГ, Балтии, со всего мира. Здесь же постоянно рассматриваются актуальные проблемы социально-экономического и культурного развития п. Нидж, проводятся мероприятия разного характера, отмечаются государственные праздники и знаменательные даты, проходят чествования ветеранов войны и труда, встречи с творческой интеллигенцией. Сегодня там началась подготовка к празднованию в мае 2015 г. большого праздника – 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

20 июля 2014 г., согласно сложившейся традиции, уже третий раз, в поселке Нидж Габалинского района Азербайджанской Республики, под эгидой Центра и непосредственным руководством Олега Данакари, был проведен День удинской культуры. В этом году он принял более торжественный и масштабный характер. Торжественная часть мероприятия была связана с поездкой в г. Габалу и возложением венка и цветов к подножию памятника общенациональному лидеру Азербайджанской Республики Гейдару Алиеву. После возвращения в п. Нидж в православной удинской церкви «Чотари» св. Елисея, состоялся обряд Крещения молодых удин из родного поселка и стран СНГ. Его провел заместитель руководителя Албано-удинской христианской общины Азербайджана Рафик Данакари. Через несколько часов торжество – День удинской культуры – с участием более 300 человек продолжилось на территории Ниджской поселковой средней школы №1. Там состоялось большое культурно-просветительское представление с музыкальным и художественным сопровождением, праздничным банкетом. На нем выступили хозяева и гости из Баку, Москвы, Волгограда, Екатеринбурга, Краснодара, Астаны (Казахстан), Иваново, Шахт, Таганрога, районов Азербайджана, представители творческой интеллигенции. Поэты и учащиеся школ читали на нескольких языках стихи и отрывки из поэм, играли музыкальные ансамбли, исполнялись танцы народов мира. Вечером в центре поселка Нидж, в парковой зоне, состоялся большой концерт с участием музыкальных

ансамблей и певцов из Баку. День удинской культуры завершился поздно вечером большим праздничным салютом.

Рассказывая о деятельности удинских общин России, отметим, что большинство руководителей принимает активное участие в мероприятиях, проводимых в краях и областях, крупных мегаполисах и малых городах страны. Они участвуют в праздновании Дня Великой Победы, Дне народного единства, других светских и религиозных праздниках совместно с представителями других национальных общин. На этих мероприятиях удины рассказывают об истории, культуре и традициях своего народа, демонстрируют свои национальные песни и танцы, знакомят присутствующих и гостей блюдами из национальной кухни¹.

Однако, несмотря на активную работу удинских общин во многих регионах России, они продолжали функционировать разрозненно. Появилась идея объединить общины, создать единую информационную и координирующую структуру. По инициативе земляков из Шахт и Таганрога, а затем и других представителей удинской интеллигенции, живущих разных регионах России, было принято решение оказать всемерную помощь и поддержку в интеграции национальных общин, создании единого центра организации и управления. Их инициаторами в России стали: Э. Везиров, О. Дингилиши, В. и А. Насибари, В. и А. Курановы, С. Бояхчяри, О. Даллари, О. Данилов, Э. Гоасари, Б. Шабанов, Р. Данакари и другие.

Отсюда, не случайно, что в 2011 г. именно в г. Шахты появился единый Удинский информационно-координационный центр (ИКЦ) всех общин России. Центр проводит большую информационную и организаторскую работу среди всех удин России, осуществляет деятельность по укреплению межнационального мира и согласия, доверия и дружбы в Ростовской области. С помощью ИКЦ и региональной организации «Община удин Ростовской области» собрана обширные сведения по истории и культуре, традициях и обычаях удин, большая информационная база данных о земляках, живущих не только в России, но и на Украине, в Казахстане, Туркмении, Узбекистане, в других странах СНГ и Балтии.

В настоящее время в самом городе Шахты и его окрестностях проживает около двухсот удинских семей численностью свыше шестиста человек. Особый интерес представляет Таганрог, куда одними из первых еще полвека назад приехали удины села Нидж, выпускники средних школ, чтобы учиться в радиотехническом институте. После

¹ Официальный сайт Информационно-Координационного Центра Удинских Общин. – URL: www.udl-center.org

окончания вуза молодые специалисты устроились работать инженерами на завод. Через некоторое время они создали свое землячество. Однако сегодня в Таганроге насчитывается всего сто двадцать семей, общая численность которых составляет около трехсот человек. В южной столице России – Ростове-на-Дону – живут около сорока семей. Дисперсно, отдельными группами, удины живут в районах Ростовской области. Например, в Азове устроилось около пятидесяти семей. В основном здесь живут удины, переселившиеся из с. Мирзабейли Азербайджанской Республики.

Как уже отмечали, в Краснодарском крае живет наибольшее количество удин, их там сегодня около 1 200 человек. По информации краевой общественной организации «Культурный центр удин», свыше восьмидесяти семей проживает в самом Краснодаре. Немногочисленные удинские семьи есть также в Динском, Куцеевском, Тбилисском, Ленинградском муниципальных районах. В двух последних районах преимущественно живут удины, эмигрировавшие из г. Варташен (ныне Огуз) Азербайджанской Республики.

В Ставропольском крае удины появились всего несколько десятков лет назад. Они живут в Минеральных Водах, Пятигорске, много переселенцев в Буденновске и его окраинах. Особо хочется среди удин отметить живущего и работающего в Минераловодском районе, пос. Марьины-Колодцы, врача-профессионала, человека огромного трудолюбия и гостеприимства, высокой культуры и благородства – Юрия Дабакова. Он пользуется заслуженным уважением не только у людей, живущих в Марьиных-Колодцах, соседних поселениях, г. Минеральные Воды, но и у всех удин Азербайджана, России и других стран СНГ. За два десятилетия работы в России он как профессионал своего дела, врач высшей категории, прошедший неоднократно курсы переподготовки и повышения квалификации, оказал срочную медицинскую помощь, вылечил десятки тысяч детей и взрослых, людей всех национальностей. Для него, сельского врача, высшим смыслом жизни стало «сбережение народа», помощь и поддержка людей, укрепление их здоровья. Среди удин очень много тех, кто достойно служит обществу, людям.

Анализируя современные проблемы бытия малых этносов, отметим, что Россия, в отличие от большинства стран, является интегральной полиэтнической целостностью, она не просто продукт длительного исторического процесса, современных миграционных перемещений, особенно в рамках рынка труда, а результат тысячелетнего совместного проживания разных этносов, культур, цивилизаций. В силу этого важнейшим фактором единства страны являются истори-

ческие духовные связи, культурное взаимодействие людей разных национальностей. Конечно, фундамент этих связей сегодня, несмотря на традиционный характер многих отношений, во многом закладывается в семье, средней и высшей школе, что и определяет их социальное и культурное значение и роль. Бесспорно, что вопросы управления, обеспечения взаимодействия в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, регулирования миграционных процессов носят системный характер.

Сегодня актуальный и значимый характер в указанной плоскости приобретает деятельность национальных общественных объединений и этнических диаспор по интеграции многосоставных обществ в единую целостность. В настоящее время в Волгограде и области активно действуют несколько десятков национальных общин. Они тесно взаимодействуют с органами государственной власти и местного самоуправления в деле обеспечения социально-политической стабильности, укреплении взаимопонимания и доверия между народами, живущими в регионе.

Появление удин на славной и героической Сталинградской земле требует отдельного и более тщательного изучения. Однако в рамках нашего исследования, насколько возможно, на основе собранных материалов сделаем первую попытку осветить историю приезда, миграции удин в Волгоградскую область, рассказать о современной их жизни и деятельности, а также функционирующей в регионе национальной общины.

В Волгограде первые удины появились в 80-е гг. XX века. Их приезд был связан с призывом в Советскую Армию. После службы молодые люди остались в Волгограде, стали работать на заводах и фабриках, строительных организациях и системе торговли, учиться в институтах и техникумах. В их числе А. Заргаров, Р. Мурадари, Н. Фалчари, Ж. Мамиконов. По комсомольской путевке приехал А. Сардари.

Однако основная масса удин в Волгограде и области оказалась в конце прошлого столетия. Они эмигрировали из Азербайджанской ССР в период перестройки и в 90-е гг. XX века, когда по вине Армении и под влиянием ее заграничных диаспор разгорелся межнациональный конфликт вокруг Нагорного Карабаха, а затем началась и полномасштабная война между двумя соседними республиками. Став гражданами России, удины, несмотря на все сложности и проблемы переходного периода, непрерывные кризисы, смогли найти кров и пищу, интегрироваться в новое сообщество. За два десятилетия им

удалось получить образование, профессию, трудоустроиться. В настоящее время в Волгограде и области живет больше трехсот удин. Большая их часть компактно проживает в сельском поселении Дубовый Овраг Светлоярского района области. В городе-герое Волгограде живет всего около ста удин. Среди них есть преподаватели вузов, врачи, экономисты, юристы, учителя, предприниматели, труженики заводов и фирм, работники сферы торговли и услуг.

В ноябре 2011 г. в сельском поселении Дубовый Овраг Светлоярского района удины, живущие в Волгограде и области, провели общее организационное собрание. На нем было решено создать Волгоградскую областную общественную организацию удин «Нидж», избрать Правление и руководящий состав. Председателем Правления был избран профессор Ричард Данакари, а секретарем – учитель Тамара Даллари. За этот период все более интенсивными и регулярными стали контакты между большинством удин города и области. Часто стали проводиться открытые заседания Правления общины. В них всегда осуществляется активный обмен мнениями и опытом работы, подробно рассказывается о поездках в разные регионы России и встречи с удидами. Успешная работа во многом происходит благодаря взаимодействию с Комитетом по делам национальностей и казачества Волгоградской области, соответствующей структурой мэрии города, общественной организацией культуры «Дом Дружбы», многими национальными объединениями региона.

Уже в течение трех лет руководство национальной общины активно представляет интересы удин в различных органах региональной и муниципальной власти. В частности, в работе Консультативного Совета по национальной политике при Губернаторе Волгоградской области, выступает с инициативами по различным вопросам общественной жизни области и Волгограда. Следует сказать, большинство удин Волгограда и области поддерживают между собой тесные связи. Они постоянно собираются на различные мероприятия: праздники, дни рождения, юбилеи ветеранов, часто вместе отмечают Новый год, Рождество, Пасху. Конечно, в центре внимания важные исторические события, связанные с Великой Отечественной войной. Например, недавно вместе со страной торжественно отпраздновали 70-летие Сталинградской битвы, сейчас осуществляется подготовка к юбилею Великой Победы. В 2014 г. в торжественной обстановке прошел День международной солидарности трудящихся – 1 Мая. По традиции, на следующий день, в большом семейном кругу, с участием родных и близких, друзей и соседей проводится коллективная «маевка». Она

проходит с застольем, музыкой и танцами. Конечно, в первую очередь готовятся угощения, блюда национальной кухни: подается индейка, долма из грецких орехов и плов с мясом, каштанами, курагой, черносливом, изюмом. Естественно, что на праздничных торжествах всегда присутствуют гости, представители многих национальностей, живущих в нашем полиэтническом сообществе.

Сегодня удины стремятся интегрироваться в многонациональное российское общество, живут и работают на государственной и муниципальной службах, в правоохранительных структурах, являясь предпринимателями, занимаются бизнесом, индивидуальным трудом. Некоторые из них трудятся непосредственно на производстве, в сфере городского хозяйства и торгового обслуживания. Удины, живущие в муниципальных районах и сельских поселениях, преимущественно занимаются своим личным подсобным хозяйством, разводят крупный рогатый скот, свиней, овец и птиц, а в летний сезон многие заняты овощеводством и бахчеводством.

Созданная в 2011 г. Волгоградская областная общественная организация удин «Нидж» (ВООО удин «Нидж») проводит активную общественную работу по месту жительства своих земляков, среди многонационального и поликонфессионального населения региона, огромное значение придает сотрудничеству со средствами массовой информации. Она совместно с другими национальными общинами и этническими диаспорами участвует в мероприятиях различного характера. Особо тесные контакты и активное сотрудничество осуществляется с национально-культурной автономией азербайджанцев в г. Волгограде, которую возглавляет Садай Кулиев. За последние два года совместно был проведен ряд крупных мероприятий. Например, мероприятие в честь 90-летия со дня рождения общенационального лидера Азербайджана Гейдара Алиева, презентация февральского номера журнала «Дом Дружбы», посвященного истории и культуре Азербайджана, героям Сталинградской битвы из нашей республики, праздники Новруз-байрам. В декабре 2013 г. руководство удинской общины принимало активное участие в торжественном открытии «Парка Дружбы: Волгоград-Баку». Сегодня он представляет собой одно из самых красивых и популярных мест культуры и отдыха жителей города-героя и его гостей.

Готовятся материалы информационного характера, даются сообщения, обеспечивается выпуск статей в областных и городских газетах и журналах. В центре внимания сотрудничество с руководством и редакцией журнала «Дом Дружбы». За последние годы в самом

журнале опубликовано несколько статей, посвященных истории и культуре, традициям и обычаям удинского народа.

Руководство Волгоградской областной общественной организации удин «Нидж» продолжает укреплять связи с исторической Родиной – Азербайджанской Республикой, с поселком Нидж, со всеми удинскими общинами России и стран СНГ. Достаточно подробно деятельность удинских общин России, отдельных удин: ученых и писателей, врачей и строителей, учителей и инженеров, менеджеров и рабочих, руководителей предприятий и бизнесменов – нашла свое отражение в книге известного современного азербайджанского журналиста и писателя Рамина Мамедова¹.

Живя в России, удины стремятся сохранить историю и язык, особенности культуры и этническую идентичность, родственные связи. Однако реальность вносит свои коррективы, идет постепенный процесс естественной ассимиляции и аккультурации, забываются родной язык, традиции, обычаи, многие элементы быта. Поэтому важнейшими задачами Волгоградской областной общественной организации удин «Нидж» являются: во-первых, сохранение родного языка, истории, культуры, традиций, обычаев, идентичности; во-вторых, укрепление мира и согласия, развитие дружбы между народами страны; в-третьих, несмотря на все сложности и проблемы, активная интеграция в многонациональное и поликонфессиональное российское общество.

7.3. Феномен «удины»: трансформация социокультурного бытия и этнической идентичности

Социально-философское и политическое исследование этнического бытия народов, их культуры, системы ценностей и идентичности как особых феноменов предполагает акцентирование внимания на нескольких важнейших моментах. Во-первых, аналитика современного общества и специфики жизнедеятельности функционирующих в них этнических общностей, выявление их природы и сущности изначально требует изучения весьма сложной и многогранной системы понятий и категорий, определения объекта и предмета, постановку целей и задач, применения научных законов. Во-вторых, все феномены разворачиваются в специфическом социально-этническом пространстве и социально-этническом времени, их исследование требует

¹ См.: Мамедов Р.Г. Сыны страны огней в истории России. – Баку, 2013. – 400 с.

использования всего научного арсенала, особенно формационной и цивилизационной методологии, принципов историзма и объективности, сравнительного анализа. Иными словами, проблема постижения этнического бытия народов, интерпретации «картины мира» каждого этноса, в том числе и удин, предполагает применение междисциплинарного подхода.

Исследование общефилософских вопросов субстанционального и онтологического порядка, связанных с современными обществами, бытием их народов, помогут понять общее и особенное в жизнедеятельности этнических меньшинств, рассмотреть, в том числе и «жизненный мир» удина. Для нас актуально следующее. Что определяет сущность их бытия на протяжении нескольких тысячелетий? Как и насколько процессы глобализации влияют на социокультурную трансформацию этнических меньшинств? Какова специфика удинской культуры, в частности, этнической идентичности и традиций?

Обращаясь к феномену «этнические меньшинства», в том числе и «удины», хотелось бы отметить, что сегодня на Земле существуют десятки цивилизаций, сотни разных культур, несколько тысяч этносов и этнических групп. Следует признать, что каждая из них является только частью современного мира, который как целостность превосходит простую сумму культур и цивилизаций, бытия всех этносов. Поэтому важно за всеми противоречиями и конфликтами, частностями и особенностями, увидеть черты всеобщности и целостности мира. Очевидно, что ни одна из цивилизаций и культур, ни один этнос, даже самый большой, не может претендовать на абсолютность и универсальность, навязывать свои идеи и идеалы, ценности и традиции другим народам, быть эталоном для человечества.

Рассматривая вопросы общефилософского характера, отметим, что развитие современного общества все очевиднее свидетельствует о столкновении в нем глобального и регионального, интегрального и фрагментарного, национального и этнического, общественного и индивидуального. Указывая на эти проблемы, В.Л. Иноземцев отмечает, что «единство и целостность человеческого бытия вне и без его многообразия, представляющего огромную ценность, – мир-казарма, состоящий из «метрополии» и «резервации». Созданный по образу и подобию некоего эталона, якобы единственного и наиболее прогрессивного, принципы и нормы жизнеустройства которого механически усваиваются другими, такой мир, конечно же, не нуждается в нацио-

нальном, этническом плюрализме культур и региональных образа жизни. Многообразие выступает тогда преградой на пути универсализации мира»¹.

Современная социально-политическая динамика актуализирует вопросы взаимодействия представителей разных цивилизаций и культур, специфику и значимость в ней «встреч» больших и малых этносов, национальных и этнических меньшинств. Изменения, происходящие в российском обществе, самым серьезным образом влияют на сферу межэтнических отношений, актуализируют вопросы формирования гражданской нации, повышения уровня политической культуры и воспитания патриотизма. Сегодня определение роли и места каждой нации и этноса в непрерывно развивающемся рыночном социуме, анализ особенностей межэтнических коммуникаций, взаимодействия между народами России превращается в судьбоносную проблему для государства, актуальный вопрос для политической теории и практики, государственного и муниципального управления.

Тенденции к универсализации, по мнению Р.Х. Симоньян, противостоит рост фрагментированности общества, усиление дифференциации, движение к экономическому, культурному плюрализму, расширение локальных устремлений, а также защита своего языка, культуры, истории, что служит мощным источником развития региональных сообществ². За последние годы в России широко распространены такие понятия, как национальная политика, национальная экономика, национальные проекты. Однако понятия «национальное» и «этническое» в нашем общественном бытии приобрели качественно иной смысл, они отличаются от традиций европейской цивилизации и теоретического дискурса ученых западных стран.

Процессы глобализации и интернационализации экономических и хозяйственных связей, массовые миграции и демократизация, изменения социальной структуры в традиционных и современных обществах привели к формированию новых доктрин самоопределения, национального строительства, гражданства, постановке вопросов индивидуальных и коллективных прав. Сегодня они включают набор национальных и международных механизмов борьбы против различных форм дискриминации, защиту прав этнических, расовых, религиозных и языковых меньшинств. В науке и политической практике появились концепции единства в многообразии, поликультурности, прав на различия и идентичность.

¹ Иноземцев В.Л. Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль. – 2000. – №1. – С. 83.

² Симоньян Р.Х. Концепция мезоуровня применительно к региону // Социологические исследования. – 2010. – №5. – С. 51–61.

В последней четверти XX столетия в странах Запада, от Канады и Австралии до Франции и Германии, утвердилась в разных модификациях и вариантах новая теория и практика мультикультурализма. Общим стало признание неоднородности гражданских наций, поддержка культурных различий, включая не только так называемые исторические меньшинства, но и разные по культуре и религии группы эмигрантов, ставших во многих случаях гражданами стран нового пребывания. Популярность обретает концепт коллективных прав, который отходит от формального личностного равноправия в пользу меньшинства с приниженным положением.

Теория мультикультурализма в ходе практической реализации дала определенные позитивные результаты, обеспечила строительство реального демократического и социального государства. Однако, как оказалось в перспективе, она заключала в себе и значительные риски, и серьезные проблемы. Стали противоречивыми и конфликтными межгрупповые границы, появилась не только возможность игнорирования и ущемления прав большинства, но и ответной агрессивной реакции с его стороны.

Российские ученые, в том числе и автор этих строк, с самого начала указывали на противоречивый характер и значительный конфликтный потенциал теории и политики мультикультурализма, пропаганды незыблемости автономного существования этносов в мегаполисах и создания этнических диаспор, отдельных конфессиональных анклавов, что абсолютно невозможно в сложносоставном и поликультурном обществе. Такая политика игнорировала реальные проблемы полиэтнического социума, не учитывала необходимость толерантного и мирного сосуществования представителей разных культур и цивилизаций, формирования общегражданской идентичности.

Обращаясь к эпохе существования Советского Союза, хотелось бы отметить, что вместе со странами социалистического лагеря он пропагандировал идеи интернационализма и дружбы народов, стремился реализовать курс на «расцвет и сближение наций». Как известно, через некоторое время он дополнился понятием советского народа как единой исторической общности. Эта модель строилась на основе нашей общей истории, идеологии, культуры, традиций и ценностей.

Сегодня наше общество, отказавшись от советского наследия в области национальной политики, идет по пути развитых западных стран. Постепенно реализовывая концепцию мультикультурализма, наша страна также оказалась перед сложной проблемой совмещения притязаний наций и этносов, их культур на сохранение самобытности

со свободой и равенством граждан, ценностями демократии. Как известно, ст. 3 Конституции Российской Федерации провозглашает многонациональный характер нашего общества, объявляет народ носителем суверенитета и единственным источником власти. Она подчеркивает равенство всех национальностей, актуальность сохранения и развития их культур. Одновременно началась активная работа по формированию российской гражданской нации.

Как считает В.А. Тишков, нация – «это историческая, культурная и социально-политическая общность людей в рамках государственного образования, находящаяся под единой суверенной властью, обладающая общим самосознанием и общими ценностями при сохранении культурной сложности. Последняя может сжиматься и уступать место гражданскому национализму (патриотизму) в годы политической централизации и общегражданских потрясений и обретать актуализированное старое и вновь обретенное разнообразие в эпоху демократизации, деколонизации и массовых миграций. Все это отражается в проверенной и широко распространенной формуле нациестроительства «единство в многообразии» (*In pluribus unum, unity in diversity*), которая используется от Индии до Ямайки»¹.

В современных государствах, в том числе и России, с языковым разнообразием сложилась такая же противоречивая ситуация. В нашей научной и общественно-политической традиции язык по-прежнему довольно жестко связывается с этничностью. Лингвистическая сложность связана с существованием в мире нескольких тысяч языков и большого количества их диалектов. Язык не только важнейшее средство общения и межэтнической коммуникации, он является одной из форм бытия народов, отражает их интересы и идентичность, «жизненный мир» человека, содержание и смысл существования людей, единство и многообразие самых разных человеческих сообществ, организаций и институтов, обеспечивает их солидарность и функционирование. Не секрет, что для нормального функционирования государства на международной арене и внутри страны, всех ветвей власти, управленческих структур необходим единый официальный язык.

Глобализация и становящееся информационное общество создали серьезные проблемы, как в области культуры, идентичности, так и языка. Естественная и искусственная ассимиляция меняет традиционные взгляды на ситуацию с языками. Под их воздействием значительно ускорились темпы исчезновения языков, даже составлены

¹ Тишков В.А. Стройка нации // Россия в глобальной политике. – 2013. – №5. – Том 11. – С. 165.

«красные книги», куда включены и «заповедные народы», к числу которых относятся и мои соплеменники – удины. Уже долгие годы ученые и мировая общественность с тревогою и беспокойством говорят о проблеме «вымирания языков». На уровне ЮНЕСКО и Совета Европы приняты декларации и хартии по вопросам сохранения и защиты разнообразия языков. В 1992 г. Совет Европы принял международный документ – Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств¹. Несмотря на то, что через некоторое время Россия присоединилась к ней, до сих пор она ее не ратифицировала.

Несмотря на глобализацию и компьютеризацию, доминирование на мировом информационном пространстве, в Интернете английского языка, наша планета не становится моноязычной. Положение в разных странах с языком, общая языковая ситуация в мире носят достаточно сложный характер. Сегодня на разных континентах деятельность транснациональных корпораций, социальных сетей, большие миграции ведут к сложным и противоречивым лингвистическим процессам. С одной стороны, происходит размывание и перемешивание языковых ареалов, распространение многоязычия среди населения, как происходит в развитых странах Западной Европы, США и Канады. С другой – «возрождение этничности» привело к повышению интереса не только к собственной истории, культуре, мифам, артефактам, но и языкам. Тенденция к ревитализации языков, т.е. их возвращению в жизнь, характерна как для стран СНГ, так и для развитых государств.

Единство и сплочение всего общества, признание каждого этнического меньшинства своеобразной социальной целостностью, со своей историей, языком, культурой, традицией, требует к нему чуткого и внимательного отношения. На эти и другие особенности указывает доктор политических наук, профессор В.А. Колесников, который, в частности, пишет: «Территориальные основы местного самоуправления и функционирования муниципальных образований, таким образом, определяются с учетом исторических и иных местных традиций. Значим, например, учет исторических традиций и культуры компактно проживающего казачества в Волгоградской области, Ростовской области, Краснодарском крае. Обязателен учет и иных местных традиций: например, этнических традиций поволжских немцев в Саратовской области, татар в поселении Малые Чапурники Светлоярского района Волгоградской области. Здесь ежегодно проводится старинный

¹ Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств – принята в Страсбурге 5 ноября 1992 года Советом Европы: URL: ru.wikipedia.org.

национальный татарский праздник «Сабантуй», имеющий областное значение, с приглашением гостей из Казани, Астрахани, других городов Российской Федерации»¹.

Сегодня особо следует учитывать природу и культурную обусловленность формирования местных сообществ, непрерывность их динамики. Если говорить о местных сообществах и муниципальных образованиях, то они имеют свою систему отчета, разные границы. Представители этнических общностей на протяжении длительного времени занимают определенные пространства, которые были необходимы для жизни и активной деятельности, ведения хозяйства. Часто административные границы не совпадали с границами местных хозяйственных комплексов и культурными ареалами. В российской истории масса примеров, когда представители разных этносов и культур жили совместно на одной и той же территории, сообща использовали природные ресурсы, вели хозяйственную деятельность, налаживали добрососедские отношения. Пространственные параметры этнических общностей сохраняются и играют существенную роль в современной жизни людей, особенно для тех, кто живет в малых городах, поселках и сельских поселениях.

Анализируя деятельность формирующегося нового регионального сообщества в России, отметим, что этнические и миграционные процессы существенно изменили жизнь не только в мегаполисах, но и малых городах и сельских поселениях. Становление и развитие рынка также радикально изменили социальные отношения, особенно между жителями города и села. В условиях современности непрерывным изменениям подвергается система региональной и муниципальной власти, появились различия в правовых нормах и сфере администрирования, организации и управления местных сообществ.

За последние десятилетия во многих регионах России появились общественные объединения, новые местные поселения и различные землячества, организованные на этнической и национальной основе. За этот период в краях и областях Российской Федерации, в крупных городах появились национальные общины и культурные центры удин. Они помогли переселенцам и мигрантам, многим удинским семьям адаптироваться в новой поликультурной и хозяйственной среде, активно взаимодействовать с региональной и муниципальной

¹ Колесников В.А. Гражданский патриотизм и гражданская политическая культура в современной России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Изд-во Грамота, 2013. – №3(29) – Ч. I. – С. 87.

властью, местным населением. Сегодня перед всеми этническими меньшинствами, в том числе и удинами, стоит задача по более активной консолидации в знакомую русскоязычную среду, а в перспективе и интеграции в поликультурное сообщество.

Однако следует признать, что в многонациональных и поликонфессиональных сообществах, особенно в мегаполисах, существует необходимость защиты и реального представительства всех групп национальных меньшинств, малых этносов. В этих условиях ошибочной является политика быстрого и жесткого стремления власти к гомогенизации местных сообществ, ссылки на то, что только этнически однородные поселения представляют собой очаги стабильности.

По мнению М. Магомедовой, в настоящее время во взаимоотношениях народов преобладают две взаимосвязанные тенденции, одна из которых имеет интегрирующую, а другая – дифференцирующую направленность. Действие обеих тенденции во многом зависит от социально-экономических условий и поэтому неодинаково в различных этнических средах. В современных условиях особое влияние на ход этнических процессов оказывает научно-технический прогресс, в первую очередь развитие средств массовой коммуникации. Немалая роль принадлежит политическому фактору, традиционному образу мышления и демографическим изменениям¹.

Сегодня, как считает профессор В.А. Колесников, неотъемлемой характеристикой нашей гражданской политической культуры, обуславливающей полноту гражданского патриотизма с доминантой этнотолерантности в многонациональной России, является гармонизация общественного и классового, демократического и национального, рационального и религиозного, где общечеловеческие ценности – основа развития свободного общества. К субъектному фактору обеспечения целесообразно отнести, например, в Волгоградской области деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций, с точки зрения эффективного воздействия на процесс культивации стабильных межэтнических отношений в регионе².

За последние десятилетия в современной России, во многих ее

¹ Магомедова М.З. Идентичность и толерантность как условие стабильности северокавказского социума / Регион. центр этнополит. исслед. ДНЦ. – Махачкала: ИПФ «Наука-Дагестан», 2009. – С. 6.

² Колесников В.А. Муниципальные интересы и этнический фактор / Формирование добрососедских этноконфессиональных отношений как один из важнейших задач современной цивилизации: материалы международной научно-практической конференции. 1–2 февраля 2013 года. – Прага: Vedecko vydavateľské centrum «Cosiosfera-CZ», 2013. – 206 с.

республиках, краях, областях появились новые региональные сообщества со своей социальной, этнической структурой, различными стратами и группами, имеющими специфические интересы и потребности, предпочтения и ценности, отличные от федерального центра, его крупных мегаполисов. Сегодня в Волгоградской области существует несколько десятков национальных общин и этнических диаспор. В обеспечении социально-политической стабильности, активном взаимодействии власти, бизнеса и гражданского общества, реальном функционировании регионального сообщества они играют все более заметную роль. Национальные общественные объединения, в том числе и удинская община, выполняют двуединую задачу: с одной стороны, они выступают за сохранение истории, родного языка, культуры, традиций; с другой – активно работают над укреплением Российской Федерации как многонационального государства, формированием регионального сообщества на основе общих ценностей и общей идентичности, занимаются сохранением мира и согласия в регионе, обеспечением единства и дружбы между народами.

В интеграции многонационального и многоконфессионального российского общества, формировании гражданской политической культуры и патриотическом воспитании молодежи исключительная роль принадлежит историческим событиям, особенно периоду Великой Отечественной войны. Героическая Сталинградская эпопея для многих граждан бывшего СССР, всех волгоградцев является огромным примером патриотизма и любви к родной земле, мужества, стойкости и доблести. В числе значимых факторов обеспечения толерантности и мира, гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Российской Федерации, укрепления и развития дружбы между народами особую роль играет Победа народов Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

В этой связи хотелось бы выделить 25 апреля 2012 г., когда Администрацией Волгоградской области был организован третий Международный историко-культурный форум: «Великая Победа, добытая единством: народы Кавказа в битве за Сталинград». В его работе участвовали представители Администрации Президента России, руководители области и мэрии Волгограда, представители Администраций республик Северного Кавказа, гости из Закавказья, ветераны Великой Отечественной войны, ученые из научных сотрудников из разных городов страны. Наиболее ярким на форуме было выступление Президента Республики Дагестан, доктора философских наук, профессора Р.Г. Абдулатипова, который признал непреходящее значение истории

Сталинградской битвы для укрепления доверия и согласия, дружбы между народами, в патриотическом воспитании подрастающего поколения страны, особенно формировании общероссийской гражданственности и общекультурной идентичности.

На современном сложном и неоднозначном этапе социальной динамики России, несмотря на наличие огромного количества проблем, главной целью государственной национальной политики является сплочение российского общества в единую политическую нацию через развитие этнокультурной полифонии. Только сохранение и развитие уникальной культуры всех народов Российской Федерации приведет к укреплению гражданского единства общества и поможет достижению межнационального согласия и единства.

Рассматривая вопросы социально-философской и политической концептуализации этнического бытия России в связи с миграционными процессами и наличием «лабиринтов» миграции, следует признать, что они создают серьезные проблемы в этнически и конфессионально гетерогенном российском обществе. В числе современных «вызовов» оказались и вопросы миграции. «Встречи» представителей разных цивилизаций и культур проблематизируют многие вопросы современной социальной и исторической динамики. Они носят непрерывный диалектический характер, имманентно присущи современному социуму. Если говорить о России, то это противоречия и «разрывы» между общественным бытием, его непрерывными изменениями и созданными уже в постсоветский период политическими, экономическими, социальными стандартами и культурными ценностями, сложившимися правовыми нормами, тормозящими социальную динамику.

На наш взгляд, в настоящее время на этнические меньшинства оказывает серьезное дестабилизирующее влияние существующий дефицит адекватности, неопределенность и конфликтность сложившейся ситуации, причем на всех уровнях, как в теории, так и социальной практике, как в общественном сознании, так и управлении. Проблемы социализации, процесс формирования «образцов» самоидентификации происходит в условиях происходящего системного кризиса, изменения идентификационного пространства в постсоветской России. Главная примета времени – это наступление постмодерна, изменение в нынешней России всего набора тех символов, ценностей, норм, которые на массовом уровне определяют жизненные стратегии граждан.

Для большинства народов, в том числе и удин, адаптация к духовно-нравственной реальности постсоветской эпохи до сих пор ока-

зывается достаточно сложной проблемой. Сохраняется кризис общества, который воспроизводится в массовом сознании современных россиян. Задача первоочередной важности – поиск путей, форм и методов преодоления кризиса в системе ценностей, идентичности. При этом важно иметь в виду, что проблема идентичности представляет собой систему многообразных коммуникативных связей, особых смыслов, она рациональна и иррациональна, в ее формировании участвуют как коллективные, так и индивидуальные субъекты. Эта проблема не просто диалога и согласия, но и доверия и активного взаимопонимания.

Известно, что каждый индивид как представитель этноса имеет свою идентичность. В процессе совместного бытия процесс дальнейшей социализации приобретает несколько иное качество. В новых условиях переселенцу или мигранту приходится осваивать новые социальные роли, обретать иные статусы, чтобы вписываться в жизнь современного многоструктурного сообщества. В зависимости от того, какой объект является основанием идентичности, можно выделить разные типы социальной идентичности: профессиональная, политическая, религиозная (верующий – неверующий-атеист), конфессиональная (православный, католик, мусульманин), этническая (русский, таджик, грек), национально-государственная (россиянин, француз, американец). Сегодня индивид осознает себя членом сразу многих групп и общностей.

Иерархия идентичностей в сознании индивида подвижна, определяется в зависимости от ситуации, места и времени. Возникает тема не только самоопределения индивидов и групп, но сосуществования идентичностей в новых общих границах политического, социального, экономического, культурного, информационного пространства. В условиях непрерывного роста социального разнообразия российского общества, при отсутствии активной социальной стратегии толерантности как инструмента обеспечения согласия между отдельными людьми и группами с различными противоречивыми ценностными ориентациями возникает опасная тенденция нарастания межэтнической, межконфессиональной, социально-экономической, межпоколенческой и политической нетерпимости¹. Нам представляется, что сегодня для полиэтнических российских образований разного уровня наиболее актуальным является поиск путей и возможностей сосущество-

¹ Магомедова М.З. Идентичность и толерантность как условие стабильности северокавказского региона / Регион. центр. этнополит. исслед. ДНЦ РАНЕ. – Махачкала: ИПФ «Наука-Дагестан», 2009. – С. 150.

вания общероссийской идентичности и идентичности этнической.

Как известно, национальная идентичность предполагает соотношение себя («Я») с определенным идентификационным пространством государства, политическим и культурно-историческим гражданским сообществом (образ «мы»). Одновременно этническая идентичность базируется на своем «родном» языке, культуре, традициях, обычаях предков, территории («родная земля», «малая Родина»). Поскольку большинство современных государств являются полиэтническими, гражданско-политические и культурные показатели национальной идентичности имеют, как правило, приоритет над подобными показателями этнической идентичности. Как показывает социальная практика, в Российской Федерации в конкретных специфических условиях становления российской государственности приоритет на уровне массового сознания пока остается за этнической и конфессиональной общностью.

На наш взгляд, главная проблема, базовая для сохранения единства и интеграции страны, заключается в том, что не только переселенцы, беженцы, бывшие мигранты, ставшие гражданами России, но и значительная часть коренного населения не идентифицирует себя в качестве «россиянина». На нынешнем этапе истории России кризис гражданско-государственной макроидентичности связан в первую очередь с ростом этнического и конфессионального самосознания социальных групп, сопровождающегося региональным сепаратизмом с его производными, а именно – с политическим и национальным конформизмом и экстремизмом, способными выступать в религиозной форме.

Какой должна быть деятельность полиэтничных региональных сообществ по укреплению социально-политической стабильности в сфере этнических и конфессиональных отношений, сущность политики, адекватной существующему вызову? Возможно ли перенаправить рост этнического и конфессионального сознания в иное русло, не к расширению этноконфессиональной идентичности, ведущей часто и к региональному сепаратизму, а в русло формирования нового типа идентичности, которая сохраняет в «снятом» виде региональную, этническую и конфессиональную специфику в более универсальном социокультурном контексте?

Ключевым для сферы межнациональных отношений и социокультурного бытия народов современной России, особенно этнических меньшинств, является решения следующих задач:

- сохранение социально-политической стабильности в общест-

ве и непрерывное повышение уровня политической культуры и гражданского патриотизма народов России;

- формирование общероссийской идентичности и гражданского патриотизма при сохранении этнической и религиозной уникальности;

- укрепление социального самочувствия русского народа, развитие его этнических и иных культурных потребностей;

- активная борьба с этнополитическим и религиозным радикализмом и экстремизмом;

- недопущение ксенофобии и национализма, шовинизма и сепаратизма, особенно среди молодежи;

- активная координация деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов власти с целью гармонизации межнациональных отношений, укрепления гражданского единства многонационального народа Российской Федерации;

- обеспечение высокого стандарта по изучению русского языка, защита языковых и культурных прав народов России, их социальных, экономических, культурных и других прав;

- адаптация и постепенная интеграция мигрантов и переселенцев из стран СНГ в социокультурную систему многонационального российского сообщества;

- снижение влияния внутренней миграции на состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в Российской Федерации.

Естественно, что решение всех вышеперечисленных задач окажет качественное влияние на судьбы всех народов России, в том числе и этнических меньшинств. Рассматривая современное бытие удин, отметим, что существующая напряженность, а порою и конфликтность в сфере межэтнических отношений, непосредственно влияет на жизнедеятельность и самочувствие каждого из них. Укажем на то, что, как на исторической Родине, в Азербайджанской Республике, так и в других странах СНГ, оно насыщено особыми «тонкими» видами социальных и культурных импульсов.

Сегодня сравнивать их, используя только рациональные типы знания, формальную логику, практически невозможно, потому что их корни, источники скрыты в глубинах человеческой души, в тайниках культуры, заполнены мифами, легендами. Известно, что люди, принадлежащие к одному языку, религии, традиции, в диалоге между собой часто не задумываются о своей культурной специфике, т.к. понимание своей идентичности, самости, «Я» дано им от рождения.

Удины всегда жили и сегодня живут в поликультурной среде вместе с представителями разных этносов и религий. Стремление к

диалогу и открытости, взаимодействие и партнерство присуще им изначально, детерминировано многообразием и общностью их бытия. Поэтому они всегда свободно и спокойно воспринимают социальные ценности и культурные коды разных цивилизаций, понимают людей других этносов и культур, живущих рядом с ними. Этническое бытие удин как совокупность деятельности, норм, идентичности, традиций, убеждений и идеалов задает значительную ценностную модель, направления и векторы их будущего развития.

Для удина, постоянно жившего и сегодня живущего в многонациональном и поликонфессиональном окружении, в силу своей толерантности и миролюбия, доверчивости и уважительности, всегда было легко сравнивать себя и понять «жизненный мир» Другого, ценности и традиции окружающих, людей разных национальностей и религий, сравнивать объекты и процессы своей культуры с иной культурой, переноситься в другое социальное и культурное измерение.

В этой связи огромный исследовательский интерес представляет этническое бытие, самость, идентичность удин как определенная целостность, константа, система их ценностей в непрерывно меняющихся условиях современной социальной динамики. Удивляет, как они выжили и сумели сохраниться, ведь на протяжении всей истории человечества на Кавказе, в том числе и в огромном ареале проживания удин, шли бесконечные войны между великими империями мира, происходили чужеземные завоевания, грабительские походы, переселения и ассимиляции народов.

Удины в течение двух с половиной тысяч лет, проходя через трагические процессы и драматические события, особенно в XX веке, превратились из крупной народности в этническое меньшинство. Однако за этот период они, осуществляя свою жизнедеятельность в иноязычной и поликультурной среде, сумели до современности сохранить собственную историю и язык, культуру и веру, традиции и идентичность.

Сегодня удины, живущие в разных регионах и странах мира, в том числе и в Российской Федерации, в ее крупных городах и сельских поселениях, непрерывно объективируя трансформирующуюся повседневность и изменяя свою субъективность, выявляют в них новые смыслы и значения. Целостность и цельность их этнического бытия – это результат интеграции, синтеза идей православной соборности и коллективизма с ценностями гуманизма, соединения кавказских традиций и восточной ментальности.

Постижение цивилизационных и культурных особенностей удин с необходимостью предполагает преодоление общепринятой

формальной логики Аристотеля, особенно его закона исключенного третьего. Западная традиция, несмотря на господство идей либерализма, признание приоритетности прав и свобод человека, монологична и жестко манипулятивна. В ходе диалога она стремится навязать партнеру, представителю другой культуры и цивилизации исключительно свои идеи и ценности, свою точку зрения и ответы, признав их истиной в последней инстанции. На эти особенности сознания, ментальности представителей западной цивилизации, в том числе и протестантов, где предпочтение отдается личному успеху, эгоистическому началу перед универсальными ценностями, указывают А.С. Разин и А.В. Белов¹.

В условиях современной глобализации западная логика, вторгаясь в тонкую ткань человеческих отношений, навязывая миру свои ценности, становится разрушительной для представителей других цивилизаций и культур. Бытие удина, несмотря на восприимчивость к достижениям модернизации, часто не вписывается в такую логику, люди здесь живут в другом измерении. Очевидно, что современность может использовать только синтетическую логику взаимосвязанного, взаимозависимого полиэтнического и поликультурного пространства. В этих условиях культура реального диалога и подлинного понимания позволяет выявлять единое в различном и различное в едином. Следовательно, единство различных форм в культуре поддерживается не только тождеством, но и различием их природы, социокультурной идентичностью.

Как отмечали, удинская культура и традиция всегда коммуникативна и диалогична, внимательна и уважительна к собеседнику. В ней не принято ставить партнера перед жестким однозначным выбором и требованием однозначных ответов. Для него встреча с представителем другой культуры – это всегда диалог равноправных субъектов, открытие нового, принятие иной логики, человека «другого» мира. И несмотря даже на то, что собеседник является представителем «чужого» этноса, языка, религии, цивилизации.

Современное бытие удин и мир их идентичности можно понять, если использовать принципы диалога, герменевтики, понимающего знания и дополнительности. Сегодня только путь одновременного, рационального и иррационального понимания может являться осно-

¹ Разин А.С., Белов А.В. Проблема дифференциации религиозно-нравственных принципов хозяйственного аскетизма в протестантизме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Изд-во Грамота, 2012. – №6 (20): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 159–162.

вой, быть адекватным для культурного восприятия многообразия мира. Здесь человек прибывает в особом, символическом универсуме культуры, он не сможет существовать, если будет подчиняться только объективным законам и закономерностям, строго следовать реалиям и очевидным фактам. Ведь человек до сих пор сам для себя является тайной, погружен в природу, историю и социум, не представляет себя без древних мифов и современных символов, использует лингвистические формы языка и художественные образы, опирается на традиции и ритуалы.

Культуру удин следует рассматривать как объективную реальность и ценностную категорию. Она одновременно традиционна и динамична, включает мифы и фантазию, этику и эстетику, моральные ценности и категорические императивы, оценки и табу. На наш взгляд, культура – это не преодоление естества мира и самого человека, а усилие и путь, реальный процесс. Это искусство непрерывной диалектики, производство и воспроизводство материального и духовного, рационального и иррационального: событий, действий, фактов, мифов, легенд, артефактов, кодов, шифров.

Хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство. По нашему мнению, сегодня древние культуры и достижения традиционных цивилизаций нельзя однозначно интерпретировать как архаичные и замкнутые, патриархальные и отсталые. Ведь цивилизационное взаимодействие народов приобрело значительное ускорение, а межличностные отношения людей все более интенсифицируются. Оно заставляет нас посмотреть на многообразие и уникальность мира не просто другими глазами, с разных сторон, аспектов, а именно глазами Другого.

Отметим, что для удин знание истории, языка, сохранение культуры и развитие духовности, определение настоящего и перспектив будущего не является самоцелью. Знакомство с прошлым необходимо не просто для политической спекуляции на истории, новой интерпретации древности, оно актуально для постижения сущности настоящего, самих себя, раскрытия современности и возможностей для будущего. Изучение истории и культуры Кавказской Албании, удинского народа помогает открывать новые пласты древности, дает дополнительную информацию о событиях и фактах минувших эпох, жизни предков, раздвигает горизонты.

Конечно, больно и обидно, что были утрачены огромные исторические и культурные ценности, упущено безвозвратно и никогда уже не вернется многое из великого наследия. Ведь не секрет, что

крупницы древности, знание прошлого открывают новые возможности, являются ориентирами для настоящего и будущего. На новом витке истории они дают шанс для сохранения и развития истории, культуры и духовности народа, помогают осуществлять связь времен, беречь культуру и опираться на нее как на сокровищницу человеческого духа.

Действительно, для постижения природы и сущности этносов важно обратиться не только к их настоящему, но и далекому, прошлому, корням, историческим образам, мифам, ритуалам, генетическому и культурному коду. Древние архетипы, этнические и религиозные ценности объективируются в современной культуре, действиях и поступках людей, делают устойчивой их социальную и культурную жизнь. Именно опора на древность, истоки, традиции, обычаи, ритуалы придают смысл человеческому существованию, намного облегчают его индивидуальную и общественную жизнь. Сегодня бытие человека в полиэтнической и поликонфессиональной среде открывает перед ним широкие возможности для сравнения себя с представителями разных культур и цивилизаций, ценностями и традициями других народов, способствуют осознанию собственной этнической и культурной идентичности.

Благодаря социальной и культурной энергетике, непрерывно воспроизводимые традиции, обычаи, архетипы и ритуалы сплачивают представителей каждого народа. Вне этой связи этносы не имеют шансов сохраниться и развиваться. Сегодня пока недостаточно накопленного научного знания, чтобы объяснять сложные, уникальные процессы бытия и мифотворчества народов, специфику возникновения и устойчивости функционирования их легенд, архетипов, артефактов и символов. Можем лишь утверждать, что у каждого народа своя культура, мифология, традиции, собственный символический мир и разные формы идентичности. Сегодня по-разному интерпретируется и понимается конфуцианский путь истины и идеал «благородного мужа», «арийская восьмизвенная стезя», христианские принципы соборности и нравственности, спасение в исламе и путь «воинов Аллаха». Все они представляют собой разные картины мира и способы постижения смысла жизни.

Сегодня смысл бытия для каждого удина состоит не в том, чтобы просто проделать «обратный путь», заново «открывать» свою древнюю историю, язык, культуру, традиции. Знание истории, памятников материальной и духовной культуры, интерпретация существующих знаков и символов, дешифровка и разгадка содержания древних архетипов и кодов, скрытых в них смыслов нужны для того, что-

бы придать высшую цель своей жизни и бытию каждого человека – служить общему благу. Сегодня этнические меньшинства, особенно представители малых этносов, выполняют в многонациональном и поликонфессиональном обществе активную интеграционную задачу. Они кровно заинтересованы в сохранении социально-политической мира и стабильности, развитии согласия и доверия в обществе, укреплении дружбы между народами.

Как показывает история распада Югославии и СССР, а сегодня и события на Украине, при любых деформациях социальной системы, наступлении кризиса, усилении напряженности и конфликтов в обществе, особенно в сфере межнациональных отношений, оказываются под ударами и больше всего страдают в первую очередь представители малочисленных народов.

Подводя итоги, отметим, что объективные интересы и потребности современных людей как представителей малого этноса, проживающих в разных странах СНГ и мира, заключаются в том, чтобы активно включиться в созидательный процесс социальной динамики, строительства новых федеральных и региональных сообществ, демократических и правовых государств. Важно без драматизма и тревог относиться к своему сложному и противоречивому бытию в современном мире. С одной стороны, следует стараться как можно дольше сохранить родную историю, язык, культуру, традиции, память предков, с другой – спокойно относиться к объективным процессам естественной и искусственной ассимиляции, идущим в многонациональных и поликонфессиональных обществах. Совместное движение к будущему, обеспечение преемственности, сохранение лучших традиций прошлого и ценностей настоящего, развитие общекультурных достижений, этнической и общегражданской идентичности – таким является путь к целостному и гармоничному бытию всего российского общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современную эпоху можно охарактеризовать как период «нового осевого времени», когда кризис цивилизации приобретает все более глубокий и системный характер, а общества становятся нестабильными и неравновесными, в них намного возрастают неопределенность и риски. Соответственно, в эти эпохи значительно повышается внимание человечества к универсальным проблемам бытия, которыми занимается философская онтология, к специфике социального и этнического бытия общества, судьбоносным вопросам природного и биологического существования человека, поискам цели и смысла его жизни, роли и места в современном мире.

Завершая работу, отметим, что понятие «бытие», являясь универсальной категорией философии, позволило в интеллектуальной мысли охватить бесконечные миры: Космос, природу, общество и человека. Философская онтология как учение о бытии, благодаря такому масштабу, способствует постижению всего многообразия уровней, форм и сфер существования объективной и субъективной реальности. Одновременно категория «бытие», обладая всеобщностью, отражает все богатство постоянства в становлении, реальный и динамичный мир, в том числе и существования людей, бытие человека в мире, связывая в единое целое: объективное и субъективное, материальное и духовное, социальное и культурное.

В результате в центре исследования оказывается не только объективная реальность, существующая независимо от нас, но и социальное бытие, человеческое общество, уникальная жизнь индивида как представителя этноса – этнофора среди себе подобных. Обращение к философским основаниям категории «бытие» как в западной, так и русской философии помогло проанализировать жизненный смысл и корни социального бытия, обозначить основные подходы для дальнейшего изучения природы и сущности этнического бытия, выявить методологические принципы и парадигмальное пространство этнической онтологии.

Введение категории «этническое бытие» в социальную философию способствовало глубокому анализу природы и сущности этничности, постижению «жизненного мира» и особенностей бытия человека этнического, его духовных и нравственных ценностей, идентичности.

В первые десятилетия XXI века современное общество оказалось в условиях новых «вызовов» глобализирующегося мира, когда все более актуальным становится необходимость философского «вопросания» о бытии. Оно включает не только поиск ответов на универсальные вопросы, но и выявление специфики бытия человека, которому, согласно антропному принципу, вверена судьба бытия. И отсюда проистекает, быть может, самая главная ответственность и высшая задача человечества. Перефразируя М. Хайдеггера, можно сказать, что наступило время «озаботиться» не только универсальными проблемами бытия, но и осмыслением окружающей нас природы, судьбой общества, бытия человека этнического.

На наш взгляд, «этническая революция» современности – очередное свидетельство волнообразного или спиралевидного характера развития исторического процесса, разнонаправленности этнической и социальной эволюции. В числе важнейших причин возрождения этничности следует признать стремление социального «подавить», «подчинить», «нивелировать» этническое, которое, сопротивляясь, требует качественно новых социально-экономических, политических и духовно-нравственных форм организации социума («эффект бумеранга»).

Социально-философское и политическое исследование этнического бытия, определение его места в социальной эволюции позволило признать этносы первыми реальными субъектами общественно-исторического развития и утверждать уникальность их истории и культуры в общечеловеческой динамике. На протяжении долгого исторического времени, благодаря этнической сфере, произошло постепенное преобразование природного в социальное. Именно оно создало специфический адаптивный механизм, позволивший сформировать особое, человеческое сообщество, проявившее себя как часть природного и в то же время как основание и база социального. Этногенез занял промежуточное положение по своей биосоциальной сущности, положение между антропогенезом и социогенезом как направлениями общественной эволюции.

Несмотря на всю парадоксальность, «этнический ренессанс» народов – это определенная закономерность в социально-исторической динамике человеческого общества. Он свидетельствует о том, что развитие общества не однозначно линейно и поступательно, оно многовариантно, в нем переплетаются несколько самостоятельных линий, которые имеют разную логику, разный порядок и систему часто переплетающихся и попеременно выступающих на передний план векторов.

Очевидно, что проблема понимания природы и сущности этноса и нации как сложных феноменов не может находиться в плоскости какой-то отдельной науки, носить односторонний социальный или политический характер. Она возможна только в русле универсальной, философской методологии, так как касается исследования глубинных процессов, постижения базисных оснований природного и общественного в этносах и нациях, а также определения границ редукционизма в их научном познании. Это различное понимание того, каким образом происходит объединение людей в социально-этнические общности, имеют ли они реальные основания в объективной действительности, какова их субстанциональная природа. Эти вопросы были стержневыми в философском дискурсе и дискуссиях в общественно-гуманитарных науках XX века.

На наш взгляд, интеллектуальным прорывом современности следует считать признание возможности существования различных точек зрения, полипарадигмальной методологии, использования плюралистических принципов и походов в построении научных концепций и теорий. Однако абсолютизация постмодернистских концепций привела к игнорированию базисной, философской составляющей этнической проблематики, методологической растерянности и теоретическому эклектизму, падению престижа фундаментальных, философских исследований в области этноса и этничности. Социальная практика современности и непрерывность, преемственность в развитии науки демонстрируют необходимость нового возвращения к более глубокой проработке теоретических и методологических проблем этноса и нации, что, естественно, является исключительно прерогативой философии.

Дискуссии по вопросам природы и сущности этноса и нации, которые периодически возобновляются в современной науке, являются спорами не терминологического свойства, а свидетельствуют о достаточной серьезности и глубине характера проблемы. В отличие от западной этнологии, отрицающей совместимость двух концептов, мы считаем, что формирование идеи нации как согражданства и концепции этнической нации является объективным процессом. Соперничество этих двух концепций действительно имеет место, но идея нации как согражданства не является универсальной и общепризнанной в мире. В XX веке в результате общественного развития сформировались два типа нации, уже не в виде концептуальной, а социальной реальности. Они проходили разными путями в России и европейских странах, приобрели особое значение в наши дни.

Проблемы этноса и нации детерминированы историческим характером развития каждой страны и адекватны социокультурному миру любого общества. Формирование концепции этнического бытия – это ответ на существенные трансформации и метаморфозы социальной системы и теоретических оснований этнологических теорий, что является своеобразным отражением внутренних общественных потребностей и внешних влияний. Полипарадигмальный характер концепций этноса и наций, радикальная смена или переоценка этнологических теорий заставила нас разработать и предложить научному сообществу новую интегральную концепцию этнического бытия, в основе которой были положены как классические, так и постмодернистские подходы. Синтезированное интеграционное исследование помогло понять, что этническое бытие является сложным системным и целостным образованием, носящим субстанциональный характер и имеющим онтологическое основание в самой объективной реальности. Одновременно система этнического бытия априорна и метафизична, является своеобразной матрицей, моделью, конституируемой реальностью.

Для современной социальной системы этничность является значительным катализатором социальной динамики и непрерывного исторического процесса, отрицающего консервативные государственные, политические и правовые институты. Этничность выполняет функции объективного показателя деструктивных тенденции в обществе, ее следует считать своеобразным индикатором степени взаимодействия различных социальных и этнических групп и элит.

Рассмотрение этнического бытия России как полиментального пространства и уникального явления социокультурной жизни российского общества представляет собой довольно сложную и многогранную проблематику. Это обуславливает, с одной стороны, необходимость использования междисциплинарного системного подхода, а с другой – учета всего многообразия объективных и субъективных факторов общественного развития. Поэтому исследование этнического бытия позволило указать на необходимость формирования специального раздела философской науки – этнической онтологии, которая интегрирует всю сумму знаний о природе и сущности этноса, месте человека этнического в системе универсального бытия из всего многообразия исторических, этнологических, антропологических, социологических, политологических, психологических и культурологических концепций.

Использование системной методологии при исследовании этнического бытия как многоаспектного и поливариантного феномена по-

могло сформулировать теоретические основы выдвигаемой автором концепции философской этнологии, перед которой оказались задачи по выявлению причин разнонаправленности социальной и этнической эволюции, определению места этничности в системе общественного бытия и взаимодействия. Философская этнология, обладая своим научным статусом и полипарадигмальным пространством исследования, дала возможность вычленить и проанализировать целый ряд вопросов, возникающих в пограничных сферах философии, социологии и этнологии. К их числу следует отнести специфику универсализации социума, особенности взаимодействия социальной и этнической структур в условиях декомпозиции, транзитивности и трансформации общества, особенности влияния феномена этничности и этнических элит на политическую систему.

Социально-философское исследование этнического бытия подтвердило значимость всех признаков этноса как субстанциональных и системообразующих элементов единой универсальной системы, где решающую роль играют и природно-биологические, и социокультурные, духовно-ментальные факторы. Одновременно выявлен механизм функционирования этнического бытия в процессе развития социальной системы. Установлено наличие достаточно сложной и противоречивой цепи взаимодействий между социальным и этническим, выявлены особенности доминирования каждого из них на различных этапах метаэволюционного и исторического процесса.

В условиях реформирования общества игнорирование этнического фактора привело к углублению социального кризиса всей советской системы, возникшего в результате непродуманной политики перестройки, ставшего одной из причин последующего распада СССР. Сегодня для Российской Федерации выход из продолжающегося кризиса требует изменения прежнего социально-экономического курса, существующей мировоззренческой парадигмы, радикального пересмотра базовых, фундаментальных основ этнического бытия общества и человека. Он возможен только в рамках новой интегральной концепции этноса и нации, сочетающей интернациональную модель развития с принципами диалога, сотворчества и гуманизма.

При социально-философском исследовании этнического бытия в центре оказался человек этнический со своей системой фундаментальных констант и мировоззренческих установок. Современная эпоха стала временем «антропологической катастрофы», «деструкции субъекта». Несмотря на появление различных современных видов антропологий: философской, религиозной, социальной, культурной, по-

литической – кардинальных изменений в сфере комплексного научно-исследования человека пока не произошло.

Одна из важнейших причин неудач в формировании интегральной науки о человеке является игнорирование этнической доминанты в жизнедеятельности людей. Человек этнический, являясь связующим звеном между природно-биологической эволюцией и социокультурным развитием, не только творит самого себя, но и все больше превращается в субъекта всемирно-исторического процесса, многообразной социальной действительности. Поэтому исследование человека как целостного существа, во всех аспектах его внутренних взаимосвязей и взаимозависимостей, отношений с внешним миром, предполагает включение этнической составляющей как важнейшей характеристики человеческого бытия.

Формирование этнической антропологии стало насущной потребностью и велением времени. В числе ее главных и приоритетных задач – познание природы и сущности человека этнического, постижение его уникального «жизненного мира» с архетипами, смыслами, знаками, конструктивистскими и разрушительными тенденциями. Актуальными становятся попытки посмотреть на мир не только другими глазами, но и глазами этнического Другого. Отвергая жесткое разделение между объектом и субъектом познания, этническая антропология обеспечивает неразрывное единство понимания природно-биологического и социокультурного, рационального и иррационального в человеке.

Касаясь проблем исследования философской этнологии, отметим, что она не претендует на универсальность и уникальность, основную и значимую область из предметной сферы философии. Ее задача – подвергая философскому анализу взаимосвязь человека и общества, определить место этнического компонента в социуме, системе социальной стратификации, выявить значимость этничности как неразрывного, устойчивого и уникального компонента бытия общества и личности. В полиэтничном и поликонфессиональном обществе важно признание и познание «Другого», сосуществование с его «жизненным миром», с иной культурой и традицией.

Философская этнология субстанциональна и метафизична, ориентирована на отражение в социально-философском и политическом познании объективно существующего и непрерывно пульсирующего и становящегося этнического бытия, включающего в себя всю гамму противоречий и парадоксов мира человека, его взаимодействие с природой и обществом.

Словом, без определения субстанциональных, онтологических, антропологических, аксиологических и других оснований человека этнического невозможно создание целостной и интегральной философской антропологии. Для решения современных проблем российского общества необходимо сформировать, исходя из принципов интернационализма и гуманизма, гармоничную целостность этнического бытия России, обеспечивать единство национальных культур и связать их с объективно существующей социокультурной действительностью.

Этническое бытие как специфическая форма многообразия является субстанциональным основанием для сохранения биологического вида «*homo sapiens*», основой для дальнейшего развития человеческой популяции. Этносы как особого рода биологические подвиды единого органического вида обеспечивают приспособляемость индивидов к конкретным условиям природной и социальной среды, жизнедеятельность и воспроизводство, идентичность и культурное разнообразие. Таким образом, этническое – это значительный и существенный момент жизни и деятельности общества, которое имманентно включено в него и интегрировано в социальную структуру. Этносы являются единственно значимыми группами, обеспечивающими соответствие биологических и социальных изменений. Сохраняя генетическое разнообразие, они напрямую восходят к природной сущности человека и патронируют социальное.

История развития человеческого общества представляет собой неразрывное единство и взаимодействие двух параллельно протекающих процессов этнической и социальной эволюции. Этническое обладает определенной автономией, самостоятельностью, их взаимодействие осуществляется на основе многообразия принципов, часто носящих как объективный, так и априорный, метафизический характер.

Исторические формы общности людей как специфические этапы этнической эволюции отражают процессы трансформации природно-биологического и социокультурного в человеке и обществе, свидетельствуют о восхождении социума на новую ступень всемирной истории. Следовательно, на каждой стадии развития человеческого общества этнос должен иметь максимально полные возможности для исторической самореализации своего потенциала. Распад СССР в определенной степени можно объяснить тем, что через новую историческую общность – советский народ – этничность не смогла тогда реализовать свою миссию, существовать и осуществиться в форме советской социальной системы.

Генезис и эволюция этносов относятся к числу глубинных процессов, характеризующих развитие человечества. Они объективны и универсальны, но, исследуя их характерные свойства, признаки и особенности, связь с социально-экономическими, научно-техническими, политическими и демографическими процессами, следует разумно использовать их при выработке способов достижения тех или иных целей общественного развития.

Строительство социального государства с российской спецификой является достаточно востребованным нашим обществом. Это показал анализ общественного бытия и сферы межэтнических отношений. Правда, приоритетной должна стать только культура в самом высоком смысле слова и система духовно-нравственных ценностей. Значимой является необходимость качественно нового подхода в национальной политике, согласование интересов всех этносов и этнических групп с целью мирного и гармоничного сосуществования единого многонационального народа, сохранения Российского Федерации. Опыт реализации принятой несколько лет назад новой Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. свидетельствует об актуальности дальнейшего развития федерации, децентрализации и формирования реального демократического общества. Строительство социального государства, учет всей специфики развития российской цивилизации качественным образом изменит как внутреннюю политику, так и международный авторитет России в мире.

Действительно, сегодня различные политические силы, экономические и социальные группы и слои, национальные и этнические общности ждут от государственной власти всех уровней и местного самоуправления реальных действий. Несмотря на многообразие социальных и культурных интересов, специфику духовно-нравственных ценностей, все они готовы оказать решающее влияние на процесс формирования единого русского народа как новой интернациональной общности, а в перспективе и уникальной российской нации.

Наступление информационных технологий, дальнейшее развитие науки и техники, массовая культура и своеобразные цивилизационные процессы современности, различные тенденции стандартизации оказывают негативное влияние на этническое бытие народов, их самобытную культуру и традиции, приводят не только к естественной и искусственной ассимиляции, аккультурации этносов, но также маргинализации и полной деградации.

Развитие демократического общества, строительство реального правового и социального государства невозможно без опоры на разработанную философскую модель этнического бытия. Она должна опираться на принцип единства в многообразии, собственную модель мультикультурализма (поликультурность), включать концепцию толерантности и мира, межнационального диалога и согласия, обеспечивать гуманное отношение к каждому индивиду, учитывать интересы всех этносов. Диалектика развития межэтнических отношений позволяет сделать вывод о том, что в современном обществе, где существуют значительные опасности и риски, противоречия и конфликты между нациями и этносами, национальными и этническими меньшинствами, они всегда должны быть в центре внимания. В Российской Федерации, отличающейся разнообразием языков, культур и традиций, Стратегия государственной национальной политики обязана учитывать все эти особенности и быть направлена на разработку различных моделей гармонизации отношений между всеми этническими субъектами.

В условиях современной глобализации и дальнейшего развития информационной цивилизации перед Российской Федерацией стоит особая социально-историческая и общечеловеческая миссия. В процессе качественных изменений она способна, сохранив свою общекультурную идентичность и объединив в единый суперэтнос народы евразийского континента, конечно, на основе новых идей космизма и концепции российского интернационализма, разработать и предложить миру свой вариант глобального стратегического развития.

Современное общество в России действительно нуждается в новой модели надэтнического бытия, наднациональной концепции, свободной от классового подхода, но сформированной на основе коллективизма, демократических традиций и идей русского западничества, евразийства и космизма. Нам представляется, что многонациональный российский народ можно объединить только на основе идеи «российской нации» как новой интернациональной общности, свободной от этнического и конфессионального разделения. В числе актуальных проблем реальная фиксация и дальнейшая популяризация термина «россияне», который сегодня является наиболее адекватным вербальным оформлением новой идентичности.

Многообразие истории и полифония культур, система этнического бытия, «жизненного мира» и ценностей этносов – достояние всего человечества. Поливариантное этнокультурное развитие человечества, усвоение интернационального духовного богатства народов

является обязательным условием для сохранения и развития современной цивилизации, ее перехода в качественно новое состояние. Интегративные тенденции, а не национальные унификации следует использовать для взаимовыгодной, рациональной кооперации, создания оптимальных условий развития этносов и этнических меньшинств.

Завершая работу, отметим, что этническое бытие как категория социальной и политической философии, представляет собой такой уникальный феномен, который имеет глубокие философские, исторические, политические, социальные и психологические основания в субъектно-объектной реальности. В переломные моменты истории человечества, в эпоху радикальной трансформации общества, этничность возрождается, как феникс, приобретает особую актуальность и требует нового системного философского осмысления. Философская концепция этнического бытия, в отличие от различных метафизических и постмодернистских подходов, обладает научной полнотой, открыта творческой критике и способна к восприятию новых идей.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулатипов, Р.Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России [Текст] / Р.Г. Абдулатипов. – М.: Славянский диалог, 2000. – 656 с.
2. *Абдулатипов, Р.Г.* Человек. Нация. Общество [Текст] / Р.Г. Абдулатипов. – М.: Политиздат, 1991. – 224 с.
3. *Абдулатипов, Р.Г.* Этнополитология [Текст] / Р.Г. Абдулатипов. – СПб.: Питер, 2004. – 313 с.
4. *Августин, А.* Исповедь [Текст] / А. Августин. – М.: Канон, 1997. – 464 с.
5. *Аверин, А.Н.* Новые данные о динамике коренных малочисленных народов России [Текст] / А.Н. Аверин // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 75–79.
6. *Авксентьев, В.А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы [Текст] / В.А. Авксентьев. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – 267 с.
7. *Аксенова, О.В.* Генезис социально-экологической рефлексии на Западе во второй половине XX века [Текст] / О.В. Аксенова // Социологические исследования. – 2004. – № 9. – С. 68–76.
8. *Алексеев, Б.П.* Этногенез [Текст] / Б.П. Алексеев. – М.: Высшая школа, 1987. – 176 с.
9. *Алиев, К.Г.* Античная Кавказская Албания. [Текст] / Г.К. Алиев.– Баку: Азернешр, 1992. – 238 с.
10. *Андерсон, Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма [Текст] / Б. Андерсон; ред., вступ. ст. С.П. Баньковой; пер. с англ. В.Г. Николаева. – М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 288 с.
11. *Арон, Р.* Этапы развития социологической мысли [Текст] / Р. Арон. – М.: Прогресс; Универс, 1993. – 608 с.
12. *Арутюнов, С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие [Текст] / С.А. Арутюнов; отв. ред. Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1989. – 247 с.
13. *Арутюнян, Ю.В.* Этносоциология: учеб. пособ. [Текст] / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 271 с.
14. *Ахиезер, А.* Культурные основы этнических конфликтов [Текст] / А. Ахиезер // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 115–126.

15. *Ашин, Г.К.* Философская составляющая элитологии [Текст] / Г.К. Ашин // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 60–72.
16. *Бабаков, В.Г.* Межнациональные противоречия и конфликты в России [Текст] / В.Г. Бабаков, С.В. Матюнина, В.М. Семенов // Социально-политический журнал. – 1994. – № 7/8. – С. 16–30.
17. *Барсенков, А.С.* Русский народ: историческая судьба в XX веке [Текст] / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.К. Корецкий. – М.: МГУ, 1993. – 82, [2] с.
18. *Бауэр, О.* Национальный вопрос и социал-демократия [Текст] / О. Бауэр // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 52–120.
19. *Белинский, В.Г.* Россия до Петра Великого [Текст] / В.Г. Белинский // Русская идея; сост. и авт. вступ. ст. проф. М.А. Маслин. – М., 1992. – С. 73–90.
20. *Бенедиктов, И.Н.* Единство и многообразие истории как философская проблема [Текст] / И.Н. Бенедиктов // Философские науки. – 1988. – № 6. – С. 95–99.
21. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман; пер. с англ. Е. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 324 с.
22. *Бердяев, Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
23. *Бердяев, Н.А.* Опыт эсхатологической метафизики: творчество и объективация [Текст] / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря / Н.А. Бердяев; сост. и послеслов. П.В. Алексеева; подгот. текста и прим. Р.К. Медведевой. – М., 1995. – С. 164–286.
24. *Бердяев, Н.А.* Русская идея. Судьба России [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Сварог и К, 1997. – 541 с.
25. *Бердяев, Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
26. *Бердяев, Н.А.* Философия неравенства [Текст] / Н.А. Бердяев. – Л.: ИМА-пресс, 1990. – 288 с.
27. *Бессонов, Б.Н.* Человек: пути формирования новой личности [Текст] / Б.Н. Бессонов. – М.: Мысль, 1988. – 302 с.
28. *Богоявленский, Д.Д.* Вымирают ли народы Севера? [Текст] / Д.Д. Богоявленский // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – С. 55–61.
29. *Борисова, О.В.* Этническая группа и государство как субъекты социального взаимодействия: социопсихологический и биополитический аспекты [Текст] / О.В. Борисова, А.В. Олескин // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3. – С. 132–142.
30. *Бромлей, Ю.Б.* Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов [Текст] / Ю.Б. Бромлей. – М.: Наука, 1988. – 207 с.

31. *Бромлей, Ю.В.* «Этнический парадокс» современности в историческом контексте [Текст] / Ю.В. Бромлей // Новая и новейшая история. – 1989. – № 5. – С. 62–69.
32. *Бромлей, Ю.В.* Очерки теории этноса [Текст] / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
33. *Бромлей, Ю.В.* Человек в этнической (национальной) системе [Текст] / Ю.В. Бромлей // Вопросы философии. – 1988. – № 4. – С. 16–24.
34. *Бромлей, Ю.В.* Человечество – это народы [Текст] / Ю.В. Бромлей, Р.Г. Подольный. – М.: Мысль, 1990. – 391 с.
35. *Бромлей, Ю.В.* Этнос и этнография [Текст] / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1973. – 412 с.
36. *Бромлей, Ю.В.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность [Текст] / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1987. – 334 с.
37. *Бубер, М.* Проблема человека [Текст] / М. Бубер // Бубер, М. Я и Ты; пер. с нем. Ю.С. Терентьева, Н. Файнгольда; послесловие П.С. Гуревича. – М., 1993. – С. 73–158.
38. *Буданов, В.Н.* О методологии синергетики [Текст] / В.Н. Буданов // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 79–94.
39. *Булгаков, С. Н.* Размышления о национальности [Текст] / С.Н. Булгаков // Соч.: в 2-х т. – М., 1993. – Т.1. – С. 435–457.
40. *Васильева, Т.В.* Афинская школа философии: философский язык Платона и Аристотеля [Текст] / Т.В. Васильева; отв. ред. Д.В. Джохадзе. – М.: Наука, 1985. – 160 с.
41. *Вебер, М.* Основные понятия стратификации [Текст] / М. Вебер // Социологические исследования. – 1994. – № 6. – С. 32–39.
42. *Вердери, К.* Куда идут «нации» и «национализм»? / К. Вердери // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 297–307.
43. *Вернадский, В.И.* Научная мысль как планетарное явление [Текст] / В.И. Вернадский; отв. ред. А.А. Яншин. – М.: Мысль, 1991. – 271 с.
44. *Видоевич, З.* Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире [Текст] / З. Видоевич // Социологические исследования. – 2005. – № 4. – С. 25–32.
45. *Винер, Б.Е.* Этничность: в поисках парадигмы изучения [Текст] / Б.Е. Винер // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 3. – С. 4–7.
46. *Ворошил, Г.* Кавказская Албания (историко-филологические этюды) [Текст]; на азерб. яз. – Баку: Изд-во «Ойрэтмен», 1993. – 108 с.
47. Всеобщая Декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru>
48. *Гегель, Г.Ф.* Энциклопедия философских наук [Текст]: в 3-х т. – Т. 1. Наука логики / Г.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.

49. *Геллнер, Э.* Нации и национализм [Текст] / Э. Геллнер; пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной. – М.: Прогресс, 1991. – 318 с.
50. *Геродот.* История. В девяти книгах [Текст] / пер. с древнегреч. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
51. *Голенкова, З.Т.* Становление гражданского общества и социальная стратификация [Текст] / 3 т. Голенкова [и др.] // Социологические исследования. – 1995. – № 6. – С. 14–23.
52. *Григорьян, Б.Т.* Человек: его положение и призвание в современном мире [Текст] / Б.Т. Григорьян. – М.: Мысль, 1986. – 223 с.
53. *Грушин, Б.А.* К истории научного изучения общественного мнения [Текст] / Б.А. Грушин // Вопросы философии. – 2004. – № 8. – С. 50–69.
54. *Губин, В.Д.* Онтология: проблема бытия в современной европейской философии [Текст] / В.Д. Губин. – М.: Изд-во РГГУ, 1998. – 191 с.
55. *Гукасян, В.Л.* Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.Л. Гукасян. – Баку, 1973. – 48 с.
56. *Гукасян, В.Л.* О древнеагванском алфавите и удинском языке [Текст] / В.Л. Гукасян // Известия АН АзССР. Серия «Общественные науки». – Баку, 1962. – №1. – С. 23–36.
57. *Гукасян, В.Л.* Удинско-азербайджанско-русский словарь [Текст] / В.Л. Гукасян. – Баку: Изд-во «Элм», 1974. – 297 с.
58. *Гулыга, А.В.* Русская идея и ее творцы [Текст] / А.В. Гулыга. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 483 с.
59. *Гумилев, Л.Н.* География этноса в исторический период [Текст] / Л.Н. Гумилев; ред. В.С. Жекулин. – Л.: Наука, 1990. – 280 с.
60. *Гумилев, Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь [Текст] / Л.Н. Гумилев. – М.: Мысль, 1993. – 781 с.
61. *Гумилев, Л.Н.* От Руси к России: очерки этнической истории [Текст] / Л.Н. Гумилев. – М.: Экспрос, 1994. – 336 с.
62. *Гумилев, Л.Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации [Текст] / Л.Н. Гумилев. – М.: Экспрос, 1993. – 576 с.
63. *Гумилев, Л.Н.* Этнические процессы: два подхода к изучению [Текст] / Л.Н. Гумилев, В.Н. Иванов // Социологические исследования. – 1992. – № 1. – С. 50–57.
64. *Гумилев, Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли [Текст] / Л.Н. Гумилев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. – 496 с.
65. *Гумилев, Л.Н.* Этносфера: история людей и история природы [Текст] / Л.Н. Гумилев. – М.: Экспрос, 1993. – 544 с.
66. *Гуревич, И.О.* Теория формаций и реальность истории [Текст] / И.О. Гуревич // Вопросы философии. – 1990. – № 11. – С. 33–43.
67. *Гуревич, П.С.* Философская антропология: опыт систематики [Текст] /

- П.С. Гуревич // Вопросы философии. – 1995. – № 8. – С. 92–102.
68. Гусейнов, А.А. Этнос глобальный [Текст] / А.А. Гусейнов // Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – М., 2003. – С. 1283–1285.
69. Густерин, П.В. Политика Советского государства на мусульманском Востоке в 1917–1921 гг. [Текст] / П.В. Густерин // Вопросы истории. – 2010. – № 1. – С. 92–100.
70. Данакари, Р.А. Этническое бытие [Текст]: монография / Р.А. Данакари. – Волгоград: ИПК «Нива», 2007. – 196 с.
71. Данакари, Р.А. «Homo ethnicos» в системе интегральной концепции человека [Текст] / Р.А. Данакари // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2006. – № 3. – С. 17–21.
72. Данакари, Р.А. «Homo ethnicos» в системе наук о человеке [Текст] / Р.А. Данакари // Человек в современных философских концепциях: материалы Третьей Международной научной конференции, г. Волгоград, 14–17 сентября 2004 г.: в 2-х т. – Т. 2. – Волгоград, 2004. – С. 389–393.
73. Данакари, Р.А. Глобальные проблемы экологии и специфика этнического бытия общества [Текст] / Р.А. Данакари // Вестник БГТУ им. В.Н. Жукова. – 2004. – № 8. – С. 23–25. – Спецвыпуск: материалы II международной научно-практической конференции «Экология: образование, наука, промышленность и здоровье». Часть I. – Белгород, 2004.
74. Данакари, Р.А. Диалектика этнического бытия и специфика субъективной реальности [Текст] / Р.А. Данакари // Основы достижения устойчивого развития сельского хозяйства: материалы Международной научно-практической конференции. – Волгоград, 2004. – С. 21–25.
75. Данакари, Р.А. О соотношении социального и этнического в развитии общества [Текст] / Р.А. Данакари // Материалы научно-практической конференции, ВГСХА. – Волгоград, 1998. – С. 97–102.
76. Данакари, Р.А. Полиэтническое бытие России: «новый вызов» [Текст] / Р.А. Данакари // Рационализм и культура на пороге III тысячелетия: материалы 3-го Российского философского конгресса (16–20 сентября 2002): в 3-х т. – Т. 3. – Ростов н/Д, 2002. – С. 56–57.
77. Данакари, Р.А. Проблема изучения малого этноса в социальной философии [Текст] / Р.А. Данакари // XXI век. Будущее России в философском измерении: материалы Второго Российского философского конгресса (7–11 июня 1999 г.): в 4-х т. – Т. 2. Социальная философия и философия политики. Ч. 1. – Екатеринбург, 1999. – С. 109.
78. Данакари, Р.А. Проблема этнического бытия в современном обществе [Текст] / Р.А. Данакари // Научный вестник. Экономические и социальные науки. – Волгоград, 1998. – С. 100–105.

79. *Данакари, Р.А.* Проблема этничности в условиях трансформации социума [Текст] / Р.А. Данакари // Научные школы ВолГУ. Социальная философия / отв. ред. С.Э. Крапивенский. – Волгоград, 2000. – С. 227–239.
80. *Данакари, Р.А.* Российский суперэтнос на рубеже тысячелетий [Текст] / Р.А. Данакари // Человек в современных философских концепциях: материалы Второй Международной научной конференции, 19–22 сентября 2000 г.: в 2 ч. – Ч. 1. – Волгоград, 2000 г. – С. 274–278.
81. *Данакари, Р.А.* Россия: проблема поиска национальной идентичности и евразийство [Текст] / Р.А. Данакари // Человек, культура, цивилизация на рубеже II и III тысячелетий: труды научной Международной конференции, Волгоград, 3–5 октября 2000 г.: в 2-х т. – Т. 1. – Волгоград, 2000. – С. 152–155.
82. *Данакари, Р.А.* Система этнических отношений в социуме [Текст] / Р.А. Данакари // Научный вестник. Экономические и социальные науки, ВГСХА. – Волгоград, 2001. – С. 184–189.
83. *Данакари, Р.А.* Специфика проявления этничности в условиях социальных трансформаций [Текст] / Р.А. Данакари // Научный вестник. Экономические и социальные науки. – Волгоград, 1999. – С. 168–172.
84. *Данакари, Р.А.* Специфика этнической идентификации в трансформирующихся социокультурных системах [Текст] / Р.А. Данакари // Искусство, образование, наука в преддверии III тысячелетия: тезисы докладов международного научного конгресса, г. Волгоград, 6–8 апреля 1998 г. – Волгоград, 1998. – С. 97–99.
85. *Данакари, Р.А.* Феномен глобализации и философия этнического бытия [Текст] / Р.А. Данакари // Наука, искусство, образование в III тысячелетии: материалы III международного научного конгресса, г. Волгоград, 7–8 апреля 2004 г.: в 2-х т. – Т. 1. – Волгоград, 2004. – С. 138–142.
86. *Данакари, Р.А.* Философия этнического бытия и традиции синергетики [Текст] / Р.А. Данакари // Научная мысль Кавказа. – 2005. – № 16. – С. 30–33.
87. *Данакари, Р.А.* Этническое бытие как проблема социальной философии [Текст] / Р.А. Данакари // Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): в 5-и т. – Т. 3. – М., 2005. – С. 518–519.
88. *Данакари, Р.А.* Этническое бытие как проблема социальной философии [Текст] / Р.А. Данакари. – Препринт. – Волгоград: Изд-во ВГСХА, 2005. – 32 с.
89. *Данакари, Р.А.* Этническое бытие как событие, диалог культур

- [Текст] / Р.А. Данакари // Диалог и культура современного общества: научная конференция, Волгоградская академия госслужбы. – Волгоград, 2001. – С. 45–51.
90. *Данакари, Р.А.* Этническое бытие российского общества: проблема поиска новой концепции [Текст] / Р.А. Данакари // Наука, искусство, образование на пороге III тысячелетия: материалы II Международного научного конгресса, г. Волгоград, 6–8 апреля 2000 г.: в 2-х т. – Т. 1. – Волгоград, 2000. – С. 155–157.
91. *Данакари, Р.А.* Этническое бытие: методологические принципы его исследования [Текст] / Р.А. Данакари // Гуманитарные и социально-политические науки. – 2006. – № 1. – С. 10–14.
92. *Данакари, Р.А.* Этническое бытие: социально-философские аспекты [Текст] / Р.А. Данакари // Научный вестник. Экономические и социальные науки, ВГСХА. – Волгоград, 2001. – С. 97–103.
93. *Данакари, Р.А.* Этническое бытие: сущность, специфика и принципы исследования [Текст] / Р.А. Данакари // Труды членов Российского Философского Общества. – М., 2006. – Вып. 11. – С. 188–199.
94. *Данакари, Р.А.* Этногенез, его формы и закономерности [Текст] / Р.А. Данакари // Культура и социальные технологии: сборник статей. – Волгоград, 1995. – С. 59–71.
95. *Данакари, Р.А.* Этническая идентичность и система ценностей поликультурного российского общества [Текст] / Р.А. Данакари // Категория ценности и культура (аксиология, литература, язык): Материалы Всероссийской научной конференции: 13–15 мая 2010 г. / под ред. доктора филол. наук, проф. Е.В. Поповой; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2010. – С. 31–39.
96. *Данакари, Р.А.* Философия геополитики и этническое бытие России: кавказские реалии [Текст] // Философская инноватика и междисциплинарные проблемы государственного управления в современной России. Сб. науч. трудов / отв. ред. проф. А.М. Старостин. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2010. – С. 255–264.
97. *Данакари, Р.А.* Национально-этническое бытие российского общества: теория и практика взаимодействия государственной власти и органов местного самоуправления [Текст] / Социально-политические аспекты развития местного самоуправления в российском регионе: монография / под ред. д-ра филол. наук, проф. Р.А. Данакари; ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы». – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2010. – С. 160–202.
98. *Данакари, Р.А.* Удины как этническая группа: факторы развития и межнациональные отношения в Российской Федерации [Текст] / Р.А. Данакари // Научный вестник ВАГС. Серия «Политология и социология». – 2001. – № 1 (Выпуск 5). – С. 81–90.

99. *Данакари, Р.А.* Человек этнический: актуальность полипарадигмального исследования [Текст] / Р.А. Данакари // *Философия социальных коммуникаций*. – Волгоград, 2011. – №2 (15). – С. 69–81.
100. *Данакари, Р.А.* Этническое бытие как диалог культур и со-творчество народов России [Текст] / Р.А. Данакари // *Диалог культур: управление социально-культурными процессами: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции*. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2011. – 458 с.; ил. – С. 150–153.
101. *Данакари, Р.А.* Российская Федерация: от толерантности к миру, согласию и дружбе народов [Текст] / Р.А. Данакари // *Нижнее Поволжье – территория согласия. Межнациональные и межконфессиональные отношения в Волгоградском регионе и современность: материалы научно-практического семинара*. – Волгоград: Издательство ФГОУ ВАГС, 2011. – С. 7–26.
102. *Данакари, Р.А.* Полиэтническое пространство России: движение от толерантности к доверию и дружбе между народами [Текст] / Р.А. Данакари // *Философия социальных коммуникаций*. – Волгоград, 2011. – №3 (15).
103. *Данакари, Р.А.* Полиэтническое пространство России: философские и социально-политические аспекты [Текст] / Р.А. Данакари // *Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития: монография* / А.Н. Асташов, А.Л. Биб, Ю.А. Бубнов [и др.]; под общей ред. проф. О.И. Кирикова. – Книга 27. – Воронеж: ВГПУ, 2012. – С. 132–151.
104. *Данакари, Р.А.* Российская модернизация: от кризисного бытия к новой современности [Текст] / Р.А. Данакари // *III Внутривузовская научно-практическая конференция, посвященная Дню науки, 8 февраля 2012 г.: [материалы]* / редкол.: И.О. Тюменцев [и др.]. – Волгоград: Изд-во ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012.
105. *Данакари, Р.А.* Этническое бытие как проблема политической философии: опыт теоретико-методологического исследования [Текст] / Р.А. Данакари // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – Тамбов: Грамота, 2012. – №6 (20): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 63–69.
106. *Данакари, Р.А.* Этноконфессиональная динамика российского общества: социально-философский и политический анализ [Текст] / Р.А. Данакари // *Религия и общество: традиции, особенности и генезис духовных и культурных ценностей: монография* / Т.П. Болотов, Н.В. Ганин, Р.А. Данакари [и др.]; под общей ред. профессора О.И. Кирикова. – Книга 1. – Воронеж: ВГПУ, 2012. – С. 28–41.

107. *Данакари, Р.А.* Взаимодействие власти, элит и оппозиции в условиях политической модернизации России: социально-философское измерение [Текст] / Р.А. Данакари // Правящая элита и системная оппозиция в современной России и за рубежом: альтернативные проекты социально-политического развития: сб. науч. статей. – Саратов: Поволжский институт управления им. П.А.Столыпина, 2012. – С. 104–110.
108. *Данакари, Р.А.* Российская геополитика и «лабиринты» этничности: кавказские реалии [Текст] / Р.А. Данакари // Региональный центр этнополитических исследований: итоги и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти А.К. Алиева. – Махачкала: ИД «Наука плюс», 2013. – С. 75–86.
109. *Данакари, Р.А.* Социально-философские и политические аспекты обеспечения стабильности российского общества: этническая и конфессиональная динамика [Текст] / Р.А. Данакари // Социально-политическая стабильность муниципальных образований в современной России: монография / под ред. В.А. Колесникова. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. – С. 93–141.
110. *Данакари, Р.А.* Модерн и постмодерн в России: социально-философское и политическое измерение [Текст] / Р.А. Данакари // Философия социальных коммуникаций. – Волгоград, 2012. – № 3 (20). – С. 147–156.
111. *Данакари, Р.А.* Модернизация и специфика становления полиэтнической и многоконфессиональной общности в России [Текст] / Р.А. Данакари // Формирование добрососедских этноконфессиональных отношений как одна из важнейших задач современной цивилизации: Материалы международной научно-практической конференции 1–2 февраля 2013 года. – Прага: Vedescko vydavatelске centrum «Sociosfera-CZ», 2013 – С. 92–99.
112. *Данакари, Р.А.* Константы политической модернизации и специфика этнического бытия российского общества [Текст] / Р.А. Данакари // Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания: материалы IV Всерос. науч. конф., г. Волгоград, 25–26 апреля 2013 г. / отв. ред. Е. А. Матвиенко. – Волгоград: ВА МВД России, 2013. – Т. 1. – С. 37–41.
113. *Данакари, Р.А.* Этническое бытие удин: опыт политико-философского и феноменологического исследования [Текст] / Р.А. Данакари // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – №8 (34): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 60–66.

114. *Данакари, Р.А.* Transitive Russian society polyethnic being (Полиэтническое бытие транзитивного российского общества (на англ. языке) [Текст] / Р.А. Данакари / Риск и безопасность в интенсивно меняющемся мире: материалы международной научно-практической конференции 15–16 мая 2013 года. – Прага: Vedescko vydavatelske centrum «Sociosfera-CZ», 2013. – С. 6–12.
115. *Данакари, Р.А.* Этническое бытие России: стратегии и приоритеты управления и администрирования [Текст] / Р.А. Данакари // Вестник евразийской академии административных наук. – 2013. – №3(24). – С. 77–85.
116. *Данилевский, Н.Я.* Россия и Европа [Текст] / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
117. *Декарт, Р.* Избранные произведения [Текст] / Р. Декарт; ред. В.В. Соколова. – М.: Госполитиздат, 1950. – 512 с.
118. Декларация прав народов России. Принята СНГ 15 ноября 1917 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: dic.academic.ru
119. *Делез, Ж.* О смерти человека и о сверхчеловеке [Текст] / Ж. Делез // *Философия языка: в границах и вне границ: международная серия монографий.* – Т. 2. – Харьков, 1994. – С. 118–128.
120. *Делез, Ж.* Различение и повторение [Текст] / Ж. Делез. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
121. *Делез, Ж.* Фуко [Текст] / Ж. Делез. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. – 171 с.
122. *Джавадов, Г.* Удины: историко-этнографические исследования (на азерб. языке; резюме на англ. и рус. языках) [Текст] / Г. Джавадов, Р. Гусейнов. – Баку: Изд-во «Элм», 1999. – 253 с.
123. *Дилигенский, Г.Г.* «Конец истории» или смена цивилизации / Г.Г. Дилигенский // *Вопросы философии.* – 1991. – № 3. – С. 29–42.
124. *Дирр А.М.* Грамматика удинского языка [Текст] / А.М. Дирр // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (МОМПК).* 1904. Вып. XXXIII, отдел IV. – Тифлис, 1903. – 58–92 с.
125. *Дмитриев, А.В.* Этнические группы трудящихся-мигрантов и принимающее общество: взаимодействие, напряженность и конфликты [Текст] / А.В. Дмитриев, Н.А. Пядухов // *Социологические исследования.* – 2006. – № 9. – С. 86–94.
126. *Доброхотов, А.Л.* Категория бытия в классической западноевропейской философии [Текст] / А.Л. Доброхотов. – М.: Изд-во Московского университета, 1986. – 248 с.
127. *Донской, Ф.С.* Интеграционные процессы в жизни северян: проблемы и перспективы [Текст] / Ф.С. Донской // *Социологические исследования.* – 2005. – № 5. – С. 96–100.

128. *Доронченков, А.И.* История не может быть служанкой низменных страстей [Текст] / А.И. Доронченков // Военно-исторический журнал. – 1994. – № 12. – С. 88–91.
129. *Доронченков, А.И.* Межнациональные отношения и национальная политика в России: актуальные проблемы теории, истории и современной практики: этнополитический очерк [Текст] / А.И. Доронченков. – СПб.: ЦИПК руководящих работников и специалистов профессионального образования, 1995. – 237 с.
130. *Доронченков, А.И.* Политический центризм и межнациональные отношения [Текст] / А.И. Доронченков, П.И. Недолишний // Кентавр. – 1992. – № 2. – С. 20–29.
131. *Дробижева, Л.М.* Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России [Текст] / Л.М. Дробижева // Общественные науки и современность. – 2005. – № 2. – С. 16–28.
132. *Дюма, А.* Кавказ [Текст] / А. Дюма: пер. с франц. – Тбилиси: Изд-во «Мерани», 1988. – 648 с.
133. *Дякин, В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма: (XIX – нач. XX вв.) [Текст] / В.С. Дякин. – СПб.: ЛИСС, 1998. – 1000, [1] с.
134. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств – принята в Страсбурге 5 ноября 1992 года Советом Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org.
135. *Евстигнеев, Л.П.* Глобализация и регионализм: уроки для России [Текст] / Л.П. Евстигнеев, Р.Н. Евстигнеева // Общественные науки и современность. – 2004. – № 1. – С. 114–125.
136. *Жуков, В.И.* Модернизация социальных отношений в России: замыслы, итоги, возможности [Текст] / В.И. Жуков // Общественные науки и современность. – 2005. – № 6. – С. 25–34.
137. *Заславская, Т.И.* Современное российское общество: проблемы и перспективы [Текст] / Т.И. Заславская // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 5–16; № 6. – С. 5–18.
138. *Заславская, Т.И.* Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе [Текст] / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 2005. – № 3. – С. 5–16; № 4. – С. 14–25.
139. *Здравомыслов, А.Г.* Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян [Текст] / А.Г. Здравомыслов // Социологические исследования. – 1996. – № 12. – С. 23–32.
140. *Зубов, А.* Карта Европы: с Россией и без нее [Текст] / А. Зубов // Вопросы философии. – 2004. – № 12. – С. 30–38.
141. *Иванов, В.Н.* Федерализм и безопасность государства [Текст] / В.Н. Иванов // Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С. 3–15.

142. *Иеромонах Алексей (Никаноров)*. История христианства в Кавказской Албании [Текст]. – Баку: Изд-во «Нурлан», 2005. – 194 с.
143. *Ильин, И.А.* Русская идея [Текст] / И. А. Ильин. – М.: Рус. центр «Пересвет», 1992. – 478 с.
144. *Ильин, И.А.* Что сулит миру расчленение России [Текст] / И.А. Ильин. – М.: Рус. центр «Пересвет», 1992. – 61, [2] с.
145. *Иноземцев, В.Л.* Глобализация: иллюзии и реальность [Текст] / В.Л. Иноземцев // Свободная мысль. – 2000. – № 1. – С. 83–94.
146. *Ионов, И.Н.* Теория цивилизаций и неклассическое знание (социокультурные предпосылки макроисторических интерпретаций) / И.Н. Ионов // Общественные науки и современность. – 2004. – №5. – С. 141–156.
147. *Каланкатуаци, Мовсэс*. История страны Алуанк. [Текст] / Предисл. и комментарий Ш.В. Смбатяна. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1984. – 260 с.
148. *Калашников, С.В.* Очерки теории социального государства [Текст] / С.В. Калашников. – М.: Экономика, 2006. – С. 52.
149. *Камю, А.* Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство: пер. с фр. [Текст] / А. Камю; общ. ред., сост. и предисл. А.М. Руткевича; ред. Д.М. Носов. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
150. *Кант, И.* Антропология с прагматической точки зрения [Текст] / И. Кант. – СПб.: Наука, 1999. – 471 с.
151. *Кассирер, Э.* Избранное. Опыт о человеке [Текст] / Э. Кассирер; сост. С.Я. Левит, Л.В. Скворцов. – М.: Гардарика, 1998. – 782 с.
152. *Кессиди, Ф.Х.* Сократ [Текст] / Ф.Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1976. – 200 с.
153. *Кибасова, Г.П.* Этническое пространство [Текст] / Г.П. Кибасова. – Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2003. – 244 с.
154. *Климов, Г.Ф.* К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности [Текст] / Г.Ф. Климов // Вопросы языкознания. – 1967. – №3. – С.17–28.
155. *Князева, Е.А.* Синергетика как новое мировидение: диалог с Пригожиным [Текст] / Е.А. Князева, С.П. Курдюмов // Вопросы философии. – 1992. – № 8. – С. 3–20.
156. *Козлов, В.И.* Исторические аспекты этносоциальной экологии [Текст] / В.И. Козлов // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 1. – С. 33–49.
157. *Козлов, В.И.* Основные проблемы этнической экологии [Текст] / В.И. Козлов // Советская этнография. – 1983. – № 6. – С. 3–16.
158. *Козлов, В.И.* Этнос. Нация. Национализм [Текст] / В.И. Козлов. – М.: [б.и.], 1999. – 341, [2] с.
159. *Колесников, В.А.* Гражданский патриотизм и гражданская политиче-

- ская культура в современной России [Текст] / В.А Колесников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – №3(29:) – Ч. I. – С. 87.
160. *Колесников, В.А.* Муниципальные интересы и этнический фактор/ Формирование добрососедских этноконфессиональных отношений как один из важнейших задач современной цивилизации [Текст] / В.А Колесников: материалы международной научно-практической конференции. 1–2 февраля 2013 года. – Прага: Vedecko vydavatelske centrum «Cosiosfera–CZ», 2013. – 206 с.
161. *Колесникова, М.И.* Проблема славянства в русской классической этносоциологии [Текст] / М.И. Колесникова, В.Ф. Борзунов // Вестн. МГУ. – Сер. 7, Философия. – 1998. – № 3. – С. 91–103.
162. Конституция Российской Федерации. – СПб.: Питер, 2014. – 64 с.
163. *Коротеева, В.В.* «Воображаемые», «изобретенные» и «сконструированные» нации: метафоры и проблемы объяснения [Текст] / В.В. Коротеева // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 3. – С. 154–165.
164. *Кочетков, В.* Социальное государство и мировой кризис: парадигма преодоления [Текст] / В. Кочетков // Власть. – 2009. – № 3. – С. 13–27.
165. *Кравченко, И.И.* Модернизация мира и России: выход из кризиса [Текст] / И.И. Кравченко // Вопросы философии. – 2002. – № 9. – С. 3–14.
166. *Кравченко, С.А.* Гуманистическая концепция Т. Лукмана и нелинейные реалии российского общества [Текст] / С.А. Кравченко // Социологические исследования. – 2006. – № 8. – С. 3–20.
167. *Крапивенский, С.Э.* Девальвация личности и современная персонология [Текст] / С.Э. Крапивенский, Э. Фельдман // Философия и общество. – 2003. – № 4. – С. 26–46.
168. *Крапивенский, С.Э.* Девальвация личности: причины и возможности коррекции [Текст] / С.Э. Крапивенский, Э. Фельдман // Философия и общество. – 2004. – № 2. – С. 24–47.
169. *Красин, Ю.* Глобализация и политическое развитие России [Текст] / Ю. Красин, А. Галкин, А. Вебер // Свободная мысль. – 2009. – № 2. – С. 169–182.
170. *Краснолуцкий Г.Н.* Правовое и социальное государство: политологические исследования и пути становления [Текст] / Г.Н. Краснолуцкий // Управленческое консультирование. – 2009. – № 2. – С. 102–103.
171. *Крупник, И.И.* Арктическая этноэкология [Текст] / И.И. Крупник. – М.: Наука, 1990. – 272 с.

172. *Круть, И.В.* Экологические коллизии России [Текст] / И.В. Круть // Вопросы философии. – 1995. – № 3. – С. 61–69.
173. *Кузанский, Н.* Соч.: в 2-х т. [Текст] / Н. Кузанский. – Т. 2. – М.: [б.и], 1980. – 471 с.
174. *Курдюмов, С.П.* Историческая динамика: взгляд с позиций синергетики [Текст] / С.Н. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий, А.В. Подлазов // Общественные науки и современность. – 2005. – № 5. – С. 118–132.
175. *Кучуради, И.* Философия перед лицом глобальных проблем [Текст] / И. Кучуради // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 5–11.
176. *Лапин, Н.И.* Модернизация базовых ценностей россиян [Текст] / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 1996. – № 5. – С. 3–19.
177. *Лапин, Н.И.* Антропосоциентальный подход: методологические основания, социологические измерения [Текст] / Н.И. Лапин // Вопросы философии. – 2005. – № 2. – С. 17–29.
178. *Лебон, Г.* Психология народа и масс [Текст] / Г. Лебон. – СПб.: Маркет, 1995. – 311 с.
179. *Левашов, В.К.* Гражданское общество и демократическое государство в России [Текст] / В.К. Левашов // Социологические исследования. – 2006. – № 1. – С. 3–19.
180. *Левашов, В.К.* Общество и глобализация [Текст] / В.К. Левашов // Социологические исследования. – 2005. – № 4. – С. 86–98.
181. *Ленин, В.И.* Критические заметки по национальному вопросу [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – М., 1969. – Т. 24. – С. 113–150.
182. *Ленин, В.И.* О национальной гордости великороссов [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – М., 1969. – Т. 26. – С. 106–110.
183. *Леонов И.В.* Современное социальное государство: сущность, признаки, проблемы формирования [Текст] / И.В. Леонов. – М.: МГИМО, 2006. – С. 12.
184. *Лесков, Л.* Возможна ли эволюция Homo sapiens? [Текст] / Л. Лесков // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 147–155.
185. *Локк, Дж.* Избранные философские произведения в двух томах [Текст] / Дж. Локк. – Т. 1. – М.: [б.и.], 1960. – 547 с.
186. *Лосев, А.Ф.* Человек [Текст] / А.Ф. Лосев // Философские науки. – 1998. – № 10. – С. 66–76.
187. *Луман, Н.* Общество как социальная система [Текст] / Н. Луман; пер. с нем. А. Антоновский. – М.: Издательство «Логос», 2004. – 232 с.
188. *Лурье, С.Н.* Историческая этнология [Текст] / С.Н. Лурье. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004. – 624 с.
189. *Львова, Э.* Национальные меньшинства: забытый исторический опыт и современные проблемы [Текст] / Э. Львова, И. Нам, Н. Нау-

- мова // Этнополис. – 1992. – № 1. – С. 80–91.
190. *Магомедова, М.З.* Идентичность и толерантность как условие стабильности северокавказского социума [Текст] / М.З. Магомедова; отв. ред. А.К. Алиев; Регион. центр этнополит. исслед. ДНЦ РАН. – Махачкала: ИПФ «Наука – Дагестан», 2009. – 168 с.
191. *Малыгина, И.В.* Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика [Текст] / И.В. Малыгина. // *Общественные науки и современность.* – 2004. – № 1. – С. 147–153.
192. *Мальковская, И.А.* Глобализация и транскультурный вызов незападного мира [Текст] / И.А. Мальковская // *Социологические исследования.* – 2005. – № 12. – С. 3–12.
193. *Мамардашвили, М.* Как я понимаю философию [Текст] / М. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1992. – 415 с.
194. *Мамедов, Р.Г.* Сыны страны огней в истории России [Текст] / Р.Г. Мамедов – Баку, 2013. – 400 с.
195. *Мамедова, Ф.* Кавказская Албания и албаны [Текст] / Ф. Мамедова. – Баку: ЦИКА, 2005. – 608 с.
196. *Мамут Л.С.* Социальное государство с точки зрения права // *Государство и право* [Текст] / Л.С. Мамут. – 2001. – № 7. – С. 5–14.
197. *Мареева, Е.В.* Семен Франк как зеркало русской религиозной философии [Текст] / Е.В. Мареева // *Вопросы философии.* – 2005. – № 6. – С. 117–130.
198. *Марков, Б.В.* Знаки бытия [Текст] / Б.В. Марков. – СПб.: Наука, 2001. – 568 с.
199. *Марков, Б.В.* Философская антропология: очерк истории и теории [Текст] / Б.В. Марков. – СПб.: Лань, 1997. – 384 с.
200. *Маркович, Д.Ж.* Противоречия транзисии постсоциалистических обществ [Текст] / Д.Ж. Маркович // *Социологические исследования.* – 2006. – № 9. – С. 21–27.
201. *Маркс, К.* Немецкая идеология [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // *Соч.* – 2-е изд. – М., 1955. – Т.3. – С. 7–544.
202. *Межуев, В.М.* О национальной идее [Текст] / В.М. Межуев // *Вопросы философии.* – 1997. – № 12. – С. 8–14.
203. *Милецкий В.П.* Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России [Текст] // *Политические процессы в России в сравнительном измерении.* – СПб.: Изд-во СПб Ун-та. – 1997. – С. 82.
204. *Миллюков, П.И.* Очерки по истории русской культуры [Текст] / П.И. Миллюков. – Т. 1. Земля. Население. Экономика. Сословия. Государство. – М.: Прогресс, 1993. – 528 с.
205. *Мировое политическое развитие: век XX* [Текст]: пособ. для учащихся и учителей ст. кл. средних школ, гимназий и лицеев / Н.В. За-

- гладин [и др.]. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 336 с.
206. *Мнацаканян, М.О.* Глобализация и национальное государство: три мифа [Текст] / М.О. Мнацаканян // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 137–142.
207. *Моисеев, Н.Н.* Современный антропогенез и цивилизационные разломы: эколого-политический анализ [Текст] / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 13–25.
208. *Моисеев, Н.Н.* Человек и ноосфера [Текст] / Н.Н. Моисеев. – М.: Молодая гвардия, 1999. – 267 с.
209. *Мотрошилова, Н.В.* Путь Гегеля к «Науке логики»: формирование принципов системности и историзма [Текст] / Н.В. Мотрошилова; отв. ред. Б.Т. Григорьян. – М.: Наука, 1984. – 351 с.
210. *Мотрошилова, Н.В.* Идеи единой Европы: традиции и современность [Текст] / Н.В. Мотрошилова // Вопросы философии. – 2004. – № 11. – С. 3–10; № 12. – С. 3–28.
211. Народы России: энциклопедия [Текст] / гл. ред. В.А. Тишков. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 479 с.
212. *Неклесса, А.И.* Кризис мировидения [Текст] / А.И. Неклесса // Полис, 2013. – № 3. – С. 6–29.
213. *Немовская, Л.И.* Трансформация в России с точки зрения теории конфликта [Текст] / Л.И. Немовская // Социологические исследования. – 2006. – №9. – С. 79–85.
214. *Ницше, Ф.* Антихристианин [Текст] / Ф. Ницше // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. – М., 1989. – С. 17–93.
215. Новая технократическая волна на Западе [Текст] / сост. П.С. Гуревич. – М.: Прогресс, 1986. – 451 с.
216. О России и русской философской культуре: философы послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – 528 с.
217. *Ойзерман, Т.И.* Размышления о реальном гуманизме, отчуждении утопизме и «позитивизме» [Текст] / Т.И. Ойзерман // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 60–72.
218. *Омельченко, Н.В.* Опыт философской антропологии [Текст] / Н.В. Омельченко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – 216 с.
219. *Омельченко, Н.В.* Первые принципы философской антропологии [Текст] / Н.В. Омельченко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. – 196 с.
220. *Ортега-и-Гассет, Х.* Что такое философия? [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Наука, 1991. – 408 с.
221. *Осипов, Г.В.* Россия: национальная идея и социальная стратегия [Текст] / Г.В. Осипов // Вопросы философии. – 1997. – № 10. – С. 6–13.
222. *Паин, Э.Н.* Издержки российской модернизации: этнополитический аспект [Текст] / Э.Н. Паин // Общественные науки и современность. – 2005. – № 1. – С. 148–159.

223. *Панарин, А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI в. [Текст] / А.С. Панарин. – М.: Логос, 1998. – 391 с.
224. *Пантин, В.И.* Трансформация национально–цивилизационной идентичности современного российского общества [Текст] / В.И. Пантин, В.В. Лапкин // *Общественные науки и современность*. – 2004. – № 2. – С. 5–15.
225. *Панчвидзе, В.Н.* Удинский язык [Текст] / В.Н. Панчвидзе, Е.Ф. Джераунашвили // *Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки*. – Т. 4. – М., 1967. – 688 с.
226. *Петрова, И.А.* Россия в этническом времени [Текст] / И.А. Петрова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – 219 с.
227. *Печчеи, А.* Человеческие качества [Текст] / А. Печчеи. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с.
228. *Пигалев, А.И.* Философский нигилизм и кризис культуры [Текст] / А.И. Пигалев. – Саратов: Изд-во СГУ, 1991. – 150 с.
229. *Платон.* Собрание сочинений [Текст]: в 4-х т. – Т. 2 / Платон. – М.: Мысль, 1993. – 528 с.
230. *Пляйс, Я.А.* Политология в контексте переходной эпохи в России [Текст] – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), – 2009. – 448 с.
231. *Попова, И.В.* Средние слои, средний класс в российском обществе – к проблеме соотношения [Текст] / И.В. Попова // *Социологические исследования*. – 2005. – № 12. – С. 65–76.
232. *Пригожин, И.* Философия нестабильности [Текст] / И. Пригожин // *Вопросы философии*. – 1991. – № 6. – С. 46–52.
233. *Путин, В.В.* Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: putin-itogi.ru
234. *Разин, А.С.* Проблема дифференциации религиозно-нравственных принципов хозяйственного аскетизма в протестантизме [Текст] / А.С. Разин, А.В. Белов // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – Тамбов: Грамота, 2012. – №6 (20): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 159–162.
235. *Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru>
236. *Резник, Ю.М.* Введение в социальную теорию. Социальная онтология [Текст] / Ю.М. Резник. – М.: Институт востоковедения РАН, 1999. – 514 с.
237. *Резниченко, А.И.* Категория имени и опыты онтологии: Булгаков, Флоренский, Лосев [Текст] / А.И. Резниченко // *Вопросы философии*. – 2004. – № 8. – С. 134–133.

238. Релятивистская теория нации: новый подход к исследованию этнополитической динамики России [Текст] / редкол.: А.Г. Здравомыслов (отв. ред.) и [др.]. – М.: РНИСиНП, 1998. – 198, [1] с.
239. Ренан, Э. Что такое нация? [Текст] / Ренан Э. // Собрание сочинений в 12-и томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. – Т. 6. – Киев, 1902. – С. 87–101.
240. Рогачев, П.М. Нации – народ – человечество [Текст] / П.М. Рогачев [и др.]. – М.: Политиздат, 1967. – 101 с.
241. Родионова, О.В. Современное социальное государство: типология и проблемы модернизации [Текст] / О.В. Родионова // Известия ВУЗов. Правоведение. – 2010. – № 3. – С. 24.
242. Руткевич, М.Н. Воспроизводство населения и социально-демографическая ситуация в России [Текст] / М.Н. Руткевич // Социологические исследования. – 2005. – № 7. – С. 36–47.
243. Руткевич, М.Н. Социальная структура [Текст] / М.Н. Руткевич. – М.: Альфа-М, 2004. – 271 с.
244. Руткевич, М.Н. Трансформация социальной структуры российского общества [Текст] / М.Н. Руткевич // Социологические исследования. – 2004. – № 12. – С. 41–55.
245. Рязанов, А.В. Этнос в коммуникативном пространстве социума [Текст] / Под ред. проф. В.Н. Гасилина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – 192 с.
246. Савченко, И.А. Многоэтническое общество в поисках маршрута интеграции [Текст]: Монография / И.А. Савченко. – М.: РИОР; ИНФРА-М., 2012. – 189 с.
247. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм [Текст] / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. – М., 1989. – С. 319–344.
248. Седова, Н.Н. Человек – этнический [Текст] / Н.Н. Седова. – Волгоград: [б.и.], 1994. – 82 с.
249. Семенов, В.С. О перспективах человека в XXI столетии [Текст] / В.С. Семенов // Вопросы философии. – 2005. – № 9. – С. 26–37.
250. Сендеров, В.А. Неоевразийство: реальности, опасности, перспективы [Текст] / В.А. Сендеров // Вопросы философии. – 2004. – № 6. – С. 22–27.
251. Силчев, Д.А. Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну [Текст] / Д.А. Силчев // Вопросы философии. – 2005. – № 7. – С. 3–20.
252. Симоньян, Р.Х. Концепция мезоуровня применительно к региону [Текст] // Социологические исследования. – 2010. – №5. – С. 51–61.

253. *Смирнов, П.И.* О социологическом моделировании общественной эволюции [Текст] / П.И. Смирнов // Социологические исследования. – 2004. – № 8. – С. 12–22.
254. *Смит, Э.Д.* Национализм и историки [Текст] / Э.Д. Смит // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 236–263.
255. *Соколов, В.В.* Философия Спинозы и современность [Текст] / В.В. Соколов. – М.: [б.и.], 1976. – 254 с.
256. *Соколовский, С.В.* Парадигмы этнологического сознания [Текст] / С.В. Соколовский // Этнологическое обозрение. – 1994. – № 2. – С. 3–17.
257. *Соловьев, В.* Общий смысл искусства [Текст] / В. Соловьев // Сочинения: в 2-х т. – Т. 2. – М., 1988. – С. 397.
258. *Соловьев, В.С.* Нравственный смысл жизни в его предварительном понятии [Текст] / В.С. Соловьев // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. – СПб., 1903. – Т. 7. – С. 5–20.
259. *Соловьев В.С.* Смысл любви [Текст] / В.С. Соловьев // Сочинения в 2-х т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 493–547.
260. *Соловьев, В.С.* Философские начала цельного знания [Текст] / В.С. Соловьев // Сочинения: в 2-х т. – Т. 2. – М., 1988. – С. 179.
261. *Соловьев, В.С.* Чтения о богочеловечестве [Текст] / В.С. Соловьев // Сочинения: в 2-х т. – Т. 2. – М., 1988. – С. 119.
262. *Соловьев, В.С.* Национальный вопрос в России [Текст] / В.С. Соловьев // Соч.: в 2-х т. – М., 1989. – Т. 1. – С. 259–637.
263. *Сорокин, П.А.* Национальность, национальный вопрос и социальное равенство [Текст] / П.А. Сорокин // Этнополис. – 1992. – № 2. – С. 121–126.
264. Социально-политические аспекты развития местного самоуправления в российском регионе [Текст]: монография / под ред. д-ра филос. наук, проф. Р.А. Данакари; ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы». – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2010. – 244 с.
265. Социально-политическая стабильность муниципальных образований в современной России: монография [Текст] / под ред. В.А. Колесникова; Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. – 240 с.
266. *Сталин, И.В.* Марксизм и национальный вопрос [Текст] / И.В. Сталин // Соч. – М., 1946. – Т. 2. – С. 290–367.
267. Статус малочисленных народов России: правовые акты и документы [Текст] / сост. В.А. Кряжков. – М.: Юридическая литература, 1994. – 488 с.

268. *Степанов, В.* Кем считают себя россияне: региональные аспекты [Текст] / В. Степанов, В. Тишков // Вестник российской нации. – 2010. – №3. – С. 112–153.
269. *Степанов, В.В.* Россия в этническом измерении [Текст] / В.В. Степанов, В.А. Тишков // Социологические исследования. – 2005. – № 9. – С. 64–73.
270. *Степин, В.С.* Философская антропология и философия науки [Текст] / В.С. Степин. – М.: Высшая школы, 1992. – 192 с.
271. *Страбон.* География в 17 книгах [Текст] / Страбон // Книга XVI. – Гл. 4. – М.: «Ладомир», 1994. – 940 с.
272. *Стризов, А.Л.* Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия / А.Л. Стризов. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – 340 с.
273. Сумерки богов [Текст] / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1989. – 479 с.
274. *Талибов, Б.Б.* Удинский язык [Текст] / Б.Б. Талибов, Т.А. Майсак // Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия: в 3-х т. – Т. 3. – М.: «Наука», 2005. – 606 с.
275. *Тишков, В.А.* Двадцать лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений. Исследования прикладной и неотложной этнологии [Текст] / В.А. Тишков. – М., ИЭА РАН, 2009. – Вып. 200. – 47 с.
276. *Тишков, В.А.* Стройка нации [Текст] / В.А. Тишков // Россия в глобальной политике. – 2013. – № 5. – Том 11. – С. 159–174.
277. *Тишков, В.А.* О нации и национализме [Текст] / В.А. Тишков // Свободная мысль. – 1996. – № 3. – С. 12–21.
278. *Тишков, В.А.* Дилемма новой России как многоэтнического государства [Текст] / В.А. Тишков // Права человека и межнациональные отношения: материалы международного симпозиума, 18–20 апреля 1994 г. / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М., 1994. – С. 88–102.
279. *Тишков, В.А.* Дилеммы развития России [Текст] / В.А. Тишков // Этнополис. – 1992. – № 1. – С. 76–84.
280. *Тишков, В.А.* Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) [Текст] / В.А. Тишков // Вопросы философии. – 1999. – № 9. – С. 3–27.
281. *Тишков, В.А.* Очерки теории и политики этничности в России [Текст] / В.А. Тишков. – М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997. – 354 с.
282. *Тишков, В.А.* Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе [Текст] / В.А. Тишков // Вопросы философии. – 1990. – № 12. – С. 3–14.

283. *Тишков, В.А.* Что есть Россия? (перспективы нациестроительства) [Текст] / Тишков // Вопросы философии. – 1995. – № 2. – С. 3–17.
284. *Тишков, В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии [Текст] / В.А. Тишков. – М.: Наука. 2003. – 544 с.
285. *Токарев, С.Н.* Проблема типов этнических общностей: к методологическим проблемам этнографии [Текст] / С.Н. Токарев // Вопросы философии. – 1964. – № 11. – С. 53–64.
286. *Тревер, К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. – VII в. н. э. [Текст] / К.В. Тревер. – М.-Л., 1959. – 234 с.
287. *Трубецкой, Е.* Народное и всечеловеческое [Текст] / Е. Трубецкой // Этнополис. – 1993. – № 2. – С. 115–116.
288. Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка [Текст] / Редакционная коллегия: М.Е. Алексеев (отв. ред.), Т.А. Майсак, Д.С. Ганенков, Ю.А. Ландер. – М.: Academia, 2008. – 464 с.
289. *Удовик, С.Л.* Глобализация: семиотические подходы [Текст] / С.Л. Удовик. – М.: «Рефл-бук», 2002. – 480 с.
290. Указ Президента Российской Федерации о Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru>
291. *Урсул, Н.Д.* На пути к информационному обществу [Текст] / Н.Д. Урсул // Философские науки. – 1996. – № 5. – С. 3–16.
292. *Федотова, В.Н.* Факторы ценностных изменений на Западе и в России [Текст] / В.Н. Федотова // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 3–23.
293. *Филиппов, В.Р.* О природе межэтнических конфликтов в России [Текст] / В.Р. Филиппов // Вестник МГУ. – Сер. 8, История. – 1993. – № 5. – С. 80–88.
294. *Флоренский, П.А.* Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание [Текст] / П.А. Флоренский. – М.: Моск. рабочий, 1992. – 560 с.
295. *Франк, С.Л.* Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии [Текст] / С.Л. Франк // Соч. – М., 1990. – С. 196–198.
296. *Франк, С.Л.* Предмет знания. Душа человека [Текст] / С.Л. Франк. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2000. – 991 с.
297. *Франк, С.Л.* Смысл жизни [Текст] / С.Л. Франк // Духовные основы общества. – М., 1992. – 512 с.
298. *Франк, С.Л.* Русское мировоззрение [Текст] / С.Л. Франк // Духовные основы общества. – М., 1992. – 512 с.
299. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла: сборник: пер. с англ. и нем. [Текст] / В. Франкл; общ. ред. Л.Я Гозмана, Д.А. Леонтьева; вступ. ст. Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

300. *Фрейд, З.* Психоанализ. Религия. Культура [Текст] / З. Фрейд; сост. и вступ. А.М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – 296 с.
301. *Фролов, И.Т.* О человеке и гуманизме: работы разных лет [Текст] / И.Т. Фролов. – М.: Политиздат, 1989. – 559 с.
302. *Фромм, Э.* Бегство от свободы [Текст] / Э. Фромм; пер. с англ. Г.Ф. Швейника; общ. ред. и послесл. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1990. – 269 с.
303. *Фромм, Э.* Иметь или быть? [Текст] / Э. Фромм; пер. с англ. Н.И. Войскунской, И.И. Каменкович; общ. ред. и вступ. ст. В.И. Добренькова. – М.: Прогресс, 1986. – 238 с.
304. *Фукуяма, Ф.* Конец истории [Текст] / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
305. *Хабермас, Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства [Текст] / Ю. Хабермас // Нации и национализм: Сборник статей. – М.: Праксис, 2002. – С. 364–380.
306. *Хайдеггер, М.* Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
307. *Хайдеггер, М.* Работы и размышления разных лет: пер. с нем. [Текст] / М. Хайдеггер; сост., пер., вступ. ст., примеч. А.В. Михайлова. – М.: Гнозис, 1993. – 464 с.
308. *Хайдеггер, М.* Разговор на проселочной дороге [Текст]: сборник: пер. с нем. / М. Хайдеггер; под ред. А.Л. Доброхотова. – М.: Высш. школа, 1991. – 192 с.
309. *Хакен, Г.* Основные понятия синергетики [Текст] / Г. Хакен // Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов / отв. ред. В.И. Арников [и др.]. – М., 2000. – С. 42–54.
310. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–49.
311. Цивилизационный подход к концепции человека и проблема гуманизации общественных отношений [Текст] / С.Э. Крапивенский, Н.В. Омельченко, А.Л. Стризов [и др.]; под ред. д-ра филос. наук, проф. С.Э. Крапивенского. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. – 240 с.
312. *Червоная, С.* Федеральный союз народов Европы: конвенция основных прав европейских народов [Текст] / С. Червоная // Этнополис. – 1993. – № 2. – С. 71–79.
313. *Чумаков, А.Н.* Глобализация: контуры целостного мира [Текст] / А.Н. Чумаков. – М.: Изд-во Проспект, 2005. – 432 с.
314. *Широкогоров, С.М.* Этнос [Текст] / С.М. Широкогоров. – Шанхай: [б.и.], 1923. – С. 13–23.
315. *Эрхард, Л.* Благополучие для всех [Текст]. – М., 1991.

316. Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам [Текст] / В.А. Авксентев, С.Н. Зинев, Д.А. Лавриненко, О.И. Лепилкина, Э.Т. Майборода. – Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2011. – 202 с.
317. Юдин, Б.Н. О человеке, его природе и его будущем [Текст] / Б.Н. Юдин // Вопросы философии. – 2004. – № 2. – С. 16–28.
318. Якимец, В.Н. Сложносоставные конфликты – атрибут постсоциалистической трансформации [Текст] / В.Н. Якимец, Л.И. Никовская // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – С. 77–89.
319. Яковлев, А.Н. Реформация в России [Текст] / А.Н. Яковлев // Общественные науки и современность. – 2005. – № 2. – С. 5–16.
320. Яницкий, О.Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции [Текст] / О.Н. Яницкий // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 5–15.
321. Яницкий, О.Н. Россия как экосистема [Текст] / О.Н. Яницкий // Социологические исследования. – 2005. – № 7. – С. 65–76.
322. Янов, Д. Учение Льва Гумилева [Текст] / Д. Янов // Свободная мысль. – 1992. – № 12. – С. 104–222.
323. Ярошук, Н.З. К вопросу о национальной форме социального бытия [Текст] // Вопросы философии – 2011. – № 1. – С. 65–73.
324. Ясперс, К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. [Текст] / К. Ясперс. – М.: Республика, 1994. – 527 с.
325. Яхнин, Е.Д. Эволюция и будущее человеческого социума (общенациональная идея России в мировом контексте) [Текст] / Е.Д. Яхнин // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 165–175.
326. Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference: results of a symposium held at the University of Bergen, 23rd to 26th February 1967 [Text] / ed. by Frederik Bart. – Bergen: Universitetsforlaget; L.: Allen & Unwin, 1969. – 153 p.
327. Geertz, Clifford. The interpretation of cultures: selected essays [Text] / Clifford Geertz. – N. Y.: Basic Books, 1973. – 470 p.
328. Gellner, E. Nations and nationalism [Text] / Ernest Gellner – Jahaca: Cornell University Press, 1983. – 150 p.
329. Glazer, N. Beyond the melting pot: the Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians and Irish of New York City [Text] / Nathan Glazer, Daniel Patrick Moynihan. – Cambridge: M.I.T. Press, 1963. – 360 p.
330. Harris A. Endoclitics And origius of Udi morphhsyntax [Text]: Oxford University Press, 2002. – 232 p.
331. Lipshutz, R.D. Seeking a state of one's own: an analitical framework for assessing ethnic and secretarian conflicts [Text] // The Myth of «ethnic conflict»: politics, economics and «cultural» violence / ed. by B. Crawford, R. Lipshutz. – [Berkeley], 1998. – P. 54–65.

332. *Rex, J.* Ethnicity and migration [Text] // The ethnicity reader: nationalism, multiculturalism, and migration / [ed. by] Montserrat Gubernau, and John Rex. – Cambridge, UK, 1997. – 336 p.
333. *Shulze, W.* Tward a history of the udi Language [Text]. – University of Munich, 2004. – 470 p.
334. *Smith, A.D.* National identity [Text] / Anthony D. Smith. – Reno: University of Nevada Press, 1991. – 226 p.
335. *Smith, A.D.* Nationalism in the twentieth century [Text] / Anthony D. Smith. – N. Y.: New York University, 1979. – 257 p.
336. The international spread of ethnic conflict: fear, diffusion, and escalation [Text] / ed. by David A. Lake, Donald S. Rothchild. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1998. – 392 p.
337. *Van den Berg, P.L.* The ethnic phenomenon [Text] / Pierre L. van den Berge. – N. Y.: Elsevier, 1981. – 301 p.

Научное издание

Данакари Ричард Арами

ЭТНИЧЕСКОЕ БЫТИЕ
(опыт социально-философского
и политического исследования)

Монография

Компьютерная верстка *Г.В. Подшиваловой*

Подписано в печать 09.06.2015. Формат 60х84 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Физ. печ. 21,75 л. Тираж 500 экз.

ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»
Волгоградский филиал
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8

Издательство ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Волгоградский филиал
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10